

Александр Бушков
Россия, которой не было — 3. Миражи и призраки

Россия, которой не было — 3

Олег fixx10x

*«Россия, которой не было — 3. Миражи и призраки»: Олма-Пресс, ПФ
«Красный пролетарий»; 2004
ISBN 5-224-04846-X, 5-85197-156-8*

Аннотация

Восемь лет назад в издательстве «Олма-Пресс» вышла книга А.Бушкова «Россия, которой не было» — самая скандальная книга последнего десятилетия. Как только ни называли автора — шарлатан, дилетант, гений историографии и т. п. За восемь лет, по мнению А.Бушкова, кое-что из его выводов устарело. «Россия, которой не было-3. Миражи и призраки» дополнена результатами новых изысканий автора.

Александр Бушков

Россия, которой не было — 3. Миражи и призраки

(Россия, которой не было — 3)

*150-летию
со дня рождения Н. А. Морозова,
выдающегося ученого
и последнего энциклопедиста
I тысячелетия,
посвящается*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В МИРЕ ДУХОВ.

В СТРАНЕ МИРАЖЕЙ.

Своим рождением эта книга обязана трем немаловажным обстоятельствам: любви к истории, любви к детективам, любви к логике.

Три эти привязанности, причудливо переплетаясь, и заставили однажды обложиться кубометрами книг, после того, как стало окончательно ясно: что-то не в порядке с наукой историей. Весьма даже не в порядке. Настолько, что отдельные циники все настойчивее (и аргументированно, между прочим!) начинают заявлять, что наука сия страдает, мягко говоря, некоторыми недостатками и кое в чем чертовски напоминает даже и не науку вовсе: то ли рабочую практику языческих шаманов, то ли абсолютно лженаучные забавы вроде пресловутой уфологии. Поскольку методики очень уж похожи...

Прежде всего, история — не из тех наук, которые совершенно справедливо принято называть «точными». Методы точных наук давным-давно отработаны и, в общем, исключают бесплодные умствования, основываясь на жестких правилах эксперимента.

Попробуем рассмотреть, как происходит, к примеру, процесс научного открытия в ядерной физике.

Предположим, что, как стало известно с некоторых пор, существует в природе загадочная элементарная частица под названием «пи-мезон» — и сколько она существует, столько ядерные физики пытаются ее раздробить. Только не спрашивайте, зачем. Не исключено, что физики сами толком не знают. Так уж полагается. Есть некоторые стереотипы поведения, которым должно следовать. Приличный итальянец просто обязан быть усат и пылок, ковшиками пить чинзано и граппу, а жене изменять даже в ее присутствии. Приличный француз обязан обжираться лягушачьими лапками, восклицая «о-ля-ля!».

Приличный российский интеллигент обязан быть нищим ничтожеством, но при этом за рюмкой паленой водки играючи решать на кухне мировые проблемы любой степени сложности.

Точно так приличный ядерный физик обязан дробить элементарные частицы, иначе он и не физик вовсе, а недоразумение...

Однако пи-мезон с момента своего открытия упорно сопротивлялся любым попыткам его раздробить, подобно золотому яичку Курочки-Рябы. Резерфорд бил-бил — не разбил, упарился и отступился. Эйнштейн бил-бил — не разбил, плюнул и переключился на теорию относительности. Петр Капица, и тот ничего не добился, со зла обозвал попытки раздробить пи-мезон буржуазнейшей лженаукой, вернулся в СССР и стал изобретать транзистор...

И вот тут появляется та самая мышка-норушка, даже две — Трубецкой и Рабинович, амбициозные кандидаты физико-математических наук, ниспровергатели авторитетов. Прошлые неудачи им не указ, титулованные

предшественники, уверяющие, будто пи-мезон раздробить невозможно — динозавры прошлых эпох. Дело в том, что однажды, маясь с жестокого похмелья в длиннющей очереди за бочковым пивом, а ведь известно, что похмельный мозг раскрепощен и склонен к шокирующим обобщениям, они глянули друг на друга и поняли друг друга без слов: черт побери, да ведь разгадка в том, что по прямому пи-мезону нужно молотить не чем попало, а непременно пучком трехвалентных электронов и напряжением в двести мегагерц!

И закипела работа. Мытарства нашей парочки таковы, что их описание не уложится и в десять толстенных томов. Финансирования нет, аппаратуры нет — а потому приходится тратить на экспериментальную установку свои скудные зарплатишки, да вдобавок красть автосигнализации с машин новых русских, раскурочивать светофоры и даже свинчивать изоляторы с трансформаторных будок, иначе не соберешь установку.

Никто их не понимает, окружающие насмеваются, дети хамят, знакомые больше не дают в долг, трансформаторы бьют током. «Шлемазл! Мишуген! — кричит жена Рабиновича. — Ты только себе подумай: где уже Эйнштейн и где ты? Нет, я, точно, уеду к сестре Розе в Хайфу, она сделает вызов, у нее там две кондитерских!» Жена Трубецкого молчит, но систематически изменяет с соседом-прапорщиком, потому что вся без остатка энергия законного мужа уходит на монтаж установки.

Но вот великий труд закончен — новые русские их не поймали, милиция не накрыла за надругательством над светофорами, и даже трансформатор током стеганул, по правде говоря, слабовато. Установка начинает работать — и вскоре наши герои разносят пи-мезон вдрызг, вдрызг, вдрызг!

Думаете, все в порядке? Нет, это еще полдела...

Пережив триумф, не умерев от инфаркта и выйдя из запоя, наши герои пишут статью и отсылают ее в ученый журнал. Боже упаси, никаких завлекательных заголовков вроде: «Великое достижение!», «Мировая сенсация!» Статья именуется скромненько: «К вопросу о делимости пи-мезона». Так уж положено в научном мире: серьезная статья, даже подрывающая основы и ниспровергающая авторитеты, непременно должна называться «К вопросу о...».

Статья напечатана, повергнувши ученый мир в шок. Но и это еще полдела...

Таковы уж понятия в ядерной физике, что никто не верит на слово авторам одиночного эксперимента. Необходимо, чтобы сей эксперимент повторили другие исследователи — и пришли к точно таким же результатам. Или, наоборот, доказали, что первый эксперимент — чушь собачья. И вот сразу несколько ученых начинают в полном соответствии с указаниями Трубецкого и Рабиновича бить по пи-мезону: Титькинс в Глазго, Сакура Макаки — в Токио, Кастратти — в Милане, поляк с непроизносимой фамилией — в городе с непроизносимым названием.

Долго ли, коротко — но, наконец, от вышеупомянутых приходят отзывы на четырех языках, и суть их схожа: русские оказались правы, пи-мезон и в самом деле рассыпается на составные части, если долбануть по нему потоком трехвалентных электронов и напряжением в двести мегагерц!!!

Вот это уже — признание. По всем правилам. Срочно созывается международная научная ассамблея. В первом ряду сидят побритые, приодетые

трезвые Трубецкой с Рабиновичем, старательно притворяясь скромными жены — тут же. В последних рядах шипят завистники, у которых не хватило мозгов применить трехвалентные электроны: «Да вы только гляньте на эту жидовскую харю: с его-то шнобелем да Нобеля! А Трубецкой, точно вам говорю, еще в запрошлом годе казенный осциллограф пропил! А лаборантка Варька от него беременная! И вообще он не Трубецкой, а Кердыбабаев!» Но тут встает самый главный в мировой ядерной физике — зубр, мамонт, глыба и эпоха, благородная проседь, смокинг, яркий орден на груди. Тот, кто некогда паяльник подавал Резерфорду, карандаши точил Эйнштейну, за пивом бегал для Петра Капицы. И в мертвой тишине толкает речь, изящными академическими оборотами:

— Ну, вы, пацаны, чисто-конкретно! Мы-то поначалу думали, что вы нам фуфло толкаете, а вы, эвона, ниспровергли эпохально! В авторитете вы отныне, без базаров! Сам лично телегу напишу насчет Нобелевки!

Шквал аплодисментов, летит конфетти, змеится серпантин, в проходах вертят попками мажоретки. Жены Трубецкого и Рабиновича, вмиг успевшие пересчитать в уме Нобелевку на рубли, млеют и терзаются запоздалым раскаянием. «Лев из колена Давидова! — восторгается жена Рабиновича. — Розочка со своей поганой кондитерской от зависти лопнет!» «Подумать только, с кем я изменяла великому физику, с жалким прапорщиком! — печалится жена Трубецкого. — Пожалуй, с полковником будет более комильфотно, нужно учесть на будущее...»

Глория! Виктория! Осанна! Все поют и пляшут...

Это, конечно, шутка — но в точных науках так и происходит тернистый процесс признания. Чтобы таковое заслужить, нужно сначала провести эксперимент по строгим правилам — а впоследствии дожидаться, чтобы коллеги — и в соседнем институте, и на других континентах — повторив этот эксперимент, пришли к тем же результатам. Немыслимо, чтобы физики, химики либо биологи приняли результаты некой работы, полагаясь исключительно на честное слово экспериментатора, что-де все так и было, слово кабальеро...

В исторической науке обстоит совершенно иначе. Строго говоря, в ней невозможно установить абсолютную истину. Существует, конечно, набор неких фундаментальных фактов, которые из-за своей масштабности либо обилия достоверных документов таковой истиной считаться безусловно могут — например, открытие Америки испанцами, войны с Наполеоном, Варфоломеевская ночь.

Но что касается частных, относящихся к помянутым событиям — здесь уже открывается простор для версий и гипотез, ничего не имеющих с абсолютной истиной. Скажем, Колумба всерьез подозревают в том, что он воспользовался картами неизвестных предшественников, а не додумался до плавания через Атлантику своим умом. По поводу изгнания французов из России до сих пор наличествует сшибка противоположных мнений: одни считают Михаилу Ларионыча великим стратегом, другие вообще отказывают ему в праве именоваться полководцем. Да и с Варфоломеевской ночью не все ясно: хотя гугенотов до сих пор многие и считают безвинными овечками, есть достаточно серьезные основания полагать, что это как раз они готовили мятеж в Париже, о чем в королевском дворце узнали в последние буквально часы, вот и пришлось

импровизировать, бить набат посреди ночи, бросаться в контратаку в кромешной тьме, потому что не было другого выхода...

Между прочим, вовсе не факт, что именно та версия, что стала «общепризнанной» и вошла во все учебники, является истинной.

История — неточная наука, поскольку базируется не на беспристрастном эксперименте, а на пристрастных бумагах.

Историческая хроника может быть фальсифицирована беспринципным летописцем, польстившимся на золото или убоявшимся княжеской темницы. Генеалогия королевского дома может оказаться высосанной из пальца — исключительно корысти ради, чтобы обосновать претензии на соседние земли или вывести свой род от самого Карла Великого, а то и от библейских патриархов. Дарственная грамота или семейная хроника может оказаться подделкой — примеров предостаточно на всем течении писаной истории.

Один характерный пример: благородный шляхтич Корвин-Круковский, родной папенька дамы-математика Софьи Ковалевской. В свое время предки означенного дворянина писались без затей, согласно подлинной фамилии: «Крюковские». Однако наш герой возмечтал стать потомком славного венгерского короля Матяша Корвина и стал себя именовать уже Корвин-Крюковский. После чего было совсем просто, заменив одну-единственную буквицу, стать «Корвин-Круковским».

Пикантность ситуации в том, что «Корвин» — отнюдь не фамилия короля Матяша, происходившего из рода Хуняди, а прозвище «Корвус» по-латыни и «Крук» по-польски — как раз и означает «ворон». Это все равно, как если бы человек по фамилии Грозных стал именовать себя потомком Ивана Грозного: ну как же, параллели лежат на поверхности, Грозных-Грозный, яснее ясного...

Между прочим, нашему шляхтичу самозванство в свое время сошло с рук. Так и писался на новый манер, не будучи уличен при жизни.

Кто об этом нынче помнит? Я бы и сам не стал поминать этого поганца даже в качестве курьеза, если бы не чисто личные причины: муж означенной Софьи, замечательный русский ученый, основатель целой науки под названием «эволюционная палеонтология» В.О. Ковалевский, доведенный выходками супруги до самоубийства, был дальним родственником моего деда — и я с детства привык слышать имя Софьи с добавлением эпитетов, которые в приличном обществе вслух не произносятся...

Но мы, кажется, отвлеклись. Вернемся к науке истории.

Вред не в том, что она вынуждена сплошь и рядом пользоваться крайне сомнительными письменными источниками. Беда в том, что сплошь и рядом дипломированные историки по своему менталитету немногим отличаются от шаманов первобытных племен. Есть идол в данном случае — «общепринятая точка зрения». Идола положено чтить, не рассуждая, принимая на веру все, что изречет шаман, жрец. Любые попытки не то чтобы ниспровергнуть идола, но хотя бы задать неудобные вопросы пресекаются злобно-истерически, причем все возражения, по сути, сводятся к набору простейших заклинаний: «Шаман сам сказал!», «Шаман знает лучше, его учили старые шаманы, а тех — древние!»

Вот и получается порой, что явные нелепости, мифы, беззастенчивые сказки продолжают присутствовать в учебниках, не говоря уж о популярной литературе,

во всем своем фальшивом блеске. Как, скажем, приключилось с мифическим героем Иваном Сусаниным. Еще сто пятьдесят лет назад Н. Костомаров, собрав все имеющиеся источники, блестяще доказал, что история эта возникла на пустом месте. В свое время заскочивший в деревеньку Домнино отряд грабителей, причем, строго говоря, не поляков-ляхов, а «литвинов», то есть, упрощенно, белорусов, прикончил нескольких крестьян, в том числе и означенного Ивана. Когда смута кончилась, врага изгнали и в государстве стал налаживаться некоторый порядок, зять покойного Сусанина, муж его дочери Антонида, «Богдашка» Собинин усмотрел великолепную возможность подоить казну. И подал прошение, где подробно расписал, как злобные налетчики пытали страшными пытками его тестя, вызывая, где находится юный государь Михаил, но тесть так и умер, ничего не выдав...

Прошение Собинина (кстати, не сохранившееся) — единственный источник рассказов о сусанинском славном подвиге. Однако мать юного государя, инокиня Марфа Иоанновна, к которой и попала челобитная, славилась добрым сердцем — и, как случалось не раз, уговорила сына «пожаловать» родственников верного Ивана. Сын послушался. Дочь Сусанина и его тесть получили «в вечное владение» деревушку Коробово, на те же вечные времена освобожденную от всех податей. Но, между прочим, в жалованной грамоте говорилось исключительно о том, что Сусанина «спрашивали о царе», и он ничего не сказал злодеям. И только. История про то, что Сусанин «завел» поляков в непроходимые дебри, впервые всплыла в первой половине восемнадцатого столетия, в записках некоего деревенского дьячка, собирателя фольклора, как сказали бы мы сегодня.

И лишь в 1820 г. перекочевала в тогдашние учебники истории.

И все бы ничего, мало ли мифов живет собственной жизнью? Беда в другом: и стар и млад помнит о мифическом Сусанине с его вымышленным подвигом, однако многие слыхом не слыхивали о реальных героях той поры, прославившихся в битвах с интервентами: братьях Прокопии и Захаре Ляпуновых, Михаиле Скопине-Шуйском, двадцатитрехлетнем воеводе, чей воинский талант признавали его противники, поседевшие в битвах, битые-перебитые кондотьеры вроде шведского генерала Делагарди. Воля ваша, в таком положении дел есть нечто извращенное... но как прикажете поступить с людьми, заработавшими на мифическом Сусанине вполне реальные материальные блага? С авторами диссертаций, книг и киносценариев? Уж они-то будут стоять насмерть...

К сожалению, «научная общественность» стоит несокрушимо, словно македонская фаланга, не желая уступать даже в мелочах. Однажды воздвигнутый идол остается незыблем и непорочен, а ярость шаманов в случае покушения на миражи описанию не поддается. Хотя сплошь и рядом историки не особенно и отличаются от уфологов, не к ночи будь помянутых. Означенные уфологи если чем меня и восхищают, то лишь своей оборотистостью: не имея ни единого реального доказательства, опираясь лишь на наблюдения странных явлений в небе и сомнительные «древние рукописи», сплошь и рядом при детальном исследовании оказывающиеся не просто фальшивками, а давними газетными утками, они ухитряются проводить всемирные конгрессы, публиковать толстенные труды и чуть ли не диссертации защищать.

А впрочем, у них есть смягчающее обстоятельство. Один циничный уфолог так мне и сказал, невинно выкатив глазки: «Почему историкам можно, а нам нельзя?» И привел массу примеров, против которых крыть было нечем...

Ну, скажем, «Велесову книгу». Сомнительный текст, якобы списанный неким эмигрантом с неких древних дощечек, которые исчезли полвека тому назад, и никто их не видел. Многие этому тексту отказывают в достоверности (и, на мой взгляд, совершенно справедливо) по одной-единственной причине: нет оригинала.

Все правильно. Казалось бы, не грех позаимствовать у физики или математики отточенные формулировки, не допускающие обсуждения и двойного толкования. Ну, скажем, принять за аксиому сиречь утверждение, заведомо не требующее доказательств, следующую установку: «Любая „древняя рукопись“, чьего оригинала в распоряжении ученых не имеется, до обнаружения данного оригинала должна заранее считаться подделкой».

Ага, как же... Попробуйте с учетом этой аксиомы допытаться у дипломированного, остепененного историка, на каком основании он считает подлинником одиннадцатого столетия текст под названием «Слово о полку Игореве».

Нет, серьезно, попытайтесь! И вы получите в ответ маловразумительную болтовню, сводящуюся к уверению, что это «совсем другое дело». Примерно так и формулируется. Оригиалов «Велесовой книги» и «Слова о полку» в природе не существует — но «Велесова книга» подделка, а «Слово» «совсем другое дело». Почему? А по кочану! «Ученый мир признает достоверность» — и этого профанам должно быть достаточно. Шаман сам сказал. А кто сомневается, тому бумерангом по черепу.

А меж тем к исторической науке накопилось немало серьезных претензий — и речь идет уже не о частностях вроде Сусанина, а о покушении на казавшиеся незыблемыми основы. Вы уже догадались, о чем я? Вот именно, о том критическом направлении, что именуется «новой хронологией».

Предупреждение в скобках: противникам означенного направления лучше сразу выбросить данную книгу в мусоропровод или использовать для разных бытовых нужд, чтобы избежать лишних негативных эмоций. Тех, кто относится к «новой хронологии» спокойно или попросту стремится познакомиться с разными точками зрения, приглашают к вдумчивому прочтению.

Считаю необходимым подчеркнуть, что в своей борьбе с «новой хронологией» наш «ученый мир», т. е. шаманы, используют довольно подленький шулерский метод под названием «передернуть». Сколько бы я не прочитал критической литературы против «новой хронологии», а ее за последние годы немало издано, практически в каждом творении читателю вбивается в сознание нехитрая мысль: до некоторых пор в истории все обстояло спокойно и гладко, никто и не думал покушаться на основы, но внезапно, пару лет назад объявился невежественный, мало того, больной на голову математик, который с группкой сообщников стал печь бредовые книги, как блины...

Это именно подлый шулерский трюк, ничего общего не имеющий с реальностью. Потому что «критическому» направлению, ставящему под сомнение и разработанную сугубо оккультными методами хронологию, и иные

фундаментальные основы-мифы, и самосуществование «античности», никак не менее... четырехсот пятидесяти лет! Уже в середине шестнадцатого столетия профессор университета в Саламанке Д'Арсилла высказал мнение, что вся древняя история — сочинение средневековых книжников. Веком спустя не менее ученый муж, историк и археолог Жан Гардуин к этому мнению публично присоединился. В семнадцатом столетии не кто иной, как Исаак Ньютон более двадцати лет посвятил историческим исследованиям, в результате чего «передвинул» даты многих событий древности, в основном «омолаживая» их, ближе к нашим временам, где на триста-пятьсот, а где и на две тысячи лет.

В девятнадцатом столетии группа немецких историков провела огромную работу, «вычищая» как из собственной, так и из общеевропейской истории наиболее сказочные фигуры, вроде совершенно мифического «доброего короля Дагобера», легендарного правителя франков. Их деятельность вызвала прямо-таки бурю возмущения, зачастую не имевшую ничего общего с поиском истины — так, французы, наплевав на логику и все научные методы, попросту бились в истерику, крича, что-де «боши обкрадывают славную историю прекрасной Франции». Историчность того же Дагобера их не занимала нисколько, главным было то, что боши покусились...

О деятельности немецких «чистильщиков» сохранились лишь глухие упоминания в набранных мелким шрифтом примечаниях, их имена замалчиваются, их работы с тех самых пор не издавались...

В Англии традиции Ньютона продолжал во второй половине XIX века Джордж Грот (Гроте), известнейший в свое время авторитетный историк, почетный доктор Оксфорда и Кембриджа, вице-канцлер Лондонского университета. Его десяти томный труд «История Греции» (1846—1856) российские энциклопедические словари XIX — начала XX века называют классическим. А о самом ученом, в числе прочего, пишут примечательно: «Был далек цеховой учености и внес много свежих мыслей».

В десятку! Грот вслед за Ньютоном сокращал и «ужимал» классическую древнегреческую историю. Он считал, что **реальная** история Древней Эллады начинается лишь с первой олимпиады, то есть с 776 г. до Р.Х. Все, что якобы было прежде, по мнению Грота, не более чем «баснословие еллинское». Основываясь на его работе, другие историки в то же время пошли дальше и злонамеренно отрицали реальность Гомера.

Постепенно это направление погружалось в забвение.

В энциклопедическом словаре Павленкова 1913 г. о Гроте уже упоминается почти исключительно как о политике (он был членом парламента), а о его научных трудах — лишь коротенькая фраза. Я чисто случайно наткнулся на это имя и поднял источники XIX века. Подозреваю, таких забытых авторов, отвергавших «длинную хронологию», было гораздо больше.

И тем не менее в начале уже двадцатого столетия немецкий ученый Роберт Балдауф принял эстафету, считая как древнюю, так и раннесредневековую историю фальсификацией эпохи Возрождения — вслед за своим земляком и коллегой Т. Моммзеном, столкнувшимся с серьезнейшими проблемами при написании древнеримской истории.

В двадцатые годы нашего столетия академик Н. А. Морозов выпустил

многотомный труд «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении», более известный под кратким названием «Христос».

В конце шестидесятых математик, профессор Постников составил трехтомное изложение работ Морозова—и уже на основе труда Постникова группа Фоменко начала свою деятельность.

Иными словами, нет и никогда не было «внезапно вынырнувшего», как чертик из коробочки, Фоменко с присными. Была систематическая работа, продолжавшаяся четыреста пятьдесят лет...

Отчего же весь критический огонь сосредоточен на Фоменко? Да по простейшей причине: Фоменко легко бить. Чрезвычайно легко. Легче легкого. Во-первых, он допускает массу ляпов, которые легко усмотреть даже человеку, не имеющему диплома историка.

Во-вторых, его «гипотеза» всемирной Русско-Монгольской империи, распространившейся в средневековье чуть ли не до Антарктиды, не просто уязвима, архиуязвима, не выдерживает более-менее вдумчивого анализа. А посему бедолага и стал официальным мальчиком для битья...

Есть другие, с которыми это проделать крайне трудно. Например, практически невозможно серьезно, логично, последовательно опровергнуть идеи и выводы, содержащиеся в книгах проекта «Хронотрон» (Валянский, Калюжный, Жабинский, Кеслер). А посему, всласть наплясавшись на бранных останках Фоменко, «критики» скороговоркой зачисляют всех прочих своих противников в категорию «и другие».

Меж тем, повторяю, очень трудно, практически невозможно не то что разбить, а хотя бы зацепить работы группы Валянского — равно как и большую часть наследия Морозова. Лично меня в свое время именно книги Валянского убедили. Повторяю по буквам — убедили. Я не склонен ничего принимать на веру, пленяться гипотезами только с того, что они завлекательны. Предпочитаю, чтобы меня убедили. Так вот, Валянский, Морозов, Великовский и многие другие убеждают. И даже деятельность Фоменко нельзя категорически сбрасывать со счетов. Кроме обреченной на легчайшее сокрушение версии о «Русско-монгольской всемирной империи» в его книгах, тем не менее, отыщется масса любопытнейших фактов, которые просто-напросто не имеют объяснения в рамках «традиционной» хронологии, и смысл обретают лишь с точки зрения хронологии новой, критической.

И совсем недавно омский математик А. Гуц нашел просто-таки гениальную формулу, способную снять многие вопросы и сгладить многие шероховатости: многовариантность истории!

Эта формула весьма гармонично объединяет многое. Слегка развив работу омского математика, я уже самостоятельно сформулировал парочку довольно простых утверждений. Ну, например: чем глубже мы отступаем в прошлое, тем вариативнее становится история.

Проще говоря, если некоторые события семнадцатого столетия имеют однозначное толкование, то иные исторические факты, относимые к веку тринадцатому, могут (да что там, просто обязаны!) иметь несколько вариантов истолкования.

Поясню на примере. Предположим, некий исследователь выступил с

сенсационной версией: он утверждает, будто в начале семнадцатого столетия на Русь вторглись не поляки и шведы, а... персы!

И лишь впоследствии, когда отношения с Персией потеплели, а со Швецией и Польшей, наоборот, испортились, по заказу одного из самодержцев российских была предпринята массовая фальсификация источников, свалившая все на «свеев и ляхов».

Эту «гипотезу» без осуждения следует признать бредом собачьим. По одной-единственной причине, весомой и серьезной: Смутное время прекрасно документировано. Осталась масса воспоминаний непосредственных участников событий — от французского наемника на русской службе Жака Маржерета до польских шляхтичей, от русского инок Авраамия Палицына до шведов, англичан, голландцев. Мемуаров слишком много и они слишком убедительны — причем и оригиналы большей частью сохранились прекрасно...

И наоборот. Иные события русской же (чтобы не ходить далеко) истории допускают двойное, а то и тройное толкование. Вот несколько примеров, не из пальца высосанных, но взятых, что называется, с лету...

Есть два упоминания о месте последнего упокоения легендарного князя Олега — того самого, Вещего. Лаврентьевская летопись сообщает, что умер князь в 912г. от рождества Христова и похоронен во граде Киеве на горе Щековице. Новгородская же летопись уверяет, что благоверный князь Олег преставился... в 922 г., в городе Ладоге, где и погребен, пикантность в том, что обе летописи «введены в научный оборот», то есть признаны доподлинными. Но какому же документу верить? В каком году умер Олег и где похоронен? Или, быть может, князей по имени Олег было все же *два* ?

Это и называется — многовариантность. И если мы, скажем, вспомним о княгине Ольге, то и с ней все обстоит еще более загадочно. Одни летописи (подлинные!) называют ее родиной село Выбутское под Псковом. Другие (подлинные!) — город Изборск. Третьи (подлинные!) сообщают, что Ольга была болгарской княжной. Четвертые (подлинные!) — что Ольга дочь «Тмутаракана, князя Половецкого»! За каждым вариантом — внушительный список маститых историков и их серьезная аргументация... Так-то!

Есть еще один нюанс: расхожие сказочные сюжеты, бродячие штампы того времени, которые, будучи вставлены книжниками в свои работы, впоследствии были приняты за описание реальных событий.

Скажем, знаменитая история о проповедниках разных религий, пришедших к князю Владимиру, когда он надумал переменить веру на Руси, в точности повторяет схожий эпизод из жизнеописания правившего гораздо раньше хазарского царя Булана. А история о том, как княгиня Ольга сожгла древлянскую столицу Коростень, привязав фитили к птицам, представляет собой еще более распространенный «бродячий сюжет». Еще Александру Македонскому одна из легенд приписывала подобную военную хитрость. Впоследствии Е. А. Рыздзевская отыскала два схожих описания в скандинавской литературе. У знаменитого Саксона Грамматика: в первом случае речь идет о некоем «городе Хаддинге», во втором — о некоей ирландской крепости. Тем же манером подпалил сицилийский город норвежец Харальд Хардрада, между прочим, реальное историческое лицо, предводитель варягов на византийской службе, ходивший на Сицилию в

1038—1040 гг. И, наконец, в Чехии записано предание о том, как Батый взял Киев в 1240 году... пустив в город горящих голубей!

Теперь, надеюсь, читателю ясно, что я имею в виду под многовариантностью. Расширяя тему, следует пойти дальше: отступая в прошлое, мы наконец достигаем точки, где многовариантность, как бы поточнее выразиться, перестает работать. За этой точкой ни о какой исторической достоверности, ни о какой вариантности говорить уже не приходится. Одни только сказки.

Истина, как водится, где-то посередине. А потому я решительно не принимаю версию Фоменко об «Империи», но гораздо более серьезно отношусь к работе группы Валянского, не в пример успешнее, нежели Фоменко, продолжающей взятое Н. А. Морозовым направление.

Вряд ли стоит считать античность и Древний Рим вымышленными *полностью*. События эти, вероятнее всего, все же происходили, но гораздо позже тех дат, которые нам подсовывает «традиционная», «фундаменталистская» история.

Хотя многое из того, что «фундаменталисты» нам навязывают в качестве неопровержимых доказательств, доверия не внушает абсолютно. Попробую объяснить, почему...

«БРОНЕНОСЦЫ» АНТИЧНОСТИ И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ.

Не буду подробно рассказывать о том, что все якобы «древнегреческие» и «древнеримские» рукописи известны нам лишь в поздних копиях, составленных как минимум через восемьсот-девятьсот лет после смерти их «авторов» — об этом уже написано много и подробно.

Замечу лишь: при том, что оригиналов не сохранилось (ни единого!), чрезвычайно легко было кому-то из череды многочисленных переписчиков добавить некую отсебятину, которая впоследствии уже не определяется никакими усилиями. Более того: мы отчего-то совершенно упускаем из виду, что фантастическая литература — не изобретение последних двух-трех столетий. Вне всякого сомнения, она существовала уже гораздо ранее, чего упорно не хотят признавать «фундаменталисты», считающие любое сообщение древних авторов святой истинной правдой....

Начнем с того, что существует такая зловредная вещь, как экономика, и ее законы настолько всеобщи и незыблемы, что нарушать их не в состоянии ни один тиран, деспот, султан или император, как бы ему этого ни жаждалось. Достаточно вспомнить довольно близкую к нам историю: знаменитый российский «медный бунт»...

Царь-государь Алексей Михайлович, Должно быть, свято веривший, что стоит выше любой экономики, решил однажды выпустить массу медных денег, которые повелел приравнять к серебру. Но это оказался тот самый случай, когда любые «повеления» бессильны — оставшееся серебро мгновенно выпало из оборота, его припрятали по кубышкам, цены моментально взлетели в несколько раз, воцарилась дикая инфляция и *хаос* в товарно-денежном обращении, и все очень быстро кончилось тем самым бессмысленным и беспощадным русским

бунтом с самосудами, пожарами, виселицами вдоль дорог...

И с бунтовщиками расправились самым зверским образом, но от затеи с медными деньгами пришлось отказаться...

А меж тем практически вся «античная» история находится в теснейшем противоречии с экономикой! По всем законам экономики Древняя Греция и Древний Рим, какими *их* представляют нам «фундаменталисты», в дальнейшем ради экономии места попросту «фунды», попросту не могли существовать, и точка!

Историю Древнего Рима писали в девятнадцатом столетии люди умные, но поголовно белоручки. Образованные, неглупые, красноречивые господа, которые сами в жизни не забили ни единого гвоздя, не вскопали ни единой сотки под картошку, не срубили ни единого дерева. Им невдомек было, что существуют столь скучные вещи, как человеко-дни, окупаемость, смета строительства. В *их* изложении все выглядело гладко и благолепно: древний царь повелел — и посреди пустыни вырос великолепный город... Примерно так. Город, или Колизей, или Колосс Родосский. Царь ведь повелел!

Предположим, что некий безумный французский король (а там сиживали порой на престоле, да и в Англии тоже, клинические сумасшедшие) повелел соорудить широкий каменный мост через пролив Ла-Манш — и чтобы перила были тесаные, и чтобы по сторонам стояли лавки с товарами, и чтобы фонари торчали через каждые двадцать метров...

Повелеть он, конечно, мог, но уровень тогдашних строительных технологий, да и технологий более поздних столетий категорически не позволял подобных забав. Как ни бушевал бы король, как ни рубил головы, моста он так и не узрел бы...

Так вот, все вышесказанное в полной мере относится и к огромным амфитеатрам, и к «водопроводу, сработанному еще рабами Рима». Проще говоря, возведение во времена «античности» сколько-нибудь больших сооружений попросту нереально с точки зрения суровой экономики. Поскольку невозможно экономически.

«Тысячи рабов были согнаны на великую стройку» — бестрепетной рукой выводил очередной кабинетный ученый лет сто пятьдесят назад. Он и не задумывался над несложным вопросом: кто обеспечивал эти многие тысячи полноценным питанием, без которого они довольно быстро протянули бы ноги и не смогли ничего построить?

«Другие рабы», — ответил бы наш ученый, удивляясь, что его собеседник не понимает столь очевидных вещей. Другие рабы, другие многие тысячи, неужели неясно? Император ведь повелел!

И возникает своего рода заколдованный круг. Откуда великий Древний Рим взял свои богатства? Он, отвечают нам, покорил полмира, вел захватнические войны, собрал огромные трофеи...

Но каким образом римлянам удалось покорить полмира?

Не имея для того надлежащей материальной базы? Ответ и здесь, в принципе, отыщется — благодаря-де упорству, упрямству, боевому духу...

Но это не ответ, а словоблудие. Без развитой индустрии, без крепкой промышленности никакой боевой дух не поможет. А римлянам попросту

неоткуда было взять развитую индустрию, потому что неоткуда было взять на нее денег. «Угнетая рабов», еще можно с грехом пополам прокормиться — но вот полмира ни за что не завоеешь, если твой столичный город расположен в столь неудобном месте, что финансовые и торговые потоки идут где-то в значительном отдалении.

Есть четкая закономерность: возвышались, росли, крепили, становились столицами исключительно те города, что были расположены *удобно*. На судоходных реках и на морском побережье, где проходили постоянные торговые пути (как Константинополь, Вена, Париж, германские ганзейские города) или на суше, но опять-таки там, где регулярно проходят купцы с товарами, где регулярно устраивают ярмарки и возводят постоянные склады, что влечет приток средств в городскую казну (Новгород, Краков, Смоленск, Багдад, Москва). Рим, расположенный вдали от всех и всяческих торговых путей, с точки зрения основанного на непреложных законах экономики здравого смысла, никогда не мог стать центром «древней» империи. Скорее уж правы те «новые хронологи», что отстаивают гораздо более убедительную гипотезу: столицей империи Рим мог стать только в более поздние, христианские времена, когда превратился в духовный центр, когда тысячи паломников оставляли там груды монет — и на эти именно монеты средневековые ремесленники, не рабы, а свободные мастера, получающие неплохую плату, и возвели все то великолепие, что приписывается «античности»...

Лично у меня убедительный аргумент находится в буквальном смысле слова перед глазами — город Красноярск, где эти строки пишутся. Объясню подробнее. Триста пятьдесят лет назад, когда русские двинулись в Сибирь, главный путь на восток проходил первоначально не через Красноярский острог, а через город Енисейск, расположенный примерно в двухстах с лишним километрах севернее.

Итоги были незатейливы: Енисейск процветал. Именно там обитали богатые купцы, сидевшие на единственном торговом пути с запада на восток. Именно там строили величественные церкви и огромные лабазы (эти здания стоят и сейчас). Именно туда стекались деньги, люди, ресурсы.

А Красноярск был чуть ли не захолустной деревушкой, мало кого интересовавшей. Енисейск стал даже главным городом губернии, так и названной — Енисейская...

Все изменилось буквально в одночасье!

Как только русские достаточно обустроились в Сибири, хорошо ее изучили, освоились в географии, путь с запада на восток стал пролегать южнее — теперь он шел через Красноярск. И начался обратный процесс, все за каких-то десять-пятнадцать лет перетекло в Красноярск: деньги, товары, купцы, кабатчики, хозяева постоянных дворов, чиновники, мастерские, войска... Губернским городом стал отныне Красноярск, да так им и остался — потому что теперь именно он расположен был удобно. А Енисейск захирел, никогда больше не знал и подобия прежнего процветания...

Практически то же самое происходило в начале двадцатого столетия в Южной Америке, когда там вспыхнул каучуковый бум. Каучукового сока требовалось много, на его добыче и торговле сколачивались громадные состояния — и на месте глухих джунглей выросли не какие-то там старательские поселки, а

самые настоящие города.

Деньги крутились огромные, никто и предполагать не мог, что внешнее процветание когда-нибудь кончится, всем казалось, что это навсегда. И одуревшие от шальных прибылей «каучуковые бароны» строили себе особняки, каким позавидовали бы иные лорды и герцоги, пароходами везли из Европы лучший мрамор, воздвигали из него театры, по размерам и роскоши превосходившие лучшие европейские, исполнять оперные арии и играть спектакли выписывали звезд с мировыми именами.

А потом все кончилось. Деревья-каучуконосы, ранее произраставшие только в Южной Америке, научились выращивать и на других континентах, мало того, каучук стали получать искусственно. Денежные потоки иссякли, торговые конторы закрылись, шиковать и роскошествовать более было не на что. Выросшие словно на дрожжах города обезлюдели и опустели. Они еще долго стояли, помаленьку разрушаясь, джунгли отвоевывали прежние позиции, оплетая лианами беломраморные дворцы... Кажется, и сейчас можно еще увидеть эти нелепые развалины.

Экономика, господа мои, экономика! Которой не в состоянии воспрепятствовать никакие «повеления»...

Рабский труд еще способен выручить, когда изначально не думают о рентабельности, как это было, например, с освоением золотоносной Колымы в советские времена. Но очень быстро стало ясно, что нормальному функционированию государства рабство только мешает — и сразу после смерти Сталина Лаврентий Берия, прагматик номер один в СССР, волевым решением чистит ГУЛАГ, буквально выбрасывая оттуда в «нормальную» экономику все, что только возможно: строительство, добычу полезных ископаемых, горноперерабатывающие предприятия...

«Древний Рим», как нас уверяют, каким-то чудом ухитрился совершить нереальное: с помощью принудительного рабского труда вести грандиозное строительство...

Так не бывает. Какие бы сказки нам ни преподносили. Ох уж эти сказки... Вот, например, ученый человек Франтишек Велишский (в аннотации к книге отрекомендованный как «блестящий ученый-археолог») живописует жизнь древних римлян. «В амфитеатрах устраивали битвы на кораблях, для чего арену заполняли водой. В 80 г. н.э. император Тит устроил в амфитеатре театрализованное морское сражение...»

Как выразилась однажды, правда, по другому поводу, Екатерина Вторая — «Вольно ж ему, взбесясь, бегать...»

Амфитеатр — это огромное сооружение, не уступающее по величине современным стадионам. Каким образом те, кто выполнял очередное «повеление», ухитрились наполнить водой стоящий на суше, в городской черте, огромный цирк? В сжатые сроки раздобыть воды столько, чтобы в амфитеатре могли плавать настоящие корабли? Речь ведь идет о сотнях тысяч кубометров воды, быть может, миллионах!

Начерпали ведерочками? Нереально. Все равно, что наполнять железнодорожную цистерну чайной чашкой. Применили насосы? Но в Древнем Риме не могло быть никаких насосов! Водяной насос — это винты и болты,

герметичные прокладки, одним словом, это уровень технологии, который был достигнут лишь на заре Нового времени!

Столь скучными вещами наш Франта не задается, ему достаточно, что император повелел, и сенаторы приговорили...

Кстати, вы знаете, как, по Франтишеку, древние римляне ловили леопардов для гладиаторских боев? Вы не поверите... Они брали огромный ящик и ставили туда зеркало. Леопард видел свое отражение, сдуру кидался в ящик, чтобы как следует подраться с соперником, но тут выскакивал из засады хитроумный римлянин и захлопывал крышку — поймался, придурок!

Честное слово, все так и написано. Желаящий может раздобыть помянутую в библиографии книгу и сам убедиться...

Между прочим, знакомые нам зеркала современного типа появились лишь в средневековье — а отражение, скажем, в отполированном металлическом листе даже самый глупый леопард вряд ли принял бы за реального зверя-конкурента. Франта, в общем, не виноват. Он узрел «античный» рисунок с таким именно сюжетом (зеркало, леопард лезет в клетку, римлянин на ящике скукожился, отчего-то чутким зверем не унюханный) и на полном серьезе выдвинул свое объяснение: мол, именно так римляне зверей и ловили. Хотя эта картинка с равным успехом может оказаться и иллюстрацией к какой-то сказке и некоей аллегорией, смысл которой уже забыт. И совершенно спокойно уже относишься к сообщению Франты о том, что император Клавдий организовал для развлечения публики морское сражение, в котором участвовали девятнадцать тысяч гладиаторов и осужденных преступников. То есть — девятнадцать тысяч смертников, которым было совершенно нечего терять, но им отчего-то дали боевое оружие и собрали весь бомонд поглазеть, как они будут друг друга резать. По периметру поставили, правда, караульных... А интересно, сколько нужно караульных, чтобы надежно обеспечить безопасность зрителей от девятнадцати тысяч вооруженных мужиков, коим нечего терять?

В своей книге «Загадка 1185 года» И. Можейко нагляднейшим образом показал, что случается с «повелениями» грозного правителя, когда они отдаются без опоры на возможности реальной экономики.

Правивший в XIII веке в кхмерском государстве (нынешняя Камбоджа) Джаяварман провозгласил себя живым богом на земле, воплощением Будды и покорителем Вселенной. Естественно, в честь столь замечательной персоны следовало возвести неимоверное количество храмов, башен и монументов — чем Джаяварман и повелел заняться своим подданным, оставив какое бы то ни было прежнее строительство. Подданные скрепя сердце подчинились, — как же иначе, если у властелина за спиной толпятся палачи, которым только моргни...

По всей стране началась великая стройка.

Вот только от многочисленных башен, храмов и монументов эпохи Джаявармана почти ничего не осталось. Причина проста: строители, не в силах освоить столь грандиозные объемы, начали откровенно халтурить. Снаружи здания выглядели вполне пристойно, но вот внутри были сложены «на живую нитку», так что очень быстро начали разрушаться, рассыпаться — а там и живой бог на земле вопреки своей божественной природе взял да и помер...

Вообще, гигантомания — неотъемлемое качество рукописей,

представленных нам в качестве «древних источников». Вот ученый муж по имени Геродот рассказывает очередную сказочку про то, как легендарные спартанцы собрались на войну. И, глазом не моргнув, выставили семьдесят пять тысяч тяжеловооруженных воинов-гоплитов.

Повторяю цифрами — 75 000. Между прочим, согласно энциклопедическому словарю Павленкова 1913 г., вся Греция начала XX века в военное время могла выставить армию в 82 000 человек. Вся.

Но нашей «античности» никакие законы не писаны — и вот крохотный городишко Спарта, чья экономика базируется исключительно на сборе оливок и разведении свиней с козами, выставляет ровнехонько семьдесят пять тысяч бойцов — и ведь это наверняка не все, кто-то должен были остаться дома, порядок поддерживать, рабов караулить... Положим на доспех каждого гоплита десять килограмм меди вообще-то, как толкуют нам «фунды», доспех гоплита весил пятнадцать-двадцать кило, но не будем придирчивы, нам и десяти достаточно.

Итак? Умножаем. Для войска, которое играючи выставила в «античные времена» крохотная Спарта, потребовалось семьсот пятьдесят тонн меди. Интересно, откуда такое изобилие? Не иначе как на сальце и козий сыр у соседей выменяли...

Вообще-то для таких случаев у приверженцев традиции давным-давно заготовлена уютная формулировка. А как же! Звучит она так: «Цифровые данные документа подлежат уточнению». Иными словами, папаша Геродот изрядно приврал, пририсовал вовсе уж несообразное количество ноликов — но основа неприкосновенна: античная Греция существовала, хоть тресни! Козопасы и свиноводы с таким успехом торговали молоком, сыром и ветчинкой, что строили беломраморные колоннады, под сенью коих прогуливались философы, мимоходом измерившие окружность земного шара, подметив (глазастые!), что в двух далеко отстоящих друг от друга городах длина отбрасываемой палкой тени разная. У философов, правда, не было часов, совершенно необходимых для двух синхронных наблюдений в разделенных немаленьким расстоянием городах — но они, хитроумные, толкуют нам историки, и тут нашли выход: расстояние и время измерили по... средней скорости верблюжьих караванов!

Если кто-то думает, что я шучу, глубоко заблуждается. Это «правильные историки» шутят, с серьезными лицами излагая подобные байки...

Давненько уж установлено, что найденные в шлимановской Трое каменные топоры — из китайского нефрита. Что вовсе уж запутывает дело: даже самые оголтелые энтузиасты «длинной хронологии» не решаются говорить о контактах «гомеровской» Греции с Китаем.

Так в каком же столетии происходила Троянская война?

Но все это, честное слово, пустяки. Настоящее веселье начинается, когда выходит очередной ученый труд об «античной» военной технике, написанный строго с позиций традиционной истории...

Пару месяцев назад мне довелось купить книгу некоего К. Носова под названием «Осадная техника античности и средневековья». В то время настроение у меня было угрюмое (устал, уработался, погода скверная, машина барахлит, морская свинка померла и т.д.). Однако беглое знакомство с сим ученым трудом,

предназначенным, как говорилось в аннотации, «для военных историков и всех, кто интересуется историей античности и средневековья», практически моментально бросило из хандры в самую необузданную веселость...

Судите сами. Вот вам иллюстрация со стр. 113. Господин Носов всерьез уверяет «военных историков и всех, кто интересуется», что с помощью подобной страхолюдины два человека могли сверлить городскую стену... (*рис. 1*)

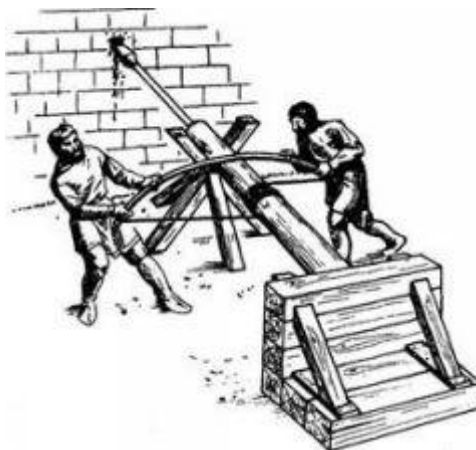

Рисунок 1.

Но это — цветочки! Вот перед вами во всей красе — «таранная черепаха Диада и Хария»! Г-н Носов глубокомысленно объясняет, что изображенный на красивом цветном рисунке монстр мог передвигаться на шести своих колесиках! И он, монстр этот, был еще не самым махоньким!

Цитирую по тексту (стр. 103): «Еще больше была таранная черепаха, построенная Гегетором Византийским при осаде Родоса. Черепаха достигала 18,6 м в длину, 12,41 м в ширину и 10,6 м в высоту и передвигалась на восьми колесах, диаметром, 2 м и толщиной 0,9 м. (*рис. 2, 3*)

Каждое колесо было сделано из трех деревянных брусков, врезанных друг в друга, скрепленных шипами и обитых ободьями холоднойковки. ...Эту таранную Черепаху обслуживало 100 человек, а вес ее достигал 4000 талантов 157 тонн».

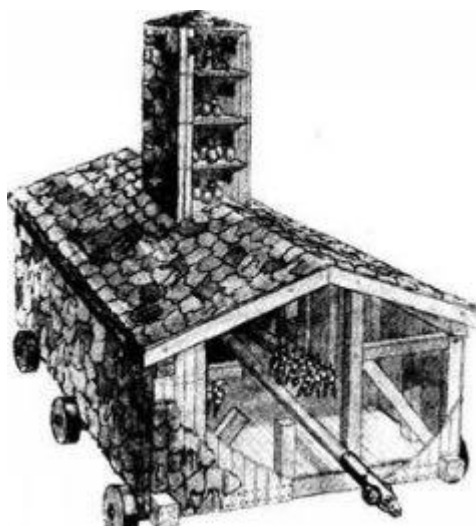

Рисунок 2.

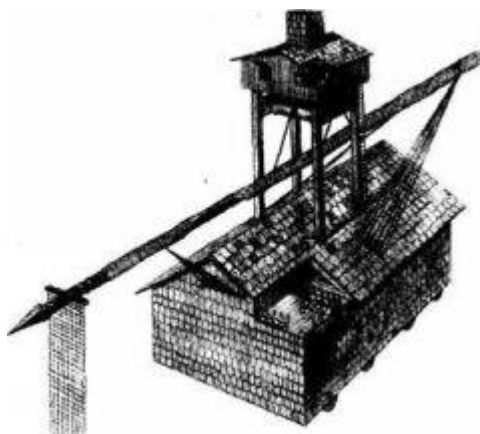

Рисунок 3.

Какая там хандра! С военными историками в Красноярске туговато, но толковых инженеров достаточно. За два дня я показал труд Носова пятерым. Ни один из них не был сторонником «новой хронологии», вообще такими вещами не интересовался — но инженеры они были дельные, со стажем и опытом.

Так вот, все пятеро реагировали одинаково — сначала перечитывали вышеприведенный текст несколько раз, разглядывали картинки. Челюсти их помаленьку отвисали, глаза выходили из орбит. Немного придя в себя, они даже не смеялись — дико ржали. И говорили в адрес г-на Носова разные слова, которые я из сострадания здесь приводить не буду...

Особенно умиляли инженеров эти самые колесики «из трех деревянных брусьев», держащие на себе 157 тонн. Для справки: это примерный вес пяти танков «Т-34» (стандартная «тридцатьчетверка» весила тридцать две тонны...).

Вдумайтесь хорошенько: изображенная на картинке уродина весила столько, сколько пять «тридцатьчетверок». Но при этом ее как-то ухитрялись катить на деревянных колесиках. Без осей. В «античности» не существовало мастерских, способных отковать ось, выдержавшую бы вес в полторы сотни тонн — да и для современной техники задача была бы не из легких. Современные трейлеры, перевозящие один-единственный танк, изготовлены из стали и держатся на шести-восьми не в пример более коротких осях...

Одним словом, инженеры клялись: дело даже не в том, что у монструозной «таранной черепахи» моментально отвалились бы означенные деревянные колесики, только хрупнуло... Ее вообще невозможно было бы поднять на колеса — не говоря уж о том, чтобы прокатить хотя бы пару сантиметров.

А ведь Носов описывает еще и применявшиеся якобы «древними ассирийцами», за семьсот лет до рождения Христа (!), опять-таки передвижные тараны. Вес, правда, благоразумно не приводит, поэтому его приходится рассчитывать приблизительно, по приведенным размерам. Как ни крути, весить эта штука должна самое малое тонн десять — и снова катиться на четырех ублюдочных колесиках из «деревянных брусков»!

Конечно, г-н Носов ни в чем не виноват. Он попросту добросовестно прочитал три десятка трудов «древних» авторов. Но все равно, я бы ему категорически не советовал давать свой труд на прочтение инженерам. Бить,

конечно, не станут, но от жизнерадостного гогота люстры будут сотрясаться долго...

Кстати, о военных историках. Еще двадцать лет назад военный историк Д. Зенин весьма доказательно объявил военные машины «античности», равно как и «татаро-монгольских войск» обыкновеннейшей старинной фантастикой, убедительно доказав, что в реальности они просто-напросто не могли работать. Нашлись энтузиасты, решившие изготовить модели: не столь устрашающих размеров, конечно, всего-то два метра на два. В качестве метательного снаряда был взят обыкновенный кирпич. Однако «чудо античной и батыевой техники» категорически не желало работать — несмотря даже на то, что в нем использовались резиновые амортизаторы, а балки крепили железными скобами. Кирпич летел куда попало, ни о какой точности прицеливания не было и речи, метательный рычаг то и дело выламывал балку, после каждого выстрела сооружение прыгало и расшатывалось — а ведь речь, повторяю, шла о маленькой модели!

Кажется, я догадываюсь, что сказал бы «правоверный» историк: вот если бы построить образец в точном соответствии с описаниями древних, весом в полторы сотни тонн, и водрузить его на помянутые колесики, и созвать для obsługi человек сто — уж тут-то он бы заработал! От «правоверных» этого вполне можно ожидать: ведь пишут же, стервецы, не краснея, о миллионном войске, которое персидский царь Ксеркс послал на «древних» греков! Для справки: в первые годы царствования Екатерины Второй все пехотные части Российской империи насчитывали 283 000 человек — но и это тяжким гнетом ложилось на бюджет. Каким образом живший до рождества Христова царь ухитрился кормить свою миллионную ораву хотя бы неделю, историки благоразумно умалчивают: как же, Ксеркс ведь повелел! Значит, все как-то само собой устроилось, тушенка с неба падала, сухари росли на деревьях, а вареники сами в рот прыгали...

Вот как протекает мобилизация во время войны римлян с Ганнибалом: «...Гасдрубал, сын Гисгона, вместе с Магоном произвел набор в глухих и окраинных областях, и под его знаменами собралось до пятидесяти тысяч пехоты и четыре с половиною тысячи конницы». Тит Ливий, «Война с Ганнибалом».

Вновь неприкрытое волшебство: более чем за сто лет до рождества Христова античный полководец поскреб по сусекам в «глухих и окраинных областях» и в два счета собрал под знамена этакую силищу. Одних лошадей четыре с половиной тысячи — а сколько же для этой оравы понадобилось оружия? Счет металла снова идет на десятки тонн...

Что характерно, в Средневековье картина меняется самым решительным образом. Климат остался тем же, население даже увеличилось, техника и ремесла стали гораздо развитее «античных» — но отчего-то средневековые короли, как ни «повелевали», не смогли собрать хотя бы отдаленное подобие фантазмагорических по количеству армий древности. Пять-шесть тысяч пехотинцев и сотня-другая конников — вот примерный состав нормальной средневековой армии. И ситуация не менялась столетиями. В 1812 г. Бонапарт захватил практически всю Европу — но, как он ни старался, смог двинуть на Россию всего шестьсот тысяч человек. Должно быть, он не умел толком «повелеть», далеко ему было до Ксеркса...

А впрочем, историки на полном серьезе нас уверяют: все оттого, что «античные воины» были другими. Они ничем не отличались от нас с точки зрения физиологии, но силу и выносливость откуда-то брали нечеловеческую. Для древнеримского воина ничего не стоило прошагать за пять часов около двадцати пяти километров, неся на себе при этом, кроме оружия, еще запас хлеба на пятнадцать дней, а также тяжелые заостренные колья. Мало того, придя на место, эти чудо-богатыри не садились отдыхать, а быстренько выкапывали длинный ров, насыпали вал, строили на валу ограждение из тех самых кольев, разбивали палатки — и только после этого устраивались перекусить и вытянуть усталые ноги. И так — каждый вечер.

Я консультировался со строителями — с тремя разными прорабами, ставя перед ними подобные «технические задания». Ответ был одинаков: это попросту нереально. По всем расчетам выходило: если наши brave legionеры начнут городить лагерь вечером, то закончат его не раньше полудня следующего дня. Никакая «сила и выносливость» тут не помогут — у человеческого организма просто-напросто есть свои пределы...

А знаете ли вы, как эти волшебные воины сражались в конном строю?

Без стремян. Стремена, объясняют нам «фунды», были изобретены только в восьмом веке после рождения Христова, античность и Древний Рим их, естественно, не знали...

Плести такое может только тот, кто ни разу в жизни не сидел верхом на лошади и путает голову с хвостом. Это опять-таки нереально: сидя без стремян, действовать мечом и копьем. Первый же мало-мальски серьезный толчок вышибет из седла обоих противников согласно неумолимым законам механики. Меж тем, что ни год, на иллюстрациях к книгам о древнем военном искусстве появляются совершенно невероятные создания вроде «парфянского катафрактария».

Зрелище сюрреалистическое: всадник, закованный в стальную кольчугу до пят, весом не менее двадцати килограммов, восседает с копьем длиной метра в два и массивным железным наконечником... без седла и без стремян, трогательно свесив ножки. Да еще скачет куда-то, тычет своей оглоблей во врага, ухитрившись при этом не слететь с коняшки и не сломать себе шею. Ах да, ему же царь повелел, никуда не денешься...

Практически в каждой книге, посвященной критике «длинной хронологии», присутствует изображение серебряной вазы из скифского кургана. Ее нашли в те времена, когда в развитии «новой хронологии» случилась очередная пауза — и весьма необдуманно ввели в научный обиход, не думая о последствиях.

Дело в том, что у лошади, якобы изображенной древними мастерами за многие столетия до рождения Христова, свисают с седла некие приспособления, которые могут быть только стремянами, и ничем иным!

Однако тот, кто подумает, что «фундаменталисты» дрогнули и пришли в замешательство, подобно римским легионам из классического учебника, здорово заблуждается. Нашего «фундаменталиста» голыми руками не возьмешь. Объяснение последовало мгновенно: это не стремяна, объяснили нам снисходительно-профессиональные историки, это только некое приспособление, имеющее вид стремян, а чтобы ощутить разницу, нужно быть дипломированным

историком. В общем, это не настоящие стремяна, это «вспомогательные» стремяна. Древний скиф пользовался ими исключительно для того, чтобы *сесть* на лошадь — а, оказавшись в седле, он тут же вынимал ноги из этих самых стремян, поскольку они были вспомогательными, и скакал себе в битву, свободно болтая ногами...

Честное слово, так и объясняют! Положительно, что-то не в порядке с нашей славной исторической наукой! Поскольку практика верховой езды и конного боя вопреки любой наукообразной болтовне свидетельствует: тяжеловооруженный всадник попросту не в состоянии удержаться на коне без стремян. Первый же удар противника, первый же тычок собственным копьем во врага снесет его с седла нежнейшим образом... Вопреки всем царским повелениям.

Так вот, что характерно: с наступлением Средневековья куда-то моментально исчезли монстры вроде вышеописанных «таранных черепах», пропали не то что миллионные, но даже стотысячные армии. Поскольку реальная экономика, а не баснословная, такого вынести не в состоянии. Чтобы вооружить как следует одного-единственного рыцаря, требовалась сумма, эквивалентная стоимости сорока пяти коров — какие там семьдесят тысяч гоплитов фантаста Геродота...

Между прочим, еще при битве у Гастингса 1066 г. от Р.Х. рубились каменными топорами — и дешево, и эффективно. Не каждый мог себе позволить металлический топор...

И еще один немаловажный аспект проблемы — умышленные подделки, сознательно подсовываемые под видом «древних раритетов».

Не менее сорока лет назад я увидел в детской книжке о древней истории изображение молодого критянина — как объяснял автор, прекрасно сохранившаяся фреска из знаменитого дворца в Кноссе.

Сорок лет — сорок! — я, как и многие тысячи других, принимал на веру, что археологи, раскопав Кносский дворец, отыскивали фреску именно в таком виде...

И вдруг выходит книга К. Булычева «Тайны античного мира». И в ней — подлинное изображение того, что откопал в Кноссе знаменитый британский археолог Эванс!

Любуйтесь и сравнивайте. На *рис. 4* — то, что Эванс нашел на самом деле. На *рис. 5* — «реконструкция», то есть нарисованная заново картинка. Все дело, оказывается, в том, что знаменитый археолог Эванс обладал развитым чувством прекрасного — и, как всякий ученый историк, знал, как должны выглядеть подлинники. Эванс пригласил неплохих художников того времени, и они превратили жалкие фрагменты в подлинные произведения искусства. Но нам-то десятилетиями впаривали новодел за подлинник!

Рисунок 4.

Вот так делается история. Иногда ее сочиняют так, как это делал Эванс со своей бригадой мастеров кисти. Иногда и творцы «реальной» истории работают подобно итальянцу Джовио, жившему в эпоху так называемого Возрождения: «Джовио гарантировал, что своим пером он обеспечит заказчику исторического сочинения заметное место в истории и в награду за это брал деньги. Если же ему отказывали в вознаграждении, то он либо игнорировал в своем сочинении данное лицо или государство, либо стремился выставить его в возможно более темном свете, причем не стеснялся пользоваться открытой бранью и клеветой. Но

Рисунок 5.

поскольку Козимо Медичи был богатым, щедрым, а потому почетным заказчиком, то и в биографии К. Медичи, и во всех сюжетах, связанных с его жизнью и деятельностью, в «45 книгах моего времени», Джовио использует исключительно превосходные степени». (М.С. Бобкова, примечания к трактату Жана Бодена.) Прелестно, не правда ли? Тот, у кого лет пятьсот назад нашлось

достаточно денег, представал великим государственным мужем, светочем честности и благородства. Скупой или бедный безотносительно к правде становился полной ему противоположностью. И все бы ничего, каждый зарабатывает, как умеет, но с течением времени труды литературной проститутки вроде Джовио «входили в научный оборот», обрастали комментариями и толкованиями, и, в конце концов, считались уже достовернейшим документом эпохи, и всех, кто пытался на миражи покушаться, объявляли в лучшем случае невеждами, а в худшем — безумцами, как Ньютона, Морозова, Фоменко...

Есть старая детская книжка под названием «О гномах и сиротке Марысе». Один из главных персонажей — ученый гном Чепухинский-Вздорный, славный, в частности, своим сугубо научным методом создания исторических трудов: «Что он видел, что слышал, то записывал верно, а чего не видел и не слышал, то выдумывал так превосходно, что при чтении этой книги сердца у всех преисполнялись радостью».

Увы, нашему г-ну Носову с ученым гномом не сравниться: поскольку сердце читателя наполняется отнюдь не радостью, когда он узнает, скажем, об «осадной башне Деметрия Полиоркета, которую он применил при осаде Родоса в 305—306 гг. до н.э.»

Интересная башня. Девятиэтажная. Шириной — 22 м у подножия и 9 м на вершине, высотой — 44,5 м. А главное, передвигается на восьми деревянных колесах диаметром в метр: «...подвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя ужас в сердца зрителей, но взорам их неся невольную радость».

Что верно, то верно — опус г-на Носова несет невольную радость взору любого инженера...

КАК СЧИТАЛИ ХРОНОЛОГИЮ.

Дело в том, что нынешнюю хронологию, какой мы ее знаем, какой нам ее вдалбливали, именно считали. Но весьма своеобразными методами. Иной читатель, вполне возможно, решит, что отцы нынешней хронологии Скалигер и Петавиус, обложившись горами древних рукописей, долго сопоставляли даты, данные в разных системах отсчета времени, пока не привели их к единому знаменателю.

Так вот, ничего подобного! Все выглядело совершенно иначе: в конце шестнадцатого — начале семнадцатого столетий два откровенных оккультиста высчитывали даты событий, пользуясь сугубо оккультными методиками под названием «нумерология» и «каббала», они же — «математическая магия». Методики эти, как явствует из названия, наделяли числа магическими свойствами. И начинались долгие, запутанные манипуляции, основанные, повторяю, не на древних манускриптах, а на «магическом содержании» того или иного числа.

Как именно это происходило, легко узнать из книги французского историка, философа, экономиста и правоведа шестнадцатого века Бодена «Метод легкого познания истории». Впервые она была напечатана в Париже в 1566 г. Русский перевод издан четыре года назад убогим тиражом в тысячу семьсот экземпляров и обошелся мне в сто восемьдесят пять рубликов, но я дал бы больше, гораздо

больше.

Великолепное чтение!

Я приведу обширные цитаты. Кому-то они могут показаться скучными, но их просто необходимо вдумчиво прочитать, чтобы понять, как четыреста с лишним лет назад создавали ту самую хронологию, что нам ныне преподносят под этикеткой научности...

«Квадрат 7, умноженный на 9, дает 441, и квадрат 9, умноженный на 7 — 567. Совершенное число — 496, 6 и 29 — меньшие части совершенного числа, оставшееся от совершенного числа превышает 8100, и они слишком велики для того, чтобы использоваться в вопросе о государствах. Квадрат 12 — 144, а куб — 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре — 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, во множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных и нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона... От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет, Иосиф (Флавий — *А.Б.*) дает на 200 лет больше, другие — существенно меньше. Я склонен думать как из правды истории, ТАК И ИЗ ЗНАЧИМОСТИ САМОГО ВЕЛИКОГО ЧИСЛА, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат должен быть не больше и не меньше, чем куб 12.... Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно времени рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным среди древних, относит это к 3993 г. Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет шесть по многим причинам, которые я вполне одобряю, ТАК КАК ПОЛУЧАЕТСЯ ЧИСЛО 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали».

Вот это и называется — нумерология, каббала, математическая магия... Боден высчитывает хронологию оккультным образом: событие должно иметь именно такую продолжительность не потому, что есть письменные сообщения, которые следует привнести в систему—а потому что полученное число должно быть «значимым», «великим», результатом определенных арифметических действий... «Изменения в наиболее важных делах» должны, представьте себе, быть выражены «квадратами 7 и 9», а если древние историки пишут иначе, тем хуже для историков, их подправят посредством «совершенных чисел»...

Теперь понимаете? Именно так рассчитали привычную нам хронологию Скалигер и Петавиус! Не зря их «труды» до сих пор не изданы на русском языке и надежно упрятаны подальше с глаз. Те шаманы, что поумнее, прекрасно соображают, что к чему, они-то знают, что лежит в основе их «тайного знания». Стоит выйти трудам Скалигера на русском, как завтра же схватятся за борзые перья Носовский и Фоменко, Валянский и Калюжный, Каспаров и Гуц, да Бушков

не останется в стороне, да и зарубежные коллеги подключатся — и компания насмешливых циников вновь без всякого почтения к «авторитетам» порезвится всласть, снова не встретив мало-мальски толковых возражений...

Между прочим, Нострадамус, тоже не чуждый нумерологии дружбан Скалигера-старшего, оставил шесть различных вариантов библейской хронологии — тогда все только сочинялось...

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ.

Тогда все только сочинялось. Лишь в первой половине восемнадцатого столетия хронология Скалигера-Петавиуса получила общее признание и стала считаться единственно верной. Все, что ей противоречило, либо плесневело в дальних уголках библиотек и архивов, либо беззастенчиво уничтожалось — как были уничтожены иные библейские книги и труды историков, знакомые нам сегодня только по названиям. Однако ни у кого не хватило силенок, возможностей и желания, чтобы устроить всеобщую, в масштабах всей Европы акцию уничтожения «неправильных» текстов. Слишком многое этому мешало: национальные и религиозные трения, политические соображения, наконец, дела текущие, житейские. Были более насущные заботы. И уцелело достаточно много «еретических» писаний...

При внимательном изучении иных источников приходишь к твердому убеждению: примерно с восемнадцатого столетия радикальным образом поменялась система исторических взглядов, раньше она была одна, а потом стала другая. И следы старой, прежней, ошельмованной и вычеркнутой из «научного оборота» системы сохранились повсюду. Нужно только поискать. Наши «фундаменталисты» уныло талдычат о любви историков позднего Средневековья к анахронизмам, о непонимании ими сути исторического процесса, о совершеннейшей дебильности, наконец, иных книжников. Но в совокупности преданные анафеме работы убедительно показывают бывшее существование иной системы исторических взглядов. Прежней. Почти забытой. Старательно изничтожаемой...

Вот, скажем, Киев. Пресловутая «мать городов русских» — что, с точки зрения современных историков, подразумевает исключительно то, что Киев старше Новгорода по возрасту. Однако...

В то время как Киев во многих летописях именуется не иначе как «градек», что означает не город, а некое укрепление, форт, острог на холме, Новгород... платит киевлянам огромную дань в виде серебра. Речь идет о весьма приличной сумме, исчисленной в гривнах, т.е. слитках серебра определенного веса. Есть как минимум три версии того, *сколько же* весила тогдашняя гривна — но даже если брать самую маленькую цифру, сумма все равно получается приличной. Такие деньги, да еще в серебре, попросту не смогло бы выплачивать крохотное поселение, чьи жители пробавляются натуральным хозяйством — подобные, как нам твердят те же историки, дань платили мехами, белками, скажем. Если уж налоги «стольному граду» какой-то населенный пункт выплачивает в серебре, значит он, по тогдашним меркам, довольно велик, в нем уже развиты ремесла и торговля — какие еще занятия способны обеспечить регулярный приток серебра?

Существует и примечательная запись в Новгородской летописи, вызывающая у иных правоверных историков приступы неконтролируемой ярости, сам убедился: «В лето 6525. Заложил Ярослав град великий Киев, и златыя врата постави, и церковь святые Софиа заложил». 6525 год от сотворения мира — это 1017! Получается, что в этом году Ярослав лишь «заложил» город, которого ранее, вероятней всего, не было — одна крепостишка на холме! А между тем та же летопись применительно к 989 г. от рождества Христова сообщает, что в Новгороде уже стояла тринадцатиглавая церковь святой Софии, и возведенная «владыкой Иакимом»...

Так какой же город старше? Если в 1017 году Киев понадобилось «закладывать»? Быть может, «мать городов русских» означает попросту не старшинство по возрасту, а политическое старшинство? Столицу? Роль которой, в принципе, может выполнять и крепостишка на холме...

Другой пример. Жил когда-то французский поэт Гугон Орлеанский (ок. 1093 — ок. 1160). И написал он «Стих о татарском нашествии», где есть примечательные строки:

Царства опрокинуты, вытоптаны грады,
под кривыми саблями падают отряды,
старому и малому не найти пощады,
в божьих обителях гибнут божьи чада.
Через Русию, Венгрию, Паннонию,
сквозь Туркию, Аварию, Полонию,
сквозь Грузию, сквозь Мидию, Перейду
легла дорога горя и обиды...

Здесь начинаются странности. Во-первых, Венгрия и Паннония, строго говоря, одна и та же страна. Паннония — западная часть Венгрии. Совершенно непонятно, почему одну и ту же державу Гугон поминает дважды, под разными именами.

Во-вторых, что гораздо интереснее, в стихотворении присутствует... Мидия! Согласно «традиционным» версиям мировой истории, еще за полтысячи лет до рождества Христова Мидия как государство перестала существовать, завоеванная персами. И тем не менее поэт, живший в двенадцатом веке по Р.Х., числит ее среди реально опустошенных татарами стран...

Открытия делаются внезапно! Я уже собирался убрать книгу, из которой взяты строки Гугона, но в подсознании сидела какая-то заноза. Я не сразу сообразил, в чем тут дело... Даты!

В самом деле, родился Гугон «ок.1093», умер «ок. 1160» — а татары, согласно «фундаменталистам», впервые вторглись в Европу, когда их конница появилась в Польше. Через восемьдесят лет после смерти Гугона... но как же он тогда ухитрился написать «Стих о татарском нашествии»?!

Есть золотое правило спецслужб: один-единственный факт может оказаться ошибкой, случайностью. Два и более — это уже серия.

Так вот, стихи Гугона удивительным образом перекликаются с другим источником.

Семнадцать лет назад на русском языке была впервые издана одна из крупнейших польских средневековых хроник. Как пишется в аннотации — «ценный источник по истории Польши и Древней Руси XI — XIII вв., уникальный памятник борьбы прусского, литовского, польского и русского народов за независимость против крестоносцев и монголо-татарских полчищ, содержит также важные сведения о событиях политической жизни Европы той эпохи». Именуется она «Великая хроника польская». Рецензентами издания выступали сразу два члена-корреспондента Академии Наук, а главным редактором был зубр исторической науки В. Л. Янин, известный как патологический противник «новой хронологии» и печально знаменитый требованиями ввести цензуру, дабы «незрелые лженаучные писания» не увидели белого света...

Так вот, случилась в старые времена одна прелюбопытная история.

Жил тогда польский король Болеслав, гнуснопрославленный своим беспутством — и настолько он преуспел в пороках, что даже собственная мать Болеслава не выдержала: взяла своего младшего сына, Болеслава брата Казимира, и бежала к себе на родину, в Саксонию, где постриглась в монастырь, а Казимира отдала в науку...

Болеслав умер, как гласит хроника, «вследствие своей свирепости и множества преступных деяний». Наследников не было, в королевстве возникла смута, напали внешние враги. Тут-то знатные люди королевства и вспомнили о законном наследнике Казимире — и поехали за ним в Саксонию...

Казимира там уже не оказалось — он давным-давно отправился в Париж «для изучения свободных наук». Делать было нечего, и польские магнаты потащились в Париж, где их ждало ошеломляющее известие, перечеркивающее все планы: оказалось, Казимир постригся в монахи знаменитого Ключийского монастыря и даже рукоположен в сан диакона. Монахам, как известно, чуждо все мирское — от самых пустяковых светских дел до опустевшего трона...

Все рухнуло, казалось. Но поляки не опустили рук — должно быть дела на родине оказались очень уж плохи. Далее хроника сообщает: «Посоветовавшись с аббатом, они не вернулись на родину, но отправились в Рим и обратились со смиренной просьбой к папе Бенедикту IX, чтобы он приказал вернуть им их правителя, а также милостиво уделит бы ему пособие, чтобы тот мог взять себе жену, и, таким образом, Польское королевство не останется без наследника. Они ссылались так же на несчастья Польши, на поношение христианской веры, на пролитие крови в результате нашествия **ТАТАР** (выделено мною — А.Б.) и других нечестивых народов, находившихся вокруг Польши, которые постоянно совершали набеги и вторжения».

Тот, кто решит, что папа римский показал себя недалеким религиозным обскурантом, ошибется. «Папа же отнесся к их просьбам с отцовским уважением, разрешил, дабы польский народ не остался без правителя, чтобы князь Казимир, который в Саксонии жил Под именем Карла, а в монастыре — Ламберта, ушел из монастыря ради управления королевством, и милостиво выдал ему диспенсию [1], чтобы он имел возможность взять себе жену... Этот Казимир... мирно владел Польским королевством. Назван он был «Восстановителем»...

Истории прекрасно известны как король Казимир Восстановитель, и так и римский папа Бенедикт IX. Первый вступил на трон около 1034 г. и умер в 1038 г.

Второй стал римским папой в 1033 г. и умер в 1046 г.! Таким образом, вышеописанная история произошла в точно локализованном временном промежутке — 1033—1034 гг. Оказывается, в это время по Польше, вопреки официальной хронологии, носились буйные татары!

Официальная наука к подобным сообщениям, не укладывающимся в замшелые шаманские схемы, относится плохо. Любой исторический документ лишь до тех пор остается «ценным источником» и «уникальным памятником», пока согласуется с собственными схемами фундаменталистов. Стоит хроникеру написать нечто неудобное, он мгновенно теряет доверие. «Летописец ошибался», — сурово сдвинув брови, изрекают в таких случаях «серьезные ученые». Ошибался, и все тут. Таким образом, в представлении наших историков практически всякий летописец, хронист, древний книжник существует как бы в двух несовместимых ипостасях. Пока он пишет вещи, не идущие вразрез с современными установлениями, он — «ценнейший источник». Когда же попадает нечто, торчащее, как шило из мешка, летописец теперь — не просто безответственный фантазер, а форменный дебил, даун, который видел одно, но писал по своей глупости отчего-то другое. Такие уж странные летописцы были в древности — они не просто путались в анахронизмах, они не способны были, с точки зрения «правильного» историка даже понять, кого именно видят.

Вот, скажем, книжники средневековья с невероятным упорством твердят, что готы (по мнению официальной истории, «исчезнувшие» в VII в. от Р.Х.), преспокойно обитают в Европе и в более поздние времена. Историк Иордану (VI в.) вторят поляк Винцентий Кадлубек и автор «Великопольской хроники», считая, что готы — это пруссы, и никуда они не исчезали, мирно живут себе на побережье Балтики. Другие книжники дополняют: готы — это не только пруссы, это шведы. Историк петровских времен А. Лызлов уточняет: часть готов добралась из Скандинавии до Причерноморья, половцы — это и есть готы. Десятки книг твердят одно и то же: готы никуда не исчезали, они живы, есть готы, есть готы, есть!

Однако это категорически не сочетается с нынешними теориями, которые историки договорились считать истиной. И потому летописцы прошлого «заблуждались» в массовом порядке. Потому что жили в мире собственных фантазий. Видели прусса, но отчего-то посчитали, что это — гот. Ни с того, ни с сего. Заблуждаючись... Как и в случае с татарами. Нам усердно пытаются внушить, что дело происходило примерно следующим образом: взобравшись на городскую стену и узрев скачущих вокруг усатых венгров, летописец чесал в затылке и думал: «Ну не называть же их венграми! Слишком просто! Назову-ка я их... татарами! Так красивше!»

Вот и возникают в науке истории необъяснимые парадоксы: скажем, готический стиль в архитектуре. Сами готы-де исчезли самое позднее в VII в., но веку к XI пышно расцвел готический стиль... Отчего так? «Ну, Понимаете ли... — с умным видом хмурятся „фундаменталисты“. — Стиль-то новый, нужно же было его как-то назвать... Тут и вспомнили, что четыреста лет назад жили какие-то готы. Вот и порешили назвать новый стиль в честь этого давным-давно вымершего племени — просто потому, что слово красивое...»

Подобный бред впаривают на полном серьезе! Хотя элементарная логика

требует признать другой вариант: коли уж стиль был назван «готическим» в двенадцатом столетии, то готы, те, от кого он свое имя получил, пребывали в добром здравии, вовсе не думая куда-то «исчезать»...

Одним словом, если в противоположных концах Европы, в Польше и во Франции, одинаково убеждены, что татары вторгались в Западную Европу лет за сто до официально признанной даты, то дело, как минимум, нечисто. В смысле, нечисто что-то с официальными датировками...

Эти анахронизмы присутствуют повсеместно. Вот, скажем, великий итальянский поэт Петрарка, живший в XIV веке после рождения Христова, тратит массу времени и сил, чтобы доказать подложность привилегий, которые Нерон и Цезарь выдали... Габсбургскому дому!!! С точки зрения «общепринятой» хронологии, поэт то ли тронулся умом, то ли допился до белой горячки. Такими вещами нельзя заниматься вообще! Какой смысл дискутировать о подлинности писанных привилегий, если владетельный дом Габсбургов появился на белом свете лишь через тысячу с лишним лет после Нерона и Цезаря?

Однако поэт Петрарка отчего-то считает иначе. Полное впечатление, что для него вовсе и не существует этого тысячелетнего промежутка. Он ничуть не сомневается, что Нерон и Цезарь могли выдавать какие-то жалованные грамоты дому Габсбургов — вот только одна, эта, конкретная, оказалась подделкой... Петрарка определенно руководствуется другой системой, другой хронологией, и в этой системе Габсбурги — современники Нерона и Цезаря...

Между прочим, немецкий город Нюрнберг известен с XI в. означает в переводе на русский... «город Нерона»! «Нероноград», если можно так выразиться. Вновь никакого тысячелетнего интервала — кто же в здравом уме называет города в честь умершего многие столетия назад владыки?

Калюжный и Жабинский: «Историкам очень хорошо известно, что правивший в XIII веке император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен именовался в документах Цезарем Августом; его Конституции носят название „Книг Августа“; на чеканившихся им золотых монетах августалиях он изображен в лавровом венке и одеянии „римских“ цезарей, на обороте — римский орел и надпись: „Римский император Цезарь Август“. Перед нами чистейший, без примесей, римский император!»

Вот и Цезарь отыскался. А где-то неподалеку, надо полагать, и Нерон... И никакого тысячелетнего разрыва!

Хотите знать, из-за чего четыреста с лишним лет назад Иоанн Грозный зело серчал на тогдашнего шведского короля Юхана III?

А ведь осерчал! Зело! Вот строки из послания Иоанна северному соседу: «А что ты писал к нам, лай и дальше, хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что если тебе не разъяснишь, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, так то твой холопский обычай: это тебе честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а передаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся...»

Из-за чего весь сыр-бор? Дело в том, что шведский король несказанно оскорбил Иоанна Васильевича — посчитал себя равней царю и великому князю всея Руси. Четыреста лет спустя слышен за ровными строчками послания рык расвирепевшего Иоанна: «А это истинная правда, а не ложь — что вы мужицкий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой — венчанный король, а мать твоя — венчанная королева; но хоть отец твой и мать венчаные, но предки то их на престоле не бывали!»

Вообще-то Грозный абсолютно прав: Швеция к тому времени совсем недавно освободилась из-под многолетнего датского владычества, и Юхан, в самом деле, король скороспелый. Без положенной череды венценосных предков. Еще недавно в Швеции королей не было вовсе, был лишь правитель Свен Стуре, тоже не из династии герцогов. А отец Юхана, Густав Эрикович [2] вел переговоры с Москвой не «напрямую», а через новгородского наместника — поскольку, вульгарно выражаясь, по скороспелости своей рылом не вышел, чтобы сноситься с царями московскими без посредников...

Но это все присказки. Сказка будет впереди...

Чтобы поставить на место наглеца «мужицкого роду», Грозный пускает в ход свои неоспоримый козырь, играющий роль тяжелой артиллерии... Внимание!

«Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: **МЫ ВЕДЕМ РОД ОТ АВГУСТА-КЕСАРЯ...**»

Эх, и поплясали на косточках Иоанна Васильевича за такие заявления толпища современных, «правильных» историков! С *ихней* колокольни, с точки зрения скалигеровской хронологии такое мог ляпнуть исключительно безответственный бахвал, циник, хворый разумом. Кто в здравом уме такому поверит? Больше тысячи лет прошло от времен последнего римского императора до появления на Руси Рюрика...

Или не прошло? Иван Грозный был тираном, сатрапом, зверем. Спорить с этим нет смысла. Но никогда он не был ни слабоумным, ни безумцем — а меж тем множество раз упоминал о своем происхождении от «Августа-кесаря», не только обращаясь к «выскачке» Юхану, но и в посланиях другим западноевропейским монархам...

Оказывается, во времена Грозного бытовала даже не «версия» — убеждение, что Рюрик ведет свой род от «кесаря римского Августа». Оказывается, считалось, что некогда в Пруссию, Литву и Жемайтию переселилось «некоторое количество» римлян, основавших на берегах Балтики свой город Ромово. Правил в этом городе некий Прус, родственник кесаря — и от него-то произошел Рюрик...

Вот выдержки из «Древней российской истории, сочиненной Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук»:

«Длугош свидетельствует, что во время междуусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского согласный сему довод имеем, что в Пруссию переселилось много римского народа и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему

отечеству Ромовы называли. Итак, весьма не дивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курляндии, Пруссии и Литве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с норманцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену... Заклучая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеописанных видно, что многие римляне переселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники какого-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные, или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрешись не могу, достоверности не вижу».

Особо следует подчеркнуть: гипотеза о том, что Рюрик — потомок кого-то из римских императоров, родилась не в России! Никак нельзя упрекнуть наших предков в том, что это они из национал-патриотических побуждений занялись столь беззастенчивой фальсификацией истории... И Грозный тут ни при чем.

В Московию эта теория пришла с *запада*.

«Длугош», которого упоминает Ломоносов — это Ян Длугош (1415—1480), каноник краковский, воспитатель сыновей короля Казимира Ягеллончика, автор классического труда «Годописания, или хроники славного королевства Польского». Кстати, Длугош, вслед за Гугоном Орлеанским и авторами «Великой хроники польской», считал, что татары появились в Европе в 1188 г. и выводил их родословную от... армян! Матвей Меховский — не менее крупный польский историк, выпустивший в 1521 г. в Кракове «Историю польскую». Их труды были прекрасно известны Ивану Грозному — теперь, быть может, понятна уверенность, с какой он в письмах европейским королям упоминал о своей родословной?

Литовские летописи сообщают, правда, не о междуусобной войне между Цезарем и Помпеем — по их версии, на берега Балтики бежали 500 римских семей во главе с неким Палемоном, спасаясь от жестокости Нерона. Еще один автор, Михалон Литвин в 1550 г. писал, что Литва — просто-напросто очередная провинция, завоеванная римскими легионами. Немецкий хронист XIV века Петр Дусбург также сообщал о битвах пруссов с воинами «Цезаря». А «ректор Краковского университета Ян из Людзишки», приветствуя, избранного в 1447 г. короля Казимира Ягеллончика, назвал его... потомком династии, происходящей от римских консулов и преторов! Дело в том, что Ягеллоны, как будет подробно исследовано в следующих главах — потомки Рюриковичей... Польский книжник Ян Остророг в речи, обращенной к папе Павлу II, поминал былые победы поляков и литовцев... над Юлием Цезарем!

Интересно, что у «античного» географа Страбона в XII книге его «Географии» упоминается некий Прусий, который «покинул Фригию на Геллеспонте» (т.е. у дарданелльского пролива — *А. Б.*) и основал на месте разрушенного города Киоса новый, который, не мудрствуя, в свою честь назвал Прусиадой, или Прусой...

Разумеется, это еще не доказательство. Нельзя утверждать со всей уверенностью, что Прусий Страбона имеет отношение к Прусу

славянско-литовских летописей, от которого якобы и произошли Рюриковичи. И все же, свидетельство интересное...

Как видим, авторы из разных стран приводят разные версии и свои толкования, но все они сходятся в одном: по их глубокому убеждению, древние римляне обитали на Балтике в одно время со средневековыми славянами. Другое дело, что забытые подробности всяк толкует по своему...

И мало того! Практически столь же повсеместно и не одно столетие держалось убеждение, что славяне были самым тесным образом связаны с... Александром Македонским! Только в восемнадцатом столетии, с распространением новой системы исторических знаний, были оттеснены в пыльные запасники, объявлены фальшивками, анахронизмами, вздором те старые рукописи, где настойчиво говорилось о неких «жалованных грамотах», данных Александром тому или иному славянскому народу: чешские, хорватские, болгарские, польские...

А известный персидский поэт Низами (умер около 1209 г.) в своих поэмах прямо пишет о сражениях Александра Македонского... с *русами* !

Андрей Лызлов уверен, о чем и пишет подробно, что татары в свое время изгнали из Скифии персидского царя Дария Гистаспа, убили персидского же царя Кира и победили одного из военачальников Александра Македонского.

Лызлов не фантазер и не фальсификатор — просто-напросто он, как и подобает историку, держится в русле исторических концепций своего времени. А в те времена, в конце XVII в., повторяю, концепции были совершенно другими. Согласно им, в Скифии обитали как раз татары, то и дело воевавшие с теми, кого сейчас принято считать героями «античных» времен. Чуть ли не каждый из западноевропейских путешественников, оставивших записки о посещении Московии в XVI—XVII вв., называет крымского хана... «скифским царем»!

Уже упоминавшийся историк Иордан сообщает, что Дарий Гистасп и Филипп, отец Александра Македонского, брали себе в жены дочерей готских королей, хотя, согласно нынешней хронологии, готов в те времена еще и на свете не было...

Согласно мнению византийских историков, тавро-скифы — это русские турки — никакие не турки, а персы, Багдад — Вавилон. В XI веке византийские императоры считают свое золото в «античных» талантах (Калюжный и Жабинский). На страницах обширного труда «античного историографа Иосифа Флавия и библейский царь Ирод, и „древние римляне“, и Александр Македонский постоянно сражаются с... арабами. „Иудейские древности“ Флавия пестрят именами „арабских князей“ и названиями мест, где происходили битвы с ними...

Я уже писал, что книга Бодена «Метод легкого познания истории» издана удручающе малым тиражом. Тем интереснее будет читателю, в руках ее не державшему, познакомиться с той системой истории, которую Боден излагает подробно. Итак...

О кельтах. «Они основали колонии не только в Италии, но также в Испании, Германии, Греции, Азии».

Согласно традиционной истории — сущий бред. Однако все становится на свои места, если допустить, что под «кельтами» имеются ввиду средневековые западноевропейцы. Крестоносцы, и в самом деле, основали на территории Греции

не одно государство, а в Азии создали Иерусалимское и Латинское королевства. Другая фраза из Бодена, к сожалению, сегодня уже совершенно непонятна: «Факт, что Геродот, а затем и Диодор расширили кельтские границы в Скифии на запад». Сейчас уже не установить, пожалуй, какие реалии тут имелись в виду — быть может, генуэзские колонии в Крыму? Если так, то, выходит, придется многое пересмотреть — ведь, следуя Бодену, нужно переместить оттесненных в глубокую древность кельтов в средневековье...

Сделать это необходимо. Очень уж средневековыми выглядят пресловутые «древние германцы», описанные «античными» авторами — с гербами на щитах, с украшениями на шлемах, в точности повторяющих рыцарские... А даки?

«Древние» даки, воевавшие с римлянами на Дунае, в изображении современных историков выглядят такими же варварами, как лесные германцы и кельты — и не города у них были, а городища, не крепости, а попросту «укрепления». Правда, совершенно непонятно, отчего же с этими «городищами» и «укреплениями» столько лет возилась великая римская армия...

Вот выдержки из книги С. М. Рубцова «Римские легионы на Ближнем Дунае»: на колонне Траяна «...дакийские вожди показаны со щитами, имеющими геометрические украшения в виде ромбов, знаков зодиака, особенно луны и звезд».

Это — дословное описание щитов раннего средневековья, как раз и украшенных ромбами, полумесяцами и звездами. Всевозможные геральдические звери и птицы появились несколько позже...

А вот как выглядели шлемы даков. «Их навершие вместе с металлическим гребнем изогнуто вперед. Различный по размеру гребень на конце скошен под углом или закруглен, украшен накладками в виде овалов и перекрестий. Широкая металлическая полоса, скрепляющая основание шлема, имеет растительное оформление, напоминающее венок из цветов или листьев. Некоторые разновидности данного типа оснащались бармицами, сделанными из треугольных или ромбовидных чешуек, нащечниками трапециевидной формы. Необычен... один из экземпляров... с коротким гребнем, сетчатой бармицей и скошенными узкими нащечниками без треугольного выреза в центре, богато украшенный на верхушке изображениями скрученных лоз винограда...»

И это — в «первой половине I тыс. до н.э.»?! И это изготовлено варварами у примитивного очага в «городище»? Ерунда! Перед нами — описание предмета, который могли изготовить исключительно мастера, владеющие высокими для своего времени технологиями. Нормальный средневековый шлем.

А дальше Рубцов сообщает, что дакский меч «махайра» или «фальката»... превосходил римский! Поскольку им можно было наносить не только рубящий удар, как римским гладиусом, а еще и колющий. Сравнительно короткий и прямой гладиус не всегда мог выдержать конкуренцию с изогнутой «фалькатой».

Как выглядели воины союзных дакийскому царю Децебалу народов... простите, «племен»? «Сарматский защитный доспех был абсолютно непроницаем для стрел и камней, но очень громоздок и тяжел, так павший всадник без посторонней помощи встать не мог... броней были покрыты как всадник, так и его конь...».

И буквально в следующем абзаце Рубцов пишет следующее: «Таким

образом, армия Децебала по уровню своей организации еще не преодолела рамки племенного ополчения, а в области вооружения значительно проигрывала римским легионам»!

Лично я не в состоянии охарактеризовать мыслительные процессы, происходящие в мозгу авторов, подобных В. Рубцову. Он *сам*, всего парой-тройкой страниц ранее писывал дакийские мечи, превосходящие римские. Тяжеловооруженных всадников в броне, не имеющих аналогов в римской армии. И вдруг эта закованная в доспехи тяжелая рыцарская кавалерия становится «племенным ополчением», «проигрывающим» в области вооружения римским легионам!

Что поделать, очень уж прихотливые зигзаги должно выписывать перо ученого, бьющегося в рамках традиционной истории, как рыбка об лед. С одной стороны, умолчать о коннице в броне, о ее рубяще-колющих мечах, стальных боевых топорах, великолепной работы шлемах решительно невозможно. С другой, следует то и дело напоминать читателю, что противостояли Риму «отсталые племена», жившие в «городищах»...

Бред собачий. Если дак превосходил римлянина в оружии и броне, значит, и технологии, и ремесла, которыми владели даки, превосходили римские. Оружие, и наступательное, и защитное, — продукт технологий. Вывод прост: по развитию даки как минимум не уступали римлянам — у них просто обязаны быть не «городища», а полноценные города, не «укрепления», а нормальные крепости, а также высокоразвитое искусство обработки металлов, художественнаяковка...

Никакая это не «античность» — это нормальное средневековье!

Вернемся к Бодену. «Ассирийцы разбили халдеев, греков, римлян, парфян, персов, турок, готов и татар».

Вот так. По мнению историка середины XVI в., все перечисленные им народы — современники. Наверняка так и было — еще не сочинена скалигеровская хронология, нет никаких «разрывов» и «промежутков» длиною в тысячелетие...

«Галлы терпели многочисленные притеснения от англичан на своей собственной земле и часто уступали им свою территорию».

Есть в мировой истории одно-единственное событие, которое можно описать подобными словами: Столетняя война. «Галлы» — это, конечно, французы. В своей книге Боден лишь один раз называет французов «французами», короля Карла «Карлом Французским». Во всех остальных случаях он именует своих соотечественников «галлами»: Людовику XI, королю Галлии, серьезно угрожали заговоры принцев крови.

«...в 1524 г., когда Галлия была взбодоражена гражданскими распрями...», «Король Галлии сам был захвачен в плен, а немного позднее Рим был взят испанцами...»

Делаем важный вывод: многие «античные» книги, где упоминаются «Галлия» и «галлы», вполне могут описывать как раз средневековые события. Доказательств тому в рамках «короткой хронологии» масса.

«Я не рассматриваю здесь случаи проникновения и расселения в Европе и Азии скифов, парфян, турок, татар, московитов, готов...» Ах, мэтр Боден, мэтр Боден, ну что вам стоило?! Рассмотрите вы эти случаи подробно, смотришь,

удалось бы выбить еще один табурет из-под ног творцов скалигеровской хронологии... Я не в состоянии дать комментарии к вышеприведенной цитате — потому что мы уже попросту не понимаем, о чем идет речь. А вот Боден понимал прекрасно — в его времена это считалось скучной банальностью, недостойной подробного рассмотрения...

Следует подробно рассмотреть все, что Боден знает о скифах...

«Скифы, напротив, менее годны к размышлению, чему виной избыток в них крови и особые склонности, из-за которых разум порой настолько угнетен, что редко проясняется. В силу этого они правильно стали проявлять интерес к тем вещам, которые подвластны чувствам, упражняясь в ручных ремеслах и изобретениях. Поэтому от северян пришли так называемые механические изобретения — орудия войны, искусство литья, печатание и все, что связано с обработкой металла. Немец Агрикола упрекал Аристотеля и Плиния в незнании всех этих вещей, в которых они, по его мнению, ничего не понимали».

Потрясающие фразы! Ошеломительные... Книгопечатание, литье и все, что связано с обработкой металлов, изобрели скифы — и «немец Агрикола» упрекает «античных» Аристотеля и Плиния за то, что они, по его мнению, плохо разбираются в этом вопросе! Между прочим, Георг Агрикола, настоящая фамилия Бауэр, физик, химик и минералог, родился в 1494 г. и умер в 1555-м г. Коли уж он упрекал «античных» Аристотеля и Плиния в незнании предмета, они могли быть его современниками, и никак иначе! Никто же и не думает упрекать сегодня, скажем, Лейбница, за то, что тот плохо разбирался в кибернетике. Подобного рода дискуссии ведут между собой живущие...

Так когда же жили «античные» Аристотель и Плиний?

Боден: «Гален жаловался, что ни одного философа не пришло из Скифии, хотя было много из Греции».

Понять эту фразу можно одним-единственным образом: Скифия находилась на такой стадии развития, что там вполне следовало ожидать появления философов. Значит, ее жители мало походили на тех кочевников и скотоводов, каких нам рисует традиционная история...

«Император Юлиан писал: „Кельты не одарили мир трудами по философии или по математическим дисциплинам, но они интересовались логикой и риторикой“.

Логика и риторика в дремучих дебрях, где якобы только и обитали «традиционные» кельты?! Интересно...

«Арабы и карфагеняне, т. е. те, кого в древности называли сарацинами...»

Значит, возможен и обратный процесс? Все, что в традиционной истории приписывается *средневековым* сарацинам, как раз и относится к карфагенянам. Следовательно — Карфаген — *средневековая* держава!

Никто не стремился поселиться в Скифии, хотя сами скифы завоевали Испанию, Италию и Грецию, в Галлии они были разгромлены».

Без комментариев. Хотя в голову закрадывается еретическая мысль, а что, если Фоменко не так уж не прав со своей Империей? «Скифы почти всегда устремляются со своими бесчисленными легионами с севера в средние районы...»

«Славы из той же Скандинавии ворвались в Паннонию во времена Юстиниана; потом этот народ наводнил всю Европу, принеся свой язык и

названия. Я слышал, что богемцы, поляки, литовцы, далматии, московиты, боснийцы, болгары, сербы и вандалы говорили на этом языке славов, принесенном ими из Скандинавии и отличающемся только в диалектах».

Решено. С этого момента я полностью прекращаю иронизировать в адрес «Великой империи» Фоменко — на всякий случай, чтобы не ежиться потом от неловкости...

«И лишь парфяне, турки и татары ведут свое начало от азиатских народов Скифии».

Великолепно!

«Затем уже перемешавшиеся народы Италии вновь смешивались с аркадийянами, троянцами, сикамбриями, галлами, греками, готами, гуннами, вандалами, герулами, лангобардами, карфагенянами и норманнами... Поэтому один народ оказывается разбросанным в Халдее, Парфии, Индии, Галлии, Греции, Италии, Испании, Германии и Африке».

Еще раз обратите внимание: все вышеперечисленные Боденом страны и народы определенно существуют **одновременно**, ведать не ведая, что впоследствии их «разведут» по разным тысячелетиям. Один народ может оказаться разбросанным в «античной» Парфии и средневековой Франиии-Галлии только в том случае, если обе страны расположены на **одном** историческом отрезке.

«Что приносит правителям парфян и турок такую славу?» Великолепное построение фразы! «Приносит» — так можно писать только о своих современниках. Иначе Боден написал бы «приносило». Значит, Парфянская держава существовала во времена Бодена? А как иначе прикажете понимать?

«...Арабскую империю, которая захватила Вавилонскую империю...» В традиционной истории «древних» вавилонян и арабов разделяют тысячелетия — но Боден-то жил во времена, когда традиционную историю еще не сочинили...

Боден об отсчете времени у мусульман: «...арабы начинали от Хиджры, т. е. от битвы Мухаммеда, которая произошла в 592 г. (так!) от Рождества Христова... из этого понятно, что люди, которые датируют Хиджру 491-м годом от Рождества Христова, ошибаются так же, как и Генебрард, который начинал с 621 года».

Сегодня Хиджру мы отсчитываем с 622 г. — но, как только что выяснилось, так было далеко не всегда. Во времена Бодена существовало как минимум три мнения: 491, г., 592 г., 621 г. Вы понимаете, в чем дело?! Сегодня мы датируем любой документ с мусульманским летоисчислением, взяв точкой отсчета 622 г. — но при таком установлении ошибки неизбежны, и серьезнейшие. Потому что неизвестно, которую точку отсчета брал древний автор...

«Древние восхваляли и мавров, потому что те были весьма искусны в верховой езде и одержали знаменитую победу под руководством Ганнибала над римлянами...»

Каково?! Средневековые мавры во времена Ганнибала! Еще одно доказательство в пользу того, что Пунические войны происходили в Средневековье, Ганнибал, вероятнее всего, был правителем Испании, а под «Карфагеном» имелась в виду испанская **Картахена** ...

«Скотты не любили англичан, саксонцев, впрочем, не любили они и тех, кого

мы называем турками. Полагая, что эти названия слишком громко звучат, они называли всех сарацинами».

Вот так. «Скотты» — это шотландцы. Еще одна зарубка на память: кое-что из описанных авторами средневековья деяний «сарацин», как только что выяснилось, может относиться к англичанам, саксонцам... А вот на «турках» придется оборвать цитату. Потому что мы сегодня не знаем, кого имел в виду Боден. Вполне может оказаться, что «турками» Боден и мы называли совершенно разные народы. Такое бывало не раз. Византийский император Константин Багрянородный, например, именовал «турками» тех, кого мы сегодня называем венграми. А иные турецкие книжники считали турками... русских. Такие дела.

«Египтяне под предводительством их правителя Даная пришли на поселение в Грецию».

Это еще что такое? Традиционной истории такие переселения неизвестны. Но сегодня уже не понять, кого называл Боден «египтянами».

«Хананеи, вытесненные евреями из благодатной Палестины, отошли в Иллирию и Паннонию».

Опаньки! Короткая фраза — но сколько информации к размышлению!

Иллирия — это, грубо говоря, в Югославии. Паннония — западная Венгрия. Господа, а ведь Палестина должна располагаться где-то рядышком! Во-первых, не говорится, что хананеи «отплыли» — они «отошли». Следовательно, уходили по суше. И не очень уж далеко отошли, надо полагать. Во-вторых, в «короткой хронологии» давным-давно бытует довольно убедительная и аргументированная гипотеза о том, что библейская Палестина располагалась не на Ближнем Востоке, а в Европе. Иосиф Флавий, кстати, пишет, что в Палестине частенько шел снег — и не он один. А вам известно, кстати, что общего между библейским полководцем Иудой Маккавеем и европейским королем Карлом Мартеллом?

Прозвище. «И „Маккаби“ на иврите и „Мартелл“ на латыни означают одно и то же: „Молот“. Это, конечно, не доказательство, но, как писал Ломоносов, „вероятности отрещись не могу“...

Интересно, можно ли считать доказательством следующую цитату из Бодена? Достаточно порассуждав о древности тех или иных королевских и дворянских родов, он завершает пассажем, уместным лишь в рамках «новой хронологии»: «В Галлии и Испании наиболее древним родом из всех, как представляется, является род Левитов, который начинается от Левития, поэтому правители абиссинцев и израильтян называются нобилиями».

Каково? Самые знатные роды во Франции и Испании происходят от библейского рода Левит! Так *где* располагалась библейская Палестина?!

«...монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого...»

По «короткой» хронологии Александр Македонский оказывается даже и не македонцем вовсе, а последним правителем ассирийской державы, вовсе не сгинувшей бесследно во тьме веков...

А заголовки книг своих предшественников, которые старательно перечисляет Боден! Это — отдельная песня...

Евагрий Схоластик. Шесть книг о римской церкви империи от 435 до 595 г. от Рождества Христова. И примечание Бодена: «он начинает там, где заканчивается Троянская История».

Вот так-то. Еще во времена Бодена считалось, что троянская история закончилась не за тысячу с лишним лет до Р.Х. — а в 435 г. от Рождества Христова! Полностью согласуется со многими положениями «новой хронологии».

«Турпиан и Эйнград. Жизнеописания Карла Великого: две книги — основные периоды правления Карла Великого, третья — до 1490 г.»

Если кто запамятовал — в традиционной истории Карл Великий скончался в 814 г. Современники Бодена считали иначе...

Подведем некоторые итоги. Их очень просто сформулировать: до восемнадцатого столетия, когда окончательно утвердилась «длинная» скалигеровская хронология, продукт оккультных чернокнижных забав, существовала совершенно другая концепция всеобщей истории, хронологии, политической географии. Не зная, в частности, никаких «темных веков», никакого тысячелетнего разрыва меж «античностью» и средневековьем. Восстановить в целости ее сегодня вряд ли удастся — но ее остатки слишком многочисленны и потому избежали уничтожения.

К сожалению, судьба сыграла с Жаном Боденом скверную шутку: именно он, высчитывая новую хронологию, оказался одним из создателей исторической системы, отвергнувшей его собственные исторические труды, превратившей их в «скопище анахронизмов»...

В «Диалогах» Платона совершенно определенно речь идет об Америке — «противолежащая земля за океаном» может быть только Америкой, и ничем другим. Равным образом и «Новый Свет», упоминаемый в книгах Флавия, может оказаться только Америкой... но вряд ли были возможны регулярные трансокеанские плавания в «античную», не знавшую конуса эпоху. Так когда же писали Платон и Флавий?

Есть и любопытные материальные свидетельства. Официальная наука их не то чтобы не признает, но ввиду их вызывающей **неправильности** старается упоминать пореже.

В конце двадцатого столетия германские ученые обнаружили в «древнеегипетских» мумиях кокаин и эвкалиптовое масло. Кокаин добывают из листьев коки, а кока растет исключительно в Южной Америке. Эвкалипты произрастают в Австралии. Исследования были проведены по всем правилам науки, отрицать их невозможно.

Обнаружена «древнеримская» мозаика с изображением ананаса, опять-таки сугубо американского фрукта. А по ту сторону Атлантики при обстоятельствах, исключающих розыгрыш, обнаруживали «древнеримские» монеты.

Быть может, все вышеперечисленные «странности» как раз и объясняются тем, что мумии балзамировали уже после плаваний испанцев в Америку и открытия европейцами Австралии? А Платон и Флавий творили веке в шестнадцатом от Рождества Христова? И «древнеримская» вилла, украшенная мозаикой с ананасом, на самом деле принадлежит позднему средневековью?

Кстати, в рамках «новой хронологии» пресловутые «древние гальванические элементы», обнаруженные на Ближнем Востоке, вполне могут оказаться плодом трудов какого-то лихого экспериментатора, жившего совсем незадолго до Вольта и Гальвани.

Пока что и книги Платона с Флавием, и все вышеописанные «несуразицы»

вовсю эксплуатируются уфологами, атлантоманами и прочей публикой того же пошиба, талдычащей о «засекреченных знаниях» древних и «трансокеанских плаваниях задолго до Колумба». Что ж, в рамках скалигеровской хронологии иного не стоило и ждать...

Изображенная на **рис. 6** труба с колесами — несомненно пушка, других объяснений попросту не может быть. Однако миниатюра датирована десятым столетием от Р.Х. Вариантов два: либо пушки появились гораздо раньше, чем уверяет официальная история, либо до сих пор что-то не в порядке с датировкой средневековых рукописей.

Рисунок 6.

Да, еще один «горячий» факт, взятый из купленной несколько часов назад книги.

В начале двадцатого столетия югославский ученый Жуйкович утверждал, что сумел расшифровать так называемые «славянские руны», обнаруженные в Италии. Научный мир его расшифровку отверг по крайне весомой, как казалось, причине... Дело в том, что Жуйкович упорно доказывал, что в той надписи присутствовало слово «краль», т.е. король. Его оппоненты возражали: всем известно, что слово «король» вошло в европейские языки лишь после смерти Карла Великого — а меж тем рядом с рунами изображены древнеримские воины в классическом облачении...

В рамках «новой хронологии» расшифровка Жуйковича выглядит совершенно правильной — о чем ученый уже, к сожалению, не узнает.

Итак? Неладно что-то в историческом королевстве. В свое время математик М. М. Постников четко и недвусмысленно определил причины, по которым он стал убежденным морозианцем: «Науку должны развивать специалисты, и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснить им, в чем они не правы. Как раз этого автор и не смог добиться от специалистов-историков».

Дополню от себя: по моему глубочайшему убеждению, нужно проделать довольно простую вещь: расширить круг специалистов, привлекаемых к решению исторических загадок. Работы группы Фоменко, несмотря на все их недочеты и неряшливость в выводах, все же крайне важны для процесса, начатого еще ученым иезуитом.

Вторжение математиков в научные дисциплины, считавшиеся вотчиной «чистых» историков — вещь нужная и полезная. В конце концов, никто не

отрицает физики как науки только на том основании, что она когда-то всерьез верила во флогистон и «мировой эфир». Почему же отдельные ошибки Фоменко должны служить поводом для вовсе уж шизофренической реакции иных столпов скалигеровщины? Между прочим, эти субъекты совершенно лишены логического мышления. Кое-кто из них, как водится, требуя «тащить и не пущать», настаивал, чтобы отныне все книги, так или иначе затрагивающие проблемы истории, предварительно проходили бы **цензуру** профессиональных историков, наделенных правом разрешать и запрещать. Никому и в голову не пришло, что, согласно строгой логике, возможен и **обратный** процесс. Скажем, академик Фоменко вправе со всей серьезностью требовать, чтобы любая рукопись исторического труда, содержащего те или иные математические выкладки, сначала передавалась для цензурирования математикам! А как же иначе? Ведь в математике крутой профессионал — как раз Фоменко...

Одним словом, исторической науке нужны новые специалисты, скажем, инженеры, способные сухой алгеброй поверить «баснословие еллинское», как выражался Ломоносов — то есть волшебные сказки о таранах в сто пятьдесят тонн весом, бравенько едущих на шести деревянных колесиках без всяких осей. Экономист с позиций **своего** профессионального знания должен определить, если ли хоть зернышко истины в рассказах о том, как вопреки здравому смыслу и оральным невеликими возможностями «античного» государства по царскому «повелению» воздвигались амфитеатры, в которые люди, не знавшие примитивных насосов, как-то ухитрились все же закачивать в сжатые сроки миллионы кубометров воды. За «математическим» призывом должен последовать «инженерный».

Поле деятельности здесь колоссальное — нужно проверить массу трактатов и хроник, рассматривая каждый случай по отдельности:

могли ли существовать и плавать исполинские корабли-дворцы, описанные авторами «античности»? Могли ли стрелять катапульты? В состоянии ли были римляне строить каждый вечер приписываемые им военные лагеря? Мог ли удержаться всадник в тяжелой кольчуге на коне без стремян?

И так далее, и так далее. Целина совершенно непахана, и редкие прорывы не спасают дела. Стоило одному искусствоведу Жабинскому, засучив рукава, подступить к бастионам скалигеровщины, как иные из них оказались картонными... А если толковых искусствоведов будет десять? Если целая бригада инженеров и экономистов Карфагеном пройдет по «античности»? Результаты, цинично пророчествуя, могут оказаться ошеломительными...

Иных упертых это ни в чем не убедит — да и чисто по-человечески можно понять упорствующих. Представьте себе реакцию человека, с грехом пополам защитившего очередную диссертацию, что-нибудь вроде «К вопросу о незнании древними римлянами стремян», если внезапно будет доказано нечто совершенно противоположное?

А в общем, рекомендую всем заинтересованным лицам книгу француза Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». Потрясающее исследование тех садистско-хирургических манипуляций, которые в угоду «политическому моменту» проделывают с историей в разных уголках света...

И еще. Уж нам-то, многострадальным россиянам, следовало бы помнить, какие пируэты выписывала наша собственная история на протяжении последних восьмидесяти лет. Сначала со всем нашим прошлым, имевшим несчастье быть до 1917 г., поступили так, что Прокруст удавился бы от зависти, осознав мелкотравчатость своей жалкой личности. Потом «царская» история была кое-как разрешена к изучению, зато начались половецкие пляски уже с новой, советской. Сначала не только со страниц книг, но даже с фотографий исчезли Троцкий и Бухарин, а далее — маршалы и наркомы в немалом количестве. Хрущев реабилитировал маршалов и наркомов, но Троцкого не вернул — зато отовсюду исчез уже Сталин, превратившись в трудах по военной истории в безликую «Ставку». Чуть позже ту же методику опробовали на самом лысом кукурузнике, канувшем в совершеннейшее забвение. А еще попозже... Ну, что мне вам объяснять? Россия, как известно, страна с непредсказуемым прошлым.

И вот теперь мы, пройдя столь суровую школу, всерьез отказываемся от теории о многовариантности истории? Право же, мужики и дамы, мы слишком самонадеянны, ленивы и нелюбопытны...

А посему — наши забавы продолжаются. Напоминаю лишний раз: я, боже упаси, не претендую на «научность». Я просто-напросто хочу разобраться в нелогичностях и распутать противоречия. Заранее прошу прощения за толику вульгарности, за нотки цинизма порой, за ненаучную лексику и за стремление называть вещи своими именами, и за «поверхностную залихватскость», и за...

Ну, что поделать. Академизм — это то, что я терпеть не могу. И утешает одно: за семь лет, прошедших с момента выхода первого варианта «России, которой не было», ни один интеллигент серьезно не пострадал при прочтении. Мелкие интеллектуальные травмы — не в счет. Это излечимо.

Итак... Все мы, конечно, хоть краешком уха, да слышали что-то о крещении Руси.

Не рассмотреть ли вдумчиво, как тысячу лет назад дело обстояло?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРЕЩЕНИЕ РУСИ: СПЛЕТЕНИЕ ЗАГАДОК.

ЗМЕЯ ЛЕТОПИСЬ.

В детстве, с почтением раскрывая исторические книги, я искренне полагал, что работа ученого-историка выглядит примерно следующим образом. В тихом архиве, где говорят шепотом из уважения к следам минувших веков и ходят в мягких тапочках, стоят полки, помеченные ярлычками: «XI век», «XII»... и так далее. На каждой полке документы, написанные именно в том самом времени, которым датированы. Задача уже ученого — трудолюбиво овладев древнеславянским, прочитать сии раритеты, переложить их на современное наречие и явить миру.

Впрочем, кое-кто, пребывая в зрелых годах, и сейчас именно так полагает. Проверено на опыте. Люди склонны полагать, не вдаваясь в тонкости, что основой для крайне безапелляционных суждений историков, для указания точных

дат и навешивания тех или иных эпитетов послужило нечто достовернейшее.

Меж тем в жизни — и в науке истории — обстоит как раз наоборот. Летописи, привычно относимые, скажем, к XII веку, на самом деле оказываются либо позднейшими копиями, либо, что еще печальнее, плодами компиляции, а то и самостоятельного творчества какого-нибудь книжника, полагающего, что ему, высокоумному, известно о тех или иных событиях прошлого гораздо больше, чем непосредственным участникам этих событий, оставившим воспоминания. В следующих главах мы еще столкнемся с многочисленными случаями, когда историк двадцатого столетия не допускающим возражений тоном заявляет: «Летописец ошибается». Вот так — ни больше, ни меньше. Из двадцатого века виднее.

Летописцы конечно были живыми людьми, а потому могли ошибаться, что частенько и делали. Однако это еще не дает ни малейшего повода современным историкам впадать в другую крайность — объявлять святой истиной только одну версию из множества, лишь одну старинную хронику, отвергая остальные, которые иногда крайне многочисленны, но, вот незадача, напрочь опровергают чью-нибудь концепцию. С концепцией, конечно, расставаться трудно — ее пестуешь, холишь и лелеешь, к ней привыкаешь. И все же...

Простой пример. Князь Олег, тот самый, которому посвящена «Песнь о Вещем Олеге», умер, как принято считать, при весьма загадочных обстоятельствах: «гробовая змея, шипя, между тем, выползала...»

Упоминания о том, что князь умер от укуса змеи, в летописях имеются. Однако мне как детективу-любителю (сталкивавшемуся к тому же со змеями при работе в тайге), представляется крайне сомнительным, что вышеозначенная змея смогла прокусить сапог из грубой кожи. Не по плечу такой подвиг стандартной русской гадюке, в буквальном смысле — не по зубам. Быть может, наиболее близка к истине, как ни возмутит это эстетов от академической истории, версия, выдвинутая авторами «Сатирикон», написавшими до революции пародийную «Русскую историю»: когда князь Олег потребовал у волхвов финансового отчета о суммах, выделенных на содержание любимого коня, волхвы вместе с князем отправились на холм, а оттуда возвратились уже без него, туманно поясняя что-то насчет «гробовой змеи»...

Это, конечно, шутка. Вернемся к вещам серьезным — русским летописям, повествующим о дате смерти князя Олега и месте его последнего упокоения. Так вот, Лаврентьевская летопись сообщает, что произошло это в 912 году, а похоронен князь во граде Киеве на горе Щелковице. Чему противоречит Новгородская летопись, уверяющая, что преставился князь Олег... в 922 году в городе Ладоге, где и похоронен.

Вот так. Обе летописи, несомненно, подлинные, что окончательно запутывает дело: практически невозможно установить, какой из документов отражает реальную дату и место княжеского погребения. Отсюда следует многозначительный вывод: нет никаких оснований в подобной ситуации безоговорочно отвергать один документ и столь же безоговорочно верить второму. Очень прошу читателя хорошенько запомнить этот тезис: в дальнейшем им не раз придется руководствоваться...

КАК БЫЛА КРЕЩЕНА РУСЬ?

Вопросительный знак здесь появился отнюдь не случайно. Классическая версия этого эпохальнейшего события известна давно: княгиня Ольга приняла крещение по обряду византийской церкви в Константинополе, где византийский император, плененный ее красою, поначалу предложил княгине стать его супругой, но хитрая Ольга заявила: поскольку-де император стал ее крестным отцом, жениться на крестной дочери ему, императору, неместно. Император устыдился и отступился. Ольга вернулась в Киев. Сын ее Святослав не проявил никакого желания последовать примеру матери и остался язычником, как и его сын, знаменитый Владимир. Лишь впоследствии, когда уже не было в живых ни Ольги, ни Святослава, ни Владимиров брата христианина Ярополка (которого убили как раз люди Владимира), Владимир вызвал в Киев мусульман, иудеев, римских христиан, византийских христиан и, выслушав аргументы каждого в защиту своей веры, остановился на византийском православии...

Эта каноническая версия основывается на одном — единственном источнике: так называемой «Повести временных лет», и самой ересью в ученых кругах считается, ежели кто дерзнет в подлинности данной «Повести» усомниться — либо усомнится в ее датировке (принято считать, что «Повесть» закончена мудрым летописцем Нестором в 1106 г.).

Лепо же нам будет, братие, начать подробный разбор сего...

Начнем с Несторова труда. Первым в России изучением «Повести временных лет» занялся ученый немец Август Людвиг Шлецер, (1735—1800), историк и филолог, пребывавший на русской службе в 1761 — 1767 гг. и выбранный почетным иностранным членом Петербургской Академии наук. Но интерес для нас должны представлять не собственно Шлецеровы изыскания, а то, что он пишет о деятельности русского историка и государственного деятеля В.Н. Татищева (1686—1750):

«В 1720 г. Татищев был командирован в Сибирь... Тут он нашел у одного раскольника очень древний список Нестора. Как же он удивился, когда увидел, что он совершенно отличен от прежнего! Он думал, как и я сначала, что существует только один Нестор и одна летопись. Татищев мало-помалу собрал десяток списков, по ним и сообщенным ему другим вариантам составил одиннадцатый...»

Любопытно, не правда ли? Оказывается, двести лет назад еще существовал десяток разнившихся меж собой «летописей Нестора» — да вдобавок некие «другие варианты»... Сегодня от всего этого многообразия остался один-единственный канонический текст — тот самый, о котором нам велено думать, что он написан в 1206 г. и является единственно правильным...

Что еще любопытнее, Татищеву так и не удалось опубликовать результаты своих трудов. В Петербурге по поводу напечатания возникли «странные возражения» (определение Шлецера). Татищеву прямо заявили, что его могут заподозрить в политическом вольнодумстве и ереси. Он попытался издать свой труд в Англии, но и эта попытка успехом не увенчалась. Более того — рукописи Татищева впоследствии исчезли. А приписываемая Татищеву «История», как указывалось еще в начале XIX века академиком Бутковым, представляла собой не

татищевский подлинник, а весьма вольное переложение, практически переписанное небезызвестным Герардом Миллером, немцем на русской службе: «„История“ Татищева издана не с подлинника, который потерян, а с весьма неисправного, худого списка... При печатании сего списка исключены в нем суждения автора, признанные вольными, и сделаны многие выпуски».

Можно еще добавить, что сам Татищев совершенно не доверял «Повести временных лет», о чем написал прямо: «О князях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе».

Что позволило Татищеву сделать столь безапелляционное заявление? В точности неизвестно. «Другие варианты» Нестора исчезли, как бумаги Казанского и Астраханского архивов, в которых работал Татищев.

Однако не стоит опускать рук — не все, но многое удастся восстановить косвенным образом.

Поездка Ольги в Константинополь действительно имела место. Сомневаться в этом не приходится по одной-единственной, но чрезвычайно веской причине: существует официальное описание приема Ольги при дворе, «*De Ceremoniis Aulae Bizantinae*», — и труд этот принадлежит авторитетнейшему свидетелю, самому византийскому императору Константину VII Багрянородному. В самом деле, в 957 г. император со всем почетом принимал киевскую княгиню. Вот только стать ее крестным отцом никак не мог — поскольку пишет черным по белому, что Ольга уже была христианкой! И в свите княгини находился ее духовник!

Кстати, была весьма прозаичная причина, по которой Константин никак не мог предлагать Ольге руку и сердце — к ее приезду он уже прибывал в законном браке...

Поистине, начинаешь верить Татищеву, что старец Нестор был «не добре сведом»!

Не верить императору Константину нет никаких оснований. В те времена языческая Русь доставляла Византии немало хлопот и беспокойства своими частыми набегами, после которых гордые ромеи выплачивали славянам немалую дань. Можно не сомневаться: принятие Ольгой крещения в Константинополе, от византийцев, было бы по любым критериям столь ошеломительным дипломатическо-политическим успехом Византии, что о нем следовало не просто упоминать — громогласно сообщить всему миру.

Однако ж не сообщили. Честно написали, что Ольга приехала уже крещеной...

Кто же ее крестил? И когда? Наконец, почему мы решили, что Ольга была крещена по византийскому обряду? Быть может, наоборот, по «латинскому», то есть римскому?

Я уже вижу, как сжимаются кулаки и слышу, как скрежещут зубы ревнителей православного варианта. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, не склонен полагаться на него только потому, что оно устоявшееся. В конце концов, столетиями верили устоявшемуся мнению, что Солнце вращается вокруг Земли...

Оказывается, давно уже существует предположение, что Ольга и самом деле приняла крещение в Киеве, в 955 г. Оказывается, в Киеве к тому времени уже стояла церковь святого Ильи (чья принадлежность константинопольской патриархии до сих пор не доказана). Оказывается, согласно западноевропейским

хроникам, в 959 г. послы Ольги прибыли к германскому императору Оттону, **ПРОСЯ О НАПРАВЛЕНИИ НА РУСЬ ЕПИСКОПА И СВЯЩЕННИКОВ !** Просьбу приняли, и в следующем, 960 г. некий монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но в Киев не смог прибыть, поскольку заболел и умер.

В том же году в епископы Руси был рукоположен монах монастыря Св. Максимиана в Трире Адальберт — и добрался до Киева. Правда, уже через год ему пришлось покинуть русские пределы.

Почему? Сторонники «несторовщины» не в силах опровергнуть сам приход Адальберта на Русь (ибо об этом пишут не только западноевропейские, но и русские хроники), однако объявили его отъезд «неприятием русскими папезского гостя». То есть — еще одним аргументом в пользу «византийской» версии Ольгиного крещения.

Меж тем отъезд Адальберта из Киева можно истолковать и по-другому. Возможно дела были не в том, что Адальберт пришел от папы, совсем не в том... В конце концов, в те времена единая христианская церковь еще не раскололась на православную и католическую, а потом мы с полным правом можем заключить, что «Повесть временных лет» написана веке в шестнадцатом, когда противостояние и впрямь стало непримиримым. А в храме святой Софии, построенном в Киеве в XII в., мозаичное изображение римского папы Климента преспокойно соседствовало с образами Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Адальберт мог покинуть Киев по причинам, как выразились бы мы сейчас, организационного характера. Историк М.Д. Приселков полагал, что Адальберт был направлен в Киев с ограниченными полномочиями — русская церковь должна быть организована как простая епархия, то есть подчинявшаяся непосредственно германскому духовенству. Ольга же вполне могла потребовать, чтобы киевская церковь стала диоцезом — автономной единицей под руководством автономного епископа или митрополита. Во всяком случае, именно эти требования в свое время выдвигали принявшие христианство от Рима владетели Польши и Чехии — и после долгой, сложной борьбы добились своего. Ольга просто-напросто могла последовать их примеру. Но — не договорились. Адальберту пришлось ехать в спешке. Впоследствии его отъезд истолковали как «неприятие» Киевом «римского варианта».

А было ли таковое неприятие? Позвольте усомниться...

О КОНСТАНТИНЕ И МЕФОДИИ.

Распространение христианства на Руси неразрывно связано с именами двух братьев — просветителей Кирилла и Мефодия. Именно они составили кириллицу — новую азбуку, пришедшую на смену старым славянским племенам, и эта азбука из Моравии и Чехии попала на Русь. Разумеется, давно принято именовать братьев «православными византийского обряда»...

Однако все было несколько иначе. Во-первых, по логике азбуку следовало бы именовать не кириллицей, а константиницей — потому что брат Мефодия именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь. К тому времени новая славянская азбука давно была им

совокупно с братом составлена...

Во-вторых, вся жизнь и деятельность братьев свидетельствует о том, что они в первую очередь были посланцами Рима. Судите сами.

Сначала Константин и Мефодий и самом деле жили в Константинополе — и были пока что не священниками, а учеными книжниками-мирянами. В 862 г. князь Ростислав, правивший Великой Моравией, прибыл к византийскому императору Михаилу и поведал ему, что Моравия отреклась от язычества, стала соблюдать христианский закон, но не имеет учителей, которые проповедовали бы христианскую веру на славянском языке.

Тогда-то и император и поручил братьям ответственную миссию. Составив новую азбуку, Константин с Мефодием прибыли в Моравию и более трех с половиной лет проповедовали там христианство, распространяя Священное Писание, начертанное той самой кириллицей (константиницей).

После чего намеревались вернуться в Константинополь... но, встретив в Венеции папского гонца, приглашавшего их в Рим, последовали за ним. Именно в Риме папа Андриан II рукоположил братьев в сан священников! Сохранилось письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, где, в частности, говорится: «Мы же, втройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершили полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божию, и крещение, начатое Божьей милостью философом Константином».

О вражде меж западной и восточной церковью пока что нет и речи — в том же послании Андриан именует византийского императора «благочестивым». Есть еще одно многозначительное упоминание: Константин и Мефодий, отправляясь в Моравию, заранее знали, что эти земли относятся к «апостольскому», то есть римскому канону. А потому ни в малейшей степени не отклонялись от римских канонов. И найденные ими мощи святого Климента отвезли не в Константинополь, а в Рим.

Остается лишь добавить, что впоследствии папа сделал Константина епископом, а также специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию.

Итак, в конце IX века в славянских землях с благословения римского папы трудами Константина и Мефодия распространялось христианство апостольское, т.е. римского канона. Распространялось среди ближайших соседей Руси, родственных и славян. Может быть, именно отсюда берет начало и появление в Киеве христианских церквей, и крещение Ольги? А Константинополь здесь и вовсе ни при чем? Лишь впоследствии, когда между Римом и Константинополем отношения испортились напрочь и дело дошло до взаимного анафемствования, летописцы вроде Нестора (жившего, скорее всего, в XV или XVI веках) постарались на совесть, чтобы вымарать все «крамольные» упоминания о крещении, первоначально принятом от посланников Рима.

Есть еще одно косвенное доказательство. Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библия на латыни) — но не в греческом и еврейском вариантах Писания. Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны

именно с Вульгаты, то есть с Библии римского канона. Да и календарь — основа богослужения — на Руси был принят не византийский, а как раз латинский. Название месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март — как на западе...

Интересно, есть ли западноевропейские источники, подтверждающие сию еретическую гипотезу?

Представьте себе, есть. Вот что сообщает хроника францисканского монаха Адемара (XII век):

«У императора Отгона III были два достопочтеннейших епископа: святой Адальберт и святой Брун. Брун смиренно отходил в провинцию Венгрию. Он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia. Когда он простерся до печенегов и начал проповедовать им Христа, то пострадал от них, как пострадал и святой Адальберт. Тело его русский народ выкупил за высокую цену. И построили в России монастырь его имени. Спустя же немного времени пришел в Россию какой-то епископ греческий и заставил их принять обычай греческий».

Поездку Бруна к печенегам российская историография, скрепя сердце, признает. Однако все остальное, написанное Адемаром, современные ученые мужи опровергают по избитой методике: «летописец заблуждался». Из двадцатого века виднее. Нестора положено считать личностью под солнцем. Адемара положено считать невеждой, переложившим на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи. Нестор ложится в концепцию, Адемар же категорически неудобен...

Так и живут. Присочинив попутно, что княгиня Ольга сожгла град Коростень... реактивными снарядами, полученными от византийцев. Доказательством служит как раз то, что ни единого упоминания об этом в византийских документах нет — значит, конспирация была строго соблюдена...

СМЕРТЬ НА ДНЕПРЕ.

Многие историки давно уже соглашались, что убийство князя Святослава печенегами у днепровских порогов — история гораздо более сложная и загадочная, чем официальная версия, согласно которой Святослав, возвращаясь после войны с ромеями, чисто случайно напоролся на превосходящие силы степняков. Так что здесь я не открываю никаких Америк. Пока...

История, в самом деле, загадочная и грязненькая. Судите сами. После продолжавшихся два месяца схваток у болгарской крепости Доростол Святослав заключил с византийским императором Иоанном Цимисхием, в общем, довольно почетный мир. И поплыл с дружиной в Киев, поздней осенью. Согласно летописям, русским стало известно, что у порогов печенеги устроили засаду...

И вот здесь что-то происходит! Что-то навсегда оставшееся загадкой. Большая часть дружины с воеводой Свенельдом во главе уходит в Киев по суше, степью — и благополучно добирается до города!

Что касается князя Святослава, он вдруг начинает вести себя более чем странно. С меньшей частью дружины остается... зимовать то ли на берегу, то ли на одном из днепровских островов. Зима выдалась лютая, еды почти нет,

летописцы подчеркивают, что русские бедствовали несказанно: «...по полгривны платили за конскую голову, врагом были болезни». Весной Святослав, даже не пытаясь пройти степью, по которой благополучно ушел Свенельд, вновь плывет по Днепру. Печенеги, что странно, отчего-то зимовали здесь же — они по-прежнему подстерегают князя и убивают...

Странностей выше допустимого. Почему Святослав не ушел в Киев степью? Означает ли уход Свенельда, что в русском стане произошел раскол? В истории вроде бы не отмечены какие-то действия Святослава, вну шившие печенегам непреодолимое желание за что-то отомстить князю...

Темная история. И потому ее не единожды называли «заказным убийством». Полное впечатление, что Святослав прекрасно понимал: в Киев ему идти нельзя. Почему? Что там могло случиться?

Поначалу во всем винили византийцев, якобы подкупивших печенежского кагана Курю. Однако впоследствии было блестяще доказано: ромеям просто не хватило бы времени организовать довольно сложную операцию. Не успели бы они снестись с печенегами...

Тогда? Покойный Л. Н. Гумилев предложил довольно изящно построенную версию. Согласно ей, заговор против Святослава был затеян старшим сыном Святослава Ярополком, стоявшим во главе киевских христиан. Другими словами, набиравшая силу христианская партия таким образом отделалась от одного из самых влиятельных своих противников. Благо под рукой имелся киевский воевода Претич, несколькими годами ранее ставший побратимом печенежского кагана Кури — он, скорее всего, и стал «связником».

Косвенным подтверждением этой версии служит Иоакимовская летопись, где смерть Святослава объявлена божьей карой за то, что князь в 971 г. расправился с киевскими христианами и велел разрушить некую церковь.

Вообще-то, Иоакимовская летопись давно признана компилятивным источником, составленным в XVII веке, которому «доверять без проверки нельзя» (академик Б. Рыбаков). Сам академик считал, что доказательством является постамент языческого бога в центре Киева, который «был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.».

Правда, приведенное академиком Рыбаковым «доказательство» свидетельствует лишь о том, что христианский храм был некогда разрушен, — но никак не о том, что в разрушении повинен князь Святослав...

Читатель вправе недоуменно воскликнуть: «Позвольте! Ведь достоверно известно, что Святослав, не в пример матери Ольге и старшему сыну Ярополку, был приверженцем язычества!»

Верно, известно. Из рукописи Нестора. Но в последние годы появились свидетельства, заставляющие снова вспоминать о характеристике, данной Нестору Татищевым...

В вышедшей недавно книге «Империя» московские математики Носовский и Фоменко, известные интереснейшими работами на тему «новой хронологии», привели большие отрывки из книги Мауро Орбини, посвященной славянской истории. Книга эта впервые издана в 1601, и ее автор, «архимандрит Рагужский», основывался на огромном количестве средневековых источников, просто-напросто не дошедших до нашего времени.

Кстати, лично я не согласен с Носовским и Фоменко в том, что определение «архимандрит Рагужский» связывает личность Орбини с балканским либо итальянским городом Рагуза. Право на существование имеет и другая версия: Орбини был *австрийцем*. Слово «рагужский» вполне могло означать искаженное «ракусский» — то есть «австрийский». В старых русских книгах титулом «арцыкнязь ракусский» именуется германский император Максимилиан, и в самом деле имевший среди подвластных ему земель и Австрийское герцогство. А в современном чешском и словацком Австрия так и называется — «RAKOUSKO»...

Но вернемся к Святославу. В книге Орбини мне попалась прелюбопытнейшая строка: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, **ШЕДШИЙ ПО СТО ПАМ МАТЕРИ В БЛАГОЧЕСТИИ И ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ**».

Каково? Это означает, что в прошлом, кроме навязшего в зубах «Нестора», существовали и другие источники, рассматривавшие князя Святослава несколько иначе, нежели «несторовцы». Какой еще вывод можно сделать из вышеприведенной цитаты?

В самом деле, получалось несколько странно: мать Святослава — ревностная христианка, старший сын — ревностный христианин, зато сам он — язычник... Режьте мне голову, но здесь присутствовала некая психологическая нестыковочка.

Если сообщение Орбини правдиво (а какие у нас основания априорно считать его ложным, отдавая предпочтение Нестору?) и князь Святослав был христианином, события на Днепре можно истолковать несколько иначе...

Святослав остается зимовать на Днепре, потому что прекрасно сознает грозящую ему из Киева угрозу — но исходит эта угроза не от христианской партии Ярополка, а от языческой Владимира. К каковой принадлежит и бросивший Святослава Свенельд, и, возможно, Претич. В Киеве готовится антихристианский переворот, а потому Святослава, как ревностного и влиятельного сторонника христиан, необходимо убрать...

И убирают — руками печенегов. Имя их кагана присутствует в разных толкованиях — Куря, Курей, Кур... Интересно заметить, что в тюркском языке есть слово «Кур», которым принято называть одноглазого — потерявшего один глаз в результате травмы либо бельмастого. Быть может, «люди кагана Кури» — на самом деле — «банда Кривого»?

Кстати, некоторые источники уверяют, что Святослав был убит не на берегу Днепра, а на острове Хортица. Согласно свидетельству уже упоминавшегося Константина Багрянородного, на этом острове, у огромного дуба, русы-язычники совершали свои жертвоприношения, убивая живых петухов. Работы современных археологов это сообщение вполне подтверждают.

Интересно, есть какая-то связь между насильственной смертью христианина Святослава и языческим святилищем, расположенным поблизости от места убийства князя? Быть может, не случайно его кровь пролилась именно на Хортице? Жертвоприношение?

И, наконец, есть летопись, где прямо сказано, что Святослав не запрещал своим людям креститься — «не бороняше»...

Все последующие события без малейшей натяжки укладываются в гипотезу о христианине Святославе. Владимир убивает брата, христианина Ярополка. И устраивает в Киеве знаменитое языческое святилище, о котором написано слишком много (а посему не стоит цитировать здесь бесспорные источники). Возможно, именно по приказу Владимира (даже наверняка — в рамках нашей версии) была разрушена та христианская церковь, чьи камни и фрески легли в постамент грандиозного языческого капища.

Кому понадобилось превращать Святослава в закоренелого язычника, догадаться легко. Впоследствии, когда во множестве стали сочиняться апологетические описания «жития святого Владимира», христианин Святослав стал словно бы и неудобен. Главная заслуга в крещении Руси должна была достаться именно Владимиру. Тогда-то, надо полагать, цензорские ножницы и прошлись по летописям, не укладывавшимся в официальный канон. Всякие упоминания о первоначальном принятии Русью крещения от посланцев Рима были изничтожены (правда, руки коротки оказались, чтобы дотянуться до западноевропейских документов вроде хроники Адемара). Фигура упорствующего в своих языческих заблуждениях Святослава как нельзя лучше оттеняла светлый образ Владимира Крестителя. Подозреваю, правщики истории с величайшей охотой проделали бы ту же метаморфозу с княгиней Ольгой. Однако тут уж приходилось соблюдать минимум приличий — слишком много было свидетельств о ее принадлежности к христианству, а прах княгини покоился в Десятинной церкви, откуда удалить его было бы трудновато. Зато Святослав, погибший где-то далеко, как нельзя лучше подходил на роль «защитника язычества», благо протестовать было некому. А вероломное убийство Ярополка... Некий историк объявил князя «злопамятным и завистливым». Не объясняя, понятно, на основании чего пришел к такому выводу. Главное, злопамятного и завистливого словно бы и не жалко.

Интересно, настанет когда-нибудь момент, когда не келейно, а с широким оглашением воздадут должное памяти христианского мученика Святослава, павшего от руки язычников за веру? Или по-прежнему будет торжествовать «несторовщина»?

И ПРИШЛИ МИССИОНЕРЫ.

Чтобы должным образом оценить «правдивость» летописи Нестора, «Повести временных лет», а также доказать, что она никоим образом не могла быть составлена в 1106 г. (году в 1606, а то и позже — так будет гораздо вернее), подробно рассмотрим один из ключевых эпизодов сего творения: рассказ о событиях, якобы происшедших перед принятием Владимиром христианства.

По Нестору, сначала к Владимиру один за другим, словно по некоему предварительному сговору (совершенно невозможная вещь!), являются некие посланцы, исповедующие ту или иную веру: мусульмане, «немцы из Рима», евреи и греки. Начинает мусульманин:

«И спросил Владимир: „Какова же вера ваша?“ Они же ответили: „Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами“. И далее сообщают

князю: оказывается, и в этой, земной жизни, можно „невозбранно предаваться всякому блуду“.

Каково? Вы можете себе представить ревностного миссионера, который в проповеди перед язычниками упирает главным образом на то, что его вера позволяет «невозбранно предаваться всякому блуду»? Лично я как-то не в состоянии. Либо миссионер этот — законченный дурак и развратник (а отправят ли такого в столь ответственную миссию?), либо вся эта история выдумана от начала и до конца гораздо позже описываемых событий, когда неприязнь меж православием и мусульманством достигла высокого накала (чего просто не могло быть в X веке нашей эры).

С «немцами из Рима» дело обстоит еще анекдотичнее. В защиту своей веры они, согласно Нестору, оказались способны промямлить одну-единственную косноязычную фразу: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу божию, как сказал учитель наш Павел».

Брешет, конечно, наш «очевидец» — как сивый Нестор... Но интерес для нас должны представлять не те глупости, что Нестор вложил в уста «немцам», а само употребление этого слова — «немцы», неопровержимо доказывающего, что «Повесть» сочинена не ранее шестнадцатого столетия. Именно в то время вошло в употребление в России слово «немец», служившее для обозначения любого западноевропейца. В средневековье на Руси западноевропейцев называли совершенно иначе: «фрязы» либо «латины». Для примера: в 1206 году, узнав о взятии крестоносцами Константинополя, русский летописец заносит эту новость на скрижали в следующем виде: «...Царьград завоеван и частию сожжен варягами, или латинами». И подобных примеров — множество...

Вслед за магометанами и «немцами» испытать на себе убийственное остроумие князя Владимира настал черед иудеев. «Владимир спросил их: „А где земля ваша?“ Они же сказали: „В Иерусалиме“. Снова спросил он: „Точно ли она там?“ И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам, **А ЗЕМЛЮ НАШУ ОТДАЛ ХРИСТИАНАМ** ».

Я не зря выделил последние слова. Именно в них и кроется ахиллесова пята «Повести». Согласно датировке, которая, в общем, сомнению не подвергается, этот интересный разговор происходил в 986 году от рождества Христова.

То есть в те времена, когда в Иерусалиме, на землях бывшего еврейского государства, не было никаких христиан! Первые крестоносцы появились в Палестине лишь сто с лишним лет спустя после описываемых событий — в 1096! Вывод: «Повесть» написана не ранее конца одиннадцатого — начала двенадцатого столетия (а согласно тому, что выше говорилось о слове «немцы», — и того позже).

Потом, разумеется, приходят греки и закатывают речь на дюжину страниц, после которой Владимир, естественно, именно им и отдает предпочтение. Но приключения на этом не кончаются: Владимир отправляет «мужей славных и умных, числом десять» — чтобы побывали в мусульманских землях, у «немцев» (!), а также посмотрели, как молятся богу греки в Царьграде. Славные и умные мужи добросовестно съездили к болгарам-мусульманам (не понравилось, понятно), потом побывали «у немцев» (с тем же результатом), и, наконец, оказались в «Греческой земле». Откуда вернулись очарованными, о чем и

доложили князю в крайней степени восхищения: «И ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом».

Делайте со мной что хотите, но я твердо уверен, что Нестор — поганый русофоб. Иного определения для него и не подберешь. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями, только вчера слезшими с деревьев и не без труда оторвавшими у себя хвосты... По Нестору, киевляне в 986 году от Рождества Христова были некими тупыми существами с девственно чистыми мозгами. Они впервые слышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры», они понятия не имели о церковных службах по православному канону — и, угодив в совершенно незнакомую им «землю Греческую», предстали папуасами, разинувшими рты перед сверкающими бусами...

К счастью, реальная история выглядела совершенно иначе. К концу X века русские уже достаточно долго общались с волжскими мусульманами-болгарами, а следовательно, должны были составить некоторое представление об исламе. А христианство, как мы помним, давно пустило в Киеве глубокие корни, и церкви там существовали еще до Владимира, так что для ознакомления с «греческой верой» не было нужды отправлять «славных мужей» в далекий Царьград, расходуя казенные денежки...

Один мой знакомый, ознакомившись с этой историей, высказал циничное предположение: по его мнению, «девятеро славных мужей» преспокойно промотали командировочные денежки, отсиживаясь где-то в Киеве, а нужные сведения почерпнули, вовсе не выезжая из стольного града. Как же иначе, если церковь византийского обряда в те времена преспокойно существовала в Киеве?

Это, конечно, шутка — *наши* представления о десятом веке. Вряд ли в те времена удалось бы отколоть такой номер. Вся история с прибытием миссионеров разных религий и «путешествии девяти славных мужей» вымышлена Нестором от начала до конца. Плохо только, что на творение сего блудливого пера до сих пор принято ссылаться, как на бесспорную истину. Вот вам мнение академика Б. А. Рыбакова: «Историко-географическое введение Нестора в историю киевской Руси, написанное с небывалой широтой и достоверностью, заслуживает полного доверия с нашей стороны».

Насчет широты, мне представляется, почтенный академик совершенно прав. Но вот каким волшебным образом он проверил «небывалую достоверность» Несторовых творений, остается тайной за семью печатями. Лично для меня, по крайней мере. Как ни ломал голову, не смог определить: на основании каких источников Нестор утверждает, что «от Адама до потопа прошло 2242 года»...

Гораздо больше мне нравится высказывание нашего знаменитого историка Д. Иловайского, написавшего однажды по поводу одного особо выдающегося Несторовского пассажа: «Тут видим совершеннейшую бессмыслицу». В яблочко...

О БЕДНЫХ ХАЗАРАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Пожалуй, больше всего оскорблений российская историография высказала в

адрес хазар. Остальных южных соседей древних славян тоже не особенно жаловали летописцы и позднейшие историки — но половцев и печенегов поливали грязью все же не в пример меньше. Традиция оказалась устойчивой — великий поэт А.С. Пушкин припечатал хазар несмываемым эпитетом «неразумные», а крупный (но порой чрезмерно увлекавшийся собственными идеями) историк Л. Гумилев нарисовал предельно отталкивающую картину государства-паразита — Хазарского каганата, обложившего тяжелой данью всех ближних и дальних соседей. Мало того, по Гумилеву, власть в Хазарии, оказывается, захватили злокозненные пришельцы иудейской национальности, усиленно обращавшие в свою веру простодушных сынов степей. Разумеется, последняя версия была с радостным визгом подхвачена нацистами отечественного разлива, поднявшими шум вселенский об извечных кознях жидомасонов, еще тысячу лет назад обкатывавших на русских землях свой сатанинский план порабощения народа-богоносца...

Откровенной клиники мы постараемся избегать — всего лишь попытаемся разобраться в «хазарской загадке». Загадка эта существует до сих пор, и интерес к ней, судя по последним работам историков самых разных направлений, не падает.

Действительно, какое-то время иные славянские племена — поляне, северяне, вятичи и радимичи — платили дань Хазарскому каганату. Вот только понятие «дань» в те далекие времена было крайне растяжимым. Одним и тем же словом могли называть и постоянные выплаты, и деньги, полученные прямо-таки рэкетирскими методами...

Вот именно. Рэкет был прекрасно известен уже в ту эпоху. Скажем, киевское войско подступало к стенам Константинополя и объявляло, что уйдет не раньше, чем ему заплатят определенную сумму. Подобную «дань» Византия (самое мощное государство региона!) платила и русским князьям, и дунайским болгарам, да едва ли не всем своим соседям. Кроме того, у всех народов было в большой моде останавливать идущие из дальних мест купеческие обозы и даже воинские дружины, требуя с них опять же «дань» (шутки шутками, но, похоже, именно отсюда пошел русский деревенский обычай, когда парень, «ходивший» с девкой с чужой улицы, вынужден был ублаготворить парой бутылок своих ровесников с означенной улицы — иначе «амор» осложнялся до предела). Проезжающие, скрепя сердце, платили — куда денешься?

Словом, точных деталей нет. Доктор исторических наук А. Кузьмин сделал любопытный обобщающий вывод: «Летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимавшейся хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой».

Есть еще одна интереснейшая версия «хазарской дани», но об этом чуть позже. Поговорим об иудаизме хазар и некоторых загадках, отсюда истекающих.

То, что часть хазар иудаизм все же исповедовала, наука подтверждает. Известный историк-эмигрант, профессор Йельского университета Г.В. Вернадский был крайне категоричен в суждениях: «В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм... главным центром иудаизма древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там с хазарского

периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве. Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси. По крайней мере, один из русских епископов этого периода Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Илариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством».

Вряд ли стоит подвергать сомнению вышесказанное (поскольку оно подтверждается многими источниками) — за одним-единственным исключением. В той части, где речь идет о еврейских захожих миссионерах.

Потому что здесь — нестыковочка. Дело в том, что классический, ортодоксальный иудаизм (а иного в X веке просто не существовало) как раз категорически запрещает своим приверженцам вести миссионерскую деятельность среди иноверцев. Это, понятно, не значит, что того, кто решил обратиться к иудаизму, отвергают автоматически — но миссионерство прямо и недвусмысленно запрещено. (Кстати, в обряд принятия иудаизма и сегодня входит ритуал, когда неофита трижды уговаривают отказаться от своего решения.)

Кроме того, версия, согласно которой «захожие иудеи» захватили власть в Хазарии и стали правящей кастой, опровергается самой историей: за последние две тысячи лет иудеи нигде, ни в одной стране, не «захватывали» власть и не становились «правлящей верхушкой». Кроме Хазарии, как ни странно. Поневоле напрашивается вывод, что Л.Н. Гумилев по милому своему обыкновению чересчур поэтически подошел к трактовке истории средневековья, создав легенду о коварных захватчиках.

Более правдоподобным (хотя, безусловно, способным многих шокировать) представляется другой вариант: никакого, еврейского нашествия не было. Никакой власти в Хазарии коварные иудеи не захватывали. Хазарию населяли родственные славянам народы, часть которых **приняла** иудаизм. Самое обычное дело для тех времен, когда «ареалы» распространения тех или иных религий еще не устоялись окончательно в том виде, как они нам знакомы. Русь приняла христианство — но это вовсе не означало переселения византийцев на ее земли. Западные славяне приняли христианство от Рима — что опять-таки не есть результат «переселения» римлян на польские или чешские земли и захвата ими там власти. Ну, а часть славян-хазар приняла иудаизм, не будучи по крови евреями (в конце концов, даже сейчас в России есть несколько деревень, где жители, русские по крови, исповедуют классический иудаизм).

Сохранившиеся свидетельства тех времен как раз и работают на эту версию. Следов «пришлой еврейской верхушки», как ни старались, не обнаружили. Зато хватает иных многозначительных упоминаний. В хазарском городе Саркеле (как и в других канагатах) так и не обнаружены следы еврейской письменности. Зато тюркских надписей — сколько угодно [3]. Та же картина и в Шарукани. И в Саркеле, и в Шарукани жили, кроме хазар, славяне, в том числе и христиане. Есть

упоминание, что в 1111 году, во время похода русских князей на половцев, население Шарукани открыло ворота не перед угрозой применения военной силы, а перед попами, певшими молитвы...

Вот что писал персидский историк XIII века Фахр ад-дин Мубаракшах: «У хазар есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются меж собой... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудаизм».

Вот так. Общеизвестно, что евреи пишут справа налево... Хазары заимствовали веру, но не письменность.

Уже упоминавшийся Татищев на основании каких-то утраченных материалов считал, что хазары — славяне. И оставил крайне примечательную запись: согласно его изысканиям, киевские иудеи говорили на... славянском языке.

Следовательно, и «киевские евреи» — не более чем славяне, принявшие иудейскую веру. Отсюда и Лука Жидята, обязанный своему прозвищу, скорее всего, происхождением из рода славян-иудеев. Кстати, в XII веке встречается отчество «Жидиславич», которое могло образоваться только от имени Жидислав.

Схожие аргументы можно подыскать и в русском эпосе — в древних былинах. Там, оказывается, действует богатырь с определенно еврейским именем Саул. Там Илья Муромец сражается с «богатырем Жидовином из земли Жидовинской» [4]. Там часто мелькают витязи, которых называют «жидове козарские» — вроде богатыря Михаила Козарина. Обратите внимание — витязи. Не ростовщики с пачкой векселей в сумке, а настоящие богатыри, восседающие в доспехах на борзых конях.

Итак, мнение о том, что хазары — это славяне, родилось не сегодня. После Татищева, в начале XIX века, о том же писал в своей «Истории русов или Малой России» архиепископ Белорусский Георгий Кониский: «Козарами (именовали. — А.Б.) всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги, а сие же название получили наконец и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они вонне своих пределов, то другие гражданского состояния жители делали им подмогу, и для сего положена была у них складка общественная, или подать, прозванная наконец с негодованием дань козарам. Воины сии переименованы от царя греческого Константина Мономаха из козар — казаками, и такое название навсегда уже у них осталось».

Хазары-козары — предки казаков? Что ж, эта гипотеза вовсе не выглядит надуманной. Любопытно, что средневековые авторы, описывая внешность хазар, упоминают высокие шапки с матерчатым верхом, свешивающимся на сторону — шапки такие казаки носили еще в XIX столетии. Любопытно, что версия о «дани козарам» как налоге на содержание своего же войска находит подтверждение и в русских летописях: незадачливый князь Игорь, убитый древлянами, как раз и шел собирать «дань козарску»! Вассалом хазар он не был. Значит...

Тот, кто посчитает вышеприведенные гипотезы творением русских шовинистов, просчитается. Почти то же самое писали и католические авторы. Есть два знаменитых польских историка — Мартин Вельский (1495—1575),

автор «Хроники Польши» и 10-томной «Хроники всего света», Матвей Стрыйковский (1547— 1593), автор «Хроники польской, литовской, жмудской и русской». Оба в своей работе использовали огромное количество античных сочинений, работ польских, литовских и белорусских хронистов, не дошедших до нашего времени. И оба отчего-то писали о родстве хазар, половцев и печенегов со славянскими племенами литовцев и ятвягов...

Современные историки, хотя и не располагали теми документами, что имелись в распоряжении польских хронистов, тем не менее старательно заклеили обоих за «ошибки». Вновь с презрительной миной было произнесено: «Летописец ошибается». Потому что в дошедших до нас летописях написано нечто иное.

Меж тем и Вельский, и Стрыйковский, хотя и были «латинянами», пользовались огромным авторитетом у русских историков допетровской эпохи — надо полагать, оттого, что эти историки имели в своем распоряжении схожие древние документы. В главе «Призрак Золотой Орды» читатель столкнется с подлинными сенсациями, многое переворачивающими в нашем устоявшемся мировоззрении...

О печенегах и половцах. Нынешние ученые создали крайне своеобразную теорию, согласно которой все три народа «сменяли» друг друга. Хазар «сменили» печенеги. Печенегов «сменили» половцы. Половцев «сменили» татары. Цепочка получается довольно стройная, но страдает существеннейшим недостатком: никто из историков так и не смог внятно объяснить: куда же девались те, кого «сменили» и «вытеснили»? Неужели печенеги, придя в южнорусские степи, вырезали хазар до последнего человека, впоследствии их самих под корень уничтожили половцы, а тех уж вырезали татары...

Вздор, конечно. Никто никого не «сменял» и не «вытеснял». Просто названия народов подвержены таким же изменениям, как и имена городов. Те, кого в разные времена называли то хазарами, то половцами, то печенегами, продолжали мирно (или не вполне мирно) обитать на отчих землях. И были, судя по описаниям, людьми вполне славянского облика: само слово «половый» означает светло-соломенный цвет, так что половцы были русыми... А еще они были не кочевниками, а вполне оседлым народом — у одного несправедливо забытого историка допетровской эпохи (с чьими трудами мы подробнее познакомимся чуть погодя) написано четко и недвусмысленно: **«...были разрушены ГОРОДА и КРЕПОСТИ и ДЕРЕВНИ половецкие... »**

Косвенным подтверждением родства славян и хазар служит титул, которым величались предводители и тех, и других...

Любой, безусловно, согласится, что строчка из хроники: «...и встретились для совета три короля, два герцога и три барона» может относиться исключительно к Европе. А упоминание о встрече на высшем уровне меж несколькими «султанами» касается только исламского мира. И общность «короли», и общность «султаны» подразумевает для своих членов общую религию, схожие культуры, близость по уровню развития...

Так вот, титул, который носил глава Хазарского каганата, имел распространение не в одной Хазарии. «Каганами» были правители авар, болгар, венгров... и славян! Академик Рыбаков пишет: «Византийский титул (царь. —

А.Б.) пришел на смену восточному наименованию великих князей киевских «каганами». В том же Софийском соборе на одном из столбов северной галереи была надпись: «Кагана нашего С...» Заглавная буква С, стоявшая в конце сохранившейся части надписи, может указывать на Святослава Ярославича или Святополка Изяславича».

Митрополит Иларион (1051 —1054), первый русский по происхождению, занявший этот высокий пост, написал сочинение «Учение о Ветхом и Новом законе» [5], куда вошла и «Похвала кагану нашему Владимиру». Так и в тексте: «...великие и дивные дела нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли, Владимира...»

Сюда примыкает и западноевропейская Вертинская летопись, сообщающая о приезде в 839 г. к императору Людовику Благочестивому послов от русского кагана...

Хазары, отчего-то считавшиеся исчезнувшими, частенько появлялись в летописях уже гораздо позже той даты, согласно которой их города были начисто уничтожены русскими князьями. В 1203 г. «Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Примерно к тому же времени относятся упоминания о хазаро-черкесском князе Георгии Чуло, который, судя по имени, мог быть исключительно христианином. Кстати, «черкесы» эти, как и хазары, были не теми черкесами, которых мы знаем сегодня, а черкасами, предками нынешних казаков. Об этом следует помнить и в дальнейшем — «черкесы» в русских древних документах всегда означает не воинственный кавказский народ, а предков нынешних казаков. Полезно помнить, что один из самых больших казачьих городов так и назывался: Новочеркасск.

Одним словом, никогда не было противостояния славян и «неразумных хазар». Вплоть до Кавказского хребта обитали родственные племена славян — древляне, поляне, киевляне, хазары. Иные из этих славян, как ни прискорбно покажется это иному «патриоту», исповедовали иудаизм — а иные, как мы увидим впоследствии, мусульманство, подобно волжским болгарам: «...названные от реки Волги волгары или болгары, которые имели начало свое от преславного и многонародного народа словенского».

Кстати, версия о том, что в Хазарию якобы пришло одно из еврейских колен, была выдвинута итальянцем Джованни Ботеро в конце XVI века, но уже тогда к нему относились с нескрываемым скептицизмом, поскольку загадочная «страна Арсатер», о которой писал итальянец, никоим образом не ассоциировалась в глазах наших земляков с Хазарией — скорее уж с Индией...

ВИРТУАЛЬНОСТЬ-1: ТИАРА НАД РОССИЕЙ.

В этом разделе мы рассмотрим один из интереснейших вариантов несбывшейся, альтернативной истории: что произошло бы с Россией и с миром, останься наши предки в «зоне влияния» католической церкви. Конечно, для создания детальнейшего виртуального варианта потребовался бы долгий труд многих специалистов, применение ЭВМ, а посему ограничимся общими зарисовками, касающимися наиболее ключевых моментов. Нет смысла очень уж виртуозно извращаться, выдумывая совершенно новых исторических лиц и

исторические коллизии. Проще считать, что основные «фигуранты» Большой Истории остались теми, кто нам известен сейчас. И для того есть веские причины. Не все зависит от религии. Характер и поведение многих выдающихся персонажей европейской истории далеко не во всем обуславливались верой, которую они исповедовали. Иван Грозный, окажись он не православным, а католиком, с той же неутолимой яростью боролся бы с магнатами-боярами и отстаивающими свои старинные вольности городами, и голов слетело бы ничуть не меньше. В чем убеждает опыт английского Генриха Восьмого, чье правление ознаменовано более чем 72 000 казненных, равно как и герцога Ришелье, крушившего пушками замки дворянской вольницы и кроваво подавлявшего любые попытки сепаратизма. И так далее, примеры слишком многочисленны...

Меньше всего я хотел бы задевать чьи-то религиозные чувства, но никак не в силах отделаться от убеждения, что в «византийском» каноне (который вовсе не следует механически отождествлять с православным !) таится некая полумистическая отравка, причинявшая массу бедствий и потрясений странам, имевшим несчастье с ним соприкоснуться. Даже русские авторы, не видящие себя вне православия, не раз грустно отмечали, что «византийское наследство», по сути, привело к тому, что русское православие столетиями оставалось пронизанным метастазами язычества, сплошь и рядом заводившего в тупики, весьма далекие от христианских канонов. Вопрос этот слишком обширный и сложный, чтобы излагать его хотя бы вкратце, замечу лишь вскользь, что судьба стран, принявших византийский канон — Россия, Болгария, Греция, Сербия, — форменным образом выламывается из европейской истории, отличаясь ненормально большим количеством невзгод. Здесь и роковые смуты, ставившие порой под сомнение само существование нации, и многовековое прозябание под иноземным игмом, и едва ли не полная потеря духовно-национальных корней — не говоря уже о периодах глупейшей самоизоляции.

Для сравнения можно отметить, что грузинская и армянская православные церкви (православные, но не «провизантийские»!), несмотря на то, что долгими столетиями находились под страшным иноверческим давлением, все же сумели сберечь те самые духовные, национальные и культурные корни народа. Как ни больно и тяжело говорить, но в сопоставлении, например, с грузинским народом русские, увы, выглядят скорее населением. Конечно, в этом чертовски модно упрекать злодеев-большевиков, но большевики, будем честными перед самими собой, стали лишь логическим завершением длившегося несколько сот лет гнилостного процесса...

Все проклятия в адрес католической церкви (сплошь и рядом вызванные откровенным незнанием предмета) не в силах заслонить очевидного факта: ни одна католическая страна не лишилась своей национальной либо духовной самобытности. Скорее уж наоборот. А пресловутая «тяга католических иерархов к светской власти» несла полезнейшую функцию: сильная церковь была независима от самодурских прихотей той или иной коронованной особы. Испокон веков повелось, что самодур на троне глух к благостным пастырским увещаниям, а вот перед лицом реальной силы вынужден сбавить обороты...

Все вышесказанное, разумеется, не значит, что католическая церковь за свою долгую историю была свободна от пороков и промахов. Люди — создания

несовершенные, а посему склонны к порокам и преступлениям независимо от сана. Пили, блудили, воровали. Доходило до полуанекдотических случаев вроде того, о каком рассказывает в своей хронике немецкий монах Ламберт. На некоем празднестве аббат Фульдский вознамерился сесть рядом с архиепископом, но епископ Гильдесгеймский стал доказывать, что сие почетное место вправе занять только он. Духовные особы расстались врагами. А вскоре, в праздник Троицы, сторонники епископа и сторонники аббата схватились меж собой прямо в церкви, в ход пошли не только кулаки, но и мечи...

Можно вспомнить и о случаях, когда в католических святцах были обнаружены не то что «недостойные» — личности, о которых вообще ничего не было известно, и расследовавшей это дело высокой духовной комиссии пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось навести порядок и вычеркнуть «мертвых душ»...

Но все это — частности. Главное же в том, что католицизм, как уже говорилось, лишь способствовал национально-духовному процветанию принявших его народов, в том числе и славянских. И потому чуточку смешно выглядят «обличения» одного весьма крупного историка прошлого столетия в адрес злокозненных «езуитов». Судите сами. Историк негодует главным образом по поводу того, что коварные иезуиты «портили» украинскую молодежь XVII столетия — вместо того, чтобы и далее продолжать свое образование в культурных центрах вроде Яблонца (знает кто-нибудь, где это?!), по наущению иезуитов и за их счет юноши отправлялись учиться в Австрию, Францию, Испанию и Италию. В самом деле, коварство иезуитов тут превосходит всякие границы — вместо загадочного Яблонца юные славяне были обречены прозябать под небом Флоренции, Вены или Мадрида...

Интересно, многие ли знают, что само понятие «права человека» оказывается неразрывно связанным с деятельностью в Южной Америке монахов-иезуитов?

Источник авторитетный: доктор философских наук, профессор Мераб Мамардашвили. Вот что он говорил в одном из интервью, вспоминая о знаменитом «государстве иезуитов» в Парагвае:

«Есть одна интересная закладка! Эта страна нам представляется одним из образцов социальной несправедливости и тем самым революционности ситуации. Причем несправедливости исторической, заложенной испанцами как завоевателями и закреплённой идеологически, духовно католической религией в лице прежде всего ордена иезуитов... Вы знаете источник, исторический источник самой концепции прав человека? Тех самых прав человека, которые являются достоянием европейской культуры и прежде всего, конечно, лицом, *familier mot* которых является Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная Французской революцией? Фактом является... то странное обстоятельство, что концепция прав человека изобретена испанскими иезуитами. Это странно ведь. Было бы естественным, если бы концепцию и саму идею прав человека изобрел, скажем, кто-то из французских энциклопедистов или сторонник и последователь английского *Home book* — Великой хартии. Но вот частью и итогом довольно интенсивной интеллектуальной работы, которую иезуиты вели, и, как предполагается, в своекорыстных целях, явилась разработка самого понятия и концепции прав человека в современном значении этого термина — концепции,

заложенной как в Декларации Французской революции, так и в Декларации ООН, и так далее и так далее... иезуиты ведь христиане, это христианский орден, а понятие личности фундаментально для христианства. Почему вот эти страшные завоеватели, эксплуататоры и грабители вдруг оказались участниками чего-то совсем другого и прямо противоположного — участниками движения за права человека?»

От себя добавлю, что покойный философ никоим образом не был связан с католичеством — тем ценнее его свидетельство...

Вернемся к нашей «виртуальной реальности». Конечно, Русь, останься она католической, ничуть не была бы избавлена от княжеских распрей и междоусобных войн — этот печальный период пережила и католическая Европа. Однако при католическом пути у России был бы нешуточный шанс на создание огромной славянской сверхдержавы...

Шанс этот касается Великого Княжества Литовского. Хочу сразу предупредить читателя: это могучее некогда государство не имело никакого отношения к *нынешней* Литовской республике и нынешним литовцам, которых правильнее именовать так, как они сами себя называют: «летувяй».

Предками нынешних «летувяй» были языческие народы балтийской группы — жемайты и аукштайты. Именно они населяли Жемайтию (Жемойтию, Жмудь, княжество Самогитское), занимавшее небольшую часть нынешней Литвы. Свою независимость это княжество со столицей в г. Расейняй сохраняло лишь двадцать пять-тридцать лет, после чего вошло составной (и не самой важной) частью в государство, именовавшееся полностью «Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское». Можно добавить еще, что балто-литовский язык жемайтов не имел своей письменности до середины XVI века.

А вот «литовцами» в те времена именовались предки нынешних белорусов, звавшихся сначала гудами (гудзинами), потом — кривичами и литвинами-литовцами (того, кто интересуется более подробным изложением этих тезисов, можно отослать к трудам лингвиста И. Ласкова, кандидата философских наук Я. Тихоновича, филолога и историка, профессора М. Ермаловича). Племя под названием «литва» обитало на юге нынешней Литвы, в верховьях Немана, в окружении родственных славянских племен — ятвягов, кривичей и лехетских радимичей, переселившихся туда из Мазовии (некогда самостоятельного княжества, населенного родственными полякам мазурами, потом — одной из областей Польши). В первой половине XIV века, во времена великого князя Витовта, Великое Княжество занимало Литву, или Троцкое и Виленское воеводства, а также Белоруссию примерно в нынешних границах, Украину (без Галиции), часть Смоленщины, бывшие Калужскую, Орловскую и Курскую губернии.

В 1382 г. князь Ягайла (впоследствии король польский Ягелло) убил Кейстута, отца Витовта. Чтобы отомстить, Витовт и его брат Скиргайла призвали на помощь крестоносцев, а в качестве платы отдали им Жемайтию. Стоит упомянуть, что Витовт и до того, и после, в компании крестоносцев и один, в буквальном смысле слова заливал языческую Жемайтию кровью, дарил ее, уступал, переуступал, разве что не проигрывал в карты. Отсюда ясно, что соплеменниками ему жемайты не были — с отчей землей так не обращаются. А

потому по меньшей мере странны нововведения нынешних литовцев: Витовта они отчего-то переименовали в «Витаутаса» и назвали «отцом жемайтской независимости»...

Под властью крестоносцев Жемайтия пребывала вплоть до битвы под Грюнвальдом-Танненбергом в 1410 г., но и после включения в состав Великого Княжества, как явствует из самого его названия, осталась третьестепенной провинцией славянской державы, не игравшей мало-мальски заметной роли. Слово «жмудный», кстати, в современном польском языке носит явственно пренебрежительный оттенок и означает нечто вроде «беспольный» или «обременительный»...

Государственным языком Великого Княжества был древнебелорусский, и делопроизводство велось исключительно на нем. Известно, что на Солинской встрече князя Витовта с посольством крестоносцев Витовта сопровождали князья Юрий Пинский, Михаил Заславский, Александр Стародубский, Иван Гальшанский, Иван Друцкий. По свидетельству посла крестоносцев Кибурта, Витовт и весь его двор говорили исключительно по-белорусски. Даже в Жемайтии правили белорусские бояре: княжеским посадником в Ковно (новое название — Каунас) сидел некий Иван Федорович, а жемайтским войском командовал уже упоминавшийся князь Юрий Пинский.

Иными словами, Великое Княжество Литовское было славянской державой, где православие до определенного времени пользовалось равными правами с католичеством. Именно тем и объясняется легкость, с какой подданные московского и иных русских князей во множестве «уходили в Литву», а «литвины», тоже в немалом количестве, переходили «под руку Москвы». Именно так в свое время «отъехал к Москве» князь Михаил Глинский, один из предков Ивана Грозного. Рискуя утомить читателя, все же приведу генеалогию семейства великого князя литовского Ольгерда (кстати, наполовину русского, сына князя Гедимина и княжны Марии Тверской):

Дети от первого брака Ольгерда с княжной Марией Ярославной Витебской:

1. Андрей, впоследствии князь полоцкий.
2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский (предок князей Трубецких).
3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский (предок князей Чарторыйских).
4. Владимир, князь киевский, затем копыльский (предок князей Вельских и Слуцких).
5. Федор, князь ратненский (предок князей Сангушко).
6. Федора — замужем за Святославом Титовичем, князем карачевским.
7. Неизвестная по имени дочь — за Иваном, князем новосильским и одоевским.
8. Агриппина-Мария — за Борисом, князем городецким.

Дети от второго брака Ольгерда с княжной Ульяной Александровской-Тверской:

1. Ягайло-Владислав, великий князь литовский, король польский, родоначальник династии Ягеллонов, (правившей с 1386 г. по 1572 г.).
2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцкий.

3. Корибут-Дмитрий, князь новгород-северский, збаражский, брацлавский, винницкий (был женат на княжне Анастасии Рязанской).
4. Лигвень-Семен, князь новгородский, Мстиславский (был женат на княжне Марии Московской).
5. Коридайло-Казимир, наместник Мстиславский.
6. Вигунт-Александр, князь керновский.
7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, черниговский, новгород-северский, брянский, великий князь литовский, затем князь волынский.
8. Кенна-Иоанна — за князем Поморским, вассалом Польши.
9. Елена — за князем Владимиром Боровским и Серпуховским.
10. Мария — за литовским боярином Войдылой, потом за князем Давыдом Городецким.
11. Вильгейда-Екатерина — за герцогом Мекленбургским.
12. Александра — за князем Мазовецким.
13. Ядвига — за князем Освенцимским.

(Здесь, как и на Руси в свое время, мы имеем дело с двойным именованием: «мирское», обиходное имя и данное при крещении.)

Как видим, тогдашняя Литва — сложное переплетение семейных связей польских, русских и белорусских князей. Славянское государство. И когда Ольгерд или его потомки «ходили на Москву», это, увы, вовсе не было нашествием чужеземного супостата — это всего лишь жгли друг у друга города славянские князья [6].

Витовт, неофит-католик с 1382 г., вскоре перешел в православие (когда получил от Ягайлы во владение православные уделы Берестье и Городню), но уже в 1385-м вернулся в католицизм. После избрания Ягайлы королем польским, после Кревской (1385) и Городельской (1413) уний, тесно связавших Литву и Польшу в некую федерацию, наступило размежевание. Пренебрежение Витовта к православным, прямое их притеснение Ягайлой (только феодалы-католики могли получать гербы, занимать должности, заседать в сейме, а впоследствии и выбирать короля) привело к тому, что часть православных князей и бояр Литвы отдалась со своими уделами в подданство Москвы. Другие приняли католичество, составив впоследствии значительную часть польской шляхты (Чарторыйские, Сапегы, Радзивиллы). После Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Литву в одно государство, Жечь Посполиту (именно так согласно грамматике и должно звучать правильное название), «Литва» стала чисто географическим понятием. «Литвинами» себя называли те, кто родился на сей земле — и великий польский поэт Адам Мицкевич, и украинец Тарас Шевченко, и белорусы Янка Купала и Якуб Колас.

Необходимо заметить, что впоследствии, когда короля стали выбирать и прав у него практически не было никаких, а развращенная вольностями польская шляхта превратилась в толпу ни на что не способных гуляк, именно «литвины» несли на своих плечах главную тяжесть войн за государство. Во второй половине XVII столетия, в эпоху польско-казацких войн, армия Жечи Посполитой упустила великолепный шанс полностью разгромить и взять в плен Хмельницкого исключительно из-за дурости собственно польской шляхты — после пары удачных сражений заскучавшей и отправившейся по домам прямо с поля боя. При

польском короле осталось лишь одиннадцать тысяч литовцев — именно они лихим ударом взяли Киев, но Хмельницкого догнать не успели.

Отголоски этой ситуации великолепно просматриваются в знаменитых книгах Генрика Сенкевича. Нужно заметить, что его трилогия «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» до сих пор пользуется в Польше невероятным почитанием, именуясь в обиходе просто «Трилогия». Так вот, среди героев этих произведений, среди витязей, рубившихся во славу Польши, чьи имена заучивают дети еще в младших классах... почти нет собственно поляков, «великополяков». Все эти витязи — либо литвины, либо «русская шляхта» (как именовали себя украинские дворяне-католики)! Самое пикантное, что это мало кто замечает даже теперь, и в свое время это мое литературоведческое открытие вызвало суший шок у моих знакомых поляков...

Но вернемся к Жечи Посполитой. В 1572 г., когда умер последний король из династии Ягеллонов Зыгмунт II Август и впервые прозвучала идея об «элекции», т.е. выборах короля, одним из кандидатов стал русский царь Иван Грозный. Легко понять, почему — он был и Рюриковичем, и потомком князей Глинских, то есть близкий родственник Ягеллонов (родоначальником которых, как мы помним, был Рюрикович на три четверти Ягелло), а в те времена такие вещи имели огромное значение — настолько огромное, что поляков и литвинов не остановило даже различие в вероисповеданиях.

Увы, Иоанн Васильевич сам испортил все дело — по присущей ему несдержанности и живости характера заявил прилюдно, что, став властелином Жечи Посполитой, быстренько изведет под корень «латынские» храмы и заменит их православными церквями. Шляхта ужаснулась — и, решив не рисковать, проголосовала за французского принца Генриха Валуа...

Впоследствии именно эта выборность королей, становившихся бесправными марионетками, привела Жечь Посполитую к катастрофе — но разговор не об этом...

Будь к тому времени Русь католической, избрание Ивана Грозного на краковский престол [7] можно с уверенностью назвать делом практически решенным. Что в итоге? Над Европой нависла бы огромная славянская держава, включавшая Московию, Великое Княжество Литовское и Польшу, объединенных общей верой (тому, кто заинтересуется этой возможностью, не мешает самому определить по карте пределы такого государства). Нет сомнений, что Иван Грозный сумел бы и на новом престоле бороться со своевольными магнатами так, как привык это делать на Руси — а нужно отметить, что в Жечи Посполитой была сила, способная стать ему в этом опорой: сильные и многочисленные города, по так называемому «магдебургскому» праву обладавшие определенной независимостью от феодалов.

Честно говоря, при мысли об упущенных возможностях меня охватывает нешуточная грусть — чересчур заманчив этот вариант католической славянской сверхдержавы...

Ничуть не притягивая за уши высосанные из пальца аргументы, можно с большой уверенностью говорить: в случае создания нашей виртуальной «Московии Посполитой» (надо же ее как-то называть?) Германия надолго, быть может, навсегда осталась бы скопищем карликовых государств — поскольку

Пруссию (сыгравшую в 1871 г. ту же роль, что некогда для русских земель сыграла Москва) Краков несомненно подчинил бы своему влиянию...

Рассмотрим историю Пруссии подробно.

Мало кто помнит, как появились на славянских землях те, кого потом стали называть «псами-рыцарями». В начале XII века означенных рыцарей выгнали из Палестины — и германский император Фридрих I Барбаросса попросил, чтобы изгнанников приютили его старые добрые друзья: князь Конрад Мазовецкий и Всеволод Большое Гнездо (дед Александра Невского).

Оба князя, будучи в прекрасных отношениях с Фридрихом, выполнили его просьбу. Так и появился на балтийском побережье Тевтонский орден, выпустивший затем метастазы в виде ордена Ливонского.

Первое время немецкие рыцари старательно выполняли однажды взятые обязательства, признавая себя вассалами мазовецкого и владимирского князей. Потом, набравшись сил, обнаглели — и события развивались в полном соответствии с известной сказкой о лисе, зайце и лубяной избушке...

Хребет Тевтонскому ордену долго ломала главным образом Польша. После Грюнвальда, где крестоносцев размолотили совместными усилиями поляки, литовцы, русские, татары и чехи, Орден еще долго сопротивлялся, но в 1457 г. был вынужден сдать полякам свою столицу Мариенбург, в 1466-м торжественно подтвердил, что остается вассалом Польши.

Войны, впрочем, продолжались — в одной из них, несмотря на духовный сан, принимал участие и Николай Коперник, руководивший обороной замка Фромборк. Однако в 1525 г. Орденское государство прекратило свое существование, став светским владением — Прусским герцогством. До 1657 г. (по крайней мере, формально), Пруссия оставалась вассалом польской короны, и освободилась от этой зависимости исключительно благодаря слабости Жечи Посполитой.

Ливонский орден был уничтожен Иваном Грозным в результате одноименной войны 1553—1558 г. Магистр ордена Кетлер часть своих земель отдал под власть Великого Княжества Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собой власть Швеции.

Так обстояло дело в реальности. Ну, а как шли бы дела в нашем мире, где возникла Московия Посполитая?

Несомненно, более жестче по отношению к немцам. Вряд ли Грозный и его потомки церемонились бы с Пруссией — а у последней не достало бы сил сопротивляться славянскому соседу. Вероятнее всего, Пруссия стала бы очередной провинцией нового государства — и, быть может, не она одна.

Что автоматически влекло бы за собой долгую войну со Швецией. В реальности Швеция долго воевала за балтийское побережье с Жечью Посполитой — и последняя на протяжении XVII столетия (о чем у нас мало известно) сумела нанести шведам несколько крупных поражений на суше и на море. В виртуальности против Швеции всей мощью выступала бы объединенная славянская держава — и исход войны наверняка был бы для северного соседа еще более тяжелым. Балтийское побережье наверняка было бы очищено от шведов еще в начале XVII в.

Это столь автоматически влекло бы за собой господство военного флота

Московии на Балтике (у поляков к тому времени были солидные военно-морские силы, перешедшие бы «по наследству» к новому государству). И, как следствие — упадок влияния немецких торговых союзов вроде Ганзы. Сама логика событий ведет к тому, что Московия стала бы потихоньку прибирать к рукам крохотные германские княжества.

И, без сомнения, играла бы огромную роль в европейских делах — наравне с Францией и Священной Римской империей. Не исключено, что в нашей виртуальности Англия вообще оказалась бы лишена того влияния на европейские дела, какое имела в реальности.

Я не берусь наспех спрогнозировать позицию католической Московии Посполитой в конфликте меж папством и германскими императорами — вопрос слишком сложный, требует долгих расчетов и потому останется за пределами нашей книги. Однако с уверенностью можно сказать: став неотъемлемой частью католической Европы, Русь очень рано оказалась бы активной участницей войн с мусульманским миром. Что не могло не повлиять на ситуацию в Испании (где победа над маврами могла состояться гораздо раньше) и в Восточном Средиземноморье — веке в XV турки-османы могли быть отброшены от Константинополя (который, вполне вероятно, оказался бы в сфере влияния Руси). Поражение Турции в войне с Европой почти автоматически привело бы к тому, что открытие Америки оказалось отложенным лет на сто — полтораста. В нашей реальности европейцы отправили экспедицию к берегам Индии как раз оттого, что турки перерезали торговые пути с Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем. Но в варианте с оставшимся в руках христиан Константинополем и не возникшей Османской империей просто не было никакой нужды заниматься поисками «обходных» путей в Индию, и Колумб остался бы невостребованным историей.

Необходимо подчеркнуть, что еще задолго до вступления Ивана Грозного на престол объединенной державы Русь несколько веков развивалась бы, как неотъемлемая часть Европы. Русские молодые люди обучались бы в испанских, французских и итальянских университетах. Кроме того, на Руси искусство могло бы развиваться столь же свободно и многогранно, как в Западной Европе. Омертвевший византийский канон загнал русское искусство в узкие, сугубо церковные рамки (факт, против которого просто нет аргументов), а потому отечественная светская живопись смогла достигнуть первых успехов лишь во второй половине XVIII столетия, а русская скульптура, несмотря на единичные достижения, начала нормально развиваться лишь во второй половине XIX века. В Западной Европе, где католицизм не препятствовал развитию скульптуры, живописи, светской поэзии, обстояло как раз наоборот — и потому начался Ренессанс. Вполне возможно, что и на Руси в XVI—XVII веках жили люди, способные стать нашими Микеланджело, Рембрандтами, Боттичелли и Леонардо, но им просто-напросто не предоставилось случая проявить свои таланты, и они сошли в могилу, всю жизнь прозанимавшись не своим делом... Сколько шедевров мы потеряли, установить не представляется возможным.

Нет сомнений, что в «католическом варианте» Русь оказалась бы силой, способной помочь папскому престолу раз и навсегда разделаться в зародыше со всевозможными ересями, теми, которые в нашей реальности привели к рождению лютеранства.

Радикализм — порождение ума не одной только убогонькой российской интеллигенции, способной лишь разрушать либо рукоплескать разрушителям. Увы, и на Западе хватало недоумков, искренне восхищавшихся, к примеру, гуситами — исключительно на том основании, что гуситы «выступали против существующего порядка вещей»...

Да и мы учились по учебникам истории, где безоговорочно клеймилось «реакционное и кровожадное папство», выступавшее против «прогрессивных» гуситов. Меж тем гуситы, захватившие власть в Чехии, были компанией довольно жутковатой. Прежде всего оттого, что задолго до Ленина приняли один из основных принципов большевизма: истинный большевик может сам определять, что хорошо, а что плохо, кто хорош, а кто плох. Это вовсе не преувеличение — один из английских историков в сердцах назвал первых протестантов как раз «тогдашними большевиками». Вот что написано в «Хронике Лаврентия из Бржезовой» о некоторых идеях гуситов по переустройству жизни:

«...чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитие в корчмах каких бы то ни было напитков...

...чтобы не носили роскошных одежд и не допускали бы ношение другими слишком против Господа Бога драгоценных, как-то: серебряных поясов, застежек и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордости...

...чтобы не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника...

...чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было... изготовления всяких бесполезных и суетных вещей...»

Обратите особенное внимание на два последних пункта. Вы спросите, кто должен был определять, какая вещь является «суетной и бесполезной», а кто считается «явным грешником»?

Кто угодно — при условии, что он принадлежит к «истинным праведникам». Я нисколько не преувеличиваю.

Наиболее радикальное крыло гуситов — табориты и чашники — как раз и требовали установления такого порядка вещей, при котором любой горожанин (если он, разумеется, числится среди праведных обывателей) был бы вправе без всяких церемоний убить любого своего соседа, по мнению «добропорядочного», не вписывавшегося в общую гармонию. Нелишне упомянуть, что были еще и адамиты, жаждавшие общности женщин и права ходить голыми. Тот, кто решил, что я сгущаю краски, может сам покопаться в серьезных исторических трудах. В конце концов радикалы зарпортовались настолько, что самим гуситам пришлось их немножко перерезать...

Правда, вслед за тем гуситы начали совершать вооруженные вылазки за пределы Чехии — чтобы облагодетельствовать своим учением соседей. Но те, вовсе не желавшие подобных нововведений, стали сопротивляться, — и отражение гуситской агрессии как раз и стало именоваться впоследствии «карательными экспедициями католиков».

Потом появился Лютер. Право же, совершенно неважно, что он искренне желал бескровно усовершенствовать жизнь и сделать ее лучше и благоднее. Важны не намерения, а результат. Увы, изыскания Лютера вызвали лишь череду гражданских войн, смут, междоусобиц, насилий и зверств. Германские рыцари

увидели в новом учении великолепную возможность как бы на законном основании ограбить церкви и монастыри — но добычу пустить не на облегчение жизни ближнему, а исключительно на собственные выгоды. Швейцарец Кальвин творчески усовершенствовал учение Лютера и довел реформы до логического конца — в кальвинистской Женеве людей бросали в тюрьмы за появление в яркой одежде, игру на музыкальных инструментах, чтение «неправильных» книг... В Тридцатилетней войне меж католиками и протестантами Германия потеряла треть населения. Франция стараниями протестантов более чем на полсотни лет погрузилась в огонь и кровь гражданских войн. Слово свидетелю: «...гугеноты врываются в церкви. Они были многочисленны и вооружены ружьями и палками. Они срывали изображения святых, рушили распятия, разбивали трибуны, органы, алтари, скамьи и перегородки...». Это — о событиях 1566 г. в Валансьене. В 1531 г. в Ульме лошадей запрягли в орган, выволокли его из церкви и разбили на куски. В Бале в 1559 г., когда было установлено, что умерший три года назад житель по фамилии де Брюж оставался втайне католиком, тело вырыли из могилы и вздернули на виселицу.

Нам с детства вдалбливали, что Варфоломеевская ночь, случившаяся в Париже в 1572 г., была кровавейшим и злодейским преступлением католиков, достойным самого сурового осуждения. Вот только при этом забывали уточнить: это был первый случай, когда католики стали инициаторами резни. А вот протестанты-гугеноты к тому времени множество раз устраивали католические погромы, когда убивали всех подряд без различия пола и возраста. Последнее избиение католиков гугенотами случилось в городе Ниме за три года до Варфоломеевской ночи. Более того, существовали донесения агентов французских секретных служб, работавших среди протестантов. И из них следует, что глава протестантской партии, тот самый обласканный пером Дюма адмирал Колиньи, как раз и планировал захват Парижа, взятие Лувра, арест короля. (Так называемый доклад сьера де Бушавана.) Католики просто-напросто упредили удар, только и всего...

Сегодня подробности религиозных войн того времени практически забыты, и многие искренне полагают, будто гугеноты хотели всего-навсего «религиозного равноправия», в чем им злые католики отчего-то отказывали...

Ничего подобного! Претензии гугенотов прекрасно документированы. Гугеноты требовали сущей «малости»: они хотели жить во Французском королевстве, но не подчиняться ни королю, ни властям, ни законам. По их требованиям, в гугенотских городах должны были действовать *свои* законы, *своя* администрация и даже своя собственная денежная система, а оказавшиеся на этой территории католики попросту не имели права исповедовать свою веру ни открыто, ни тайно.

По сути, это масхадовская Чечня — за четыреста лет до Масхадова! Легко догадаться, что ни одно государство планеты, где бы оно ни располагалось, в каком бы столетии дело ни происходило, не могло допустить на своей территории подобных «супероффшорных» зон. Когда претензии гугенотских вождей были отклонены, они перешли к прямым военным действиям против французского короля — причем деньги, оружие и даже военную силу получали из Англии. Войны эти продолжались несколько десятилетий, пока с мятежниками

окончательно не разделался Ришелье, человек железной воли и энергии.

Между прочим, тот самый адмирал Колиньи, один из вождей гугенотской армии, за несколько лет до Варфоломеевской ночи как раз и готовил... похищение тогдашнего короля Генриха III. Так что нет ничего невероятного в версии, согласно которой так называемая Варфоломеевская ночь была импровизированной *ответной* мерой на вполне реальный заговор. Упомянувшийся выше доклад сьера де Бушавана с самого начала не предназначался для антигугенотской агитации и пропаганды — он был тут же засекречен, двести с лишним лет пролежал в королевских архивах и был обнаружен только после Французской революции...

Короче говоря, вполне вероятно, что Россия, будь она католической, могла бы еще в середине XVI века склонить чашу весов в пользу полной и безоговорочной победы над первыми глашатаями лютеранской ереси. Пожар был бы погашен в самом зародыше — следовательно, не было бы ни Тридцатилетней войны, ни полувековой французской смуты, ни господства протестантизма в Англии. (Я уже не говорю о сатанистах-альбигойцах, с которыми покончили бы гораздо быстрее .) Не исключено, что Джордано Бруно остался бы жив и нашел своим талантам лучшее применение. Дело в том, что его в свое время сожгли не за идеи о множественности обитаемых миров, идеи эти тогда не были ни новыми, ни смелыми, ни даже еретическими. Бруно угодил на костер за то, что активно участвовал в деятельности чуть ли не всех европейских сатанистских обществ, — а это, согласитесь, меняет многое...

Можно уточнить, что известна так называемая Наваррская библия XIII века, где планеты изображены в виде шаров, — но никто и не подумал тащить на костер художника. А истово верующий христианин Николай Коперник затягивал печатание своего труда не из «страха перед инквизицией», а исключительно потому, что, будучи священником, всерьез опасался смутить незрелые умы, считая, что к кардинально новым идеям людей следует приучать постепенно, а не обрушивать им на головы ошеломляющие сенсации.

Безусловно, Коперник руководствовался точкой зрения, близкой к той, которую впоследствии сформулировал известный английский философ — и верующий человек, не чуждавшийся теологии — Фрэнсис Бэкон (1561 — 1626): «Знание в руках невежественного и неумелого человека, без преувеличения, становится чудовищем. Знание многогранно и может быть применено по-разному. У него лицо и голос женщины — олицетворение его красоты. У знания есть крылья, потому что научные открытия распространяются очень быстро, невзирая на границы. Острые и цепкие когти нужны ему для того, чтобы аксиомы и аргументы проникли в человеческое сознание и накрепко удерживались в нем, так, чтобы от них нельзя было избавиться. И если они неправильно поняты или использованы, они приносят беспокойство и мучения тем или иным путем и в конце концов просто разрывают сознание на куски».

Нет сомнений: в случае единой католической Европы с самым активным участием в ее жизни католической России никогда не появилась бы на свет пресловутая «протестантская этика», в реальности как раз и определившая развитие западного мира.

В спорах об этом понятии сломано много копий, но я не раз сталкивался с

казусами, когда спорившие имели самое общее представление о предмете дискуссии. А потому постараюсь в меру способностей внести ясность.

И католической, и православной церкви присуще понятие, именуемое «соборность» — уклад жизни, комплекс морально-этических норм, которые безоговорочно осуждают крайний индивидуализм, стремление отдельного человека противопоставить себя окружающей общности единоверцев. Строго говоря, само слово «католический» произошло от древнегреческого «кафоликос» — «соборный» (не случайно и сегодня главы православных армянской и грузинской церквей так и именуются — католикос).

Второй важный момент: и католицизм, и православие начисто отрицают железную предопределенность в судьбе христианина. Проще говоря, Бог дает человеку свободу выбора, а остальное уже зависит от самого человека — погубить свою бессмертную душу греховными поступками или обрести вечное блаженство.

«Протестантская этика», выработанная наследниками Лютера, Кальвина и подобных им фанатиков «реформ», провозглашает как раз обратное: еще до рождения человека вся его жизнь, равно как и судьба, железно предопределены Творцом. Жизнь, по этой теории, видится не ежедневно предоставляющимся шансом выбора меж греховным и добродетельным, а некоей узкой и глубокой траншеей, по которой человек обречен двигаться.

Легко понять, какие выводы были сделаны из этого для повседневной жизни: если человек богат, богатство само по себе, автоматически делает его праведником. Если человек беден, он не заслуживает ни капли жалости, сочувствия, помощи — так ему «на роду написано». Более того: делая добро такому, предстаешь нарушителем воли Божьей...

Ну, а всевозможные «дикие туземцы» обречены на то, чтобы быть покорными слугами «белого праведника», одушевленными вещами — в силу того, что у белого есть божьей волею мушкет и кираса, а у голого негра ничего подобного нет...

Именно протестантские Англия и Голландия начали то, что в учебниках именуется «промышленной революцией». Заметим в скобках, что революция эта проводилась типично большевистскими методами. Для набирающих силу мануфактур был необходим не свободный человек с чувством собственного достоинства и некоторой материальной независимостью (этот заломит цену за свою работу, и обходиться с ним придется уважительно), а люмпен в лохмотьях, с которым можно не церемониться. А потому в Англии махровым цветом расцвело так называемое «огораживание» — когда власти (за четыреста лет до русских большевиков!) разрушали крестьянскую общину, отнимая у крестьян их собственность, т.е. землю. Хваленые «рыночные» методы здесь как раз не действовали — нужно было создать резерв голозадой «рабочей силы». Трудовые резервы, как это потом именовалось в СССР... По данным английских историков, около десяти процентов взрослого трудоспособного населения страны скиталось по дорогам, не в силах найти средства к существованию. Им отрубали руки и уши по «закону против бродяг», клеймили, вешали. В стране вспыхивали восстания — и вновь горели деревни, возглавивших бунты монахов вешали на колокольнях, народу попроще отрубали голову прямо на придорожном бревне.

Впоследствии, когда протестанты отправились искать счастья за океаном, именно их потребности в бесправной рабочей силе привели к гнуснопрославленному расцвету африканской работорговли, когда на Черном континенте погибла древняя самобытная культура тамошних государств и миллионы людей превратились в рабочий скот. Протестанты захватили Индию, а впоследствии под дулами пушек заставили китайцев потреблять опиум...

(Кстати, о колонизации Америки. Известный писатель Алекс де Токвиль сто пятьдесят лет назад написал примечательные строки: «Несмотря на беспрецедентные злодеяния, испанцы, покрывшие себя несмываемым позором, не смогли не только истребить индейцев, но даже запретить им пользоваться равными правами. Американцы в Соединенных Штатах с легкостью добились и того, и другого — спокойно, в рамках законности, прикрываясь филантропией, не проливая крови, не нарушая в глазах мировой общественности ни одного из своих „высоких“ принципов морали». Это — к вопросу о католиках и протестантах...)

В нашей виртуальности ничего этого, можно предполагать с большой долей вероятности, не произошло бы. Конечно, были бы свои кровопролития, войны и беды, но, подозреваю, не в пример менее несчастий обрушилось бы на Европу. Наверняка меньше сил и рвения уделялось бы так называемому «техническому прогрессу» — то есть бездумному нагромождению технических новинок, которые, по большому счету, уничтожают природные ресурсы и среду обитания, способствуют росту жертв войны, но никого еще не сделали счастливым. Равным образом, не исключено, удалось бы ввести в какие-то разумные рамки «научную любознательность» — тупое удовлетворение своего любопытства за счет всех остальных членов общества, которое давно уже лежит вне морали и этики. Любая попытка робко спросить: «Зачем?» вызывает презрительные усмешки и попреки в «отсталости» — зато не подвергаются осуждению высоколобые мыслители, у коих при виде атомного взрыва не находится иных слов, кроме восхищенной реплики: «Какая великолепная физика!»

Конечно, бессмысленно было бы призывать жить при лучине и бить рыбу костяной острой. Однако и порожденные «протестантской этикой» крайности — бездумный «технический прогресс», бесполезное в итоге «развитие науки» восторга не вызывают.

Каким был бы наш двадцатый век в результате развития Европы по католическим канонам? Гораздо менее техногенным, конечно. Возможно, мы сейчас с удивлением взирали бы на первые паровозы и изрыгающие черный дым «пироскафы», а славу исследователей Америки и Африки несли бы не далекие предки европейцев, а наши деды, в большинстве своем еще живые. Возможно, самобытные культуры Америки, Африки, Индии, Дальнего Востока, избежав европейского завоевания, создали бы в сочетании с католической Европой совершенно другую цивилизацию, не столь занятую гонкой за золотом и успехом, не грозящую в кратчайшие сроки уничтожить все живое на планете. Несомненно одно: духовности было бы не в пример больше, а следовательно — больше душевного спокойствия, доброты и любви.

Увы, на пути к этому варианту зловещей тенью высится фигура князя Владимира — тирана, развратника, братоубийцы (возможно, и отцеубийцы), вприснувшего в вены Руси отдающий тленом византийский яд, чье действие

сказывается даже сегодня, когда от Византии остались одни воспоминания...

ВИРТУАЛЬНОСТЬ-2: ПОЛУМЕСЯЦ НАД РОССИЕЙ.

Была ли вероятность для России IX столетия принять вместо христианства ислам?

Вполне, и не столь уж малая. Начнем с того, что ислам, в общем, менталитету русского человека несколько не противоречит (что в разное время доказали многочисленные беглецы из нашего отечества в мусульманские страны, принимавшие тамошнюю веру без особых тревожений — начиная с казаков и кончая солдатами кавказских полков. Иные из этих беглецов достигали крайне высокого положения). Разве что запрет на спиртное несколько удручает — но, откровенно говоря, его в мусульманском мире частенько находили способ обойти.

Что гораздо более важно, ислам в своей фундаментальной основе вовсе не несет какого-то отрицательного заряда. По сути, та же «соборность», что и в христианской церкви, то же отсутствие разделения по национальному признаку, аналогичное словам Христа «под солнцем моим (т.е. в церкви моей. — А.Б.) несть ни эллина, ни иудея». И, наконец, почитание многих святых и праведников, которых почитают и христиане. Не зря в Коране написано: «Ближе всех к нам христиане», точнее: «Самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: „Мы — христиане!“» (Сура 5, «Трапеза»). И далее: «Прокляты те из сынов Израила, которые не веровали языком Дауда и Исы, сына Марьям!» Дауд — библейский царь Давид, Иса — Иисус, Марьям — Дева Мария.

К сожалению, в формировании некоего подсознательного страха перед мусульманством повинны европейские пропагандисты, по сути, поставившие знак равенства меж исламом как учением и бородатым экстремистом с автоматом наперевес. Как будто в иных религиях не бывало экстремистов... Никто не станет называть террористов из каких-нибудь «красных бригад» «христианскими фанатиками» — однако боевик-мусульманин сплошь и рядом будет назван «исламским фанатиком», с упором, как правило, даже не на второе, а на первое слово».

Дело в том, что ислам, по большому счету, откровенно злит самым своим существованием кое-кого из тех самых сторонников «протестантской этики». Тех, кто склонен именовать «свободой и демократией» механическое перенесение своих установлений и порядков на другие страны, без всякого учета их национальной самобытности. Меж тем нынешние исламские страны вовсе не «отстали» и не «фанатичны» — там просто-напросто отстаивают свое законное право жить так, как жили их деды и прадеды, справедливо полагая, что тринадцативековая история развития под знаменем ислама представляет собой слишком большую ценность, чтобы от нее можно было легко отказаться ради сомнительного «прогресса».

Самый яркий пример полнейшего непонимания «образованным Западом» (и нашей образованщиной, уточню) особенностей и специфики исламского мира — дело Салмана Рушди. Последнего нам усиленно навязывают в качестве «борца за свободу творчества», которого узколобые фанатики отчего-то приговорили к смерти.

Отчего-то? Есть такие понятия «святотатство» и «богохульство». А также знаменитое высказывание о том, что свобода есть осознанная необходимость. Проще говоря, есть святые вещи, которые должны быть избавлены от экспериментов под названием «свобода творчества». Меж тем Рушди в своих «Сатанинских стихах» «изблевал», пользуясь старым русским выражением, «версию», которая стала оскорблением для любого верующего мусульманина — версию о том, что якобы вдохновителем при написании части Корана для Мухаммеда послужил не Аллах, а Сатана...

Нам просто-напросто трудно понять, какой гнусностью это выглядит в глазах ревностно верующего приверженца ислама. Мы сами, увы, далеко не так ревностны в своей вере — а потому преспокойно сглотнули роман Стругацких «Отягощенные злом», где в грязно-пародийной манере журнала «Безбожник» излагается жизнеописание евангелистов. Но это так, к слову...

Возвращаясь к исламу, стоит упомянуть, что в свое время он распространился по всей Северной Африке практически мирным путем. Города сами открывали ворота перед мусульманскими войсками — поскольку новая жизнь и новое учение казались — и были — не в пример предпочтительнее. Вот, кстати, подлинный приказ калифа Омара, обращенный к его войнам: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать коров, овец или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье» (637 г. от Р.Х.).

Обратите особенное внимание на последнюю строчку — речь там идет о прямом запрете причинять вред исповедующим иную веру. В самом деле, ислам всегда отличался веротерпимостью. К язычникам мусульмане относились враждебно — но не к христианам. Все вбитые в наше сознание стереотипы о «мусульманских зверствах» сплошь и рядом не соответствуют истине — или относятся к позднему периоду (конец прошлого — начало нынешнего столетия), когда и в самом деле агонизирующая Османская империя мало напоминала прежние времена широкой веротерпимости...

При вдумчивом изучении истории убеждаешься, что, в общем, любые «турецкие зверства» как минимум не превосходят того, что творило в разное время христианское воинство. А то и уступают последним. Во все времена люди были склонны преуменьшать зверства своих и преувеличивать *чужие* зверства — а потому мы до сих пор проливаем слезу над участью бедного А.С. Грибоедова (кстати, по достоверным свидетельствам, своим предельно наглым поведением в Тегеране прямо-таки провоцировавшим конфликт), однако совершенно забываем о том, как Бонапарт в Египте своим честным словом пообещал сохранить жизнь мусульманским защитникам крепости Яффа, если они сдадутся, но тут же расстрелял четыре тысячи человек, имевших неосторожность ему поверить. (Отечественный историк А. Манфред уклончиво описал эту историю одной фразой: «При взятии Яффы французы проявили крайнюю жестокость к побежденным». Поневолe вспоминается старая русская поговорка: «Свое г... не пахнет»...)

В современной исторической литературе принято описывать самыми черными красками взятие турками Константинополя в 1453 г. Однако более

углубленное знакомство с первоисточниками, мягко говоря, заставляет на многое смотреть по-иному.

Конечно, после взятия города случилась резня — как бывало во все века, религиозная принадлежность победителей и побежденных тут ни при чем. В конце концов, при взятии Варшавы войсками Суворова в 1793 г. казаки-христиане насиловали, а затем убивали христианских монахинь, а надетых на пики детей таскали по улицам (о чем пишет известный русский историк Костомаров)...

Но вот дальше начинаются события, вовсе не укладывающиеся в традиционную картину «басурманских зверств». Храм Святой Софии турки превращают в мечеть — но множество других христианских церквей остается в неприкосновенности, и в них продолжают службы. Греческие библиотеки оставлены в целости — еще столетие спустя Ожье Бусбек, посол короля Фердинанда в Стамбуле, покупал древние греческие книги возами. Брат погибшего императора константинопольского Деметрий... возвращается в новую столицу Оттоманской империи, ко двору султана! От которого получает пенсию, слуг, телохранителей — и умирает в довольстве глубоким стариком. Следом возвращается его племянник Мануэль — и тоже обретает всевозможные блага, а его сын впоследствии дослужился до высоких постов при султанах.

Стоит ли теперь удивляться, что в XVI веке, когда турки вышли к границам Австрии, на занятую ими территорию массами бежали немецкие и австрийские крестьяне? Причина проста: налоги на турецкой стороне были не в пример меньше тех, что драли христианские феодалы...

Можно еще добавить, что в реальности зачисление христианских детей в корпус янычар далеко не всегда вызывало потоки слез у их родителей. Янычары в тогдашней Турции играли ту же роль, что впоследствии в петровской России гвардейские полки — роль резерва кадров. Именно выходцы из янычар, подобно русским гвардейским сержантам, делали сплошь и рядом карьеру на военной, «статской» и придворной службе — сохранились свидетельства о том, что явление это, будучи массовым, вызывало неприкрытую зависть «чистокровных» турок. Особенно если учесть, что, кроме янычар, существовали еще «цивильные» учебные заведения, где из христианских детей готовили гражданских администраторов для Оттоманской империи.

Ах да, погромы... Действительно, в Стамбуле имели место так называемые «еврейские» и «христианские» погромы. Вот только вызваны они были отнюдь не религиозными распрями.

Секрет в том, что ислам категорически запрещает давать деньги в долг под проценты, и ремесло ростовщика — одно из самых презираемых в мусульманском мире. Ростовщичеством в Стамбуле занимались главным образом евреи и православные греки. Отсюда и погромы — религиозной подоплеки в них не больше, чем в европейских репрессиях против фламандских и ломбардских банкиров-ростовщиков, таких же католиков, как и их гонители...

Нелишним будет упомянуть, что многие из знаменитых турецких адмиралов были христианами-отступниками.

Другими словами, мусульманский мир никогда не был отделен от христианского непроницаемой стеной и уж никак не являлся этакой «чужой планетой». От взаимопроникновения и взаимного обогащения культур до

мощного притока христиан-ренегатов в Турцию (при полном отсутствии обратного движения) — примерно таков диапазон. Вообще, что характерно, Русь до начала XVI столетия практически не ощущала себя «противопоставленной» исламскому миру — впрочем, последующие войны с Турцией были вызваны не столько внутренними потребностями России, сколько нажимом европейских держав, по сути, втавивших наших предков в совершенно ненужную им бойню, как впоследствии втавили нас в Семилетнюю войну...

Какие глобальные, стратегические последствия имело бы принятие Русью ислама?

Прежде всего, возникает интереснейшая проблема: какую ветвь ислама из двух предпочли бы наши предки, суннизм или шиизм?

Излагая слегка облегченно, суть в следующем. Шииты (слово это возникло от «шпат Али» — «партия Али») считают, что святыми «халифами» ислама являются только прямые, кровные потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Только потомки Али, согласно шиизму, способны считаться имамами, законными духовными руководителями мусульман. Кроме того, шииты признают в качестве обязательного источника веры только Коран.

Сунниты, во-первых, священными книгами признают еще и «сунны» — сборники так называемых «хадисов», рассказывающих о жизни, суждениях и поучениях Мухаммеда. Во-вторых, сунниты считают, что святость человеку дает не происхождение его от пророка, а добродетельная жизнь во славу ислама. Часть почитаемых шиитами халифов признают и сунниты — но только часть, в суннизме есть и другие халифы, именуемые «халифы праведной жизни».

Лично я убежден, что к русскому менталитету гораздо ближе суннизм. А еще более русскому мировоззрению соответствует исламское понятие «калиф — так назывались правители, соединявшие обязанности и светского, и духовного владыки. Во всяком случае, именно к этому стремились многие русские великие князья, цари, а впоследствии и император Петр.

И не одни православные... Неоднократно поминавшийся в этой книге Генрих VIII, однажды без затей провозгласивший себя главой новой, «англиканской» церкви, вполне укладывается в понятие «христианского калифа» — хотя, наверное, удивился бы такому определению...

Итак, на историческую арену вступила мусульманская (а вдобавок суннитская) Русь. Попробуем просчитать последствия.

Разумеется, те же междоусобные войны крупных феодалов — от них никогда не был избавлен и мусульманский мир.

И — столь же глобальное изменение политической ситуации в Европе. Тот самый вес, что в «Виртуальности-1», лег бы всей своей немалой тяжестью на чашу Ватикана, теперь, наоборот, заставил бы последнюю взлететь вверх, как воздушный шарик.

Не исключено, что в «Виртуальности-2» Русь с самого начала повела бы целенаправленную экспансию в сторону Константинополя. И могла бы захватить его раньше, чем в Малой Азии появились турки-османы. На Босфоре и в степях Средней Азии слились бы две исламских волны — с юга и севера.

В реальности победа христианства над мусульманством вовсе не выглядит чем-то непреложным. Еще в XVII веке мусульманские пираты добирались до

берегов Англии (а южную Италию тревожили и во второй половине века XVIII), а Турция не прекращала попыток проникнуть в глубь Европы вплоть до 1683 г. Именно в этом году под Веной состоялось решающее сражение, после которого Османская империя навсегда отказалась от экспансии в Европу. Объединенное войско Священной Лиги под предводительством польского короля Яна III Собесского (27 000 украинских казаков и польских шляхтичей, около 43 000 немецких, саксонских и франконских солдат) встретилось с 70 000 турок, которыми командовал великий визирь Кара-Мустафа. Двадцатитысячный конный отряд под личным командованием короля Яна опрокинул правое крыло турок, а на левом фланге успех закрепила пехота герцога Лотарингского. Турки потеряли пятнадцать тысяч человек, союзники — три с половиной.

В нашей виртуальности до этого могло и не дойти. Совсем наоборот — христианская Европа вполне могла потерпеть полное и окончательное поражение под совместным натиском испанских мавров, Турции и Московского халифата, поддержанных на море берберийскими корсарами (среди которых, как мы помним, хватало христиан-отступников вроде Хайр-эд-Дина Рыжебородого). Над Парижем, Римом, Веной и Краковом поднялись бы знамена с полумесяцем, и лихая конница московского халифа Ибана Грозного поила бы лошадей в Дунае. Дольше всех на своем острове продержались бы, конечно, англичане — но вряд ли намного.

Сомнительно, чтобы завоевание мусульманской коалицией Европы привело бы к полному исчезновению христианства — но оно превратилось бы в религию **ничтожной** части европейского населения.

Я не берусь проследить конкретные судьбы каждой европейской страны при таком повороте событий, но кое-какие общие тенденции развития спрогнозировать можно.

Во-первых, как и в «Виртуальности-1», открытие Америки отодвинулось бы на гораздо более поздние времена — поскольку мусульманский мир, располагавший налаженными торговыми связями с Индостанским полуостровом, не нуждался бы в поисках «обходных» путей. Зато с уверенностью можно сказать: попав, в конце концов, в Америку, завоеватели вели бы себя там по отношению к местным религиям ничуть не мягче, чем испанцы-католики из нашей реальности. Язычников, как упоминалось, ислам весьма недолголюбивает — а в глазах благочестивого мусульманина индейские жрецы с их человеческими жертвоприношениями выглядели бы точно так, как в глазах христианских священников...

Во-вторых, как и в первом варианте виртуальности, страны и племена Черной Африки имели бы достаточно времени для самобытного развития — исламский мир не нуждался бы в потоках черных рабов (по край ней мере, в столь масштабных потоках, какие текли в США).

В-третьих, что особенно важно, европейское общество точно так же избежало бы «прелестей» бездумного технического прогресса и промышленной революции на пуританский манер. Исламский мир никогда не отвергал технических новинок, но, по сути, руководствовался теми же принципами «соборности», разве что именовались они иначе. Можно по-разному относиться к эпитету «Большой сатана», которым аятолла Хомейни припечатал Соединенные

Штаты, — но есть все основания видеть родство этого выражения и высказывания известного французского ученого Пуанкаре: «Америка пришла к цивилизации, минуя культуру». Потому что оба, и мусульманин, и европеец имели в виду нечто схожее — ярко выраженный дефицит духовности, подмененной гонкой за «прогрессом». Между прочим, атомное оружие, концентрационные лагеря и нацизм — по совести, порождение как раз протестантской цивилизации.

Словом, и в этом варианте будущего мы жили бы, возможно, не в столь техницизированном мире — но жизнь наша, ручаться можно, была бы гораздо спокойнее, а прошлое нашей виртуальности не было бы омрачено атомными взрывами и уничтожением миллионов людей по национальному признаку...

А без винца не остались бы, право, если кого-то беспокоит именно этот аспект. Пошли бы к знакомому мулле, поговорили бы по душам и получили так называемую «фетву» — официальное разрешение от духовного лица употреблять спиртное в лечебных целях. Во всяком случае, уже сотни лет назад иные хитрецы именно так и устраивались...

Но если серьезно, лично для меня остаются привлекательными обе рассмотренные выше виртуальности. Хотя бы потому, что жизнь с верховыми лошадьми и керосиновыми лампами при всем ее кажущемся неудобстве компенсируется тем, что сверху не падают кислотные дожди и ниоткуда не хлыщит невидимым, неосязаемым потоком радиация...

Внимательный и дотошный читатель (а я верю в то, что добравшийся до этой страницы уже не намерен бросать книгу) наверняка может задать вопрос: отчего автор в своих расчетах обеих виртуальностей совершенно не учитывал столь важный и весомый фактор, как татаро-монгольское нашествие, сыгравшее огромную роль в жизни не только Азии, но и Европы?

Вопрос, в общем, резонный. Но лично я намерен ответить на него встречным вопросом: а вы уверены, что существовало татаро-монгольское иго, Чингисхан и Батый?

Сам я в существовании всего этого совершенно не уверен. О чем и поговорим вдумчиво в следующей главе...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИЗРАК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

*Каждое настоящее располагает собственным
прошлым.*

Р. Дж. Коллингвуд «Идея истории»

О ТОМ, ЧТО ИЗВЕСТНО ВСЕМ.

Классическая, то есть признанная современной наукой версия «монголо-татарского нашествия на Русь», «монголо-татарского ига» и освобождения от ордынской тирании достаточно известна, однако нелишне

будет еще раз освежить ее в памяти.

Итак... В начале XIII столетия; в монгольских степях смелый и чертовски энергичный племенной вождь по имени Чингисхан сколотил из кочевников огромное войско, спаянное железной дисциплиной, и вознамерился покорить весь мир «до последнего моря». Завоевав ближайших соседей, а потом захватив Китай, могучая татаро-монгольская орда покатила на запад. Пройдя около пяти тысяч километров, монголы разгромили государство Хорезм, затем Грузию, в 1223 г. вышли к южным окраинам Руси, где и разбили войско русских князей в сражении на реке Калке. Зимой 1237 г. монголо-татары вторглись на Русь уже со всем своим неисчислимым войском, сожгли и разорили множество русских городов, а в 1241 г. во исполнение заветов Чингисхана попытались покорить Западную Европу — вторглись в Польшу, в Чехию, на юго-западе достигли берегов Адриатического моря, однако повернули назад, потому что боялись оставлять у себя в тылу разоренную, но все еще опасную для них Русь, началось татаро-монгольское иго. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, зловещей тенью нависала над Русью. Монгольские ханы выдавали русским князьям ярлыки на княжение, множество раз нападали на Русь, чтобы грабить и разбойничать, неоднократно убивали у себя в Золотой Орде русских князей. Нужно уточнить, что среди монголов было много христиан, а потому отдельные русские князья завязывали с ордынскими властелинами довольно близкие, дружеские отношения, становясь даже их побратимами. С помощью татаро-монгольских отрядов иные князья удерживались на «столе» (т.е. на престоле), решали свои сугубо внутренние проблемы и даже дань для Золотой Орды собирали своими силами.

Окрепнув со временем, Русь стала показывать зубы. В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Донской разбил ордынского хана Мамай с его татарами, а столетием спустя, в так называемом «стоянии на Угре» сошлись войска великого князя Ивана III и ордынского хана Ахмата. Противники долго стояли лагерем по разные стороны реки Угры, после чего хан Ахмат, поняв, наконец, что русские стали сильны и у него есть все шансы проиграть сражение, отдал приказ отступать и увел свою орду на Волгу. Эти события и считаются «концом татаро-монгольского ига».

ВЕРСИЯ.

Все вышеизложенное — краткая выжимка или, говоря на иностранный манер, дайджест. Минимум того, что должен знать «всякий интеллигентный человек».

Честно говоря, автор этих строк никоим образом не считает себя интеллигентным человеком — вслед за А. П. Чеховым, К. П. Победоносцевым, Ф. М. Достоевским, авторами известного сборника «Вехи», а также Л. Н. Гумилевым, в ответ на вопрос, причисляет ли он себя к интеллигентам, восклицавшего: «Да Боже упаси!» Вопрос о том, что представляет собой так называемая «интеллигенция», чересчур обширен и не укладывается в данную книгу. Это уточнение автор делает исключительно для того, чтобы подчеркнуть: именно непричисление собственной персоны к интеллигенции (

«образованщине», по Солженицыну) как раз и выработало привычку не следовать рабски «общепринятым теориям», а искать свою собственную дорогу. Я, понятно, имею в виду не стремление «из чистого принципа» писать поперек линованной бумаги, а свое право высказывать сомнения в «общепринятых теориях» — в тех случаях, когда эти теории, на мой взгляд, страдают полнейшей нелогичностью, натяжками и закоснелостью.

Можно было пойти по избитой дорожке авторов иных детективов: долго интриговать читателя, чтобы потом огорошить сенсацией. Лично мне гораздо более близок метод, который Конан Доил отдал на вооружение безупречному логичу Шерлоку Холмсу: сначала излагается *подлинная* версия случившегося, а потом — цепочка рассуждений, которые и привели Холмса к открытию истины.

Именно так я и намерен поступить. Сперва изложить собственную версию «ордынского» периода русской истории, а потом на протяжении пары сотен страниц методично обосновывать свою гипотезу, ссылаясь не столько на собственные ощущения и «озарения», сколько на летописи, работы историков прошлого, оказавшиеся незаслуженно забытыми.

Итак. Я намерен доказать читателю, что вкратце изложенная выше классическая гипотеза напрочь неверна, что происходившее на самом деле укладывается в следующие тезисы:

1. Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей.
2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими задолго до пресловутого «нашествия».
3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батыя как раз и выступают Ярослав с Александром Невским.
4. Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-татарских родов имевшими права на великое княжение. Соответственно, «Мамаево побоище» и «стояние на Угре» — эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной гражданской войны на Руси.
5. Чтобы доказать истинность всего вышеперечисленного, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков вдумчиво. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать логические выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что «классическая теория» просто-напросто устоялась за долгие века. Достигнув стадии, на которой любые возражения перебиваются железным вроде бы аргументом: «Помилуйте, но ведь это **ВСЕМ ИЗВЕСТНО !**»

Увы, аргумент только выглядит железным... Всего пятьсот лет назад «всем известно» было, что Солнце вертится вокруг Земли. Двести лет назад Французская академия наук в официальной бумаге высмеяла тех, кто верил в падающие с неба камни. Академиков, в общем не стоит судить слишком строго: и в самом деле «всем известно» было, что небо представляет собою не твердь, а

воздух, где камням неоткуда взяться. Одно немаловажное уточнение: никому не было известно, что за пределами атмосферы как раз и летают камни, способные частенько падать на землю...

ОБ ИСТОРИИ, ИСТОРИКАХ И ФАКТАХ.

Известный английский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд, строчка из книги которого справедливо взята эпиграфом к данной главе, оставил интереснейшую работу как раз по интересующему нас вопросу: как оценить степень достоверности тех или иных исторических фактов?

Коллингвуд писал: «Критерием истины, оправдывающим его (историка. — А.Б.) утверждения, никогда не служит тот факт, что их содержание было дано ему источником». Считая, что, кроме механического восприятия запечатленных древним хронистом фактов, историк должен еще учитывать «достоверность» в качестве пробного камня, с помощью которого мы решаем, являются ли эти факты истинными, Коллингвуд приводит: «Светоний говорит мне, что Нерон одно время намеревался убрать римские легионы из Британии. Я отвергаю это свидетельство Светония не потому, что какой-нибудь более совершенный источник противоречит ему, ибо, конечно, у меня нет таких источников. Я отвергаю его, ибо, реконструируя политику Нерона по сочинениям Тацита, **Я НЕ МОГУ СЧИТАТЬ**, что Светоний прав... я могу включить то, о чем поведал Тацит, в собственную связную и цельную картину событий и не могу этого сделать с рассказами Светония».

Проще говоря, любой вдумчивый исследователь имеет право на построение собственной версии — при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам в общих чертах известно о данной эпохе. Скажем, можно с большой степенью вероятности утверждать: человек, исповедующий христианство, никогда не прикажет казнить другого человека за **отказ** поклониться языческим богам. Однако в повествованиях о «злых татаровьях» мы еще столкнемся с этим парадоксом: христианин-хан из Золотой Орды вдруг велит казнить русского князя-христианина за отказ поклоняться языческому кумиру...

Выводов здесь может быть только два: либо летописец напутал и хан — вовсе не христианин, либо эта история — выдумка...

Но не будем забегать вперед, вернемся к Коллингвуду.

«...любой источник может быть испорчен: этот автор предубежден, тот получил ложную информацию, эта надпись неверно прочтена плохим специалистом по эпиграфике, этот черепок смещен из своего временного слоя неопытным археологом, а тот — невинным кроликом. Критически мыслящий историк должен выявить и исправить все подобные искажения. И делает он это, только решая для себя, является ли картина прошлого, создаваемая на основе данного свидетельства, связной и непрерывной картиной, имеющей исторический смысл».

В самом деле, мы порой с излишним почтением относимся к полуистлевшим летописям, забывая, что писали их **люди**. Обуреваемые всеми человеческими страстями — от желания написать лишнюю, высосанную из пальца гадость про нелюбимого боярина до умышленного искажения истины по приказу своего

князя, с которым не больно-то и поспоришь. Предубеждения и ложная информация... Любопытно, что на родине Коллингвуда, в Англии, во время Первой мировой войны родился любопытный миф о полках регулярной русской армии, которые, высадившись где-то на севере Британии, походным маршем прошли к Ла-Маншу, спеша помочь союзникам, после чего переправились во Францию и ринулись в бои с «проклятыми бошами».

Никогда ничего подобного не было. Русские части попадали во Францию морем, без захода в Англию. И тем не менее британские писатели и журналисты не единожды сталкивались с «очевидцами», своими глазами зрившими, как шагали с бодрой незнакомой песней русские усачи-союзники...

А погибни в каком-нибудь катаклизме **правдивые** документы? И попади запись о «проследовавших через Англию русских» к историку следующей цивилизации, веке в XXIII разбирающем жалкие остатки письмен предшественников? Ведь внесет в свой ученый труд — и академика, глядишь, получит...

И наоборот. В Ипатьевской летописи, которой историки склонны доверять больше, чем некоторым другим, есть краткая запись: «В лето 6750 не бысть ничтоже» — то есть, «не было ничего». Меж тем лето 6750 — это 1242 год! Тот самый год, когда Александр Невский разбил на Чудском озере псов-рыцарей! Представьте, что из **всех** русских хроник до нас дошла бы **одна**, Ипатьевская... То-то.

Вновь слово Коллингвуду: «Мы уже знаем, чем не является свидетельство. Оно — не готовое историческое знание, которое должен поглотить и низвергнуть обратно ум. Свидетельством является все, что историк может использовать в качестве такового... Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени **СЧИТАЛИ БЕСПОЛЕЗНЫМ** ... В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. ...Каждый новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и самые вопросы».

Справедливость последнего утверждения блестяще подтвердилась за последние десять лет нашей с вами истории. Сначала дошло до того, что молодые люди году в 1986-м не знали, кто такие Бухарин и Берия (факт, зафиксированный в печати). Потом, с возвращением многих вычеркнутых из не такой уж давней истории имен какое-то время «диссиденты», «демократы» и «либералы» внушали обществу, что все беды происходят от злодея Сталина, искажившего благостные и гуманнейшие «ленинские заветы», к которым следует непременно вернуться [8]. И лишь впоследствии, не так уж давно, отважились признать, что эти «ленинские принципы» на деле — свод палаческих установлений, и самый кровавый террор творился как раз при «дедушке Ильиче». Причины таких зигзагов лежат на поверхности: чересчур уж многие «демократы» и «диссиденты» были детьми и внуками ленинских палачей, а на Сталина злобились главным образом из-за того,

что он, наводя глянец на **красную** историю России, без малейшей жалости перестрелял, «комиссаров в пыльных шлемах», ибо их дальнейшее существование никак не сочеталось с «приличным» вариантом советских мифов... Вернемся к летописям и хроникам. Как уже говорилось, авторы могли о чем-то не знать, что-то пропускать умышленно, что-то исказить (не обязательно умышленно). Далеко не все летописи и хроники дошли до нашего времени — вспомним Татищева и **десяток** разных вариантов одной и той же древней хроники. Мало того, мы подчас не можем быть уверены, что под теми датами, что указаны в летописях, подразумеваются именно те, которые приняты **нами** ...

Простой пример. Древнерусские летописи датируются нынешними историками исключительно на основании «византийского» варианта летоисчисления, где дата сотворения мира — 5508 г. до нашей эры.

Меж тем, кроме этой даты, именуемой либо «византийской», либо «константинопольской», имелись и другие. Приведем лишь некоторые:

5969 («антиохийская», или «дата сотворения мира по Феофилу»);

5493, 5472, 5624 (разные точки отсчета так называемой «александрийской» датировки, или «эры Анниана»);

4004 (еврейская, Ашер)

5872 (датировка «70 толковников»)

4700 (самарийская)

3761 (иудейская)

3941 (Иероним)

5500 (Ипполит и Секст Юлий Африканский)

5515 (Феофил)

5507 (Феофил)

5199 (Евсевий Кесарийский)

5551 (вгустин).

Список далеко не полон — историкам известно около двухсот различных версий «даты сотворения мира». Так что, вполне возможно, автор Ипатьевской летописи ничуть не ошибся. Просто-напросто **его** 6750 год от сотворения мира — вовсе не **наш** 1242 год... Просто-напросто он отсчитывал не от той точки, что принята нами. И в том году (неизвестно теперь, в котором) и впрямь не произошло ровным счетом ничего интересного, достойного упоминания...

И не стоит воображать, будто только **наша** история требует дополнительных исследований. Один из самых ярких примеров — нынешняя Англия. Вот уже триста лет между историками, писателями и просто теми, кто знает и любит свою историю, идет самый ожесточенный спор: кто виноват в убийстве двух малолетних детей Эдуарда IV — Ричард III или победивший его в междоусобной войне Генрих VII? [9] И спор этот отнюдь не келейный — в 1980 г. британский парламент был вынужден принять специальную поправку к так называемому «закону о защите доброго имени» исключительно потому, что сторонники реабилитации Ричарда принялись таскать по судам своих оппонентов...

Итак, до наших времен не дошли иные летописи, которые, вполне возможно, выражали совершенно другую точку зрения на некоторые исторические события. Ни один ученый новейшего времени не держал в руках (и никогда уже не сможет

этого сделать) так называемый «Летописец Затопа Засекина». Выше говорилось, что бесследно пропали летописи, послужившие основой для трудов Мавро Орбини, Вельского и Стрыйковского — исчисляются они многими **десятками** ...

Кроме того, при исторических расследованиях необходимо учесть и другие немаловажные факторы.

Во-первых, иные «знакомые» географические названия частенько носили в средневековые совсем не те города и местности, которые мы знаем сегодня. Какой маршрут возникнет у вас перед глазами, когда вам доведется прочесть строчку из летописи X века: «Сим летом витязь Гремислав поехал из Москвы в Краков обвенчаться с невестою»? Ручаться можно, решите, что Гремислав ехал из нынешней Москвы в нынешний Краков...

И ошибетесь! Когда-то в Германии существовала **вторая** Москва (сообщение об этом было сделано еще в 1958 г. на международном конгрессе славистов). А кроме овеванного дыханием веков польского Кракова существовал еще один — замок в Чехии, именовавшийся до XII века, когда был разрушен, то «Краковец», то «Краков». Вот и получается: без дополнительных данных ни за что не определить, из **какой** Москвы в **какой** Краков скакал наш витязь.

Рыцари-крестоносцы, переселившись из Палестины на балтийские берега, должно быть, испытывали немалую ностальгию по далекой теплой земле. От них сохранилось много документов, где географические названия как раз **привязаны** к Палестине! Иные из своих замков рыцари именovali «Иерусалимом», язычников-прусов и язычников-жмудин — «сарацинами», деревням сплошь и рядом давали названия, заимствованные из Палестины. Иные из этих документов впол не могут быть приняты за рассказы о **палестинских** буднях крестоносцев. Как же, все детали налицо: Иерусалим, сарацины...

Во-вторых, не следует забывать, что у многих наших предков (точнее, у всех) было по **несколько** имен. Даже простые крестьяне носили как минимум **два** имени: одно — мирское, под которым человека все и знали, второе — крестильное.

Один из самых известных государственных деятелей Древней Руси, киевский князь Владимир Всеволодич Мономах, оказывается, знаком нам под **мирским** , языческим именем. В крещении он был Василием, а его отец — Андреем, так что звался Василий Андреевич Мономах. А его внук Изяслав Мстиславич согласно своему и отца своего крестильным именам должен зваться — Пантелеймон Федорович! Крестильное имя порой оставалось тайной даже для близких — зафиксированы случаи, когда в первой половине XIX (!) столетия безутешные родные и близкие лишь после смерти главы семьи узнавали, что на надгробном памятнике следует написать совсем другое имя, которым покойный, оказывается, был крещен... В церковных книгах он, скажем, значился Ильей — меж тем всю жизнь его знали как Никиту... [10]

То же касается и людей известных — князей, бояр, воевод. В Разрядной книге (официальном государственном документе Московского царства, куда на протяжении полутора столетий вносились имена всех, командовавших полками), воевода И. М. Пронский значится еще и как «Турунтай». «Турунтай» — его

прозвище . Разрядную книгу вполне можно сравнить с сегодняшней картотекой Министерства обороны. А теперь представьте, что в картотеке значится запись: «Грачев П. С. — генерал армии, он же Паша-Мерседес».

Впрочем, мы уклонились от темы. Представим, что ни один экземпляр Разрядной книги не дошел до наших дней. Зато есть два сообщения в хрониках: «В лето сие Пронский со своим полком воевал с крымцами» и «Нынче Турунтай зело добро бил свеев». Вполне может оказаться, что наш воевода попадет в учебники, как два **разных** человека...

Еще пример. Перед нами несколько русских военачальников допетровской поры: И. В. Ногавица-Пестрый, Засекин-Сосун, Солнцев и Черный-Совка. Как по-вашему, что их объединяет?

Да принадлежность к древнему княжескому роду. Фамилия у каждого одна и та же: Засекин. Но в документах своей эпохи они сплошь и рядом обозначаются **прозвищами** .

Князь и воевода, славный победой над ханом Сет-Гиреем на реке Проне в 1534 г., значится в одном русском историческом труде под именем... «Тать Иван». Достаточно небольшого недоразумения, чтобы сей воевода угодил в современную книгу по истории как предводитель разбойничьей шайки. Ну как же — «тать Иван», общеизвестно, что «тать» означало — разбойник...

Тура, Темер, Туратемир... Это — один и тот же человек, золотоордынский мурза **Тукатемир** , известный тем, что был союзником Городецкого князя в войне против переяславского.

Тамерлан, Тимурленг, Темир-Аксак — опять-таки один и тот же человек. Он же — Темир-Кутлу...

Как видим, особенно полагаться на географические названия и имена опасно. Первые сплошь и рядом «странствуют» по карте, а вторых у одного-единственного человека порой оказывается так много, что он вполне способен раздвоиться, а то и расстроиться в последующих трудах ученых... Кстати, эта тенденция удерживалась и в последующие века: тот, кто не силен в истории, вряд ли поймет, что за воителя описывают турки под именем Топалпаши. Между тем речь идет о фельдмаршале Суворове...

Как мы увидим в дальнейшем, ничего невероятного нет в том, что один из персонажей древнерусской истории мог быть известен современникам как «Александр Ярославич Невский по прозвищу Батый». Особенно если учесть, что у половцев было когда-то распространено имя **Бастый** ...

Географические названия (не только городов, но и стран!) перемещаются по карте, один и тот же человек может быть известен под несколькими разными именами что иногда вносит путаниц), точные датировки тех или иных событий нам сплошь и рядом неизвестны (поскольку наши предки и мы пользуемся разными системами отсчета исходных дат). Летописец был пристрастен, а то и выполнял прямой заказ...

Есть и обратная сторона медали. Для тех случаев, когда летописец был стопроцентно честен, у современных историков порой проявляется крайне непонятное стремление «поправить» **очевидца** события, которое сами они наблюдать никак не могли. Однако отчего-то считают, будто «знают лучше».

Несколько простых примеров. Доктор исторических наук Ю. А. Мыцык

поправляет историка XVII века: «Первый крупный поход за пределы Монголии был совершен Чингисханом не в 1209 г., а в 1162». Читатель может подумать, будто за последние триста лет в руки ученых попали некие **документы** с точными датами...

Нет никаких документов. Просто-напросто в последнее время ученые **договорились** считать, будто дата «первого крупного похода Чингисхана» была другой. Следовательно, историк, живший гораздо ближе ко времени описываемых им событий... ошибается.

«Автор **ошибочно** считает, будто не новгородский народ, а князья решили истребить ордынских баскаков».

Почему же ошибочно? Быть может, прав как раз «автор», у которого были перед глазами кипы неизвестных нашим историкам рукописей? А не историки — это ведь **они** постановили считать, что против баскаков попер черный народ с выдернутыми из плетня колями...

Одним словом, сплошь и рядом с исторического Олимпа пудовым камнем падают презрительные приговоры: «Летописец ошибался», «автор хроники был не прав». **Очевидец** события, изволите ли видеть, был не прав. Не понимал, что он видел — пока в XX столетии не разъяснили...

Я не преувеличиваю. До сих пор можно наткнуться на утверждение, будто западноевропейские путешественники, **своими глазами** видевшие татар-христиан... ошибались. По невежеству своему. Видели какой-то шаманский обряд, но из глупости, а может, спьяну описали его как христианское богослужение. Историки двадцатого века знают лучше, им с горы виднее... У них — **метод** .

Рисунок 7.

Хотите ближе познакомиться с иными «методами»? Извольте.

Перед вами — древние изображения лабиринтов. Несведущему глазу ясно, что фигуры (**рис. 7 и 8**) похожи как близнецы-братья. Однако первый лабиринт ученые почему-то относят к «этрусским изображениям VII века до н.э.», а второй — к «мегалитической плите середины VI тысячелетия до н.э.» То же — и со второй парой. Снова сходство, которое никак нельзя объяснить случайностью (или все же признать, что древние мастера **пять тысяч** лет держали в памяти классические образцы?). Однако **рис. 9** — по мнению ученых, вновь мегалитическое изображение VI тысячелетия до н.э., а **рис. 10** — аверс древнегреческой монеты 450 г. до н.э.

Рисунок 8.

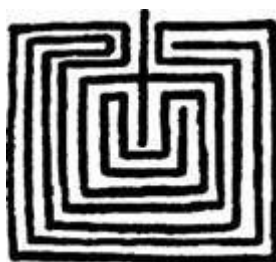

Рисунок 9.

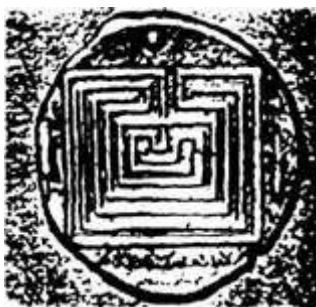

Рисунок 10.

Ученые историки откалывают номера и похлеще... Вот что пишет черным по белому некий В. Янин: «Если в слое, обнаруженном при раскопках, встречаются изделия из стекла и шифера, сердоликовые бусы, ювелирные вещи, украшенные эмалью, сканью и

зернью — значит, перед археологами остатки домонгольского периода. Если всего этого нет — мы вошли в следующий исторический период».

Каково? В переводе на нормальный человеческий язык сие означает следующее: наш историк и подобные ему умники однажды **договорились** считать, что монголо-татарское нашествие привело к полному истреблению всех древнерусских ювелиров и исчезновению изящных ремесел. А посему никто не проводит экспертиз, радиоуглеродных анализов — возраст находок определяется гораздо проще: есть ювелирные изделия — дело было до татар, нет ни единой сережки или браслетика — значит, раскопки вскрыли слой XIV века... Поразительная точность датировки!

По-моему, это больше напоминает школьные ухищрения, когда нерадивый Вовочка украдкой заглядывает в конец учебника, а потом подгоняет задачу под известный ему результат.

В этом и состоит ахиллесова пята истории как науки — в отличие от других

дисциплин, здесь совершенная однажды ошибка может продержаться столетиями. Кто-то однажды сделал ошибочный вывод (а мешающие его концепции древние памятники попросту отбросил) — и ошибка за долгие века обрастает сотнями толстых томов, чьи авторы лишь добросовестно **ПЕРЕ СКАЗЫВАЮТ** некогда изреченную «мудрость», не внося ничего своего. Потом подключаются писатели, поэты, художники. Концепция обрастает сотнями рома нов, картин, а в наше время — еще и фильмов... В результате она становится чем-то столь священным, что одна мысль о пересмотре устоявшихся канонов выглядит жутчайшей ересью.

Между прочим, автор выше процитированных строк о «бусах и ювелирных вещах» тут же попал в собственную ловушку — обычно так оно и случается... Я прошу читателя набраться терпения и внимательно прочитать следующий текст, который ради чистоты эксперимента привожу полностью, без малейших изъятий.

«О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными и вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не появлялись, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за синим морем. Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни — от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, обрушилась беда на христиан...»

Я привел *весь* древний документ, дошедший до нашего времени. Теперь попытайтесь отгадать, как он именуется в нашей официальной историографии. Точнее, *о чем* повествует. Повторяю, перед вами *весь* документ, целиком.

Так вот, именуется этот текст «Слово о гибели русской земли» и в каждой публикации объявляется «отрывком из не дошедшего до нас в целости поэтического произведения... **О ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ** »!

Перечитайте документ еще раз, не поленитесь. Сами сделайте выводы: есть ли в нем хоть слово, которое можно истолковать как сообщение о татаро-монгольском, и вообще *иноземном* нашествии?

Нет там ничего подобного. Кроме горестной констатации: «...обрушилась беда на христиан». Но ни словечком не упоминается о том, какая это беда...

Именно этот памятник древнерусской литературы и стал для меня одной из отправных точек. Именно с него и следует начать наше историческое расследование, набраться смелости и признать: что-то нечисто с «татаро-монгольским» нашествием.

Тот самый В. Янин, чертовски насмешивший рассказом о столь потрясающем воображение методе датировки древних раскопов, чуть ниже написал следующее: «Историк не может взять в руки половину обгоревшей страницы и сказать: другая половина сожжена в годину монголо-татарского разорения. Потому что книги и документы сгорают целиком и ветер развеивает их пепел».

Вот тут он, по-моему, прав на все сто. Либо сгорают целиком, либо... «Слово о гибели русской земли» (по некоторым предположениям, служившее введением к «Житию Александра Невского»), известно только в двух списках — в том виде, в каком вы его только что прочитали. Больше всего это похоже не на «половину сгоревшей страницы», а на документ, который аккуратно и умышленно *разорвали* пополам, оставив то, что работало на определенную версию, и, уничтожив (боюсь, навсегда) остальное... Вряд ли в уничтоженной части речь шла о «нашествии монголов». Скорее уж о неких сведениях, напрочь противоречивших официальной версии, а потому ветер и развеивал пепел...

Логика сторонников «классической версии» проста. Князья, упомянутые в «Слове», Ярослав Всеволодович и его брат Юрий, как раз и жили во времена монголо-татарского нашествия. Следовательно, «беда», о которой идет речь, может быть истолкована исключительно как татаро-монгольское нашествие. Что ж, в известной логике отказать нельзя.

Однако такая логика действует до строго определенных пределов. До тех пор, пока не начались поиски *других* кандидатов на роль мифических «монголо-татар»...

ГДЕ МОНГОЛЫ?

В самом деле, где «лучшая половинка» навязшего в зубах выражения «монголо-татарская» орда? Где собственно монголы, согласно иным ретивым авторам, составлявшие некую аристократию, цементирующее ядро накатившегося на Русь воинства?

Так вот, самое интересное и загадочное в том, что ни один *современник* тех событий (или живший во времена довольно близкие) не в силах отыскать монголов! Их попросту нет — черноволосых, раскосоглазых людей, тех, кого, не мудрствуя, антропологи так и именуют «монголоидами». Нет, хоть ты тресни!

Удалось проследить лишь следы двух, безусловно, пришедших из Центральной Азии монголоидных племен — джалаиоров и барласов. Вот только пришли они не на Русь в составе армии Чингиза, а в... Семиречье (район нынешнего Казахстана). Оттуда во второй половине XIII века джалаиры откочевали в район нынешнего Ходжента, а барласы — в долину реки Кашкадарьи. Из Семиречья они «...пришли в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае, во второй его половине, считали своим родным языком

тюркский язык» (из фундаментального труда Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (1950).

Все. Каких бы то ни было *других* монголов историки, как ни бьются, обнаружить не в состоянии. Русский летописец среди народов, пришедших на Русь в Батыевой орде, ставит на первое место «куманов» — то есть кипчаков-половцев! Которые жили не в нынешней Монголии, а практически под боком у русских, которые (что я докажу позднее) имели свои крепости, города и деревни!

Арабский историк Эломари: «В древности это государство (Золотая Орда XIV в. — А. Б.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они, то есть татары, смешались и породнились с ними, и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними».

О том, что и татары ниоткуда не приходили, а испокон веков жили поблизости от русских, я расскажу немного погодя, когда взорву, честное слово, нешуточную бомбу. А пока что обратим внимание на крайне важное обстоятельство: *никаких монголов* нет. Золотая Орда представлена татарами и кипчаками-половцами, которые относятся не к монголоидам, а к нормальному европеоидному типу: светловолосые, светлоглазые, ничуть не раскосые... (И язык у них схож со славянским.)

Как Чингисхан с Батыем. Древние источники рисуют Чингиза высоким, длиннорылым, с «рысьими», зелено-желтыми глазами. Персидский историк Рашид ад-Дин (современник «монгольских» войн) пишет, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурое». Г. Е. Грумм-Гржимайло упоминает «монгольскую» (монгольскую ли?!) легенду, согласно которой предок Чингиза в девятом колене Бодуаньчар — белокурый и голубоглазый! А тот же Рашид ад-Дин пишет еще, что само это родовое имя Борджигин, присвоенное потомкам Бодуаньчара, как раз и означает... Сероглазый!

Кстати, точно так же рисуется и облик Батыя — светловолос, светлорылый, светлоглаз... Автор этих строк всю свою сознательную жизнь прожил не так уж и далеко от тех мест, где якобы «создавал свое неисчислимое войско Чингисхан». Уж кого-кого, а исконно монголоидного народа насмотрелся достаточно — хакасов, тувинцев, алтайцев, да и самих монголов. Нет среди них светловолосых и светлоглазых, совсем другой антропологический тип...

Между прочим, ни в одном языке *монгольской* группы нет имен «Бату» или «Батый». Зато «Бату» имеется в башкирском, а «Бастый», как уже говорилось, — в половецком. Так что само имя Чингизова сына произошло определенно не из Монголии.

А в Южной Европе, в Болгарии, обнаружился... «могучий царь Батой»! Вот только он не татарин и не монгол вовсе...

В 1972 г. в Софии к юбилею одного из своих самых известных и уважаемых историков прошлого Паисия Хилендарского болгары издали двухтомник его трудов. Точнее, это одна и та же книга, «История славяноболгарская», только первый том — факсимильное воспроизведение оригинала на староболгарском, почти ничем не отличавшемся от старославянского языка наших предков, второй

— перевод на современный болгарский язык.

Чтение потрясающее!

Вот что поведал Паисий: «После 678 г. в Болгарии воцарился сильный и благополучный царь Батой... забрал от греческого царя Охридскую землю и поставил в Охриде болгарскую крепость, а еще перенес туда свой царский престол. И был славен в битвах царь Батой, и страшен прилегающим державам. Как пишет Бароний, долго ему два римских царя платили дань... Теофан-летописец сказывал: „Когда болгары с могучей силой пришли к кесарю, тот пожелал с ними иметь мир и обещал им платить постоянную дань, и было то великим срамом для римского царства. Настоящее чудо то было — ведь тот царь взимал дань от турков и других окрестных царей, но был побежден тем сильным народом и ему давал дань“. С той поры царь Батой в истории пишется выше всех болгарских царей, кои до него правили».

Интересно, верно? «После 678 г.» римский император взимает дань с турок, которым согласно официальной истории вроде бы еще неоткуда взяться. «Бароний», на которого ссылается Паисий — это Чезаре Баронио, он же Цезарь Бароний (1538-1607), римский кардинал и историк, автор «Анналов» в 12 томах, составленных с позиций «короткой» хронологии. Теофан — византийский хронист. Любопытно, что Паисию Хилендарскому известен *один* лишь «крал Батой»: болгарский историк и знать не знает никакого «татарского царя Бытия», он вообще не упоминает о «великом татарском войске», вторгавшемся в Европу, целиком поглощенный сугубо балканскими делами!

А вот что пишет Паисий Хилендарский о происхождении славян: «У Иафета был один сын, нареченный Мосхос. От его племени и рода и отделился наш славянский род. И род этот, и язык были наречены Мосхосовыми. И пошли они к полуночи, в северную страну, где ныне лежит московская земля. По имени того Мосхоса, своего пращура, нарекли они реку, на которой сели Москвою, а по ней и селище. Потом обустроили его городом и основали там царский престол. И по этим причинам нарекли себя московцами, как зовутся и по сей день. Была в Московской земле одна страна по имени Скандавия. Когда все расселились, те, кто там осел, стали называться скандаляне. Те скандаляне много времени спустя, умножившись в количестве, пошли на запад, к земле у Океана-моря. Называлось то море Балтийско и Помарийско. И поселились означенные скандаляне вблизи Брандибура, и по имени тех скандалян нарекли тот род славянами — так и до нынешнего дня ведется. Те, кто не пошел, а остался, зовутся славяне. Святой Кирилл и Мефодий их покрестили, нарекли наши книги, весь род и язык славянским. Они правильнейшим и чистым образом говорят славянским языком и употребляют много оборотов, похожих на болгарские обороты, но придерживаются сегодня римской веры и завзято воюют со страной немецкого царя. Римляне эти подчиняются власти папы. Они одного рода и языка с болгарями. Было время, когда населили и ту землю, и Брандибур немцы и пошли к Московской земле. Но московитяне и русские не пустили их в свою землю, и произошла великая война и сеча. Победившие в этой войне заселили области возле реки Болга, коя течет с юга на север через Московскую державу и вливается в Океан-море. По имени той реки Волги славян сих нарекли болгарями, как зовутся они до сего дня. И жили они в той земле долго, до 378 г. от рождества

Христова».

Большая часть сведений почерпнута Паисием от итальянского книжника Орбини, чья работа еще будет подробно рассматриваться далее. А пока что стоит добавить, что сведения о происходящих от одного славянского корня москвитях и волжских болгарх удивительным образом перекликаются с очередной «неудобной» цитатой из средневекового арабского книжника Ар-Руфи, который сообщал, что русские, приняв поначалу христианскую веру, после от нее отшатнулись и обратились в ислам!

Стоит только предположить, что араб имел в виду волжских болгар, все мгновенно становится на свои места: москвиты и болгары — один народ, но на Руси христианство сохранилось, а вот волжане перешли в мусульманство.

А никаких «татар», повторяю, Паисий Хилендарский не упоминает вовсе: он их удивительным образом не усматривает в славянской истории...

Кстати, Паисий завершил свою книгу... в 1762 году! От Рождества Христова, естественно. Как мы видим, еще во второй половине восемнадцатого столетия на окраинах Европы продолжает кое-где удерживать крепкие позиции *прежняя* система исторических знаний, сосуществующая пока что со скалигеровской. И упрямые болгары вовсе не желают отказываться от наследия Паисия, относясь к нему со всем уважением.

Двухтомник, повторяю, издан всего тридцать лет назад, его легко раздобыть в хорошей библиотеке и проверить мои выводы. От себя я ничего не присочинил и переводил с болгарского в полном соответствии с оригиналом.

Конечно, трудно с ходу переварить иные сообщения Паисия: скажем, те, где утверждается, что римляне — такие же славяне, «одного языка и рода с болгарами». Но, повторяю, Паисий не басни сочинял, а держался в русле определенных исторических представлений, придерживался *старой* системы знаний.

Интересно, что писали о своем славном предке Чингисхане его соплеменники в «настоящей», *нынешней* Монголии?

Ответ неутешителен: в XIII веке монгольского алфавита еще не существовало. Абсолютно *все* хроники монголов написаны не ранее XVII столетия. А, следовательно, любое упоминание о том, что Чингисхан и в самом деле вышел из Монголии, будет не более чем записанным лет триста спустя пересказом старинных легенд... Которые, надо полагать, очень понравились «настоящим» монголам — несомненно, очень приятно было вдруг узнать, что твои предки, оказывается, когда-то прошли огнем и мечом до самой Адриатики...

Итак, мы уже выяснили довольно важное обстоятельство: в «монголо-татарской» орде не было никаких монголов, т. е. черноволосых и узкоглазых обитателей Центральной Азии, которые в XIII веке, надо полагать, мирно кочевали по своим степям. На Русь «приходил» кто-то другой — светловолосые, сероглазые, синеглазые люди европейского облика. А собственно, пришли они и не из такого уж далека — из половецких степей, не далее.

СКОЛЬКО БЫЛО «МОНГОЛО-ТАТАР»?

В самом деле, сколько их пришло на Русь? Начнем выяснять.

Российские дореволюционные источники упоминают о «полумиллионной монгольской армии».

Отнюдь не бесталанный писатель В. Ян, автор знаменитой трилогии «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю», называет чуточку меньшее число — четыреста тысяч.

Простите за резкость, но и первая, и вторая цифра — бред собачий. Поскольку измышлены *горожана ми*, кабинетными деятелями, видевшими лошадь только издали и совершенно не представлявшими себе, каких забот требует содержание в рабочем состоянии боевого, а также вьючного и походного коня.

Любой воин кочевого племени отправляется в поход, имея три лошади (как необходимейший минимум — две). Одна везет поклажу (небольшой «сухой паек», подковы, запасные ремни для уздечки, всякую мелочь вроде запасных стрел, доспеха, который нет нужды надевать на марше, и т.д.). Со второй на третью время от времени нужно пересаживаться, чтобы один конь все время был чуточку отдохнувшим — мало ли что стрясется, порой приходится вступать в бой «с колес», т.е. с копыт.

Примитивный подсчет показывает: для армии в полмиллиона либо четыреста тысяч бойцов необходимо около полутора миллионов лошадей, в крайнем случае — миллион. Такой табун сможет продвинуться самое большее километров на полсотни, а вот дальше идти окажется не в состоянии — передовые моментально истребят траву на огромном пространстве, так что задние сдохнут от бескормицы очень быстро. Сколько овса для них ни запасай в тороках (да и много ли запасешь?).

Напомню, вторжение «монголо-татар» в пределы Руси, все главные вторжения развернулись *зимой*. Когда оставшаяся трава скрыта под снегом, а зерно у населения предстоит еще отобрать — к тому же масса фуража гибнет в горящих городах и селах...

Могут возразить: монгольская лошадка прекрасно умеет добывать себе пропитание из-под снега. Все правильно. «Монголки» — выносливые создания, способные прожить всю зиму на «самообеспечении». Я сам их видел, чуть-чуть проехался однажды на одной, хотя наездник никакой. Великолепные создания, я навсегда очарован лошадьми монгольской породы и с превеликим удовольствием обменял бы свою машину на такую лошадку, будь возможность держать ее в городе (а возможности, увы, нет).

Однако в *нашем* случае вышеприведенный аргумент не работает. Во-первых, древние источники не упоминают о лошадях *монгольской* породы, имевшихся «на вооружении» орды. Наоборот, специалисты по коневодству в один голос доказывают, что «татаро-монгольская» орда ездила на *туркменах* — а это совсем другая порода, и выглядит иначе, и пропитаться зимой без помощи человека не всегда способна...

Во-вторых, не учитывается разница между лошадью, отпущенной *бродить* зимой без всякой работы, и лошадью, вынужденной совершать под седоком длительные переходы, а также участвовать в сражениях. Даже монголки, будь их *миллион*, при всей своей фантастической способности пропитаться посреди заснеженной равнины, перемерли бы с голоду, мешая друг другу отбивая друг у

друга редкие былинки...

А ведь они, кроме всадников, вынуждены были нести еще и тяжелую добычу!

А ведь у «монголов» были с собой еще и немаленькие обозы. Скотину, которая тащит повозки, тоже надо кормить, иначе не потянет повозку...

Одним словом, на протяжении всего двадцатого века число напавших на Русь «монголо-татар» усыхало, как знаменитая шагреновая кожа. В конце концов историки со скрежетом зубным остановились на тридцати тысячах — опускаться ниже им просто не позволяют остатки профессионального самолюбия.

И еще кое-что... Боязнь допустить в Большую Историографию еретические теории вроде моей. Потому что, даже если принять число «вторгшихся монголов» равным тридцати тысячам, возникает череда ехидных вопросов...

И первым среди них будет такой: а не маловато ли? Как ни ссылайся на «разобщенность» русских княжеств, тридцать тысяч конников — чересчур мизерная цифра для того, чтобы устроить по всей Руси «огнь и разорение»! Они ведь (даже сторонники «классической» версии это признают) не двигались компактной массой, всем скопом наваливаясь поочередно на русские города. Несколько отрядов рассыпались в разные стороны — а это снижает численность «неисчислимых татарских орд» до предела, за которым начинается элементарное недоверие: ну не могло *такое* количество агрессоров, какой бы дисциплиной ни были спаяны их полки (оторванные к тому же от баз снабжения, словно группка диверсантов в тылу врага), «захватить» Русь!

Получается заколдованный круг: *огромное* войско «монголо-татар» по чисто физическим причинам не смогло бы сохранить боеспособность, быстро передвигаться, наносить те самые пресловутые «несокрушимые удары». *Небольшое* войско ни за что не смогло бы установить контроль над большей частью территории Руси.

Из этого заколдованного круга может выйти лишь наша гипотеза — о том, что *никаких пришельцев* не было. Шла гражданская война, силы противников были относительно небольшими и опирались они на собственные, накопленные в городах запасы фуража.

Между прочим, кочевникам совершенно несвойственно воевать зимой. Зато зима — излюбленное время для военных походов русских. Испокон веков они отправлялись в поход, используя в качестве «торных дорог» замерзшие реки — самый оптимальный способ ведения войны на территории, почти сплошь заросшей дремучими лесами, где мало-мальски большому военному отряду, особенно конному, передвигаться чертовски трудно.

Все дошедшие до нас летописные сведения о военных кампаниях 1237—1238 гг. рисуют классический русский стиль этих битв — сражения происходят зимой, причем «монголы», которым вроде бы положено быть классическими степняками, с поразительным мастерством действуют в *лесах* . В первую очередь я имею в виду окружение и последующее полное уничтожение на реке Сити русского отряда под командованием великого князя владимирского Юрия Всеволодовича... Столь блестящая операция никак не могла быть проведена обитателями степей, которым просто некогда, да и негде было научиться сражениям в чащобе.

Итак, наша копилка понемногу пополняется весомыми доказательствами. Мы выяснили, что никаких «монголов», т. е. монголоидов среди «орды» отчего-то не было. Выяснили, что «пришельцев» никак не могло быть много, что даже то мизерное число в тридцать тысяч, на котором историки закрепились, словно шведы под Полтавой, никак не могло обеспечить «монголам» установление контроля над всей Русью. Выяснили, что лошади под «монголами» были отнюдь не монгольскими, а воевали эти «монголы» отчего-то по **русским** правилам. Да и были они, что любопытно, светловолосыми и голубоглазыми.

Не так уж мало для начала. А мы, предупреждаю, только входим во вкус...

КУДА ПРИШЛИ «МОНГОЛЫ», ПРИДЯ НА РУСЬ?

Именно так, я ничего не напутал. И очень быстро читатель узнает, что вынесенный в заголовок вопрос только на первый взгляд представляется бессмыслицей...

Мы уже говорили о второй Москве и втором Кракове. Есть еще и вторая Самара — «Самара град», крепость на месте нынешнего города Новомосковска, в 29 километрах к северу от Днепропетровска...

Словом, географические названия средневековья отнюдь не всегда совпадали с тем, что мы сегодня понимаем под каким-то названием. Сегодня для нас Русь обозначает **всю** тогдашнюю землю, населенную русскими.

А вот тогдашние люди считали несколько иначе... Вся кий раз, едва доведется читать о событиях XII — XIII столетий, необходимо помнить: **тогда** «Русью» называли **часть** населенных русскими областей — киевское, переяславское и черниговское княжества. Точнее: Киев, Чернигов, река Рось, Поросье, Переяславль-Русский, Северская земля, Курск. Сплошь и рядом в древних летописях пишется, что из Новгорода или Владимира... «ехали в Русь»! То есть — в Киев. Черниговские города — «русские», а вот смоленские — уже «нерусские».

Историк XVII века: «...славяне, прародители наши — Москва, россиане и прочие...»

Именно так. Не зря на западноевропейских картах очень долго русские земли разделялись на «Московию» (север) и «Россию» (юг). Последнее название продержалось крайне долго — как мы помним, обитатели тех земель, где ныне располагается «Украина», будучи русскими по крови, католиками по религии и подданными Жечи Посполитой, именовали себя «русской шляхтой».

Таким образом, к летописным сообщениям вроде «такого-то года орда напала на Русь» нужно относиться с учетом того, что сказано выше. Помнить: это упоминание означает не агрессию против **всей** Руси, а нападение на **конкретный** район, строго локализованный.

КАЛКА — КЛУБОК ЗАГАДОК.

Первое столкновение русских с «монголо-татарами» на реке Калке в 1223 г. довольно подробно и детально описано в древних отечественных летописях — впрочем, не только в них, есть еще так называемая «Повесть о битве на Калке, и о

князьях русских, и о семидесяти богатырях».

Однако изобилие сведений не всегда вносит ясность...

В общем-то, историческая наука давно уже не отрицает того очевидного факта, что события на реке Калке — не нападение злых пришельцев на Русь, а агрессия *русских* против соседей. Судите сами. Татары (в описаниях битвы на Калке монголы никогда, ни разу не упоминаются) воевали с половцами. И прислали на Русь послов, которые довольно дружелюбно попросили русских в эту войну не вмешиваться. Русские князья этих послов... убили, а по некоторым старым текстам, не просто убили — «умучили». Поступок, мягко говоря, не самый пристойный — во все времена убийство посла считалось одним из самых тяжких преступлений. Вслед за тем русское войско выступает в дальний поход. Покинув пределы Руси, оно первым нападает на татарский стан, берет добычу, угоняет скот, после чего еще восемь дней движется в глубь чужой территории. Там, на Калке, и происходит решающее сражение, союзники-половцы в панике бегут, князья остаются одни, три дня отбиваются, после чего, поверив заверениям татар, сдаются в плен. Однако татары, разозленные на русских (вот странно, с чего бы это?! Никакого особого зла те татарам не сделали, разве что убили их послов, напали на них первыми...) убивают пленных князей. По одним данным, убивают просто, без затей, по другим — наваливают на связанных доски и садятся сверху пировать, негодяи.

Показательно, что один из самых ярких «татарофобов», писатель В. Чивилихин, в своей почти восьмисотстраничной книге «Память», перенасыщенной руганью в адрес «ордынцев», события на Калке несколько смущенно обходит. Упоминает мельком — да, было что-то такое... Вроде бы там и повоевали малость...

Понять его можно: русские князья в этой истории выглядят не самым лучшим образом. Добавлю от себя: галицкий князь Мстислав Удалой не просто агрессор, но и форменный подонок — впрочем, об этом погодя...

Вернемся к загадкам. Та самая «Повесть о битве на Калке» отчего-то не в состоянии... назвать противника русских! Судите сами: «...из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги.

В высшей степени странные строки! Напоминаю, написанные *гораздо позже* описываемых событий, когда вроде бы уже полагалось точно знать, с кем же сражались на Калке русские князья. Ведь часть войска (хотя и малая, по некоторым данным — одна десятая) все же вернулась с Калки. Мало того, победители, в свою очередь преследуя разбитые русские полки, гнались за ними до Новгорода-Святополча (не путать с Великим Новгородом! — А.Б.), где напали на мирное население, так что и среди горожан должны быть свидетели, своими глазами лицезревшие противника [11].

Однако этот противник остается «неведомым». Пришедшим неизвестно из каких мест, говорящим на бог весть каком языке. Воля ваша, получается некая несообразность...

То ли половцы, то ли таурмены, то ли татары... Это заявление еще больше запутывает дело. Уж половцев-то к описываемому времени на Руси знали

прекрасно — столько лет жили бок о бок, то воевали с ними, то вместе ходили в походы, роднились... Мыслимое ли дело — не опознать половцев?

Таурмены — кочевое тюркское племя, в те годы обитавшее в Причерноморье. Опять-таки были прекрасно известны русским к тому времени.

Татары (как я скоро докажу) к 1223 г. уже как минимум несколько десятков лет жили в том же Причерноморье.

Короче говоря, летописец определенно лукавит. Полное впечатление, что ему по каким-то чрезвычайно веским причинам *не хочется* прямо называть противника русских в том сражении. И это предположение ничуть не надуманное. Во-первых, выражение «то ли половцы, то ли татары, то ли таурмены» никоим образом не согласуется с жизненным опытом русских того времени. И тех, и других, и третьих на Руси прекрасно знали — все, кроме автора «Повести»...

Во-вторых, сразись русские на Калке с «неизвестным», впервые увиденным народом, последующая картина событий выглядела бы совершенно иначе — я имею в виду сдачу князей в плен и преследование разбитых русских полков.

Оказывается, князья, засевшие в укреплении из «тына и телег», где три дня отбивали атаки противника, сдались после того... как некий *русский* по имени Плоския, находившийся в боевых порядках противника, торжественно целовал свой нательный крест на том, что пленным не причинят вреда.

Обманул, паскуда. Но дело не в его коварстве (в конце-то концов, история дает массу свидетельств того, как сами русские князья с тем же коварством нарушали «крестное целование»), а в личности самого Плоскини, русского, христианина, каким-то загадочным образом оказавшегося среди воинов «неведомого народа». Интересно, какими судьбами его туда занесло?

В. Ян, сторонник «классической» версии, изобразил Плоскиню таким степным бродягой, которого *изловили* по дороге «монголо-татары» и с цепью на шее подвели к укреплению русских, чтобы уговорил их сдаться на милость победителя.

Это даже не версия — это, простите, шизофрения. Поставьте себя на место русского князя — профессионального солдата, за свою жизнь вдоволь повоевавшего и со славянскими соседями, и со степняками-кочевниками, прошедшего огни и воды...

Вас окружили в далекой земле воины совершенно неизвестного доселе племени. Три дня вы отбиваете атаки этого супостата, чей язык не понимаете, чей облик вам странен и противен. Вдруг этот загадочный супостат подгоняет к вашему укреплению какого-то оборванца с цепью на шее, и тот, целуя крест, клянется, что осаждающие (снова и снова подчеркиваю: неизвестные вам доселе, чужие по языку и вере!) вас пощадят, если сдадитесь...

Что же, вы сдадитесь в этих условиях?

Да полноте! Ни один нормальный человек с мало-мальским военным опытом не сдастся (к тому же вы, уточню, совсем недавно убили послов этого самого народа и пограбили вдоволь стан его соплеменников).

А вот русские князья отчего-то сдались...

Впрочем, почему «отчего-то»? Та же «Повесть» пишет совершенно недвусмысленно: «Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них был Плоския».

Бродники — это русские вольные дружинники, обитавшие в тех местах. Предшественники казаков. Что ж, это несколько меняет дело: сдаться уговаривал не связанный пленник, а воевода, почти что равный, такой же славянин и христианин... Такому можно и поверить — что князья и сделали.

Однако установление подлинного социального положения Плоскини лишь запутывает дело. Получается, что бродники в сжатые сроки сумели договориться с «народами неизвестными» и сблизилась с ними настолько, что ударили совместно на русских? Своих братьев по крови и вере?

Снова что-то не складывается. Понятно, бродники были изгоями, сражавшимися только за себя, но все равно, как-то очень уж быстро нашли общий язык с «безбожными моавитянами», о которых никто не знает, откуда они пришли, и какого они языка, и какой веры...

Собственно говоря, одно можно утверждать со всей определенностью: часть войска, с которым рубились русские князья на Калке, была славянской, христианской.

А может, не часть? Может, и не было никаких «моавитян»? Может, битва на Калке и есть «разборка» меж православными? С одной стороны — несколько союзных русских князей [12], с другой — бродники и православные татары, соседи русских?

Стоит принять эту версию, все встает на свои места. И загадочная дотоле сдача князей в плен — сдавались не каким-то неведомым чужакам, а хорошо знакомым соседям (соседи, правда, нарушили слово, но тут уж как повезет...) [13]. И поведение тех жителей Новгорода-Святополча, что непонятно почему вышли навстречу татарам, преследующим бегущих с Калки русских... с крестным ходом!

Такое поведение опять-таки не укладывается в версию с неведомыми «безбожными моавитянами». Наших предков можно упрекнуть во многих грехах, но вот излишней доверчивости среди таковых не числилось. В самом деле, какой нормальный человек выйдет ублаговотворять крестным ходом некоего неизвестного пришельца, чей язык, вера и национальная принадлежность остаются загадкой?!

Однако, стоит нам предположить, что за бегущими остатками княжеских ратей гнались некие свои, давно знакомые, и что, особенно важно, такие же христиане — поведение жителей города мгновенно теряет всякие признаки сумасшествия или нелепости. *От своих*, давно знакомых, от таких же христиан и в самом деле был шанс оборониться крестным ходом.

Шанс, правда, на сей раз не сработал — видимо, разгоряченные погоней всадники были чересчур уж обозлены (что вполне понятно — их послов убили, на них самих напали первыми, рубили и грабили) и с ходу посекали тех, кто вышел навстречу с крестом. Замечу особо, подобное случалось и во время чисто *русских* междоусобных войн, когда разъяренные победители рубили направо и налево, и поднятый крест их не останавливал...

Таким образом, битва на Калке — вовсе не столкновение с неведомыми народами, а один из эпизодов междоусобной войны, которую вели меж собой христиане-русские, христиане-половцы [14] и христиане-татары. Русский историк XVII века суммирует итоги этой войны так: «Татары после этой победы до основания разорили крепости и города и села половецкие. И все земли около

Дона, и моря Меотского [15], и Таврики Херсонской (что после перекопання перешейка меж морями до сего дня именуется Перекопом), и вокруг Понта Евксинского, то есть Черного моря, татары под свою руку взяли, и тамо поселились».

Как видим, война шла за конкретные территории, меж конкретными народами. Кстати, крайне любопытно упоминание о «городах, и крепостях, и селах половецких». Нам долго втолковывали, что половцы — степняки-кочевники, но кочевые народы не имеют ни крепостей, ни городов...

И напоследок — о галицком князе Мстиславе Удалом, вернее, о том, за что он как раз и заслуживает определения «подонок». Слово тому же историку: «...Храбрый же князь Мстислав Мстиславич Галицкий... когда прибежал к реке к лодьям своим (сразу после поражения от „татар“ — А. Б.), переправившись через реку, повелел все лоды потопить, и порубить, и пожечь, убоявшись погони татарской, и, страха исполнен, пеш в Галич добрался. Большая же часть полков российских, бегучи, достигла лодий своих и, узревши их до единой потопленными и пожженными, от печали и нужды и голода не смогла через реку переплыть, там же умерли и погибли, кроме некоторых князей и воинов, на плетеных таволжаных снопах через реку переплывших».

Вот так. Между прочим, эта мразь — я о Мстиславе — до сих пор в истории и литературе именуется Удалым. Правда, далеко не все историки и литераторы восхищены сей фигурой — еще сто лет назад Д. Иловайский подробно перечислил все промахи и нелепости, совершенные Мстиславом в качестве князя галицкого, употребив примечательную фразу: «Очевидно, под старость Мстислав окончательно лишился здравого смысла». Наоборот, Н. Костомаров ничтоже сумняшеся считал поступок Мстислава с лодьями прямо-таки само собой разумеющимся — Мстислав, дескать, этим «не дал переправиться татарам». Однако, простите, они ведь все равно как-то переправились, ежели «на плечах» отступающих русских домчались до Новгорода-Святополча?!

Благодушие Костомарова по отношению к Мстиславу, по сути, и погубившему своим поступком большую часть русского войска, впрочем, объяснимо: в распоряжении Костомарова была лишь «Повесть о битве на Калке», где о гибели воинов, которым не на чем было переправиться, не упоминается вовсе. Историк, которого я только что цитировал, Костомарову определенно неизвестен. Ничего странного — эту тайну я раскрою чуть погодя.

СУПЕРМЭНЫ ИЗ МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ.

Приняв классическую версию «монголо-татарского» нашествия, мы и сами не замечаем, с каким скопищем нелогичностей, а то и откровенной глупости имеем дело.

Для начала я процитирую обширный кусок из труда известного ученого Н. А. Морозова (1854—1946):

«Кочующие народы по самому характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультивированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующему экономической централизации, т. е. налога, на который

можно было бы содержать войско взрослых холостых людей. У всяких кочевых народов, как у скоплений молекул, каждая их патриархальная группа отталкивается от другой, благодаря поискам все новой и новой травы для питания их стад.

Соединившись вместе в количестве хотя бы нескольких тысяч человек, они должны также соединить друг с другом и несколько тысяч коров и лошадей и еще более овец и баранов, принадлежащих разным патриархам. В результате этого вся ближайшая трава была бы быстро съедена и всей компании пришлось бы вновь рассеяться прежними патриархальными мелкими группами в разные стороны, чтобы иметь возможность подолее прожить, не переноса каждый день своих палаток на другое место.

Вот почему априорно должна быть отброшена, как чистейшая фантазия, и сама идея о возможности организованного коллективного действия и победного нашествия на оседлые народы какого-нибудь широко раскинутого кочующего народа, питающегося от стад, вроде монголов, самоедов, бедуинов и т. д., за исключением случая, когда какая-нибудь гигантская, стихийная катастрофа, грозящая общей гибели, погонит такой народ из гибнущей степи целиком на оседлую страну, как ураган гонит пыль из пустыни на прилегающий к ней оазис.

Но ведь даже и в самой Сахаре ни один большой оазис не был навсегда засыпан окружающим песком, и по окончании урагана снова возрождался к прежней жизни. Аналогично этому и на всем протяжении нашего достоверного исторического горизонта мы не видим ни одного победоносного нашествия диких кочующих народов на оседлые культурные страны, а лишь как раз наоборот. Значит, не могло этого быть и в доисторическом прошлом. Все эти переселения народов взад и вперед накануне их выступления в поле зрения истории должны быть сведены лишь на переселение их имен или в лучшем случае — правителей, да и то из более культурных стран в менее культурные, а не наоборот».

Золотые слова. Истории и впрямь неизвестны случаи, когда рассеянные на огромных пространствах кочевники вдруг создали бы если не могучее государство, то могучую армию, способную завоевывать целые страны.

За одним-единственным исключением — когда речь заходит о «монголо-татарах». Нам предлагают верить, что Чингисхан, якобы обитавший в нынешней Монголии, каким-то чудом, за считанные годы создал из разбросанных улусов армию, превосходившую по дисциплине и организованности любую европейскую...

Любопытно бы знать, как он этого добился? При том, что у кочевника есть одно несомненное преимущество, хранящее его от любых причуд оседлой власти, вообще не понравившейся ему власти: мобильность. На то он и кочевник. Пришелся не по нраву самозванный хан — собрал юрту, навьючил коней, усадил жену, детей и старую бабушку, взмахнул плеткой — и подался за тридевять земель, откуда добыть его чрезвычайно затруднительно. Особенно когда речь идет о бескрайних сибирских просторах.

Вот подходящий пример: когда в 1916 г. царские чиновники чем-то особенно допекли кочевников-казахов, те преспокойно снялись и откочевали из Российской империи в соседний Китай. Власти (а речь идет о начале двадцатого века!) просто-напросто не смогли им помешать и воспрепятствовать!

Между тем нас приглашают поверить в следующую картину: степные кочевники, вольные, как ветер, отчего-то покорно соглашаются следовать за Чингизом «до последнего моря». При полном, подчеркнем и повторим, отсутствии у Чингисхана средств воздействия на «отказников» — немислимым делом было бы гоняться за ними по протянувшимся на тысячи километров степям и чашобам [16].

Пять тысяч километров — примерно такое расстояние преодолели до Руси отряды Чингиза по «классической» версии. Писавшие подобное кабинетные теоретики просто-напросто никогда не задумывались, чего стоило бы в **реальности** преодоление подобных маршрутов (а если вспомнить, что «монголы» достигли берегов Адриатики, маршрут увеличивается еще на полторы тысячи километров). Какая сила, какое чудо могло бы принудить степняков пуститься в эту даль?

Вы поверите, что кочевники-бедуины из аравийских степей однажды отправились бы завоевывать Южную Африку, дойдя до мыса Доброй Надежды? А индейцы Аляски в один прекрасный день объявились в Мексике, куда по неведомым причинам решили откочевать?

Разумеется, все это — чистой воды вздор. Однако, если сопоставить расстояния, выйдет, что от Монголии до Адриатики «монголам» пришлось бы пройти примерно столько же, сколько аравийским бедуинам — до Кейптауна или индейцам Аляски — до Мексиканского залива. Не просто пройти, уточним — по дороге еще и захватить несколько крупнейших государств того времени: Китай, Хорезм, опустошить Грузию, Русь, вторгнуться в Польшу, Чехию, Венгрию...

Историки предлагают нам в **это** поверить? Что ж, тем хуже для историков... Если вы не хотите, чтобы вас называли идиотом, не совершайте идиотских поступков — старая житейская истина. Так что сторонники «классической» версии сами нарываються на оскорбления...

Мало того, что кочевые племена, находившиеся на стадии даже не феодализма — родового строя — отчего-то вдруг осознали необходимость железной дисциплины и покорно потащились вслед за Чингисханом за шесть с половиной тысяч километров. Кочевники еще в сжатые (чертовски сжатые! сроки вдруг обучились владеть лучшей военной техникой того времени — стенобитными машинами, камнеметами...

Судите сами. По достоверным данным, **первый** крупный поход за пределы «исторической родины» Чингисхан совершает в 1209 г. Уже в 1215 г. он якобы захватывает Пекин, в 1219 г. с применением осадных орудий берет города Средней Азии — Мерв, Самарканд, Гургандж, Хиву, Ходжент, Бухару — а еще через двадцать лет теми же стенобитными машинами и камнеметами уничтожает стены русских городов.

Прав был Марк Твен: ну не мечут гусаки икру! Ну не растет брюква не дереве!

Ну не способен степняк-кочевник за пару лет освоить искусство взятия городов с применением стенобитных машин! Создать армию, превосходящую армии любых **государств** того времени!

Прежде всего потому, что ему этого не надо. Как справедливо замечал Морозов, нет в мировой истории примеров создания кочевниками государств или

разгрома государств чужих. Тем более в столь утопические сроки, как нам подсовывает официальная история, изрекающая перлы вроде: «После вторжения в Китай армия Чингисхана взяла на свое вооружение китайскую военную технику — стенобитные машины, камнемётные и огнемётные орудия».

Это еще ничего, бывают перлы и почище. Мне доводилось читать статью в крайне серьезном, академическом журнале: там описывалось, как монгольский (!) военный флот в XIII в. обстреливал суда древних японцев... боевыми ракетами! (Японцы, надо полагать, отвечали торпедами с лазерным наведением.) Словом, к числу искусств, освоенных монголами за год-другой, нужно отнести еще и мореплавание. Хорошо хоть, не полеты на аппаратах тяжелее воздуха...

Бывают ситуации, когда здравый смысл сильнее всех ученых построений. Особенно если ученых заводит в такие лабиринты фантазии, что любой фантаст восхищенно разинет рот.

Кстати, немаловажный вопрос: как жены монголов отпустили своих мужей на край света? Подавляющее большинство средневековых источников описывает «татаро-монгольскую орду» как **войско**, а не переселяющийся **народ**. Никаких жен и малых детушек. Выходит, монголы до самой смерти странствовали в чужих землях, а их жены, так никогда и не увидев мужей, управлялись со стадами?

Не *книжные*, а настоящие кочевники всегда ведут себя совершенно иначе: преспокойно кочуют долгие сотни лет (нападая изредка на соседей, не без этого), им и в голову не приходит **покорить** какую-нибудь близлежащую страну или отправиться за полмира искать «последнее море». Пуштунскому или бедуинскому племенному вождю просто **не придет в голову** строить город или создавать государство. Как не придет ему в голову блажь насчет «последнего моря». Хватает чисто земных, практических дел: нужно выжить, не допустить падежа скота, искать новые пастбища, выменивать на сыр и молоко ткани и ножи... Где уж тут грезить об «империи на полмира»?

А нас меж тем всерьез уверяют, что степняк-кочевник отчего-то вдруг проникся идеей государства или, по крайней мере, грандиозного завоевательного похода до «пределов мира». И в ударные сроки каким-то чудом объединил соплеменников в могучую организованную армию. И за несколько лет обучился обращаться с довольно сложными по тогдашним меркам машинами. И создал военный флот, который палил ракетами по японцам. И составил свод законов для своей громадной империи. И переписывался с римским папой, королями и герцогами, уча их жить.

Покойный Л. Н. Гумилев (историк не из последних, но порой чрезмерно увлекавшийся **поэтическими** идеями) всерьез полагал, что создал гипотезу, способную объяснить подобные чудеса. Речь идет о «теории пассионарности». Согласно Гумилеву, тот или иной народ в определенный миг получает некий загадочный и полумистический энергетический удар из Космоса — после чего преспокойно сворачивает горы и добивается невиданных свершений.

В этой красивой теории есть существенный изъян, идущий на пользу самому Гумилеву, а вот его оппонентам, наоборот, до предела осложняющий дискуссию. Дело в том, что «проявлением пассионарного™» легко объяснить любой военный или иной успех любого народа. А вот доказать отсутствие «пассионарного удара»

практически невозможно. Что автоматически ставит сторонников Гумилева в лучшие, нежели их оппонентов, условия — поскольку не существует надежных научных методов, равно как и аппаратуры, способной зафиксировать на бумаге или пленке «поток пассионарности».

Одним словом — резвись, душа... Скажем, рязанский воевода Балдоха во главе доблестной рати налетел на суздальцев, вмиг и презрительно разбил их войско, после чего рязанцы охально избидели суздальских баб и девок, ограбили все запасы соленых рыжиков, беличьих шкурок и медов ставленных, напоследок по шее некстати подвернувшемуся иноку и победителями вернулись домой. Все. Можете, многозначительно прищулив глаза, произнести: «Рязанцы получили пассионарный толчок, а вот суздальцы пассионарность растеряли к тому времени».

Прошло с полгода — и вот уже суздальский князь Тимоня Гунявый, горя жаждой мести, напал на рязанцев. Фортуна оказалась переменчива — и на сей раз «рязани косопужой» вломили по первое число и отобрали все добро, а бабам с девками оборвали подола, что до воеводы Балдохи, над ним поглумились вволюшку, пихнув голым задом на некстати подвернувшегося ежа. Картина для историка гумилевской школы насквозь понятная: «Рязанцы потеряли прежнюю пассионарность».

Возможно, ничего они не теряли — просто-напросто похмельный кузнец не подковал вовремя Балдохиного борза коня, тот потерял подкову, и дальше все шло в соответствии с английской песенкой в переводе Маршака: не было гвоздя, подкова пропала, не было подковы, лошадь захромала... А основная часть Балдохиной рати вообще не принимала участия в битве, поскольку гонялась за половцами верстах в ста от Рязани.

Но попробуйте вы доказать правоверному гумилевцу, что дело в гвозде, а не в «утрате пассионарности»! Нет, право, рискните ради любопытства, только я вам тут не товарищ...

Словом, и «пассионарная» теория для объяснения «феномена Чингисхана» не годится по причине полнейшей невозможности как доказать ее, так и опровергнуть. Мистицизм оставим за кадром.

Тут есть еще один пикантный момент: составлять суздальскую летопись будет тот самый инок, которому рязанцы столь неосмотрительно надавали по шее. Если он особо злопамятен, представит рязанцев... и не рязанцами вовсе. А некими «погаными», злокозненной антихристовой ордой. Неведомо откуда вынырнувшими моавитянами, жрущими лисиц и сусликов. Впоследствии я приведу кое-какие цитаты, показывающие, что в средневековые порой примерно так и обстояло...

Вернемся к оборотной стороне медали «татаро-монгольского ига». Уникальным отношениям между «ордынцами» и русскими. Вот здесь уже стоит отдать должное Гумилеву, в этой области он достоин не зубоскальства, а уважения: он собрал огромный материал, наглядно свидетельствующий о том, что отношения меж «Русью» и «Ордой» нельзя обозначить иным словом, кроме симбиоза.

Честно говоря, мне не хочется эти доказательства перечислять. Слишком много и часто писали о том, как русские князья и «монгольские ханы»

становились побратимами, родичами, зятьями и тестями, как ходили в совместные военные походы, как (назовем вещи своими именами) дружили. При желании читатель и сам может без всякого труда ознакомиться с подробностями русско-татарской дружбы. Я остановлюсь на одном аспекте: на том, что отношения такого рода уникальны. Отчего-то ни в одной разбитой или захваченной ими стране татары так себя не вели. Однако на Руси доходило до непонятного абсурда: скажем, подданные Александра Невского в один прекрасный день побивают до смерти ордынских сборщиков дани, но «ордынский хан» реагирует на это как-то странно: при известии об этом печальном событии не только не принимает карательных мер, но дает Невскому *дополнительные* привилегии, разрешает ему самому собирать дань, а, кроме того, освобождает от необходимости поставлять рекрутов для ордынского войска...

Я не фантазирую, а всего лишь пересказываю русские летописи. Отражающие (наверняка вопреки «творческому замыслу» их авторов) весьма странные отношения, существовавшие между Русью и Ордой: форменный симбиоз, братство по оружию, приводящее к такому переплетению имен и событий, что просто-напросто перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары...

А нигде. Русь и есть Золотая Орда, вы не забыли? Или, если точнее, Золотая Орда — это часть Руси, та, что находится под властью владимиристо-суздальских князей, потомков Всеволода Большое Гнездо. И пресловутый симбиоз — всего лишь не до конца искаженное отражение событий.

Гумилев так и не отважился сделать следующий шаг. А я, простите, рискну. Если мы установили, что, во-первых, никаких «монголоидов» ниоткуда не приходило, что, во-вторых, русские и татары находились *вуникально* дружеских отношениях, логика диктует пойти дальше и сказать: Русь и Орда — попросту одно и то же. А сказки о «злых татаровьях» сочинены значительно позднее.

Вы никогда не задумывались, что означает само слово «орда»? В поисках ответа я для начала закопался в глубины польского языка. По очень простой причине: именно в польском сохранилось довольно много слов, исчезнувших из русского в XVII—XVIII столетиях (когда-то оба языка были не в пример более близки).

В польском «Horda» — «полчище». Не «толпа кочевников», а скорее «большое войско». Многочисленное войско.

Двигаемся далее. Сигизмунд Герберштейн, «цесарский» посол, побывавший в Московии в XVI веке и оставивший интереснейшие «Записки», свидетельствует, что на «татарском» языке «орда» означало «множество» либо «собрание». В русских летописях при рассказе о военных кампаниях преспокойно вставляют обороты «шведская орда» или «немецкая орда» в том же значении — «войско».

Академик Фоменко указывает при этом на латинское слово «ordo», на немецкое «ordnung» — «порядок».

К этому можно добавить англосаксонское «order», означающее опять-таки «порядок» в смысле «закон», а кроме того — воинский строй. В военном флоте до сих пор существует выражение «походный ордер». То есть — построение кораблей в походе.

В современном турецком языке слово «ordu» имеет значения, опять-таки соответствующие словам «порядок», «образец», а не так уж давно (с исторической точки зрения) в Турции существовал военный термин «орта», означающий янычарское подразделение, нечто среднее меж батальоном и полком...

В конце XVII в. на основании письменных донесений землепроходцев тобольский служивый человек С. У. Ремезов вместе с тремя сыновьями составил «Чертежную книгу» — грандиозный географический атлас, охватывавший территорию всего Московского царства. Казачьи земли, примыкающие к Северному Кавказу, именуются... «Земля Казачьей Орды»! (Как и на многих других старорусских картах)

Одним словом, все значения слова «орда» вертятся вокруг терминов «войско», «порядок», «законоустановление» [17]. А это, я уверен, неспроста. Картина «орды» как государства, на каком-то этапе объединявшего русских и татар (или просто *армии* этого государства), гораздо удачнее вписывается в реальность, нежели монгольские кочевники, удивительным образом восплававшие страстью к стенобитным машинам, военному флоту и походам на пять-шесть тысяч километров.

Просто-напросто когда-то Ярослав Всеволодович и его сын Александр начали жесточайшую борьбу за господство над всеми русскими землями. Именно их армия-орда (в которой и в самом деле хватало татар) и послужила позднейшим фальсификаторам для создания жуткой картины «иноземного нашествия».

Еще несколько схожих примеров, когда при поверхностном знании истории человек вполне способен сделать ложные выводы — в том случае, если знаком только с названием и не подозревает, что за ним стоит.

В XVII в. в польской армии существовали кавалерийские части, именовавшиеся «казацкими хоругвями» («хоругвь» — воинская единица). Настоящих казаков там не было ни одного — в данном случае название означало лишь то, что эти полки вооружены по казацкому образцу

Во время Крымской войны в составе высадившихся на полуострове турецких войск была часть, именовавшаяся «оттоманские казаки». Вновь ни единого казака — только польские эмигранты и турки под командованием Мехмеда Садык-паши, он же бывший кавалерийский поручик Михал Чайковский.

И, наконец, можно вспомнить о французских зуавах. Название эти части получили от алжирского племени зуа-зуа. Постепенно в них не осталось ни единого алжирца, одни чистокровные французы, однако название сохранилось на последующие времена, пока эти подразделения, своеобразный спецназ, не прекратили свое существование.

СВИДЕТЕЛЬ БЕЗ МАСКИ.

Настало время рассекретить источник, который я довольно долго уклончиво именовал «одним историком XVII века».

Речь идет об авторе труда под названием «Скифийская история», несправедливо забытом русском историке Андрее Ивановиче Лызлове. Родился

он предположительно около 1655 г., в семье служилых дворян. Его отец, думный дворянин и патриарший боярин, позаботился, чтобы сын получил хорошее образование — Лызлов знал польский и латинский языки, был начитан в русской истории, сведущ в архитектуре, общался со знаменитым фаворитом царевны Софьи В. В. Голицыным, одним из образованнейших людей России того периода. Участвовал в войнах с турками и крымцами, был в Пензенском крае товарищем (заместителем) воеводы. В 1692 г. закончил главный труд своей жизни, «Скифийскую историю». После марта 1697 г. его имя больше не упоминается в документах, так что на этот год, вероятно, и приходится его кончина.

«Скифийская история» в печатном виде появлялась всего трижды — в 1776 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 г. в Москве — второе. Третье появилось лишь в 1990 г. убогим тиражом в пять тысяч экземпляров. Современным историкам эта работа практически неизвестна, в чем я имел случай убедиться.

А жаль. Труд Лызлова написан на основе как не дошедших до нас русских летописей (вроде поминавшегося «Летописца Затопа Засекина»), так и работах польских и итальянских историков XVI—XVII веков: Стрыйковского, Вельского, Гваньини, Барония, опять-таки использовавших огромное количество утраченных ныне материалов из русских, польских, литовских архивов. Известно, что Лызлов пользовался монастырскими библиотеками, хранилищем московской Патриаршей ризницы — не исключено, еще и документами из Казанского и Астраханского архивов, которые, как мы помним, столетием спустя натолкнули Татищева на «еретические» выводы, кое в чем противоречившие «официальной» истории.

Впрочем, сплошь и рядом то, что пишет Лызлов, рисует перед нами опять-таки нечто еретическое — совершенно другую историю, коренным образом расходящуюся с той, что мы привыкли считать единственно верной...

Все фрагменты из труда Лызлова переведены мною на современный литературный язык. Желающие могут сами ознакомиться с оригиналом по указанному в библиографии изданию.

Итак, устраивайтесь поудобнее и приготовьтесь встретиться с сенсацией...

Начнем с того, что у Лызлова татары предстают... народом, безусловно родственным славянам, кроме того — европейским!

«Скифия состоит из двух частей: одна европейская, в которой живем мы, то есть москва, россияне, литва, волохи и татары европейские».

Требуется ли комментарий?

«Вторая — азиатская, в ней обитают все скифские народы, расселившиеся от севера до востока. Эти азиатские скифы весьма многочисленны и прозываются различными именами».

Не стану приводить эти имена полностью. Меня в данный момент интересует лишь одно имя, к которому мы будем не раз возвращаться — **тауросы** .

«Пятьсот лет назад, а то и более, некий скифский народ вышел из страны, именовавшейся на их языке Монгаль (а потому и жители оной назывались монгаилы, или монгаили), и, завоевав некоторые страны, как о том будет сказано ниже, изменил и самое имя свое, назвавшись тартарами... к каковому имени сами они относятся не в пример расположеннее и любят, когда другие их именуют именно так».

Вот и отыскался след монголов! Однако сторонникам «классической» версии радоваться не стоит. «Монгаили» или «монгаилы», описанные Лызловым, явно не имеют отношения к **нынешним** монголам. Чуть дальше говорится: «От тех **татар — монгаилов** и произошли те татарове, что к нам, савроматам, пришли, а именно: крымские, монконские, перекопские, белгородские, очаковские и все те народы, что обитают возле озера Палюсмеотис, то есть Азовского моря».

Другими словами — **тюрки**. Крымские и перекопские татары — определенно тюрки, этого никто и никогда не покушался опровергнуть. Кроме того, оказывается, существовали еще и «белгородские татары» (но Белгород, как известно, считается исконно славянским городом?!). А ведь, не забывая, есть еще «европейские татары», которых Лызлов помещает **среди** славянских племен: москвы, россиян, литвы... Что, кстати, не сам придумал, а шел вслед европейским историкам, которые, как я упоминал выше, отчего-то считали и «татарский», и «половецкий» языки родственными... славянским! Так и пишет Стрыйковский: «И печенеги, и половцы, и ятвяги есть та же литва, разве что имеют в наречии своем некоторые отличия, подобно полякам и россиянам».

Книга Лызлова написана в 1692 г. Простой арифметический расчет показывает: $1692 - 500 = 1192$! Именно в этом году и появились в «азиатской Скифии», т. е. неподалеку от русских рубежей, татары! А может, и раньше — Лызлов сам пишет: «Пятьсот лет назад, а то и более». Так что никаких «неведомых народов», якобы внезапно нахлынувших в 1223 г. из глубин Азии, попросту не было!

Лызлов упоминает и Чингисхана, однако в его изложении перед нами предстают два варианта возникновения Чингизова государства. По первому, в 1162 г. от Рождества Христова «Хингис Великий» с частью воинов ушел из царства некоего Ункама и создал свое собственное государство. По второму, «Цынгис» основал Заволжскую орду и покинул отчие земли не вследствие «перенаселения», как в первом варианте, а оттого, что его, рожденного вне брака, кто-то хотел убить.

Это доказывает, что и триста лет назад не было **точных** сведений о личности Чингисхана — только противоречащие друг другу легенды. Что, как мне представляется, работает на мою версию.

Однако вернемся к «татарам». Вернее, к основанной якобы «Чингизом» Заволжской орде — чтобы показать на ее примере, со сколь беззастенчивым нахальством наши профессиональные историки «поправляют» своих коллег из далекого прошлого.

Уже поминавшийся кандидат исторических наук Ю. Мыцык делает к книге Лызлова следующее глубокомысленное примечание: «В Заволжскую орду вошли земли в бассейне Сырдарьи, степи и города на **восток** от Аральского моря».

Чтобы оценить должным образом наивный цинизм этой «правки», нужно процитировать самого Лызлова: «Татары, именующие себя Заволжской ордой, живут по реке Волге пониже болгарских границ вплоть до Каспийского моря». И далее, в другом месте: «Орда татар Заволжских названа так от реки Волги, за которой татары и обитали; а с востока ограничена та орда Хвалынским морем».

Хвалынское море — Каспийское. Как видим, Лызлов **дважды** привел точные границы Заволжской орды. Однако современный комментатор по

неведомым причинам «перенес» Заволжскую орду на сотни километров восточнее. Почему? Да, видимо, оттого, что ясные и недвусмысленные указания Лызлова противоречат той самой классической версии.

Уж если современные комментаторы поступают подобным образом с **печатным** текстом, не допускающим двойного толкования, легко представить, сколько натяжек, умолчаний и передергиваний наворочено вокруг рукописных документов...

Та самая Азиатская Скифия, повествует далее Лызлов, как раз и называется Великая Татария. С одной стороны — Азовское море, с другой — Каспийское, а с юга — «Гора великая, именуемая Быкова, по-латыни — Монс Таурус, куда приставал Ноев ковчег после потопа».

То есть — Арарат, по библейской традиции. Обратите внимание на странное, многозначительное созвучие: Таурус — Таврия — Тартария — Татария. Очень похоже, что слово «татары» — это искаженное «татау-росы», что татары каким-то самым тесным образом связаны с Таврией и Таурусом-Араратом. [18]

Если кому-то не понравится эта моя версия, горячо рекомендую другую — официальную, по которой татары произошли от некоего племени «та-та» или «да-да». Правда, в этой версии есть небольшая неувязочка: никаких таких «та-та» или «да-да» историки, как ни бились, не обнаружили. И тогда — от бессилия, должно быть — измыслили очередную эпохальную гипотезу: «татарами» монголы называли тех, кого побеждали. Победят какое-то племя — и назовут его татарами. Еще одно победят — и его так же окрестят...

Не подумайте, что я шучу. Своими глазами читал это в одной ученой книге...

Кстати, это Лызлов пишет о том, что у половцев были «города, и крепости, и села». А поскольку он на триста лет ближе к описываемым им событиям, нежели виртуозы-эквилибристи вроде фокусника Мыцыка, верю лично я как раз Лызлову, а не современным «комментаторам»...

Между прочим, Лызлов прямо пишет о том, что половцы и есть готы. Те самые готы, которых «официальная» историография относил к III в. нашей эры и причисляла к германским племенам.

Утверждение это родилось не на пустом месте — о том же самом пишет и Мавро Орбини, приводя в подтверждение своей точки зрения длиннейший список западноевропейских историков, подробно обосновавших этот тезис. Большинство их трудов до нас, увы, не дошло: кто слышал об Иоанне Великом Готском, Иеремии Русине?

И еще. Весьма любопытный факт. Ученые той самой реалистической школы (Орбини, Лызлов и др.) отчего-то ни словечком не упоминают о «великом» Несторе, который, по нынешним представлениям, творил не позднее XII века, когда и создал якобы «Повесть временных лет».

Почему? Да потому, что в XVI—XVII веках о Несторе и не слыхивали. Не существовало еще его трудов, только и всего. Даже имени такого историка не знали...

Далее Лызлов недвусмысленно упоминает о том, что не только половцы были, оказывается, не кочевым народом, а вполне оседлым: «И поселились татары в тех двух странах, что звались Болгария [19] и Золотая Орда: по обе стороны реки Волги, от места, где впоследствии встала Казань, до реки Яика и моря

Хвалисского. И возвели они там *многие города* : Болгары, Былымат, Кумань, Корсунь, Тура, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай Великий, Чалдай, Астарахань».

Обратите внимание: Лызлов ни единым словом не упоминает о каких-то завоеваниях татар в Китае, Хорезме или Грузии — и уж тем более в Центральной Азии... Говорится, что татары «ходили в Индию и царя Индийского убили» — но под «Индией» здесь понимается Персия: среди разоренных татарами «земель царя индийского» называются области «при реке Ефрат и у моря Перского».

Дело в том, что первоначально слово «Индия» означало в русском языке не знакомую нам Индию, а попросту «далекую страну». Термин этот произошел от старославянского «инде», т. е. «далече». [20] Именно в таком значении употребляется это слово в русской летописи 1352 г., повествующей об эпидемии некоей заразной болезни, лютовавшей в тот год на Руси: «Говорят иные, что тот мор пришел из Ындейской страны». То есть попросту — издалека. Потому что меж реальной Индией и Русью располагалось много стран, а по воздуху этот «мор» никак не смог бы перенестись... «Ындейской» страной в данном случае может оказаться и Персия, и Крым, и Хива...

Примечательно, что Лызлов (как многие современные ему или жившие незадолго перед тем историки) ни единым словом не упоминает о «великой монгольской державе» с центром в городе Каракоруме, находившемся якобы на территории нынешней Монголии. Ни словечком. Понять это легко: «великая держава монгольских ханов», раскинувшаяся вольготно от китайских морей до русских пределов, существовала только на бумаге и в воображении позднейших историков. Реалистическая школа XVI—XVII веков, к которой принадлежал и Лызлов, смотрела на вещи более трезво: уж тогда-то прекрасно знали, что Золотая Орда граничила на востоке с Каспийским морем, а *далее* на восток никакой империи не было...

Кстати, «исчезнувшие» якобы печенеги, по Лызлову, самым спокойным образом... живут рядом с половцами, болгарами и Крымской ордой.

Кстати, по Лызлову, «татары» и обитатели Казанского ханства — отнюдь не одно и то же. Поскольку не только память о многих «казанских царях», но и сами их имена ушли в небытие как раз благодаря непрерывным набегам татар...

И, что любопытно, в книге Лызлова есть места, позволяющие с большой долей уверенности говорить, что Великая Татария, она же Заволжская Орда, именовалась давным-давно... Китаем!

Это прекрасно сочетается с изысканиями академика Фоменко, обратившего внимание на то, что Афанасий Никитин четко разделял Чину (China) [21] и Китай: «А от Чины до Китая идти сушей шесть месяцев, и морем четыре дня».

Если Чина — это современный Китай, а Китай — Заволжская Орда, все сходится. Сначала полугодовой путь по суше, потом — четыре дня по Каспийскому морю! К тому же Никитин, написав приведенную выше фразу, добавляет: «А иду я на Русь...» То есть — из *нынешнего* Китая на Русь, через Великую Татарию, или Заволжскую Орду. Все сходится.

Справедливости ради нужно уточнить, что Лызлов в вопросе о нашествии Батыя точно так же придерживается версии, которую я назвал «официальной» и методично пытаюсь опровергнуть. Впрочем, нет гарантии, что Лызлова не

правили сторонники «классической» версии. То-то и оно, что правили — еще в конце XVIII века, когда его книга готовилась к печати. Есть точные сведения, что рукопись Лызлова побывала в руках того самого Миллера, который искромсал «неправильный» труд Татищева...

Гораздо важнее другое: после знакомства с книгой Лызлова можно уверенно заявлять: в старые времена, до Петра Первого, существовал не какой-то единственный вольнодумец, а целая историческая школа (причем представленная и русскими, и поляками, и итальянцами), которая придерживалась качественно иной точки зрения на татар. Согласно ее воззрениям, татары (или, по крайней мере, значительная часть татар) были народом, близко родственным славянам, как русским, так полякам и литвинам. Говорили на языке, родственном славянскому. И появились на южных рубежах Руси значительно раньше мнимого «нашествия монголов из Центральной Азии». Там же обитали — практически в то же время! — и родственные славянам половцы (жившие в городах, имевшие крепости!), и якобы «исчезнувшие» печенеги.

Напрашивается вывод: а может быть, татары — никакие не тюрки? И представляют собою тот же этнос, что и русские?

Л. Н. Гумилев считал, что именно так и обстояло. Академик Фоменко указал на **двуязычие** Афанасия Никитина: временами Никитин в середине фразы легко и непринужденно переходит с русского на тюркский. А известный писатель Олжас Сулейменов в книге «Аз и я» обнаружил много тюркизмов и в «Слове о полку Игореве».

Неизвестно точно, представляют русские и «татары» два разных этноса или один. Однако можно с уверенностью говорить, что русские прекрасно владели тюркским, а тюрки — русским. То есть до известного времени, до некоторого времени это двуязычие было просто необходимо — потому что жизнь русских и татар была чересчур тесно связана. Переплетена, если можно так выразиться. А это возможно в одном-единственном случае: если история Руси и история Орды — одно и то же.

Итак, каковы же краткие выводы? Книга Лызлова, несправедливо забытая [22], лишь доказывает, что на Калке русские князья дрались не с «неведомыми народами», сию минуту вынырнувшими из мглы неизвестности, а с кем-то достаточно близким по речи, по вере, по целям и задачам...

Если история Руси и история Орды — одно и то же, скажет читатель, то **цели и задачи** у русских и ордынцев просто обязаны быть одинаковы?

Совершенно верно. Они и **были** одинаковы. Что в следующих главах я и постараюсь доказать.

ХАОС И ПОРЯДОК.

Начнем с того, что «вторжение Батыя» удивительнейшим образом совпадает с пиком острейшего управленческо-политического кризиса, прямо-таки бушевавшего на Руси...

Согласно формулировке профессора Владимирского-Буданова (чья работа о древнерусском праве сто десять лет назад считалась лучшим университетским курсом по этому предмету), «в начале XIII века дробление княжеств достигло

крайней степени».

Вызвано это было тем, что на Руси, говоря современным языком, произошло форменное *перепроизводство* князей. Предложение превышало спрос — то есть, князей стало слишком много, а столов никак не хватало на такую ораву. Кроме того, старинный принцип наследования стола по старшинству перестал работать...

Попытаюсь объяснить подробнее. Наследование стола, княжения шло по старшинству — то есть старший сын правящего князя становился наследником еще при жизни отца, каковое право получал с момента рождения. И после смерти родителя занимал стол.

Эта простая и эффективная система сохраняла простоту и эффективность лишь в первое столетие. Пока Рюриковичей было мало. Пока мало было городов, уделов, земель. К XIII веку Рюриковичи, цинично выражаясь, расплодились неимоверно. «Старшинство» столкнулось, с казусами, которых предки просто не смогли предусмотреть...

Представьте, что у некоего правящего князя, ну, скажем, Всеслава, есть сын Изяслав — лет так двенадцати (по меркам того времени, почти взрослый). Естественным, именно он считается наследником.

Внезапно, на ту беду, у Всеслава рождается *брат* Ярослав. В этом нет ничего удивительного — в средневековье женили и выдавали замуж довольно рано, так что самому Всеславу всего-то лет двадцать шесть, а его матери — около сорока [23].

Мгновенно возникает сложнейшая проблема: кому наследовать Всеславу? По годам Изяслав, конечно, старше своего юного дяди. Зато по правилам *старшинства* дядя, конечно, «старше» племянника. Представь те теперь, что Всеслав неожиданно погиб, ну, хотя бы в схватке с половцами. У Изяслава есть свои сторонники, в том числе среди дружины, у крошки-Ярослава — опекуны, которые желают посадить на стол именно своего подопечного: пока он придет в совершеннолетие, можно управлять от своего имени, как душа пожелает...

Вот так и начинались «княжеские усобицы». Не подумайте, что я измыслил чисто умозрительную ситуацию — согласно летописям, именно такие коллизии возникали в XIII столетии...

Возникло наследование «по завещанию», то есть правящий князь сам выбирал себе наследника, уже не оглядываясь на старые обычаи. Легко понять, что находилось много обойденных — и, если под рукой у них оказывалась военная сила, начиналась война...

Возникло наследование «по избранию» — жители той или иной земли сами приглашали того князя, который им больше нравился. Естественным, вновь появлялись обойденные, обиженные, просто завистники.

Возникло «возложение старшинства» — собравшиеся на совет князья договаривались возложить на одного из них права «старшего брата», т.е. наследника. И снова, как вы легко догадаетесь, — обиженные, обойденные, зависть, набег, война...

Неприменно нужно упомянуть об одной каверзной детали: в случае, если какой-либо князь, имевший «права старшего брата», то есть дожидавшийся смерти правящего князя, чтобы самому занять стол, умирал первым, так и не

покняжив, все его потомки по мужской линии автоматически, по тогдашнему закону, навсегда лишались права занять какой-либо стол. Грубо говоря, им предлагалось убираться ко всем чертям и жить, как знают. Что отнюдь не прибавляло им голубиной кротости и христианского смирения...

Одним словом, к XIII веку «все смешалось в доме Рюриковичей». Все описанные системы наследования действовали одновременно. И каждый, стремившийся к власти, сплошь и рядом выбирал ту, которая ему больше нравилась. Русь погрузилась в огонь и кровь. Исключительно по недостатку места я не могу привести длиннейший список сражений и убийств. Стольные города прогоняли правящих князей и приглашали новых — изгнанные, собрав подмогу (у соседей, а то и у половцев), пытались под звон мечей и посвист стрел «восстановиться» на понравившемся престоле. Князья свергали, ослепляли и убивали друг друга (причем никакие родственные узы сердца не смягчали — брат шел на брата, дядя на племянников, а те — на него), годами и десятилетиями держали конкурентов в «порубах», подземных темницах. В Киеве горожане, взбунтовавшись против князя Игоря Ольговича, так увлеклись, что нечаянно убили его до смерти. В Галиче в 1208 г. бояре, устроив заговор против князей Игоревичей, призвали мадьярских наемников, каковые князей и убили... Когда Юрий Долгорукий провозгласил, что Киев принадлежит ему по праву наследования, захвативший там власть Изяслав Давыдович, не моргнув глазом, заявил: поскольку лично его киевляне провозгласили князем «по избранию», стол он освобождать не намерен. Конечно, кончилось кровью.

Новгород и Псков заявили, что отныне намерены признавать только избранных ими князей, а все прочие правила на их территории больше не действуют [24]. Дошло до того, что в Галиче княжеский стол захватил под шумок некий «боярин Владислав». По меркам того времени, это было вопиющим нарушением всех и всяческих обычаев: впервые на столе сидел правитель не княжеского рода... Свергали с превеликим шумом, призвав на помощь венгров и поляков. Свергли. Надо полагать, не зажился...

Как легко догадаться, все эти усобицы и войны сопровождались погромами, разорением, убийствами и насилиями. И дело, отметим, не ограничивалось борьбой князей друг с другом. Роман Галицкий, предвосхищая практику Иоанна Грозного, зарывал живьем в землю и жег на кострах своих бояр, рубил «по суставам», сдирая с живых кожу. По Червонной Руси разгуливали банда князя Владимира, выгнанного с галицкого стола за пьянство и разврат. Как свидетельствуют летописи, эта удалая вольница «тащила на блуд» девиц и замужних женщин, убивала священников во время богослужения, а в церквях ставила коней...

Вот вам веселые будни князей, охватывающие каких-то два-три года: Ярослав, брат суздальского князя, в начале 30-х годов XIII в. захватывает Киев. Ярослава изгоняет Владимир Рюрикович. Владимира изгоняет Михаил Черниговский. Даниил Галицкий изгоняет Михаила...

А потом появляются «татары» и наводят порядок! В самом деле, если охарактеризовать результат «татарского» нашествия двумя-тремя фразами, мы получим следующую нехитрую формулу.

В годы, непосредственно предшествовавшие «татарскому» вторжению, Русь

погрязла в бесконечных войнах, смутах, кровавой неразберихе. С появлением татар все меняется самым кардинальным образом: воцаряется определенный порядок, среди множества русских князей один становится старшим, получив так называемый ярлык на «великое княжение». На тех, кто пробует выступать против такого порядка вещей и по старинке развязывать междоусобные войнишки, с завидной и загадочной регулярностью обрушивается «ордынская» конница...

Здесь не нужно ничего измышлять и притягивать за уши. Подробное знакомство с деятельностью «ордынцев» на Руси поневоле приводит к крамольным выводам: создается впечатление, что у «ордынцев» словно бы и нет других забот, кроме одной — поддерживать порядок на Руси. Вновь, в который раз, мы сталкиваемся с чем-то **уникальным**: татары ведут себя так только на Руси. В других странах они отчего-то нисколько не заботятся о поддержании порядка и создании стройной системы великого княжения...

Конечно, при наведении порядка гибнут люди. Конечно, при усмирении провинциальных сепаратистов трещат пожары, и кони несутся по засеянным полям. Но это — издержки. Неизбежные. Сын и внук Всеволода Большое Гнездо попросту наводят порядок. А впоследствии именно стоны и печалования **провинциальных** летописцев будут приняты за рассказ о разорении всей Руси. Хотя на деле слова «...и нагрянула Орда на Русь» означают нечто совсем другое — в котором-то году отряды великого князя утихомирили очередного окраинного князька, вспомнившего времена вольницы...

Честное слово, доказывать тут нечего. Достаточно кропотливо перелистать сборники русских летописей и подсчитать, сколько раз упоминаются «ордынские полки», обязательным образом сопутствующие владимиرو-суздальским князьям и их потомкам в наведении порядка.

Вот вам биографии нескольких «ордынских» военачальников — для примера. Нужно уточнить: в русской истории они остались как участники **исключительно** тех событий, о коих рассказано ниже.

Альт — «ордынский мурза». Упоминается в летописях как участник похода князя Андрея Городецкого на князя Дмитрия Переяславского.

Ектяк — «царевич казанский». В 1396 г. командует частью войск суздальского князя Симеона при нападении последнего на муромских сепаратистов.

Кавгадый — «ордынский чиновник». Участвует в походе городецкого князя на переяславского (1281). Уговаривает князя Михаила Тверского уступить великое княжение князю московскому Юрию Даниловичу (1317), командует частью московской рати при нападении на Тверь. Присутствует при суде русских князей над Михаилом Тверским.

Менгат — «воевода Батыев». В 1239 г. пытается уговорить киевского князя Михаила сдать город без боя — и после убийства киевлянами его послов **уходит** от города.

Неврюй — «царевич татарский». Командует войсками Александра Невского, посланными против княжеского брата Андрея, пытавшегося развязать очередную усобицу. В 1296/1297 гг., по сообщениям Никоновской, Симеоновской и Лаврентьевской летописей, проводит княжеский съезд.

Интересно, что же все эти люди делали для Орды? Неизвестно. Все

упоминания о них касаются лишь их участия в русских делах. Участия, замечу, всякий раз направленного на усиление великокняжеской власти. Так кто же они такие, эти «ордынские» воеводы? Коли уж ничегошеньки не делают для родной Орды?

Далее я приведу длинный список «ордынских» царевичей и воевод, живших в XVI столетии — снова то же самое, «татары» верой и правдой служат московским государям (уже не великим князьям, а царям), и количество их столь велико, что вновь перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары.

И вновь приходишь к выводу: стоит лишь признать, что Русь и Орда — одно и то же, как волшебным образом исчезают все до единой странности, нелогичности, непонятности. Все укладывается в стройную систему: «орда» — всего-навсего войско владими́ро-суздальских князей, силой введивших на Руси единоначалие. И не более того.

Кстати, есть интересные сведения о том, что в результате «монголо-татарского» нашествия русские княжества не «приходили в упадок», а, наоборот... усиливались! Рязанское княжество (о чем пишут сторонники официальной версии) даже... расширило свои территории за счет половецких земель и Чернигово-Северского княжества. Любопытные последствия имело порой «татарское нашествие»...

АЛЕКСАНДР БАТЫЕВИЧ И ДРУГИЕ.

Отчего-то принято считать, что все поголовно русские князья испытывали к «ордынским татарам» лишь враждебность, злость, обиду, ненависть. Правда, при этом не уточняется, откуда это стало известно. Мемуаров князья не оставили, а уж «ордынцы» — тем более. Источником, как легко догадаться, служило воображение историков «классического» направления и перенос ими на древних князей своего собственного образа мышления.

Мы же постараемся повернуть вопрос несколько иначе. И с долей некоторого цинизма поинтересуемся: были ли в русской истории личности, с приходом «татар» **резко** усилившие свое влияние, приобретшие конкретные блага? И еще: похожа ли деятельность «татар», как ее описывают в летописях, на политику кого-то из русских князей?

Да как две капли воды!

Судите сами. Как учит нас официальная история, Всеволод Большое Гнездо первым попытался объединить русские земли вокруг своего княжества, т.е. Владимиро-Суздальского. Он овладел Владимиром и возшел на великокняжеский стол, ходил походами на волжских болгар и мордву, на Рязань, подчинил Киев, Чернигов и Галич.

Что делает «хан Батый» через четверть века после смерти Всеволода? Представьте себе, идет походами на волжских болгар и мордву, подчиняет Рязань, Киев, Чернигов и Галич, овладевает Владимиром, а потом... передает ярлык на великое княжение **внуку** Всеволода Александру Невскому.

Как вам совпадения? Если трудолюбиво перелопатить самую что ни на есть официальную, классическую историю, без всяких натяжек приходишь к

ошеломляющему выводу: если отбросить все ритуальные стенания о «татарских зверствах» и оценить происшедшее согласно железному римскому правилу «Кому выгодно?», все, что совершил Батый, было, во-первых, повторением политики Всеволода по укреплению своей власти, во-вторых, открыло дорогу Ярославу Всеволодовичу и Александру Ярославичу к великому княжению. Впоследствии именно потомки Александра стали великими князьями московскими, царями Руси.

Несмотря на все ужимки, оговорки, искусственные усложнения и откровенный вздор, современные историки не в силах отринуть столь очевидный факт:

1. Батый продолжал политику Всеволода.

2. Чуть ли не вся деятельность Батыева как «ордынского хана» свелась к усилению Александра.

Нам, конечно, внушают, что причиной всему — поразительные дипломатические таланты Александра. Что ему удавалось «крестом и пестом» пробивать в Золотой Орде именно те решения, которые шли на пользу ему лично. «Хитроват наш дон Тамэо, да и политик изрядный».

Вот только классическая историография до сих пор не в силах ответить на коварные вопросы: почему Невскому всегда удавалось пробивать те решения, что были ему выгодны, а его соперникам это никогда не удавалось? Почему-то же странное, необъяснимое везение всегда сопутствовало потомкам Невского, медленно, но верно идущим к единоличной власти над Русью, а вот соперники их всегда оказывались в немилости у «татар».

Да потому, что не было никакого «нашествия». И «Батый» — своего рода псевдоним, под которым действовали Ярослав Всеволодович и его сын Александр.

Вернемся к событиям 1238 г. До «вторжения татар» Ярослав Всеволодович пребывает, полное впечатление, в унижении и безвестности. Княжит в городке Переяславле-Залесском, который тогда был глухой дырой и входил в состав Владимиро-Суздальского княжества, которым правил брат Ярослава Юрий. Как я ни копался в трудах историков и сборниках летописей, не мог найти сведений о каких бы то ни было свершениях Ярослава до 1238 г., кроме участия в нескольких междоусобицах. Совершенно бесцветная жизнь третьестепенного князька, осатаневшего от скуки в богом забытой провинции... И вдруг все меняется — рывком!

По Владимиро-Суздальскому княжеству молниеносно проносятся «ордынская» конница, один за другим падают города. С тем самым удивительным проворством, о котором мы уже говорили, степняки в считанные дни обучаются войне в лесных чащобах, где, на реке Сити, и уничтожают князя Юрия с его дружиной. В разоренный Владимир прибывает Ярослав...

И собирает рать, чтобы возглавить отпор безбожным татарам?

Да ничего подобного! Приказывает оставшимся в живых жителям хоронить убитых и прибирать город, а сам начинает распоряжаться оставшимися без хозяина уделами: брату Ивану дает Стародуб, Святославу — Суздаль, внучатому племяннику Василию — Ярославль. Сам, понятно, садится на княжеском столе...

Как хотите, но это поведение человека, который делит добычу!

Принятая в современной историографии карта «татарских вторжений»
Рисунок 11.

Мало того — отсюда и начинается возвышение Ярослава, прозябавшего дотоле в безвестности. Сам Батый, как пишут русские летописи, приглашает его в «Орду» и встречает с почестями, поставив «первым над князьями». Как сообщает итальянец Плано Карпини, именно Ярослав... становится представителем Батыя в столице «монгольской империи» Каракоруме, где происходят выборы верховного хана.

Насчет последнего — явная ошибка итальянца. Мы наглядно убедились, что никакой «великой империи» нет, а город Каракорум, как я намерен доказать впоследствии, располагался не в Монголии и не в Китае, а где-то на Волге. Однако как в таком случае истолковать сообщение Карпини?

Да очень просто. Никаких пришельцев нет. В результате хорошо спланированной военной операции князь Ярослав захватывает власть над значительной частью Руси, выполняя «программу» своего отца Всеволода. Громит рязанцев, галичан, киевлян, черниговцев. Наверняка в его войске есть татары — но это не пришельцы из дальних степей, а старые добрые знакомые, жители Заволжской орды. Впоследствии Ярослав, его сыновья и внуки безжалостно, в стиле того времени расправляются с любым соперником в борьбе за великое княжение...

Эта версия вас не устраивает?

Что ж, пользуйтесь классической: дикий степняк Батый, встретившись с князьком из глухого захолустья, о котором прежде и не слыхивал, вдруг очаровался им, как юная школьница — душкой-офицером. Настолько возлюбил, что ни с того ни с сего вручил ему главенство над всей Русью, а потом отправил представлять собственную персону в столицу империи, где высшие вельможи выбирали великого хана...

Воля ваша, но я в эту чепуху поверить не в состоянии. Поскольку

возвращаются все те же проклятые вопросы: почему «ордынцы» *нигде*, ни в одной стране, завоевание которых им приписывает классическая версия, не относились с таким доверием и радушием к местным князькам? Почему «Батый» прощает Ярославу и Александру поступки, за которые любой нормальный владыка снес бы голову своему подданному? Почему «Батый» в точности повторяет свершения Всеволода и делает потомков Всеволода владетелями всей Руси, т.е. осуществляет давние стремления Всеволода?

Да потому, что Батый — вымышленная фигура, которой частью приписаны деяния Ярослава, частью — Александра. Кстати, Батый в нашей историографии выглядит удивительно бесцветно. Если разобраться вдумчиво, сам он ничем и никак себя не проявляет, завоевание Руси и все последующие меры по наведению порядка происходят как бы сами собой, без его участия...

Стоит лишь допустить, что Батый — чистейшей воды вымысел, как все становится на свои места. Прослеживается и умелое, жесткое руководство «татарскими ордами», и *продуманная* система борьбы с соперниками, претендентами на великое княжение. Снова возникает стройная система, основанная на строгой логике. Уже нет ничего удивительного в том, что потомки Невского методично прибирают к рукам власть над Русью.

Так и было задумано с самого начала Ярославом и Александром, из которых летописцы позднейшего времени сотворили «Батыя». Между прочим, Александр отчего-то именуется не единожды «приемным сыном» Батыя. Снова перед нами навязшая в зубах *уникаль ность* — ни в одной из покоренных им от Китая до Руси стран Батый отчего-то не спешил обзаводиться приемными сыновьями, а вот ради Невского отчего-то изменил привычкам.

Повторяю, история не знает примеров, когда вторжение жестокого иноземного супостата вдруг помогло бы одному из вельмож подвергшейся нападению страны стать полновластным хозяином этой самой страны. Однако в нашем случае «безбожный моавитянин» Батый отчего-то заложил основы для возвышения Ярослава Всеволодовича и его потомков... Как будто *своих* задач у него не было. Конечно, не было. Откуда им взяться, если за прозвищем «Батый» как раз и скры ваются Ярослав с Александром?

Еще раз подведем итоги.

Ярослав. До «татарского нашествия» княжит в крохотном городке на окраине богатого княжества, где хозяином — его брат. После: великий князь, «старший над прочими».

Александр. До «татарского нашествия» княжит в Новгороде, откуда его в любой момент могут выставить, если это взбредет в голову жителям. После: получает в полное распоряжение Киев, после смерти отца становится великим князем владимирским, ставит своего сына князем Великом Новгороде, приобретает огромное влияние на дела Руси.

Комментарии излишни.

Могут спросить: что же, вы пытаетесь доказать, что князь Ярослав сверг и убил родного брата?

Что ж, именно так и получается. Однако в этом поступке нет ничего, противоречащего средневековым нравам, когда самые близкие по крови люди становились в борьбе за власть злейшими врагами и убивали родственников столь

же легко, как чужих...

И БЫСТЬ УМУЧЕН ОТ ЗЛЫХ ТАТАРОВЕЙ...

В этом разделе мы рассмотрим столь печальные события, как «убийства русских князей в Орде злыми татаровьями». И сразу столкнемся с массой интересного и загадочного...

Смерть «убиенных от татар за православную веру» князей Дмитрия Черниговского, Иоанна Путивльского, Александра Новосильского, Сергея Александровича, Димитрия Курского, княгини его Феодоры и сына их Василия, а также братьев Давида и Глеба Игоревичей предметом расследования не станет по одной простой причине: все они известны исключительно по церковным поминаниям и былинам. Ни в одном древнерусском летописном источнике отчего-то нет ни единого упоминания о ком-либо из перечисленных.

Перейдем к «документированным» фактам.

1270 г. В «Орде» убит рязанский князь Роман Ольгович. Летописным свидетельствам об обстоятельствах его гибели доверять нельзя — поскольку летописцы пытаются уверить нас, что Роман замучен «за отказ принять бесерменскую веру».

Это не просто странно — предельно странно. Пото му что все без исключения историки «классического» направления сходятся на том, что «татары» предоставили русской православной церкви прямо-таки *уни кальные* (снова это словечко всплыло!) привилегии и льготы. Вплоть до того, что существовал особый указ Батыя, согласно которому смертной казнью карался всякий, посягнувший бы на церковное имущество, на неприкосновенность церковных земель, на право церкви в иных случаях судить виновных своим судом [25].

Более того — как мы помним, «татары» в значительной части своей были христианами. В Сарае Великом существовали христианские храмы, а при «ханской ставке» был православный епископ.

В *этих* обстоятельствах убийство князя Романа Рязанского за отказ принять «бесерменскую веру» выглядит предельно странным. Гораздо больше это похоже на состряпанную позже, довольно неуклюжую дезинформацию. Особо подчеркну: этот Роман был *единст венным* , которого «татары» казнили по столь неправдоподобному поводу...

Не в пример ближе к реальности другой вариант: рязанский князь был убит владимиристо-суздальцами, поскольку был их серьезным соперником и конкурентом в борьбе за главенство.

1318 г. В «Орде» казнен князь Михаил Тверской. Вот здесь информации гораздо больше...

Одно время бытовала убогая версия, будто Михаила «татары» казнили за отказ выполнить языческий очистительный обряд, пройти меж двух костров. Ее нелепость поняли довольно быстро: татары, с нескрываемым уважением относившиеся к христианству, вряд ли стали бы казнить человека за оскорбление языческого обряда — при том, что язычниками была ничтожно малая часть «ордынцев»... Можно ли представить, что инквизиция арестовывает кого-то по

обвинению в «непочтении к мусульманству»? Нереально. То же и с шитой белыми нитками сказкой об «оскорблении священного огня».

К счастью, есть подробные описания смерти Михаила... Оказывается, он смертельно враждовал со своим родственником Юрием Даниловичем (Михаил был племянником Александра Невского, а Юрий — внуком), княжившим в Москве. После одного из сражений в плен к Михаилу попала жена Юрия, крещеная половецкая княжна Агафья Кончаковна. Будучи в заточении в Твери, она странным образом умерла. Естественно, возникли слухи об отравлении. В которых и в самом деле может оказаться зерно истины — отчего, право, вдруг скончалась внезапно молодая, здоровая женщина?!

Как бы там ни было, происшедшее лишь усугубило ненависть Юрия к родственнику-сопернику. Вскоре Михаил оказался перед судом. Согласно классической версии, его «призвали на расправу в Орду». Согласно моей (которая прекрасно согласуется с обстоятельствами смерти князя), его попросту удалось принудить предстать перед своеобразным «третейским судом».

Как же выглядел этот суд?

Семь *русских* князей обвинили Михаила в попытках взимания дани с их городов и отравлении Агафьи Кончаковны. После чего князя выставили на *правеж* — исполняя исконно русский обычай [26]. На шею ему надели тяжелую колоду, и семь стражников — по одному от каждого князя — караулили его.

Потом увели в кибитку, куда вскоре подъехал со своими людьми Юрий Данилович. Один из сопровождавших московского князя, *русский* по имени Романец [27] убил Михаила ударом ножа в сердце. Мертвого князя раздели догола и швырнули труп за кибитку. ..

Как видите, судили Михаила русские за причиненные русским обиды. И казнил его русский. Вы спросите, где же «ордынцы»? В самом деле, получается какая-то нелепость: русские князья посреди Золотой Орды судят и рядят по своим обычаям, а после приводят в исполнение приговор...

Представьте себе, «ордынцев» и близко нет! Нет, и все тут! Присутствует лишь тот самый «ордынский чиновник» Кавгадый, о котором я писал выше. Кавгадый, чья зафиксированная летописцами деятельность странным образом связана исключительно с русскими внутренними делами.

Его поведение крайне странно. Летописец пытается внушить нам, что Кавгадый, дескать, тоже был членом суда, но дальнейшее поведение «ордынца» этому противоречит. Кавгадый... посылает своих слуг поддерживать колодку на шее Михаила, чтобы тот не так мучился. (Обратите внимание: он не может снять эту— колодку вовсе. Видимо, не располагает такой властью. Это ордынец-то, находящийся у себя дома?!)

После убийства Михаила Кавгадый довольно робко говорит Юрию, что покойник как-никак был тому родственником, старшим по годам, так что негоже мертвому валяться позорно голым...

И вновь это не приказ — просьба-пожелание. Юрий, однако, непреклонен: он лишь разрешает накинуть на тело плащ. Не более того. Бояре Юрия увозят тело в Москву... и бросают там в хлев. Там же говорится, что ордынцы «колебались», но Юрий *настоял* на приведении приговора Михаилу в исполнение.

Спрашивается: кто хозяин в Орде, Юрий Московский или Кавгадый? Хозяином держится скорее Юрий — обвиняет, возглавляет суд над тверским князем, люди Юрия и убивают приговоренного. Кавгадый же в состоянии лишь чуточку облегчить страдания выставленного на позор Михаила, а потом *попросить*, чтобы с его телом обращались пристойнее (однако никто не спешит эту просьбу выполнить).

Вскоре сын покойного Михаила, Дмитрий, убил Юрия. Как нас уверяет летописец — «убил в Орде». Однако отчего-то не приводит ни малейших подробностей — в противоположность убийству Михаила, описанному как раз крайне подробно. Потом и Дмитрия «убивают в Орде», но подробностей вновь нет.

1339 г. Князя Александра Михайловича Тверского и его сына Федора убивают «в Орде». На сей раз судят и выносят приговор вроде бы «ордынцы» — однако по странному стечению обстоятельств летописцы не приводят никаких мотивов, заставивших «ордынского хана» так поступить. Хам казнил Александра и Федора «ни с того, ни с сего». Заступничество ярославского и белозерского князей отчего-то не возыме ло действия.

Многое проясняется, когда обнаруживаем, что в момент казни тверских князей в Орде находился... брат покойного Юрия Иван Калита, тог самый, знаменитый «собиратель земли Русской». По версии летописцев, Калита и «оговорил» тверичей.

А может, не «оговаривал», а попросту сам приговорил к смерти? Казни тверичей предшествовали довольно многозначительные события: тверские бояре, оказалось, к тому времени «отъехали» от своего князя в Москву. А после казни Калита, нагрянув в Тверь с войском, торжественно сбросил колокол с церкви Спаса и увез его в Москву.

Кстати, имена палачей, казнивших Александра и Федора, звучат странновато: Беркан и Черкас. Больше похоже на прозвища. Как мы помним, «черкасами» именовали предков нынешних казаков, то есть опять-таки славян....

Как видим, все три случая подчиняются строго определенным закономерностям. Всякий раз гибнут соперники и конкуренты владими́ро-суздальской династии и ее потомков. Всякий раз их смерть приписывается «коварству ордынцев». Всякий раз не приводится хотя бы подобия мотивов, которыми могли бы руководствоваться татары. Зато в случае с Михаилом «ордынцев» и близко нет, а единственный из них, Кавгадый, ведет себя так, словно он не хозяин, а лицо *под чиненное* ...

Выводы? Не было никакого «ордынского суда». Всякий раз устранялись соперники владими́ро-суздальской московской династии, продолжателей «линии Всеволода Большое Гнездо». О временах Ивана Калиты сохранилась любопытнейшая запись: «Сел на великое княжение Иван Данилович, и настал покой христианам на многие лета, **И ПЕРЕСТАЛИ ТАТАРЫ ВОЕВАТЬ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ**».

Все совпадает. Все логично. Зачем «татарам» воевать, если единоличной власти Ивана Калиты никто не угрожает? Если нет ни вдали, ни вблизи соперников-конкурентов?

С 1328 года — года, когда утвердился Калита — и до времен войн с Мамаем

ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ НА РУСЬ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ЗАФИКСИРОВАНО. Что полностью противоречит классической версии о «диких степняках, привыкших жить набегами». Отчего-то в данном случае «дикие степняки» напроць отказываются от своих привычек.

Есть, правда, исключение — вторжение в русские пределы военачальника, который именуется то «Арап-ша», то «Араб-шах». Однако это была не агрессия, а *ответ* на рейд русских войск, которые в 1376 г. вступили в пределы Волжской Болгарии, обложили один из городов болгар и заставили его жителей принести присягу на подданство.

Интересно, что при этом русские назначили в захваченный город своих чиновников, которые звались «даруга» и «таможник» — первый собирал налоги, а второй был чем-то вроде таможенного инспектора.

Термины «даруга» и «таможник» обычно считаются «монгольскими»! Спрашивается, почему русские ими воспользовались? Неужели за столетия не придумали своих слов для обозначения чиновников со схожими функциями?

Вывод прост: поскольку никаких «монголов» не существовало, «ордынские» термины и есть русские.

Между прочим, история прелюбопытнейшая. С одной стороны, Русь вроде бы является «вассалом» Золотой Орды. С другой — русские вдруг нападают на Волжскую Болгарию, т. е. часть Золотой Орды и вынуждают тамошний город принести вассальную клятву!

В *нашей* версии, где Русь и Золотая Орда представляют собой одно и то же, это как раз выглядит вполне логичным и не содержит никаких загадок. Очевидно, русские на окраине своих владений попросту боролись с какими-то сепаратистами, которых и представлял Араб-шах.

Самое время вернуться к одному из загадочнейших событий времен «монгольского вторжения». Глава русской церкви Киевский митрополит Иосиф после взятия Киева «Батыевой ратью» пропал без вести. Исчез столь загадочно и надежно, что по сию пору ученые разводят руками, не в силах пролить свет на это темное дело. Летописцы и историки более семисот лет отделяются невнятной скороговоркой — либо погиб в развалинах Киева, либо «удалился в другое место и сгинул там безвестно».

А соль здесь в том, что владыка Иосиф... был греком из Царьграда, поставленным царьградским патриархом и прибывшим в Киев буквально перед самым «Батыевым нашествием»!

Много и подробно писалось о том, что к XIII веку Русь уже недвусмысленно тяготилась зависимостью от константинопольского патриарха, предпочитая церковных иерархов русского происхождения... Впоследствии, в 1243 г., «бесхозная» киевская митрополия как раз и досталась *русскому* игумену Кириллу, родом с Южной Руси. Управление митрополией он принял «по выбору князей».

Вновь, в который уж раз, «злые татаровья» совершают поступок, полностью совпадающий с русскими интересами. Бесследно пропадает неудобный грек, митрополитом становится свой. А на все вопросы посланцев Царьграда русские с самым что ни на есть невинным видом разводят руками и сетуют на злых татаровей, коварно изничтоживших греческого иерарха по врожденной своей

кровожадности...

Не исключаю, что царьградцы верили.

ЗАГАДКИ «БАТЫЕВА ПОХОДА».

Возвращаясь к событиям зимы 1237—1238 года, пресловутому «Батыеву нашествию» (а на самом деле борьбе Ярослава и Александра с соперниками), мы опять ? таки сталкиваемся с изрядным количеством загадок.

Прежде всего, пресловутая «дикая орда» действовала с непонятной (но не для нас) избирательностью. Волховские князья (обитавшие в Южной Волыни) отчего ? то не подверглись разгрому вовсе. Преспокойно присягнули Батыю на верность, и их владения остались в полной неприкосновенности.

По *нашей* версии истории, ничего удивительного или непонятного тут нет. Сообразили вовремя, что с Ярославом и Александром шутки плохи, не лезли поперек батьки в пекло, сиречь не пытались стать конкурентами — вот и остались целехоньки...

Не в пример более загадочной выглядит история с Козельском. Летописцы в один голос твердят, что «Батыева орда» на семь недель задержалась возле крохотного городка Козельска и все это время штурмовала его с необъяснимым упрямством, пока не добила своего.

Это и в самом деле странно. Никакого стратегического значения городишко не имел — и тем не менее «ордынское войско» полтора месяца топталось у его стен...

Здесь возникает сразу несколько вопросов:

1. Почему «степняки», вроде бы к тому времени обучившиеся мастерски владеть китайскими камнеметами и стенобитными машинами, в случае с Козельском это свое умение как ? то сразу растеряли? (Напоминаю: практически все крупнейшие города Руси держались не более шести ? семи дней.)

Чтобы объяснить этот феномен, покойный В. Чивилихин измыслил какие ? то невероятные, суперблагоприятные географические условия — если верить ему, Козельск был расположен так удобно для осажденных, стоял на таких непреодолимых кручах, был окружен столь глубокими рвами, что все китайские машины оказались бесполезными.

Возможно. Но, даже если так и обстояло [28], это не снимает проблемы, наоборот, усложняет ее дополнительными загадками.

2. Почему, столкнувшись со столь неприступной крепостью (напоминаю, крохотной, не имевшей военного значения в рамках большой стратегии), завоеватели не махнули рукой и не умчались поискать добычи полегче? Почему проторчали возле нее семь недель, пока не взяли ? таки?

Гипотез, объясняющих «загадку Козельска», пока имеется на белом свете три:

1. Классическая версия.
2. Теория Гумилева.
3. Моя гипотеза.

Классическая версия, собственно, представляет собой... полное отсутствие версии. Монголо — таттары просто взяли и задержались у Козельска.

Захотели и задержались. Искать в их поступках логику бессмысленно — Азия ? с...

Гипотеза Гумилева, надо признать, более логична и убедительна. Гумилев считал, что татары *мстили* Козельску. Князь черниговский и козельский Мстислав, пятнадцать лет назад, будучи на Калке, принял участие в убийстве татарских послов. И, хотя к тому времени он уже умер, татары считали, что его подданные несут «коллективную ответственность» за убийство их князем послов...

Вообще ? то, это гораздо больше похоже на версию, нежели ничего не объясняющие апелляции к «азиатской логике», какими грешат историки «классического» направления.

Увы, есть обстоятельство, которое не оставляет от версии Гумилева камня на камне...

В числе других на Калке воевал, принимал участие в убийстве татарских послов (да и погиб там же) смоленский князь Мстислав-Борис Романович Старый. Следовало бы предположить, что, руководствуясь тем самым принципом «коллективной ответственности», татары не с меньшей яростью обрушатся на Смоленск, мстя его обитателям за преступление князя...

Так вот, Смоленск вообще не подвергся татарскому удару. Ни в 1237 — 1238, ни после! Он никогда не сталкивался с «ужасами ордынских приступов». В пределах Смоленского княжества татары иногда показывались, но на самый град Смоленск не нападали *никогда* .

«Коллективная ответственность» выглядит какой — то странной. За одно и то же преступление козельцы заслуживают самой суровой кары, зато жителей Смоленска можно и оставить в покое...

В жизни ничего подобного случиться не могло. Либо есть обычай, либо его нет. Либо «коллективную ответственность» несет *всякий* , кто посягнет на послов, либо...

Либо гипотеза Гумилева неверна. Тогда в чем же загадка?

Да в том, что в Козельске сидел князь из **ЧЕРНИГОВСКОЙ** династии. Той самой, с которой Ярослав и Александр боролись упорно и яростно, как с одними из конкурентов. Изгнанный «татарами» из Чернигова Мстислав Глебович закончил дни на чужбине, в Венгрии. Князья — соперники истреблялись безжалостно, благо повод был самый удобный — многое можно списать на кровавую неразбериху штурма. В Рязани погибли не только князь, но и его жена с малолетним ребенком («Повесть о разорении Рязани Батыем», как мы убедимся позже, представляет собой чисто литературный вымысел, а следовательно, утверждения, будто рязанского князя «убили в Орде», а его супруга в отчаянии покончила с собой, никак не могут выглядеть достоверными).

Таким образом, странно затянувшаяся осада Козельска и упорство, с которым «татары» семь недель добывали город, получает вполне разумное объяснение: Невский стремился уменьшить число возможных соперников, насколько удастся...

Если Батый — «дикий татарин», предводитель жаждавшей добычи орды, совершенно непонятно, почему его войска внезапно повернули от Новгорода.

Одно время господствовала теория, будто все произошло из-за ранней распутицы, охватившей огромные пространства и превратившей их в сплошное болото. Однако эту гипотезу безоговорочно опроверг В. Чивилихин, раскопавший весьма интересные подробности. Во-первых, в XIII веке в северном полушарии как раз наблюдалось повсеместное похолодание, которое климатологи даже именуют «малым ледниковым периодом». Во-вторых, несколькими годами спустя, в том же месяце марте, младший брат Александра Невского Андрей в кратчайшие сроки прошел тысячу километров, спеша с ратью на помощь брату. Такое возможно в одном-единственном случае: если конница шла по замерзшим рекам и озерам...

Так что погода здесь ни при чем — она как раз благоприятствовала конным походам. Тогда?

Если «Батый» — это Александр Невский, нет ничего странного в том, что он не пошел на Новгород. Не было никакой необходимости. К чему брать приступом свой же собственный город? При всем своевласти новгородцев (не раз Александра допрежь выгонявших), в то время отношения князя и горожан были как раз нормальными. Как сообщает одна из летописей, еще Всеволод Большое Гнездо добился от Новгорода обещания избирать впредь князей только из числа его потомков.

То же самое — и со Смоленском. Если Батый — степной пришелец, озабоченный лишь грабежом, совершенно непонятно, почему татары так никогда и не сделали ни единой попытки овладеть Смоленском — одним из самых больших, благополучных и богатых городов Руси.

Если Батый — это Александр Невский, его желание оставить в покое Смоленск может иметь достаточно веские причины.

Смоленск, по торговле и богатству уступавший лишь Великому Новгороду, в год «татарского нашествия» представлял собой не такую уж легкую добычу не только потому, что был нетронут многочисленными междоусобицами, а значит, укрепления его оставались в целости. Смоленск был центром международной торговли. Там было множество торговых дворов и складов, принадлежавших иностранным купцам. А купцов из «фряжских и варяжских» стран обитало в Смоленске столько, что для них были выстроены храмы «латинского обряда». Как написано в «Договоре» 1229 г., русские купцы держали образцы употреблявшихся в торговле весовых мер (т.е. гирь, аршинов, других эталонов) в православном Успенском соборе, а иноземные купцы — в храме «Немецкой богородицы».

Отсюда вытекает: нападение на столь значимый центр международной торговли имело бы для виновника нехорошие последствия. Против него немедленно ополчились бы не только купцы Русской земли, но и иностранные государства, чьи подданные и их добро неминуемо пострадали бы при штурме (обязательно сопровождавшемся бы пожарами и грабежом). Могли последовать ответные меры против русских купцов за границей — примеров предостаточно.

Могли бы *такие* соображения остановить степняка ? Батыя? Ни в коей степени — что ему «мировое общественное мнение»?

Могли бы такие соображения остановить Батыя ? Александра? Обязательно. В конце концов, его целью была не добыча, а усиление своей власти над Русью. А это требовало и умения вести сложные политические игры, учитывать многие

факторы. Александр ни за что не стал бы ставить под удар внешнюю торговлю Руси.

А потому «злые татаровья» так никогда и не появились под Смоленском...

Между прочим, есть любопытное предание о «подвижнике Меркурии». Уверенно утверждается, что он пришел откуда-то с Запада, первоначально принадлежал к «латинской» церкви, потом перешел в православие и поступил на службу к смоленскому князю. «По словам предания, Меркурий отразил от столицы татарское полчище; но при этом пал и был погребен в Успенском соборном храме» (Д. Иловайский). После этого Меркурия долго почитали в качестве своего, местного святого (которые так и назывались — «местночтимые»).

Позвольте, но в истории вообще неизвестны подобные события — приход к Смоленску татарской рати и ее отступление!

Чертовски трудно сказать, какие события *реальной* жизни Смоленска нашли отражение в легенде о Меркурии. Однако кое-что все же прослеживается:

1. От татарского нашествия Смоленск избавился каким-то *мирным* путем.
2. В этом участвовали люди, связанные с «латинской» церковью, вообще с Западом.
3. Среди тех, кто дипломатическим путем избавился от татарской угрозы, были *единичные* жертвы.

Как все это можно интерпретировать? Возможно, Невскому был сделан некий ультиматум и наглядно обрисованы возможные последствия. Возможно, кто-то из участников переговоров, вряд ли протекавших в «теплой, дружественной» обстановке, стал на голову короче... Однако ультиматум, надо полагать, возымел действие. В летописях встречаются туманнейшие упоминания о некоей стычке татар со смолянами, происшедшей километрах в 30 от Смоленска, после которой татары ушли. Но деталей отыскать невозможно...

Перейдем к еще одной интереснейшей проблеме: почему самые крупные, стольные города держались против «татар» считанные дни? Рязань пала уже через шесть дней. Примерно так же обстояло и с другими городами. Между тем не только маленький Козельск держался семь недель, но и столь же небольшой Торжок пал только на третью неделю...

Ответ прост: Торжок и Козельск не пострадали в результате *внутренних* междоусобиц, сохранили и укрепления, и большое количество людей, годных для ратной службы. А вот стольные города ко времени «татарского вторжения» были как раз в самом плачевном состоянии...

Особенно ярко это проявляется на примере Киева, который «татары» взяли все за те же несколько дней. А это очень странно — Киев был одним из крупнейших городов не только Руси, но и всей Европы, его сравнивали с Царьградом, в нем, по свидетельству Титмара Марзебургского, гостя из Германии, было «восемь рынков и более четырехсот церквей»...

Столь быстрое падение Киева было настолько загадочным для иных историков, что они сочинили байку про то, что осада Киева длилась... девяносто три дня.

На самом деле историки чуточку лукавят. Девяносто три дня — это срок не меж началом и концом штурма, а *первым* появлением «татарской» рати и

взятием Киева. Сначала у киевских стен появился, как вы уже знаете, «Батыев воевода» Менгат и пытался уговорить киевского князя сдать город без боя, но его послов киевляне убили, и он отступил.

А через **три месяца** пришел «Батый». И за несколько дней взял город.

Именно промежуток меж этими событиями и называют иные исследователи «долгой осадой»...

Почему Киев пал так быстро, вы сейчас поймете...

Титмар был в Киеве в XI в., когда город, «мать городов русских», еще не вступил в черную полосу княжеских усобиц...

Посмотрим, как они протекали.

1169 г. Андрей Боголюбский, суздальский князь, послал на Киев войска под командованием одиннадцати князей. 8 мая город был взят, и два дня победители его грабили. Вот что об этом пишет Ипатьевская летопись:

«...грабили же два дня весь град, и гору Подол, и монастыри, и Софию, и Десятинную богородицу, и не было милости никому: ни церквам горящим, ни крестьянам убиваемым, ни всем, кого вязали; жен гнали в полон, разлучая с мужьями своими, и младенцы рыдали, видя уводимых матерей своих. Смоляне, и суздальцы, и черниговцы, и Олегова дружина забрали множество добра, и церкви опустошили от икон и книг, и ризы с колоколами все вынесли; и Печерский монастырь Пресвятой Богородицы зажгли, но Господь его уберег. И были в Киеве стенания великие жителей его, и печаль, и скорбь неутешная...»

Напоминаю, это не «злые татаровья» так себя ведут, это русские христиане бесчинствуют...

1174 г. Киев захватывает Ярослав Луцкий.

1174 г. Ярослава выгоняет Роман Ростиславич.

1174 г. Возвращается Ярослав. На него нападет Святослав Ольгович, прогоняет, грабит приверженцев Ярослава.

Все эти перипетии, конечно, не влекли за собой столь страшных разрушений и повального грабежа, как в 1169 г., но без пожаров, погромов и убийств, ясно, не обходилось (летописец констатирует: «Стоит Киев пограблен Ольговичем»).

1204 г. В Киев нагрянул Рюрик Ростиславич с половецким войском и, говоря современным языком, предложил свою кандидатуру на безальтернативной основе. Когда киевляне не проявили особого энтузиазма, начался штурм...

Лаврентьевская летопись: «Сотворилось великое зло в русской земле, какого не было со времен крещения Киева; случались и прежде напасти, но такого зла доселе не свершалось: не только Подол взяли, а после сожгли, но и Гору взяли, и митрополию Святой Софии разграбили, и Десятинную святую церковь Богородицы разграбили, и монастыри все; и иконы захватили, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и платье блаженных первых князей, что висело в церквах святых памяти ради... Монахов и монашенок почтенных годами изрубили, а попов старых, и слепых, и хромых, и иссохших в трудах — всех тож изрубили, а иных монахов и монахинь, и попов с попадьями, и киевлян с сынами их и дочерьми похватили и в полон увели...»

Представляете, что творилось в городе, как он пылал от края и до края? Как легко вспыхивали целые улицы?

На этом киевские невзгоды отнюдь не заканчиваются. Рюрик сел-таки на

киевский стол и занимал его какое-то время, но потом в одном из военных походов его изловил князь Роман и насильно постриг в монахи. Однако через год, когда Роман погиб в битве с поляками, неугомонный Рюрик «чернические одежды скинувши», собрал дружину, вновь после боев и грабежей воссел в Киеве...

Дальнейшее больше напоминает ожесточенную и многолюдную кабацкую драку. Рюрика несколько раз вышибают из Киева князья Северной земли, он зализывает раны, собирает силы и вновь является под киевские стены, берет город, его выгоняют, он возвращается... Обе стороны старательно опустошают земли своих противников и мстят горожанам, наверняка вконец уже осатаневшим от такой неопределенности бытия...

В конце концов Киевом (не без насилия, понятно) овладевает Всеволод Большое Гнездо, но в 1212-м его военной силой изгоняют смоленские князья и сажают на стол Мстислава Романовича (замечу, нарушая все и всяческие правила, о которых выше говорилось так подробно

Думаю, теперь читателю понятно, что «татарские» полки подошли к разоренному, полуразрушенному городу, где в стенах зияли проломы, а защищать эти стены оказалось крайне затруднительно из-за нехватки людей. К тому же Киев, нужно уточнить, был брошен князем Михаилом — едва узнав о приближении «татар», он поспешил скрыться. Прослышав о «бесхозном» столе, в Киев прискакал Даниил Галицкий, поставил там своего тысяцкого Дмитрия и уехал... Воинов, кстати, не оставил.

Именно Дмитрий, человек в Киеве совершенно новый, и был вынужден возглавить оборону полуразрушенного, обезлюдившего города, где на стенах стояли не профессиональные воины, а неумелые жители.

Любопытно, что Дмитрий, взятый в плен раненым, не был ни казнен, ни пытан. Наоборот, как в полном согласии пишут несколько летописцев, «Батый» приблизил тысяцкого к своей особе, и Дмитрий участвовал в походе «татар» на Венгрию. Как ни в чем не бывало. Ему предложили новую службу — и Дмитрий ее принял.

Не есть ли это дополнительный аргумент в пользу версии, согласно которой Киев просто-напросто в очередной раз взяли *русские* ?

МЕЧ НАД ЕВРОПОЙ.

Вторжение «татар» в Европу в 1241 г. таит в себе множество загадок, несообразностей, темных мест и, наконец, откровенных нелепостей — но это опять-таки только в том случае, если придерживаться классической версии об «орде диких кочевников». Ниже мы убедимся, что существует и другая версия, и она-то (как сплошь и рядом случается, стоит только отступить от «канонической гипотезы») выглядит не в пример более логичной и лишенной противоречий...

В исторической литературе «монгольское вторжение», конечно же, именуется «завоевательным» походом. Рассмотрим, как он проходил.

В марте 1241 г. «татары», вторгшись на территорию Польши двумя большими группами, захватили Сандомир, Вроцлав и Краков, где учинили грабежи, убийства и разрушения. После того как под Ополем были разбиты

силезские отряды, оба крыла татар соединились и двинулись к городку Легница, где девятого апреля им преградил дорогу с десятитысячной армией Генрих II Набожный, герцог силезский, малопольский и великопольский. Завязалась битва, в которой поляки понесли сокрушительное поражение.

Как раз Легницкая битва и сопровождается загадками.

Прежде всего, именно там татары применили какие-то загадочные «дымопускательные орудия». Именно дымо-пускательные. Летописцы твердят об этом с редким единодушием. Современный польский историк Зыгмунт Рыневич, недавно выпустивший интереснейшую книгу с описанием около 800 битв и сражений всех времен, назвал это «боевыми дымами», которые и вызвали замешательство в рядах поляков, переросшее в паническое бегство... Мне встречались мнения, согласно которым под Легницей как раз и был применен «греческий огонь». Однако верить этому не следует — все без исключения хроники упоминают именно о дыме.

Что это был за дым, подробно описывает А.И. Лызлов, пользовавшийся материалами польских историков XVI в:

«И когда узрели татарина, выбежавшего со знаменем — а знамя это имело вид „X“, и на верху его была голова с длинной бородою трясущейся, поганый и смрадный дым из уст пускавшей на поляков — все изумились [29] и ужаснулись, и кинулись бежать кто куда мог, и так побеждены были».

Вот это и есть «боевые дымы». Воля ваша, что-то тут не вытанцовывается, как говаривали герои Гоголя. Выбежал один-разъединственный татарин с небольшим знаменем (оно было небольшим, раз его без усилий нес один человек), на котором пускала дым бородастая голова... Согласен, такое зрелище может и удивить — но потрясти настолько, чтобы опытные воины напрочь ополоумели и кинулись врассыпную?!

Есть более правдоподобная версия возникновения паники. По ней, затесавшиеся в боевые порядки поляков коварные татары вдруг начали вопить во всю глотку что-то вроде: «Все пропало, мы разбиты, бежим!» И польские ряды рассыпались...

Вот это как раз — чертовски правдоподобно. История средневековья (и Западной Европы, и Восточной) прямо-таки пестрит подобными примерами, когда из-за панических воплей какого-нибудь малодушного труса целые рати кидались врассыпную, хотя обстановка складывалась вроде бы в их пользу...

Однако автоматически возникает неувязочка... Вы не забыли, что с поляками воевали «дикие монголы»? «Безбожные моавитяне», обликом и языком ничуть не схожие с поляками?

Представьте себе осень 1941 г. Красноармейцы держат оборону, внезапно среди них появляется личность в вермахтовском мундире со всеми регалиями и, метаясь меж стреляющими, вопит истошным голосом на ломаном русском: — «Тофарищи! Ми, большевики, есть распит! Бьежим!»

Как по-вашему, найдется идиот, который ему поверит и примет за своего и пустится наутек? Да нет, конечно. Хрястнут прикладом по башке, и вся недолга...

Однако под Легницей, если верить официальной истории, имело место что-то чертовски схожее...

Так не бывает. Чтобы поляки приняли татар за своих, поверили им и

разбежались, татары непременно должны отвечать трем условиям:

1. Не отличаться от поляков обликом.
2. Не отличаться от поляков одеждой, доспехами и оружием.
3. Владеть польским достаточно хорошо, чтобы быть принятыми за своих.

«Дикие монголы» из Центральной Азии, равно как и среднеазиатские турки подчеркнуто восточного облика не отвечают ни одному из этих требований. Зато все три условия соблюдены, если поляки сражаются с... **русскими** !

В **этом** случае нет никаких несообразностей. Русские не отличаются от поляков ни лицом, ни одеждой, ни доспехами (обратите внимание на портрет польского короля Болеслава Кривоустого, жившего незадолго до описываемых событий, и сами определите, легко ли спутать его, не зная заранее, кто здесь нарисован, с русским витязем?). А русский и польский языки в те времена — очень близки... (**рис. 12**)

Рис. 1.5

Рисунок 12.

Выводы делайте сами, разжевывать не собираюсь.

Интересно, что на западноевропейской миниатюре «Смерть Чингисхана» падающий из седла Чингисхан изображен в шлеме, крайне напоминающем шлем Болеслава, — именно тогда носили такие и в Польше, и на Руси, и по всей Европе. Кстати, практически все русские старые миниатюры изображают «татар», которых по внешнему виду и вооружению прямо-таки нельзя отличить от русских дружинников... (**рис. 13**)

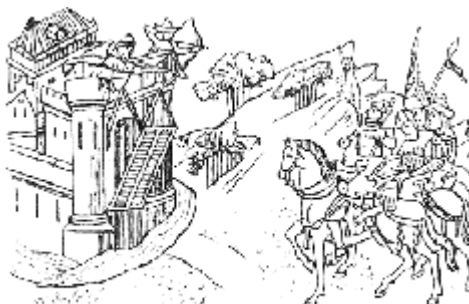

Рис. 1.3

Рисунок 13.

Далее. Как свидетельствует писатель В. Чивилихин, он своими глазами в кафедральном соборе польского города Сандомира видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен — новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи.

Есть такие картины. И есть недвусмысленные сообщения польских хроник о страшной резне, которую учинили «татары» католическим священнослужителям. Речь идет не об убийствах, совершенных в горячке штурма (таким грешили практически все христианские народы, рассвирепевшие солдаты не делали различия меж мирянином и монахом), а об умышленной, методической резне, последовавшей после взятия города, после того, как отгремел бой...

Вам не кажется это странным? А ведь должно. Мы вдоволь наслушались о веротерпимости монголов, а также о распространившемся среди них христианстве. И вдруг они, при завоеваниях подчеркнуто уважительно относящиеся к местным религиям, учиняют среди священнослужителей жуткую резню...

Монголы так поступить не могли. А кто же мог? Об этом чуть погодя.

Итак, поляки понесли поражение — в чем не сомневаются ни тогдашние летописцы, ни современные историки. Перед «ордой» открыта дорога на запад, в Германию. Перед ними — равнинные местности, самой природой предназначенные для успешных действий конных полчищ. Логично предположить, что татары во исполнение завета Чингиза двинутся дальше.

Но дальше они не идут!

Наш великий поэт А. С. Пушкин оставил проникновенные строки: «России определено было высокое предназначение... ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Россию и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Бог ты мой, как нелегко опровергать высказывания самого Пушкина... Но придется. Поскольку в данном случае Александр Сергеевич кругом не прав.

Во-первых, в сравнении с теми землями, что «татары» якобы завоевали согласно «классической» версии, просторы тогдашней Руси вовсе не выглядят «необозримыми».

Во-вторых, как рассматривалось выше, русские при отражении «Батыева нашествия», уж простите, не показали каких-то из ряда вон выходящих военных талантов, заставивших бы особенно опасаться именно их. К тому же великий князь Ярослав, как мы помним, в наилучших отношениях с Батием.

В-третьих, «монголы» ведут себя как-то странно. Вторгаться в Польшу они отчего-то не боялись. Но, победив поляков, разбив их наголову, отчего-то испугались за свои тылы...

В-четвертых — «татары» после битвы с поляками... вовсе и не возвращались в свои степи.

Наоборот. «Татарская» конница поворачивает на юг, идет в Чехию, Венгрию, Хорватию и Далмацию. Вплоть до конца 1242 г., не считаясь с потерями, «татары» прорываются к Адриатическому морю, и в конце концов выходят на его берега. Они проходят по Чехии почти без боев, не особенно долго задерживаются в Венгрии. «Татарская» конница рвется к Адриатике.

А что она там забыла? Почему, вместо того, чтобы вольготно рассыпаться лавой на германских равнинах, татары с упорством недоумков стремятся в горные районы, где конница сразу оказывается в проигрышном положении. Вместо того, чтобы вволю грабить большие и богатые германские города, татары идут в гораздо более скудные земли... Зачем? то проходят сотни километров вдоль морского берега — от Рагузы-Дубровника до Каттаро.

И вновь в который раз перед нами — совершенно не свойственное орде грабителей-степняков поведение.

Мало того, поход в европейские страны не носит никаких признаков завоевательного. Трофеи, конечно, берут, но нигде — ни в Польше, ни в Чехии, ни в Венгрии, ни в Хорватии, ни в Далмации — «татары» не делают попыток как-то подчинить себе страну. Они никого не облагают данью, не заботятся о том, чтобы посадить свою администрацию, никого не приводят к вассальной присяге. Завоеванием тут и не пахнет — перед нами чисто военный поход, имеющий перед собой какую-то конкретную цель. Какую?

Об этом — чуть погодя. Вернемся к Польше и Венгрии.

В своей книге «Империя» Носовский и Фоменко приводят рисунок гробницы Генриха II Набожного, убитого на Легницком поле. Надпись такова: «Фигура татарина под ногами Генриха II, герцога Силезии, Кракова и Польши, помещенная на могиле в Бреслау этого князя, убитого в битве с татарами при Лигнице 9 апреля 1241 г.» (*рис. 14*)

Рисунок 14.

Оставим в стороне вопрос композиции — поскольку не герцог убил татарина, а татары герцога, изображению следовало бы быть несколько иным...

Но в данный момент это несущественно.

Присмотритесь к попираемому благородной герцогской стопой «татарину».

Совершенно русское лицо, русский кафтан, русская окладистая борода, русская шапка, какую впоследствии носили стрельцы. В руках у «татарина» — не кривая и узкая среднеазиатская сабля, а оружие под названием «елмань», в свое время перенятое *русскими* у турок.

Сабли этого типа, видоизменяясь, долго состояли на вооружении русской кавалерии, даже во времена Павла I.

Кроме того, схожее оружие использовалось немцами и итальянцами (тесак типа «фальчионе», изготовлявшийся в Брешии в XVI в.)

Так с кем же сражались поляки на Легницком поле?

Венгрия. По свидетельствам историков, во время своего пребывания там «дикие татары» распространяли... поддельные грамоты, написанные от имени венгерского короля Белы IV. Чем вносили смуту и неразбериху в ряды венгров, сбитых с толку противоречащими друг другу распоряжениями — теми, что исходили от короля, и теми, что были делом рук татарских фальсификаторов.

Поистине, «дикари из Центральной Азии» проявляют какую-то фантастическую способность во мгновение ока овладевать самыми разными искусствами. Пришли в Пекин — «переняли» у китайцев стенобитные машины и понаделали себе военных кораблей. Пришли в Польшу — смогли в два счета «прикинуться» поляками и без акцента изъясняться на польском языке. Пришли в Венгрию — с ходу научились фабриковать поддельные королевские грамоты, которые тамошние жители не могли отличить от настоящих... Не многовато ли для «степных дикарей»?

Все встанет на свои места, если мы предположим, что в Европу вторглись не «дикие татаровья», а русское войско. Русские как раз могли заслат в польские ряды своих паникеров, по внешнему облику совершенно неотличимых от поляков. Русским гораздо проще было осуществить операцию с подложными грамотами, нежели неграмотным кочевникам.

И вновь встает вопрос: почему русские избрали столь странный маршрут — на германских рубежах повернули к югу и около года прорывались к Адриатическому морю?

Чтобы на этот вопрос ответить, нужно сначала задаться другим: а не отыщется ли в Европе того времени какого-нибудь военного конфликта, в рамках которого движение русской армии, дальний военный поход к Адриатике выглядит вполне объяснимым и не вызывает ни малейшего удивления?

Представьте, найдется!

И не какой-то локальный конфликт, а события, без всяких преувеличений, общеевропейского масштаба, в которые были втянуты едва ли не все тогдашние державы и монархи...

Речь идет о вражде меж римским папой Григорием X (а после его кончины — папой Иннокентием IV) и Фридрихом II Гогенштауфеном, императором Священной римской империи германской нации и королем Сицилии (в Сицилийское королевство тогда входила и Южная Италия).

Само по себе противостояние папства и германских императоров, их многолетняя борьба — тема отдельной книги, которая наверняка получилась бы толстенной и увлекательной. В нашу задачу не входит подробно рассматривать эту тему.

Сосредоточимся на другом: если признать, что в Европу в 1241 г. вторглись не «дикие монголы», а русское войско (как мы помним, в его рядах находился киевский тысяцкий Димитрий, на что прямо указывают русские летописи), стремившееся на стороне Фридриха II выступить против папы, то объяснение

находится буквально всему.

И рисунку на гробнице Генриха II (изображающему самого что ни на есть типичного русского воина). И «странному» поведению поляков, поверивших «засланным казачкам» (потому и поверили, что обмануться было чертовски легко). И сандомирской резне (для православных «папешские» священники к тому времени были лютыми врагами). И мастерству «татар» в подделке венгерских королевских грамот (хватало среди русских образованного народа).

И тому, что в Германию русские не пошли (к чему им разорять земли союзника, с которым объединяет общая цель?).

И, наконец, выходу к Адриатике. Именно оттуда проще всего было перебросить войска в Италию — морем.

Напомню, что в те времена противостояние меж папой и Фридрихом достигло наивысшего накала. Папа отлучил от церкви как императора, так и города, владетельных князей и епископов, оставшихся верными Фридриху. Фридрих в ответ укрепился в Италии и стал методично захватывать земли вокруг Папской области. Конфликт достиг стадии, когда какое бы то ни было мирное решение уже невозможно...

Стоит заметить, что Русь давно уже поддерживала самые тесные связи с Германией. Внучка Ярослава Мудрого Евпраксия в свое время стала женой германского императора Генриха IV — того самого, что известен многолетней враждой с папой Григорием VII. Выше уже говорилось о тесной дружбе, связывавшей Всеволода Большое Гнездо, деда Александра Невского, и императора Фридриха I Барбароссу, деда Фридриха II. Одним словом, нет ничего удивительного в том, что Русь вступила в конфликт на стороне Фридриха — папство было и ее противником, а вот Фридрих Гогенштауфен, наоборот, был потомком старых друзей и союзников русских князей.

Между прочим, Польша, Чехия и Венгрия — все три страны, разгромленные и опустошенные «татарами», — в конфликте меж папой и Фридрихом были... твердыми сторонниками папы! Дополнительный штрих, завершающий картину. Версия «диких татар» полна вопиющих противоречий и нелогичностей — зато гипотеза о русском войске, вторгшемся в Европу, чтобы поддержать Фридриха, гораздо более логична и обоснована.

Сегодня нам, наверное, никогда уже не удастся определить, что помешало русским войскам переправиться в Италию. Что-то, должно быть, не сложилось. Видимо, тщетно ожидая корабли, которые должны были перевезти их в Италию, «татары» и дефилировали пару сот километров вдоль моря (есть упоминания, что в то же время часть «орды» появилась неподалеку от Вены, но не брала городов, а словно бы чего-то ждала).

Не сложилось. Пришлось возвращаться назад, не делая ни малейших попыток установить где-либо в Чехии, Польше, Венгрии свою администрацию, поскольку это с самого начала не входило в стратегические задачи военного похода, подчиненного конкретной цели...

Между прочим, и последующие события укладываются в эту версию. Если набраться смелости и признать, что вторжение крестоносцев на Русь в 1242 г. — ответ на глубокий рейд русских в Европу. Не зря нападение «псов-рыцарей» носило все черты крестового похода. Папа попытался отомстить, как мог и умел.

(Особо отмечу: эта версия никоим образом не меняет сложившихся исторических акцентов, т.е. не признает за крестоносцами никакой «правоты», а русских вовсе не делает «не правыми». Крестоносцы своей долголетней агрессией причинили славянам столько бед, что правыми оказаться не могут ни в какой ситуации.)

Есть ли косвенные подтверждения нашей гипотезе?

Хватает. В тогдашней Европе широко было распространено убеждение, что Фридрих II... тайно сносился с «татарами» и пытался с их помощью сокрушить папскую власть! В нашей историографии [30] принято считать, что римские папы «измыслили ложное обвинение». А если не измышляли? Если это была чистейшая правда? Тем более что, по Нашей версии, «татары», вернее, воины Александра Невского, вели себя так, словно в малейших деталях выполняли общий план, направленный на сокрушение папства. И слишком многое связывало Александра с Фридрихом — от «наследственной» дружбы до общего желания «свалить» мешавшего им ватиканского властелина...

Посмотрим, как развивались события после возвращения русских на родину. На Русь в 1242 г. напали крестоносцы, а против Фридриха также двинулось «крестоносное войско», которое штурмом взяло столицу город Аахен, чтобы короновать там *своего* императора.

Война эта не стихала еще четверть века. В конце концов четырнадцатилетний внук умершего к тому времени Фридриха Конрадин был взят в плен сторонниками папы и обезглавлен — что полностью противоречило принятым тогда рыцарским правилам ведения войны (касавшимся дворян и монархов). Мало того — род Гогенштауфенов был истреблен полностью. В 1273 г. на императорский трон взошел австрийский герцог Рудольф Габсбург, положив начало «эре Габсбургов», столь печально закончившейся в нашем XX веке.

Должно быть, папа пережил — в свое время нешуточный страх, что и вызвало столь лютую ненависть к Гогенштауфенам, вырезанным под корень...

В этой связи нелишне вспомнить итальянские хроники XIII в., где прямо пишется о «татарском» посольстве, отправленном к Фридриху, и преподнесенных императору дарах. А другие исследователи отмечают многозначительный факт: при известии о вторжении в Европу «татар» страх охватил все державы и всех государей... кроме Фридриха! (Это и понятно: ему-то чего было бояться?! Уж он-то знал, кто движется, куда и зачем.) И наоборот: спешно отправленные к «татарам» папские гонцы встретили самый нелюбезный прием (а как же хваленая «монгольская» веротерпимость? — **А.Б.**)

И поневоле закрадываются определенные подозрения насчет обстоятельств смерти Александра Невского, которую тогдашняя молва объясняла отравлением. Подозревали в этом «ордынцев» — но поскольку мы знаем, что главой «ордынцев» как раз и был Невский, вряд ли стоит верить, что он отравил сам себя. А вот в тогдашней Италии отравление развилось в настоящее искусство...

Очень уж близки во времени загадочная смерть Невского и истребление Гогенштауфенов. И, если принять версию о «глубоком рейде» русской армии в Европу, направленном против папы, гораздо легче понять форменный шквал «антиатарской» пропаганды, забушевавший в Европе...

Об этой насквозь лживой, насыщенной самыми несообразными фантазиями

«татароведческой литературе» мы подробнее поговорим позднее. А пока что рассмотрим еще один неимоверно любопытный аспект проблемы — дальнейшую судьбу необозримой «монгольской державы»...

Но сначала — небольшое дополнение. Уже дописав этот раздел, автор, к своему удивлению, обнаружил, что оказался в положении героев романа «Дочь времени». Помните, как они, успешно реабилитировав короля Ричарда III и гордясь собой, вдруг обнаруживают, что схожие попытки, оказывается, делались еще триста лет назад?

Так вот, в одном из солидных исторических трудов, чуть ли не на самой последней странице, в «примечаниях к примечаниям», мельчайшим шрифтом напечатано, что польский историк Мартин Кроме? (1512—1589) упоминал... об участии войск галицко-волинских князей в походе «ордынцев» на Сандомир и Краков!

Я не мог, конечно, в сжатые сроки раздобыть труд Кромера, но дополнительные сведения о нем отыскал. Это был не бедный монах, трудившийся в отдаленной обители, а известный хронист и писатель, секретарь короля Зыгмунта Августа, епископ области Вармия. Следовательно, имел доступ к лучшим архивам и библиотекам своего времени...

МИРАЖ «ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ».

1. «Хождение встречь солнцу» и фронтир .

Начиная с 80-х годов XVI столетия, начинается целеустремленное и неостановимое движение русских на восток, за Урал — «хождение встречь солнцу». Логично было бы предположить, что на этом пути протяженностью в тысячи километров казаки-первопроходцы наткнутся хоть на какие-то следы великой империи монгольских ханов, протянувшейся от восточного побережья Китая до границ Польши...

Ни малейших следов империи нет! Куда-то сгинули города, куда-то пропал великолепный «ямской тракт» длиной в тысячи километров, по которому якобы неслись в Каракорум гонцы из Руси. Ни малейших *материальных* следов хоть чего-то отдаленно напоминающего государство. Более того, местное население отчего-то вовсе не знает, не помнит ни о великой столице Каракоруме, процветавшей некогда в монгольских степях, ни о великих императорах, чья власть якобы простиралась на полмира. О маньчжурах, правящих в Северном Китае, помнят и знают прекрасно — это конкретное, привычное зло, супостаты, до сих пор устраивающие набеги. Но Батые с Чингисханом никто почему-то вспомнить не в состоянии...

Что интересно, нигде от Урала до Байкала казаки не встречают даже подобия государства или городов! Только «Кучумово царство» на территории нынешней Тюменской области отдаленно напоминает зародыш государства, а его столица Искер, небольшое укрепление, с превеликой натяжкой способно сойти за город.

Однако там — случай особый. Кучум — не местный владыка, а своеобразный «варяжский гость». Он родом из Средней Азии, из Бухары. В эти места пришел не так давно с отрядом верных нукеров, убил здешних нойонов

Едигера и Бекбулата и захватил власть. Он же и построил Искер (Кашлык).

Попавшие под его власть племена любви к новоявленному владыке не питают ни малейшей. Сравнительно быстрая и легкая победа казаков над «Кучумовым царством» имеет простейшее объяснение: воевали не с царством, не с народом, а все с тем же отрядом Кучумовых нукеров, отнюдь не многочисленным. «Подданные» Кучума при первом известии о приходе «бородачей» собираются на совет, провозглашают нойоном чудом уцелевшего племянника Едигера (Кучум вырезал практически всю родню свергнутых им нойонов, но этого юнца удалось спрятать) и отказывают Кучуму в поддержке. Более того, показывают казакам потайной ход в Искер. Кучум с горсткой людей мечется, преследуемый казаками. Ночное его нападение на стан Ермака как раз и объясняется тем, что у Кучума было мало людей. Полнейшее равнодушие коренного населения к последующей судьбе Кучума доказывается еще и отсутствием в местном фольклоре (обычно обстоятельном и подробном, порой игравшем роль устной летописи) каких бы то ни было подробностей об обстоятельствах смерти Кучума. Сгинул где-то — и черт с ним...

Особо стоит подчеркнуть: огнестрельное оружие вопреки устоявшемуся мнению не давало казакам никаких преимуществ, поскольку во всех отношениях уступало луку со стрелами. Судите сами. Чтобы произвести один-единственный выстрел из тяжелой пищали, следовало:

1. Засыпать в ствол строго отмеренный порох.
2. Старательно запыжить заряд (т.е. загнать шомполом кусок кожи или плотной материи).
3. Загнать в ствол пулю, запыжить ее.
4. Насыпать пороха на «полку» возле запального отверстия.
5. Прицелиться.
6. Нажать на спуск, чтобы тлеющий фитиль воспламенил порох на полке, а уж от него вспыхнул заряд в стволе.

Прониклись? Во-первых, я перечислил далеко не все манипуляции (число которых по тогдашним уставам достигало 80). Во-вторых, всем этим предстояло заниматься не в тишине спортивного зала, а на поле боя, в спешке и лихорадочном напряжении. В-третьих, дальность полета пули не превосходила (а то и уступала) дальности полета стрелы. В-четвертых, за то время, пока стрелок возился со своей пищалью, противник запросто мог выпустить десяток стрел (порой отравленных), убивавших гораздо вернее пули. В-пятых, стрельба из пищали зависела еще и от погоды: дождь мог погасить фитиль, подмочить порох, порыв ветра — сдуть порох с полки, случайная искра от фитиля порой воспламеняла порох раньше времени, и стрелок получал тяжкие ожоги...

Не зря во французской армии лук был отменен только в 1527 г., зато англичане применяли его и столетие спустя — в боях с армией кардинала Ришелье при осаде острова Ре. А в сражении под Лейпцигом (1813 г.) башкирские части русской армии с успехом вышибали стрелами из седла французских кавалеристов...

Кстати, с теми же проблемами, что и казаки, столкнулись и американцы во время фронта — продвижения на Дальний Запад. Даже в начале XIX в., располагая не в пример более совершенными ружьями и пистолетами с

капсюльными замками и унитарным патроном (отличавшимися от пищалей, как небо от земли), они не могли эффективно противостоять вооруженным луками индейцам. Отнюдь не случайно револьвер «родился» именно в Америке, и там началось его массовое производство — без револьвера американцам в покорении Дикого Запада пришлось бы туговато...

Все это я вспоминаю для того, чтобы доказать не столь уж сложный тезис:

И русским, и американцам пришлось затратить примерно одинаковое время — тридцать-сорок лет, — чтобы пройти расстояние в три-четыре тысячи километров, оставляя за собой цепочку укрепленных пунктов (острогов и фортов). И у русских, и у американцев за спиной было сильное государство, откуда они черпали людские резервы, оружие и боеприпасы. И русским, и американцам противостояли кочевые племена, находившиеся на неизмеримо более низком уровне развития.

И все равно, чтобы добраться одним от Урала до Байкала, а другим от Скалистых гор до Калифорнии, чтобы создать какую-никакую сеть укреплений и опорных пунктов, потребовалось тридцать-сорок лет...

После этого нас хотят уверить, что дикие кочевники некогда проделали аналогичный путь в каких-то два-три года, при этом разгромив несколько сильных государств?!

Интересно, что, по подсчетам современных исследователей, во всей Сибири, от Урала до Тихого океана, тогда обитало не более ста пятидесяти-двухсот тысяч человек. Как и должно быть, когда речь идет о немногочисленных кочевых племенах.

Где же набирал Чингисхан свои «неисчислимы» полчища? Можно, конечно, сказать, что Сибирь как раз и обезлюдела из-за того, что Чингиз «увел чуть ли не всех на восток», но такая версия чересчур уж противоречит и нашим изысканиям, и общей картине мировой истории, каковой не известны другие примеры столь массового «обезлюживания» территорий в результате переселения.

Брюква не растет на дереве, джентльмены... А гусаки не мечут икру.

Вернемся к казакам. Находясь в столь невыигрышном положении — горсточка людей посреди необозримых пространств, где обитали превосходившие числом воинственные племена, — они отчего-то не были истреблены в одночасье. Пусть и с боями, но прошли тысячи километров, основывая остроги.

Потому что, повторяю, никаких остатков империи здесь не было. Не столь уж многочисленные народы кочевали там и здесь, разводя скот, занимаясь охотой и рыбной ловлей. В верховьях Енисея и в северных предгорьях Алтая жили оседлые племена, знавшие мотыжное земледелие и кузнечное дело, но никакого отношения к «монгольской империи» они не имели. Повсюду царил самое настоящее рабовладение — рабами становились пленники, взятые на войне.

Никто не помнил об империи, никто не знал о Каракоруме...

Освоение Сибири, вопреки устоявшемуся мнению, далеко не всегда было мирным. Сражений было предостаточно: с воинственными ханты-мансийскими князьками, по заслугам прозванными «кровавой самоядью», с эвенками, «людьми воистыми, в бою жестокими», с якутами, у которых «воины доспешны, а кони в железных досках». Когда в Западной Сибири стали один за другим вырастать остроги, маньчжуры забеспокоились и стали натравливать на русских своих

данников, енисейских татар [31], поставляя им оружие, в том числе и огнестрельное.

Вокруг города, в котором пишется эта книга, триста лет назад бушевали ожесточенные сражения. Тогдашний Красноярский острог долго и старательно штурмовали енисейские татары-качинцы...

И не могли взять! Куда-то сгинуло бывшее мастерство «диких кочевников» во взятии огромных городов. Куда-то исчезли стенобитные и камнемётные орудия (почему-то «китайские специалисты», по уверениям иных историков, составлявшие этакий «инженерный корпус» в монгольской армии, на сей раз так и не появились). Куда-то запропастились «боевые ракеты» и «зажигательные бомбы», которыми якобы были вооружены еще в XIII в. монголы. Азиатское воинство сражается самым примитивным (по сравнению с «ордынскими» временами) образом: палит из луков и пищалей, пытается поджечь стены и строения факелами...

Ничего удивительного нет. Русские нашли в Сибири племена, находившиеся на нормальном для того времени уровне развития. Все их скромные достижения — результат самостоятельной эволюции, а не «наследство» империи.

Которая, кстати, удивительнейшим образом проваливается в небытие сразу после смерти Батыя. Только что она была, нагло простиралась себе от Пекина до Киева — и вот ее уже нет, как-то сами собой прекращаются выборы великого кагана в Каракоруме, пропадает из поля зрения современников «ямской тракт» от Волги до монгольских степей, воцаряется тишина, только скотоводы мирно пасут свои стада.

«Империя» существовала только в воображении историков. Потому и сгинула в небытие так легко.

2. Где Каракорум?

«Классическая» теория монголо-татарской империи помещает его где-то в монгольских степях. Я до сих пор помню статью в каком-то околонуучном журнале тридцатилетней давности — там красовался снимок каменной черепахи, обнаруженной в степи, и глубокомысленно объяснялось: отверстие в ее спине сделано для того, чтобы туда вставлялись выбитые на каменных плитах новые указы монгольских ханов, правивших из стольного града Каракорума.

Попробуем представить себе это: по бескрайней степи гонят свое стадо несколько средневековых монголов. Встретившийся по дороге императорский чиновник грозно окликает:

— Эй вы! Кончайте баклуши бить, император новый указ издал! Чтоб к завтрему же наизусть знали!

И показывает плеткой в сторону означенной черепахи. Как люди законопослушные, средневековые монголы подъезжают к черепахе, старательно читают указ, один уважительно качает головой:

— Красиво пишут, однако!

— Умный люди, ученый люди! — поддакивает напарник. — Одно слово — городские! Тринадцатый век на дворе, а они звона как раскудрявили...

А где-то далеко в стороне тащится повозка, объезжающая других черепах,

чтобы заменить каменные плиты с указами на новые...

Кто хочет, пусть принимает это за чистую монету...

Так вот, в истории с Каракорумом самое примечательное — это его название. «Каракорум» — слово отнюдь не монгольское.

«Каракорум» — тюркское слово!

С какой стати монгольской высшей аристократии именовать свою столицу, возведенную в монгольских степях, тюркским словом? Ведь не тюрки завоевали монгольские просторы, а вроде бы совсем наоборот... Можно ли представить себе ситуацию, когда англичане, захватив Индию, переименовывают Лондон в Бенарес? Или называют какой-то свой новый город на территории Англии словом на одном из индусских наречий?

В истории таких курьезов что-то не просматривается...

Следовательно, Каракорум располагался не в Монголии, а где-то в Заволжской орде — где как раз и говорили на тюркском [32].

«Кара» — по-тюркски «черный», а «Корум» удивительно напоминает «Кырым» — то есть... Крым! Город Кара-Кырым.

И вот здесь мы сталкиваемся с одним примечательным свойством тюркского языка. Оказывается, слова «Ак» — «белый» и «кара» — «черный» частенько бывают связаны вовсе не с *цветом* ! А с географическим ландшафтом или *направлением* . «Ак-Су» — это сплошь и рядом не «Белая река», а *горная* . «Кара-Су» — не «Черная река», а медленно текущая, равнинная, болотистая [33]. Кроме того, «черный» частенько означает «северный», а «белый» — «южный».

Словом, «Каракорум» вполне может оказаться либо «равнинным Крымом», либо «северным Крымом». Эта версия выглядит гораздо убедительнее предположения, будто завоевавшие полмира монголы назвали свою столицу словом, взятым из языка одного из множества покоренных народов...

Традиционная история ухитряется не объяснять, каким таким сверхъестественным образом иные русские князья ухитрялись совершить по *несколько* путешествий из Руси в «монгольский Каракорум», расположенный якобы южнее озера Байкал. Вот что пишет арабский географ начала XIV века Абу-ль-Фида: «если двигаться прямым путем, то считают, что от Красного моря до Китая около 200 дневных переходов: через пустыню до Ирака — около двух месяцев, из Ирака до Балха (нынешний Афганистан) около двух месяцев, от Балха до границ ислама в стране Фергана — немногим более двадцати переходов, от Ферганы через страну карлуков (Семиречье) до домов Тагаз-газа (Джунгария) — немногим более месяца, от Тагаз-газа до моря, омывающего берег Китая — около двух месяцев».

Думается мне, откуда-нибудь из Суздаля времени на путь в Китай тогдашний путешественник должен был потратить не меньше. Те же двести дней — туда, и двести дней — обратно. И ведь нужно еще как минимум месяц пожить в китайской столице, пока не уладишь свои дела — неужели наши князья, едва прибыв, побрившись и выпавшись, пускались в обратный путь?!

Вот и выходит, что на путешествие в оба конца следовало затратить, берем приближенно, около двух лет!

Однако «традиция» нам вещает, что, скажем, ростовский князь Борис Васильевич (1231 — 1277) за 14 лет княжения *дважды* ездил к Великому хану

в Каракорум — да вдобавок восемь раз — в Орду на Волгу!

Не князь, а реактивный снаряд! Получается, что всю свою сознательную жизнь, все четырнадцать лет правления он только и делал, что сновал туда-сюда, туда-сюда: Ростов—Китай, Китай—Ростов, Ростов-Орда, Орда—Ростов! Интересно, как же его подданные терпели такого «путешественника»? То-то пребывали в запустении дела, пока князьинька долгими годами ездит по степям!

История Бориса Ростовского и иные, ей подобные, имеют смысл в одном-единственном случае — если Каракорум располагался где-то поблизости, на Волге или в Крыму. В этом случае поездка туда отнимала не годы, а недели, и все становится на свои места. Волга или Крым — все-таки не край света...

Интересно, что в самых что ни на есть «благонамеренных» исторических трудах, полностью поддерживающих «официальную» версию, при самом беглом знакомстве можно отыскать прелюбопытнейшие вещи. Возьмем книгу Федорова-Давыдова.

Как выглядели «золотоордынские» города XIII?XIV веков?

«Пышно распустилась совершенно чуждая номадам (кочевникам —**А.Б.**) яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской ученой духовности, толкователей Корана и математиков-алгебраистов».

«Ханы вывозили из Средней Азии, Ирана, Египта и Ирака ученых, астрономов, богословов, поэтов». Напоминаю, ханы эти — якобы только что пришедшие из Центральной Азии кочевники-шаманисты!

«Золотоордынские города населяли и половцы, и болгары, и русские, и выходцы из Средней Азии, Кавказа, Крыма».

«Преобладание среднеазиатских и кавказских черт и при общем господстве тюркского языка и этноса».

И так далее, и тому подобное, Подробно описывается жизнь в городах, где смешались и русские, и тюрки, и жители Крыма, и якобы кочевые половцы... Где же наши монголы, узкоглазые дикари из центральноазиатских степей?

Вновь пущена в ход универсальная фраза, которой привычно отделиваются десятки историков, боящихся нетривиальных вопросов: «Завоеватели-монголы быстро растворились в местной тюркской среде».

Доколе?! «Несметные орды» не могли «раствориться», а если смогли, значит, орды были немногочисленными. Но тогда они не в состоянии были совершить приписываемые им завоевания! И по-прежнему наши фундаменталисты топчутся в этом унылом заколдованном круге, не в силах шагу сделать за его пределы... Поскольку круг этот — в их мозгах.

3. «Врет, как очевидец...» .

Интересно, что пишут о монгольских ханах и о граде Каракоруме средневековые путешественники?

Массу интересного...

Вот путевые заметки монаха Гийома Рубрука, участника посольства к «великому хану монголов», отправленного французским королем Людовиком

Святым (1253 г .)

Начнем с маршрута Рубрука. В Каракорум он едет... через Черное море, Тавриду и Донские степи. Возвращается — через Дербент и Армению. Совершенно нормальное направление, если Каракорум располагается где-то на Волге или в Северном Крыму. Если Каракорум в монгольских степях — такой дорогой в него ни за что не попадешь...

На Дону Рубрук попадает в русское селение, жители которого переправляют на лодках путешественников в Орду. У Батыя моментально находятся переводчики, которые переводят письмо короля с латинского на... персидский, татарский и славянский [34]. Там же Рубрук видит христианское богослужение, но его попытки вести дискуссии о латинском каноне тут же натываются на неприятие.

Каракорум: «О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно. Там имеются два квартала: один — сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов. Другой квартал — китайцев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся 12 храмов различных народов, 2 мечети, в которых провозглашают закон Мухаммада, и христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот: у восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится, у западных продают баранов и коз, у южных — быков и повозки, у северных — коней».

Во-первых, эти строки начисто опровергают «официальную» точку зрения на Каракорум как на кочевой город, якобы состоявший из множества юрт и повозок. Прямо упоминаются стены, церкви и дворцы, недвусмысленно говорится, что ханский двор и послы находятся там «постоянно».

Во-вторых, никаких таких «монголов» и близко нет. Каракорум — столица оседлого народа. Правда, далее Рубрук вскользь упоминает, что поблизости есть и кочевники. Но они ни над кем не властвуют, никем не управляют, ведут себя так, как испокон веков и принято у кочевников: время от времени приходят к городским воротам, чтобы продать немного скота и купить себе необходимые в хозяйстве вещи.

В-третьих, пшено — это просо. Просо сеют как раз русские и тюрки...

В-четвертых, «китайцы» — это, несомненно, русские (вспомните значение слова «Китай» в XIII в. и во времена Афанасия Никитина!).

Вот какие диковины встречаются в ханском дворце:

«При входе в него мастер Вильгельм Парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находилось четыре серебряных льва, имевших внутри трубы, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки, отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой — каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей бал, то есть напиток из меда, из четвертой рисовое пиво, именуемое террацино. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. А на дереве ветки, листья и груши

серебряные...»

Обратите внимание: мед. Значит, где-то поблизости и пасеки. Вернее, не «пасеки» в нашем понимании (каких тогда еще не было), а «борти» — лесные ульи пчел, устроенные ими в дуплах, откуда и добывали мед славяне.

Неужели это серебряное дерево, столь сложный механизм парижской работы (подобными, кстати, увлекались первые русские цари), таскали следом за ханом на тряских повозках?

Конечно, нет. Каракорум — не кочевье, а самый настоящий город. Вот и описание ханского дворца, ничуть не похожего на юрту:

«И дворец этот напоминает церковь, имея в середине неф, и две боковые стороны его отделены рядами колонн, во дворце три двери, обращенные к югу... Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все его могут видеть. К его престолу ведут две лестницы, по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается... сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого — женщины... Рядом с колоннами, у правого бока, находятся возвышенные сиденья, наподобие балкона, на которых сидит сын и братья хана. На левой стороне сделано так же, там сидят его жены и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он...»

Ну конечно, настоящий дворец — колонны, балконы... Если не считать того, что о «женах» хана упоминается во множественном числе, описание это ничуть не отличается от описания какого-нибудь русского дворца. Серебряное дерево (у Ивана Грозного — рычащие серебряные львы), «хан», сидящий на «престоле» высоко над всеми, женщины по одну сторону, мужчины по другую — именно так, как мы видим на русских рисунках XVI века...

Даже если это и не русские, а заволжские татары или какой-то другой оседлый народ — в любом случае не найти ничего похожего на «монгольское кочевье».

Частенько упоминается, что в Каракоруме жило большое количество русских ремесленников, что его охрану несли русские воины. Даже русских огородников туда переселяли.

Все это лишний раз доказывает, что Каракорум располагался не так уж и далеко от Руси. Глупо думать, что «пленных ремесленников» гнали до Китая, на расстояние больше пяти тысяч километров. Мировая история просто не знает подобных примеров — разве что австралийские каторжники, но это совсем другая история...

Есть документ, написанный примерно в то же время, что и отчет Рубрука, — комментарии к «Анналам Бертонского монастыря». Так вот, среди других титулов Чингисхана, приводимых там, есть и такой: Cescarcarus.

Наиболее правдоподобный его перевод на русский — «Кесарь-Царь». Если есть другие толкования, интересно будет послушать...

Не в пример меньше доверия вызывает так называемая «Хроника Плано Карпини», написанная францисканским монахом, посланным к «татарам» папой Иннокентием IV.

Путешествие Карпини по Руси как раз изобилует верными деталями.

Посольство попыталось уговорить князя Василько Волынского, брата Даниила Галицкого, вернуть свои земли под власть «латинского закона» — но безуспешно. Что ж, вполне отвечает реалиям того времени... Киев по Карпини — «бедный городок», где насчитывается не более двухсот домов — так и должно быть после всех предыдущих бедствий. Властвует в Киеве, конечно же, отец Александра Невского Ярослав Всеволодович, но сам он в Киеве не живет, управляет городом тот самый тысяцкий Дмитрий, что, как мы помним, был «обласкан» «Батыем» [35].

«Татары», по Карпини, в своих походах доходят до страны «самоедов» и Ледовитого океана.

«Татары» в те места никогда не забирались, а вот русские как раз ходили туда частенько...

Описание ставки «Батыя» у Карпини напоминает как книгу Рубрука, так и быт русских царей более позднего времени: «Батый живет великолепно, у него привратники и всякие чиновники, как у императора, и сидит он на высоком месте, как будто на престоле, с одной из своих жен». Вновь мужчины сидят справа, женщины слева, в точности, как у русских, «татары» «в собрании не пьют иначе, как при звуке песен или струнных инструментов». Кстати, и престол, и золотую печать для хана изготовил «золотых дел мастер Козьма».

А вот дальше начинается полет буйной фантазии...

В войске Батыя — 600 000 человек («150 000 татар, 450 000 других неверных и христиан») [36].

«Владея огромными стадами овец и баранов, „варвары“ от чрезмерной скупости редко едят здоровую скотину, а более хворую или просто падаль».

Полнейший вздор. Ни у одного кочевого народа столь дурацкой «скупости», заставляющей их есть падаль, не отмечено...

«Употребляют в пищу не только лошадей, но и собак, волков, лисиц, а по нужде даже человеческое мясо».

Полнейший вздор — лисье мясо повсеместно в Азии издавна считалось ядовитым, поймав на охоте лисицу и содрав шкуру, тушку не отдавали даже собакам, а зарывали в землю. Быть может, и ели собак с волками — но только в голодные годы, при массовом падеже скота. Ну, а насчет употребления в пищу человечины или заявления «Свирепость их простирается до того, что иногда сосут кровь пойманного врага» — обычные байки. Соседи татар отчего-то ни разу не упоминают о их людоедстве или кровопийстве — одни лишь западноевропейские источники [37].

И завершает свои побасенки Карпини... рассказом о ужасной «магнитной горе», якобы состоящей из алмазов, обладающих магнитными свойствами, возвышающейся где-то на землях «монголов». Что автоматически переводит его записки в разряд откровенных баек.

Вообще, книга Карпини — это поэма в прозе! Это песня!

Вот географическое положение «татар», по Карпини: «...с востока же от них расположена земля китайцев... с севера земля Татар окружена океаном».

Никакая это не Монголия! Китайцы на востоке и океан на севере — это никак не может оказаться Монголия!

Вот какие земли, по Карпини, завоевал Чингиз: «...другого своего сына он

послал с войском против Индов, и он покорила Индию; это черные Сарацины, которые зовутся Эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в большой Индии».

Вновь и вновь перед нами — обрывки какой-то другой системы исторических знаний. Когда это Чингиз-хан, монгол, завоевывал *черных эфиопов*? И что это за большая Индия, где живут *христиане*!

«Татары нашли каких-то чудовищ, имевших женский облик. И, когда через многих толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, какие только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий. И, пока они затягивали пребывание в выше названной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужичны бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И после частого повторения этого на них образовался густой лед, затем они в сильном натиске сошлись для боя с татарами. А те часто метали в них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов.

И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: «Твой отец или брат был убит собаками», женщин же их, которых они взяли в плен, татары отвели в свою страну».

Комментариев не будет. Как и к другому столь же обширному отрывку — давайте уж цитировать наши «ценные источники» по-настоящему обильно, не выхватывая редкие фразы!

«Люди, заключенные среди Каспийских гор (именно там, где высится описанная Карпини „адамантовая скала“, притянувшая к себе оружие и все железо татар. — **А. Б.**), услышав, как гласит предание, крик войска, начали ломать гору, и, когда татары возвращались туда в другое время, десять лет спустя, они нашли гору сломанной, но, когда татары пытались подойти к людям, они отнюдь не могли этого, так как перед ними было распростерто некое облако, за которое они никоим образом не могли пройти, потому что совершенно теряли зрение, как только доходили до него...»

«...город, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских Аланов и других, а также Сарацинов. Сарацинам же принадлежала и власть над городом».

Вот так. Хазары вовсе не исчезали с исторической арены, и они — христиане...

«Выйдя оттуда, они (татары. — **А.Б.**) пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам, у которых, как нам говорят, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают, но если они что-нибудь едят, то очень мало».

«Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них

была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собаки; и таким образом, в промежутке разговора они вставляли лай».

«Нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик; но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так быстро, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и на ноге, так сказать, вертясь кругом...»

Есть люди, которые книге Карпини верят. Называются эти люди — историки.

«Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов... у этой земли был владыка, которого звали Антисолданус, он был умерщвлен Татарами вместе со всем потомством... с юга же примыкают к ней Иерусалим, Балдах и другие города... с севера же примыкает к ней часть земли черных Китаев и Океан...»

Час от часу не легче! Описанная Карпини «земля Биссерминов», объясняют нам историки, это — Хорезм! Вот только как выходит, что с юга к Хорезму (примерно нынешний Узбекистан) примыкает Иерусалим, а с севера — океан?!

Такова уж у историков узкая специализация. Один составляет примечание к одной главе, другой — к другой. Друг друга они, похоже, не читают...

А вот еще из Карпини — о том, как питаются татары, слопав в округе всех лисиц: «...в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих татар вышли все съестные припасы, так что у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек».

Ну да, историки нам объясняли, что у «татаро-монголов» дисциплина в войске была железная. Так и стоит перед глазами эта картина: в безукоризненном порядке выстроилось войско, и бравый темник командует: «По порядку номеров становись! На съедение — рассчитайся! Девятый, десятый... Гуррагча, шаг вперед! В котел — шагом марш!»

И дисциплинированный Гуррагча четко отбивает шаг в направлении приготовившихся к работе поваров. Темник, одобрительно кивая, все же орет вслед: «Да сапоги сними, деревня! Все варево испортишь!»

Вот еще о писании: «Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: „Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?“».

Нечто подобное писал о «татарах» в своей «Великой хронике» в 1240 г. Матфей Парижский: «Они люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами следует называть их, а не людьми, ибо они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают его... Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду».

Комментариев не будет. Замечу лишь, что подобный «творческий подход» применялся не против одних лишь татар. Посмотрите, как лихо «припечатывает» всех и всяческих иностранцев французский ученый книжник Жан Ле Бувье в своей «Книге описания стран», вышедшей примерно в 1450 г.: «Англичане жестоки и кровожадны, к тому же они скупые торговцы; швейцарцы жестоки и

грубы; скандинавы и поляки вспыльчивы и злы; сицилийцы очень ревнивы по отношению к своим женам; неаполитанцы толсты и грубы, плохие католики и великие грешники; кастильцы яростны, плохо одеты, обуты, спят на плохих постелях и плохие католики». Потрясающая широта обобщений...

Гораздо более верные сведения об «Орде» дают итальянцы. Сведения, которые заставляют задуматься...

А. Альфиерн, чья рукопись издана в Генуе в 1421 г., уверял, что в «землях татар» живут... белые медведи! А его книга к тому же проиллюстрирована рисунками типично русских телег.

К этому труду примыкают заметки венгерского монаха Иоганки. Означенный Иоганка рисует «ордынские земли» так:

«Страна Сибур, окруженная Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой...»

Совершенно реалистические описания северных земель: белые медведи, суровые зимы, ездовые собаки... Но помилуйте, при чем тут «ордынцы»? Никто и никогда не набирался смелости утверждать, что «монголо-татары» доходили до Северного Ледовитого океана... Это русские земли!

И верно. Дальше сам Иоганка сообщает, что в «стране Сибур» живут, проповедуя свою веру, «русские клирики»...

А теперь слово «ценному источнику» Рубруку.

«Мы прибыли в область Газзарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона, где был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими.

«Керсона» — это Херсонес. Но еще Н. А. Морозов заметил: Рубрук никак не мог «плыть перед этим городом», потому что он расположен далеко от моря за лиманом на реке Днепре. Святой Климент был замучен не в Херсонесе Таврическом, а во Фракийском Херсонесе у Дарданелльского пролива. Нет никакого «острова со знаменитым храмом».

«Выше этого устья (т.е. Азовского пролива. — **А.Б.**) находится Зикия, которая не повинуется татарам».

В первом издании было черным по белому написано вместо «Зикии» — «Скифия». Но в те времена Скифия, расположенная на месте нынешней Украины, просто должна была повиноваться татарам! И вот в поздних изданиях «Скифию» перекрестили в загадочную «Зикию», не известную даже «фундаменталистам».

«Затем к югу находится Трапезунда, которая имеет собственного государя по имени Гвидо, принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется татарам».

«Гвидо», т. е. Андроник Гид, **никогда** не был вассалом татар!

«Синополь принадлежит султану Турции».

Во времена Рубрука не должно быть никаких турецких султанов! Лишь в 1288 г. Осман **первым** принял титул султана! А Рубрук, согласно «фундаменталистам», скончался в... 1270 г.!

«На море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдаией (Су дак. — *А. Б.*) существует сорок замков; почти каждый из *них* имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий».

Ну вот, и готы никуда не исчезли...

«Я спросил также о городе Талас, в котором были Немцы, рабы Бури...»

Город Талас расположен в одноименной долине в Казахстане. Как там оказались немцы? Тайна сия велика есть...

«...они (татары) давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого».

Оказывается, татары родом из Венгрии, а не из монгольских степей.

«О Турции знайте, что там из десяти человек один не сарацин, а все это — армяне и греки, и дети вла ствуют над этим краем. Именно у султана, побежденного татарами, была законная жена из Иверии...»

И вновь — никак не XIII век, описывается гораздо более позднее время!

Наконец, «авторитетнейший и беспристрастнейший» свидетель, много лет проживший в Китае и сам видевший «монгольских ханов» — мессир Марко Поло...

Якобы семнадцать лет проживший в Китае (1275—1292).

Я смело употребляю слово «якобы», поскольку в последнее время практически одновременно и в России, и на Западе серьезные ученые пристальнейшим образом изучили труды «первопроходца», после чего схватились за головы и поделились своим ошеломлением со всем остальным миром...

Оказывается, по какой-то странной причине Марко Поло ни разу не привел ни одного собственно китайского имени — только тюркские и персидские.

Оказывается, человек, якобы проживший в Китае семнадцать лет, ни словом не упоминает:

1. О китайском чае.
2. О китайских иероглифах.
3. Об уникальном китайском обычае бинтования ног женщинам.
4. О книгопечатании.

Современный комментатор чешет в затылке: «Возникает впечатление, что в Китае Марко Поло общался в основном с иностранцами». А также в жизни не пробовал чая, не видел иероглифов и печатных книг...

Френсис Вуд, директор Китайского департамента Национальной британской библиотеки: «Он доехал только до Константинополя, а затем скрылся в окрестностях Генуи, где и описал свои вымышленные путешествия».

Это симптоматично перекликается с тем, что писал первый биограф Марко Поло, живший в XVI в. в Венеции: «Его книга, содержащая бесчисленные, ошибки и неточности, в течение долгих лет рассматривалась как баснословный рассказ, преобладало мнение, что названия городов и стран, которые в ней приведены, все выдуманы и являются воображаемыми, не имеющими под собой никакой реальной основы, или, другими словами, они являются чистым вымыслом».

Российские исследователи Носовский и Фоменко пошли дальше. И обнаружили массу других загадок.

Во-первых, неизвестен даже язык, на котором была впервые написана книга Марко Поло. Первое ее печатное издание появилось в 1477 отчего-то не в Италии на итальянском, а в Германии на немецком.

Во-вторых, в XVI веке, когда впервые заинтересовались биографией Марко Поло, никаких его следов в Италии обнаружить не удалось. Считается, что знатный род, из которого происходил Поло, «исчез к XV веку».

В-третьих, Марко Поло, есть такая вероятность, не Марко Поло вовсе — а поляк по имени Марк. Те, кто выдвинул эту версию, опираются на портрет Поло из первого издания его книги, под которым стоит следующая подпись: *Das ist der edel Ritter, Marcho polo von Venedig*.

То есть — «благородный рыцарь, Марк поляк фон Венедиг». Слово «поло» написано с маленькой буквы. То ли Марк из Венеции, то ли Марк из Венедии — западноевропейской славянской области...

Вот этому лично я верю вполне. У поляков есть удивительная способность обнаруживаться в самых неожиданных местах [38]. Один польский летчик (я пишу о реальном случае), ненароком застряв в только что образовавшемся государстве Пакистан после окончания второй мировой войны, совершенно случайно стал... организатором и первым командующим ВВС Пакистана (не было под рукой других специалистов). Похоронен в персональном склепе, в звании Главного маршала авиации Пакистана и кавалера всех высших пакистанских орденов. Другой случай. В начале 70-х гг., если кто помнит, область Биафра пыталась отделиться от Нигерии и провозгласить себя самостоятельной державой. У мятежников был единственный самолет, с грехом пополам приспособленный для бомбометания. Летал на нем тип, чье происхождение ясно из его прозвища — Чокнутый Поляк...

Наши тоже не подкачали. В 1848 г. восстание индейцев в Калифорнии возглавил некий Прохор Егоров. В конце XIX в. некий одессит Малыгин стал вождем индонезийской повстанческой армии, боровшейся против голландских колонизаторов. А в 1934 г. бывшие офицеры белой гвардии, в немалом количестве осевшие в Парагвае, как раз и обеспечили победу в парагвайско-боливийской войне, командуя дивизиями, полками и ротами [39].

Ну, а если серьезно — сегодня накопилось достаточно веских аргументов, позволяющих уверенно говорить, что Марко Поло, он же, не исключено, Марк Поляк, в Китае не был вовсе...

Где же он был? Неужели так и просидел в Константинополе, как уверена г-жа Вуд?

Быть может, и нет. В книге Носовского и Фоменко «Империя» подробно и убедительно доказывается, что Марко Поло как раз и путешествовал по Золотой Орде, но Ордой этой была Русь...

По недостатку места не могу привести здесь эти убедительные и многочисленные доказательства, отсылаю любопытного читателя к книге «Империя». Однако не в силах удержаться, чтобы не воспроизвести одну из иллюстраций к первым изданиям книги Марко Поло.

Как указано, она изображает «ханский дворец в столице монгольской империи Ханбалыке» (считается, что Ханбалык — это якобы и есть Пекин (*Рис. 15*)

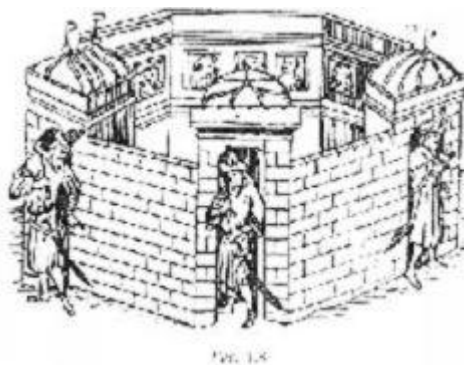

Рисунок 15.

Что здесь «монгольского» и что — «китайского»? Вновь, как и в случае с гробницей Генриха II, перед нами — люди скорее славянского облика. Русские кафтаны, стрелецкие колпаки, те же окладистые бороды, те же характерные лезвия сабель под названием «елмань». Крыша слева — практически точная копия крыш старорусских теремов...

Так где был Марко Поло, и кого он описал под видом Золотой Орды?

Обязательно нужно упомянуть, что книга Марко Поло о его путешествиях известна нам, согласно устоявшейся версии, не в его собственной рукописи, а в записях, сделанных неким венецианцем Рустичиано. Когда Марко Поло сидел в геноузской тюрьме (историки, как ни бились, так и не выдвинули мало-мальски убедительной гипотезы, объяснявшей бы, почему «известного путешественника», «посла» и «потомка знатного рода» по возвращении в Италию в 1298 г. вдруг упрятали за решетку) [40] , Рустичиано-де старательно записал его рассказы (а сам «знатный посол» писать не умел?! И потом, что это за тюрьма, где заключенных снабжают стопой бумаги и чернилами в немалых количествах?) — и после освобождения стал распространять книгу.

Между прочим, сплошь и рядом Марко Поло... упоминает о себе в третьем лице: «...сеньор Марко Поло отправился... Марко Поло видел...»

Остается добавить, что, по данным того времени, Рустичиано пользовался самой скверной репутацией мошенника и фальсификатора.

И, наконец, не столь уж сложные и совсем недолгие поиски позволяют найти документы, послужившие для Поло (или, что вернее, Рустичиано) тем бесценным источником, откуда черпались «личные впечатления»!

В 1290 г. папа римский Николай IV послал на Восток священника Джованни Монтекорвино (в отличие от Марко Поло насквозь реальную личность). Монтекорвино тринадцать месяцев прожил в Индии, на Коромандельском берегу, в общине тамошних христиан, последователей св. Фомы. В отличие от Поло, падре Джованни и не пытался рассказывать байки о «Китае» — зато отправил в Рим обширный доклад, по словам современных комментаторов-исследователей, представлявший собой прямо-таки прорыв в изучении географии. Впервые вместо слухов и откровенных сказок в Европу поступила точная информация.

Монтекорвино впервые поведал Европе, что в Индии Полярная звезда едва-едва видна над горизонтом, а в южной части небосвода горит совсем другая «полярная звезда». Впервые сообщил о равнинности Индии, о сухости ее климата,

о разнообразии растительности, о пряностях (перец, имбирь, красящее дерево «берзи», коричные деревья), о меняющих в течение года свое направление ветрах-муссонах.

Практически **все** эти сведения вошли позже в «книгу Марко Поло»!

Которая четко распадается на три части:

1. Весьма достоверные записки о Руси-Татарии и Восточной Европе.
2. Материалы об Индии, явно заимствованные из послания Монтекорвино.

3. Тогдашнюю «научную фантастику» — собрание завлекательных сказок вроде легенды о топившей корабли камнями исполинской птице Рух или невероятном, невообразимом множестве островов в Индийском океане (которых, если верить «Поло», насчитывается... 12 700!)

Другими словами, то ли Рустичиано, то ли кто-то еще собрал старательно самые разные материалы, от расхожих сказок до отчетов реальных странников, кое-как объединил общим сюжетом и фигурой Марко Поло — и «путевые записки» отправились гулять по миру...

Необходимо подчеркнуть, что даже эти самые «сказки» являются порой ценнейшим материалом, откуда можно почерпнуть немало полезного. Например, мы получаем дополнительный аргумент в пользу утверждения, что термин «Индия» никогда не привязывался к конкретной стране, а «кочевал» по всему известному тогда миру. «Индий» было несколько!

В XIII в. их насчитывалось целых три. «Средняя Индия», или «Абасия» — это территория современных Судана и Эфиопии. «Великая Индия» — это и есть Индия нынешняя. «Малая Индия» — это Индокитай.

Впоследствии термины меняются. На так называемой «Круглой карте Фра Мауро», составленной в 1457—1459 гг., «Первая Индия» — район, примерно соответствующий современным Афганистану и Пакистану, «Вторая Индия» — Индия нынешняя, «Третья Индия» — опять-таки Индокитай. Наглядно можно судить, как «кочевало» по карте слово «Индия», кочевало долго, несколько столетий, пока из многочисленных Индий не осталась только одна...

После этого уже не видишь ничего удивительного в том, что на Меровингской карте (720 г.), составленной французскими монахами и английской Герефордской карте (1260 г.) «Индия» расположена как раз по соседству с землями, где обитают русские...

Кстати говоря, о картах. Английский комментатор Марко Поло Генри Юль, пытавшийся составить в 1875 г. карту «Мир по представлениям Марко Поло», как ни бился, как ни старался — а город Каракорум у него все-таки «уехал» и из Северного Китая, и из Монголии, оказавшись далеко от них, где-то возле гор.

Есть «Каталонская карта мира». Под этим названием понимается не одна карта, а целый географический атлас, составленный в 1375—1377 по поручению португальского наследного принца Жуана, отца знаменитого впоследствии короля Энрике Мореплавателя.

На одной из карт этого атласа присутствует и город Карахора. Расположенный далеко за пределами Индии, Китая и Монголии, опять-таки возле гор. Не нужно особенно напрягаться, не нужно заниматься натяжками, чтобы отождествить Карахора с Каракорумом, располагавшемся, никаких сомнений, где-то неподалеку от русских рубежей...

И напоследок, чтобы повеселить читателя, быть может, слегка заскучавшего от сухости изложения, приведу несколько отрывков из книги Марко Поло, посвященных его впечатлениям от Китая и прилегающих земель.

Вот что Марко Поло пишет о России: «Страна это не торговая. Страна большая, до самого моря-океана, и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы...»

Русские к тому времени занимались торговлей с сопредельными странами лет триста — а в Северном Ледовитом океане, разумеется, нет никаких «островов с кречетами». Да и на более теплых морях, примыкающих к русским областям с юга, никакие кречеты на островах не водились — за полным отсутствием таковых островов...

Так был ли Марко в России вообще?

О странствиях по пустыне. «Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах и словно на барабане».

О том, как работают придворные метеорологи монгольского хана Хубилая: «Чуть не забыл рассказать вам о чуде. Когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет».

О том, какие расторопные официанты у хана Хубилая: «Бакши (знахари — **А.Б.**), о которых я вам рассказывал, по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко, и другие хорошие пития. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану; а никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это: истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии сведущие скажут вам, что дело то возможное».

О местном способе варить яйца: «Здесь, скажу я вам, очень жарко; солнце палит так, что еле-еле вытерпишь; опустишь яйцо в реку, не успеешь отойти, оно сварилось».

О птице Рух, она же гриф: «Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, и только, говорят, чрезвычайно большой. Схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им».

О том, как добывают алмазы. В горные расщелины и глубокие пропасти, куда человеку не дают проникнуть ядовитые змеи, бросают куски сырого мяса, к которым прилипают драгоценные камни. «В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей; завидит орел мясо в глубокой долине, спустится туда, схватит его и потащит в другое место, а люди меж тем пристально смотрят, куда

орел полетел; и как только он усядется и станет клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим еще способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, когда вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем».

«В Маабаре есть чародеи, что заколдовывают рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом». «Жители острова Скотра — искусные чародеи, повелевающие бурями и ураганами».

Давайте-ка пройдемся по книге Марко Поло подробнее, еще подробнее!

Издание 1955 г., которое сейчас лежит передо мной, скрывает изображение мрачного бородатого субъекта, подпись под коим гласит: «Портрет XVII века, находящийся в галерее Бадиа в Риме».

Вот так, с первой страницы, начинаются мягкие, ненавязчивые шуточки. **Портрет**, нарисованный через триста лет после смерти изображенного на нем человека?! Воля ваша, это как-то по-другому называется. Уж никак не «портрет»...

Шуточки продолжаются: отец нашего Марко, вернувшись домой после **девятнадцати** лет отсутствия, обнаружил у себя дома прыткого **двенадцатилетнего** мальчугана... Ну что же, случается. Не только в Италии. Главное, папа сыночка моментально признал своим, и они двинулись странствовать уже втроем — Поло-папа, Поло-сын, Поло-дядя-Марко. Для начала по поручению «великого китайского хана» принесли ему масла из лампы, что в Иерусалиме. «Великий китайский хан» ведь, надобно вам знать — добрый христианин (а потому вряд ли обитает в монгольских степях или китайских пагодах).

«Есть здесь женский монастырь св. Леонарда, и творится в нем вот какое чудо: есть там большое озеро, куда вода набирается с гор; возле стоит церковь св. Леонарда. В воде той, что с гор набирается, нет ни малой, ни большой рыбы; как настанет первый день поста и во весь пост до святой субботы, до заутрени Пасхи, во все это время рыбы много, а в другое время рыбы нет».

«А море... называется Глевешелан... Евфрат и много других рек текут сюда».

Согласно комментариям традиционалистов, Глевешелан — это Каспий. Но Евфрат не впадает в Каспийское море!

О равнине у города Комади и разбойниках каранах: «Когда они задумают напасть на страну и разграбить ее, от их наговоров и дьявольских наваждений среди дня делается мрак, вдали ничего не видно; и темь эту нагоняют на семь дней. Места они знают хорошо; нагнав темноту, едут рядом; бывает их тут до десяти тысяч, иногда больше, иной раз меньше...»

«Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром; и во все время нет ни жилья, ни травы, еду нужно нести с собою. Птиц тут нет от того, что высоко и холодно».

Это на Памире-то нет птиц? Ну и дела... Врите другим!

Порою нашего Марко охватывает та же неукротимая гигантомания,

свойственная славным историкам «античности».

«В этот день, знайте, дарят великому хану более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч слонов...»

«Набрал великий хан двенадцать тысяч баронов...»

«Есть у великого хана два князя, родные братья... называют их кунчии, что значит смотрители собак... у каждого под началом десять тысяч человек... у каждого под присмотром по одной, по две или более собак... когда великий хан едет на охоту, по одну его сторону едет один брат со своими десятью тысячами ловчих и со своими пятью тысячами собак, а по другую — другой со своими десятью тысячами и со своими собаками... и всякого зверя отлавливают».

А, по моему глубокому убеждению, от такой оравы на десять верст вокруг разбежалось бы все зверье...

«Берет хан с собою десять тысяч сокольников, да пятьсот кречетов... добрых десять тысяч человек с ним, расставляет он их парами, называются они тоскаор, а по-нашему сторож...»

«Ездит великий хан всегда в прекрасном деревянном покое, на четырех слонах... а палатка у него вот такая: в той, где бывают собрания, поместится тысяча всадников...»

Проституток в стольном граде Ханбалыке, между прочим, по Марко — двадцать тысяч.

Станции конной почты для гонцов: «... на этих всех станциях, знайте по правде, более двухсот тысяч лошадей готовы для гонцов, а дворцов, скажу вам, более десяти тысяч...»

Город Синги (в традиционной истории — Сучжоу : «В этом городе, скажу вам по правде, добрых шесть тысяч каменных мостов, а под мостом пройдет не одна, а две галеры.

Город Манги: «В этом городе дворец прежнего царя Манги... вот он каков: в округе около десяти миль, обнесен высокими зубчатыми стенами... двадцать там больших и одинаковых зал, а велики они так, что десять тысяч человек могут тут пообедать за одним столом... всех домов, значит, миллион шестьсот тысяч...»

Область Синда-фу (якобы современный Чэнду): «...много тут диких зверей: львов, медведей...»

Львы — в Китае?! Кстати, медведи и львы **никогда** не живут бок о бок!

Область Карашан (якобы современный Караджан): «...водятся тут большие ужи и превеликие змеи... вот они какие, толстые да жирные: иной, поистине, в длину десять шагов, а в обхват десять пядей... то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лап нет, а есть только когти, как у сокола или у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, что сразу человека может проглотить... Как только охотники изловят змея, тотчас же выпускают из брюха желчь, а желчь эта, знайте, прекрасное лекарство. Кого укусит бешеная собака, тому дают попить немножко, весом с денарий, и он тотчас вылечивается; да коль женщина мучится в родах, и кричит, дают ей немного от той змеиной желчи, тотчас ей полегчает, и она рождает, в-третьих, если у кого чесотка, ее приложат немножко той желчи, через несколько дней она проходит... змей этот кормиться ходит туда, где львы, медведи и другие хищники плодятся, и жрет там больших и малых...»

Город Бангала (Бенгал): «Водятся тут быки со слона, только они не так толсты».

Область Каигуи (якобы Гуйчжоу): «Львов тут так много, что никто не отваживается спать ночью не в доме, оттого что львы его съедят. Скажу вам еще, когда кто плывет по реке и на ночь остановится, да заснет не очень далеко от берега, так лев доберется до лодки, схватит человека, убежит, да и сожрет его».

А вот как странствующая троица Поло помогла великому хану взять помянутый город Манги: «Были у братьев (повсюду Марко пишет о себе и родичах в третьем лице. — **А.Б.**) в услугах немец да христианин-несторианин — хорошие мастера. Приказали им братья построить две-три такие машины, чтобы бросали камни в триста фунтов... ударился камень в дом, рушит и ломает все, наделал шуму страшного...»

Это братья Поло на ночь, не иначе, начитались К. Носова и его любимых «античных» сказочников...

«Много и больших, хищных львов» — в китайском городе Фуцзянь! Дались Марко эти львы!

«В городе три прекрасных, самых лучших на свете моста: в длину они с милю, а в ширину девять шагов; они каменные, с мраморными столбами».

А под мостами, должно быть — львы, львы, так и кишат!

Тьфу ты, дошутился! Читаем дальше — «Дичины здесь много, и есть большие, хищные львы...»

Остров Чипагу (якобы Япония): «Золота, скажу вам, у них великое обилие, чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда».

Это в Японии-то золотые рудники?!

Впрочем, касаясь Японии Марко Поло не успел нагромоздить особенных баснословий. Разве что поведал очередную «правдивую» историю про то, как японцы ни за что не могли убить восьмерых вторгшихся в Японию монголов, от того, что у монголов в руке, меж мясом и кожей, катились заколдованные камни, обеспечивающие неуязвимость. Однако какой-то сообразительный японец это углядел и додумался отчего-то моментально: обладателя такого камня можно убить чем угодно, только не железом. Ну, двинули по голове деревянной дубиной, помер монгол, несмотря на наговорный камень, а за ним и прочие семеро...

Так себе историйка. Для Марко Поло не особенно и заковыристая, он нам и не такое выдавал...

А вот остров Пуло-Кондор: «Много тут растет **бразильского** дерева...»

Это что за сюрпризы? Откуда взялось **бразильское** дерево в Юго-Восточной Азии в XIII веке? Но подождите: и в «царстве Лабрин», которое современные историки считают располагавшимся на Суматре Лямури... растет бразильское дерево! «Бразильское дерево, скажу вам, они сеют... семена эти, скажу вам по истинной правде, привезли мы в Венецию и посеяли их, да от холоду ничего не родилось...»

Ага! А единороги по дороге померли от простуды, и трехглавого дракона пришлось съесть в калмыцких степях за неимением провианта, а пленный песьеглавец ночью развязался и убежал...

Для справки: Бразилия получила свое название после 1500 года от Р.Х. — как раз от португальского слова «браз» — «раскаленные угли». Там и в самом деле

растет фернамбуковое, или «бразильское» дерево — но в каком же тогда столетии жил-творил Марко Поло, и какие страны он описывал?!

Ну вот, снова дошутился! Это не у меня песьеглавцы, а у Марко Поло! Остров Ангаман (якобы Андаман): «...знайте, по истинной правде, у всех здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи, у всех у них головы как у большой собаки... злые тут люди, иноземцев, коль поймают, съедают».

Остров Скатра (Сокотра): «А христиане, как хотят, так и колдуют. Всякое дело делают колдовством, много дел делают, почти все, что пожелают...»

«Слонов тут плодится много, и слоновьими зубами торгуют шибко. Есть у них особенные львы, совсем не такие, как другие, много медведей, леопарды также родятся тут. Водится тут много жирафов...»

Это — якобы об острове Занзибар: львы, леопарды, медведи, жирафы, слоны...

И в Абиссинии — львы, леопарды бок о бок с медведями... А в Адене — овцы вообще без ушей, там, где полагается быть ушным раковинам, у них — гладкое место и рожки...

Есть люди, которые верят книге Марко Поло и видят в ней «ценный исторический источник». Называются эти люди... а впрочем, вы знаете.

Узнаете источник, послуживший «правдивому очевидцу»? Да это же «Тысяча и одна ночь», рассказы Синдбада-морехода!

Разница только в том, что сказочного Синдбада никто не пытался произвести в «великие географы», сочинить ему убедительную биографию и в качестве реальной личности внести в энциклопедии...

Интересное свидетельство дают два американских автора капитального труда по истории географических идей: «Он (Марко Поло. — **А.Б.**) ничего не говорит о своем отношении к географическим представлениям предшествующих времен. Нам теперь ясно, что его книга принадлежит к числу тех, в которых повествуется о великих географических открытиях. Но в средневековой Европе она воспринималась как одна из многочисленных и заурядных книг того времени, заполненных самыми невероятными, но интересными историями».

Быть может, у средневековых европейцев попросту было больше здравого смысла и критического подхода к фантастическим романам с географической канвой, нежели у иных современных ученых?

ПРАВДА ЛИ, ЧТО МОНГОЛЫ ЗАВОЕВАЛИ КИТАЙ?

Впрочем, вопрос поставлен неверно. Его безусловно следует расширить и довести до логического конца: правда ли, что в 1237 г. вообще существовало китайское государство?

Именно так. Представляю, какое смятение чувств может вызвать такая постановка вопроса у читателя, привыкшего бездумно повторять почерпнутые из учебников сведения о «четырёхтысячелетней» истории Китая. Якобы самого древнего государства на Земле.

Для затравки — простой вопрос: как вообще могло получиться, чтобы дикие кочевники, едва-едва сведенные Чингизом в боеспособную армию, захватили

«одно из самых старых на Земле» государств? Государство, где знали порох, боевые ракеты, где на вооружении, если верить иным историкам, состояли мощные зажигательные и осколочные снаряды, «выжигавшие все вокруг на 60 шагов»? Не забывайте: монголы, вторгаясь в Китай, еще не успели «позаимствовать» у китайцев стенобитные и камнеметные машины. Обходились стрелами и саблями. Как же им удалось сокрушить огромные, укрепленные города?

В реальности, такое впечатление, не существовало ни «монгольских полчищ», ни «китайских городов»...

Еще Н. А. Морозов в 6-м томе своего труда «Христос» занялся скрупулезной проверкой «древнейших» китайских астрономических хроник, якобы бравших начало в 2650 г. до нашей эры.

Выяснились любопытнейшие вещи. У китайцев, оказалось, нет документов, написанных ранее XVI века нашей эры. Более того, у них нет описаний астрономических инструментов, а на территории Китая не отыскалось следов древних обсерваторий. Впервые китайские списки появления комет опубликованы европейцами в XVIII-XIX веках, эти списки носят явные следы переписывания друг из друга и, как указывал Морозов, дополнения их самими европейцами — то есть, европейские ученые пополняли китайские источники европейскими материалами, «подгоняя задачу под ответ»...

Далее. «Древние и подробные» китайские списки солнечных затмений оказались, мягко говоря... фантазией.

Морозов отметил по поводу одного такого манускрипта, повествовавшего, что затмения якобы наблюдались в Китае в 992, 994, 998, 999, 1002, 1107 годах: «полных или хотя бы хорошо заметных солнечных затмений с такой частотой на одной и той же территории не бывает».

Примерно так же обстояло и с гороскопами — описаниями расположения звезд на небе, связанных с конкретными датами. Описания таковые довольно легко поддаются расшифровке. Был исследован гороскоп, составленный во времена первого китайского императора Хуан-Ди, якобы жившего около 2637 г. до нашей эры.

Оказалось, что такое положение звезд и планет — равно как и отправная точка введенного на его основе летоисчисления — могли иметь место не ранее... 1323 г. нашей эры! Получается, что ошибка в астрономических датировках отбросила реальную историю Китая на три с половиной тысячи лет назад, в прошлое.

Всем известен «древнейший» 60-летний китайский цикл: пять групп по 12 лет — год Петуха, Собаки, Крысы и т.д. Оказалось, что он основан на периодических сближениях Юпитера и Сатурна, однако существуют определенные расхождения в положении двух планет. Снова проведены скрупулезные расчеты, показавшие, что... цикл этот мог быть принят только в промежутке меж 1204 г. и 1623 г. нашей эры.

Ситуацию усугубила еще и коварная особенность китайских иероглифов: в отличие от европейского алфавита, здесь благодатнейшая почва для недоразумений и ошибок. Прочтение старой иероглифической записи полностью зависит от того, кто ее читает — японец, кореец, северный китаец, южный китаец.

У всех четырех получатся совершенно разные тексты.

Не зря историки грустно констатировали, что в китайских хрониках царят «хаос и бессистемность». К тому же имена написаны не звукам и, а рисунками. Вот и выходит, что «императоры Чжао?Ле?Ди, Вен?Ди и Да?Ди», якобы правившие в один год, — на самом деле Ясно?Пылкий Царь, Литературный Царь и Великий Царь. А имя У?Ди означает... «военный царь». Что больше похоже на длинный список титулов одного человека. В точности как русский царь: «Властелин Великия, и Малыя, и Белыя Руси, царь Казанский и Астраханский...» И нет ничего удивительного в том, что родилась экстравагантная на первый взгляд, однако аргументированная теория: за «древнюю китайскую историю» приняты переведенные некогда на китайский язык европейские хроники. Очень уж поразительное сходство открылось...

В одно и то же время в «древнем Китае» живут хунну, а в Европе — гунны. В Китае — шивеи, или свей, в Европе — свей?шведы. В Китае — «таинственно исчезнувшие» сирби — в Европе сербы. В Китае — «чеши», в Европе — чехи.

Параллели меж Римской империей и Китаем порой удивительны.

Начало III в. нашей эры: Римская империя прекращает свое существование в междоусобных войнах. Настало время «солдатских императоров».

В те же годы в Китае... в междоусобных войнах гибнет империя Хань, «к власти пришли безграмотные, морально разложившиеся солдаты».

Римская империя: в середине III в. н.э. власть в Риме переходит к родственнице императора Каракаллы Юлии Месе, чье правление названо «кровавым». В конце концов ее убивают.

В те же годы в Китае... к власти приходит жена одного из императоров, «энергичная и свирепая». Правит, направо и налево проливая кровь. В конце концов ее убивают.

Начало IV в. н.э.: Римская империя делится на Восточную и Западную. В те же годы в Китае империя Цзинь делится на две части — Восточную и Западную.

Римская империя воюет с гуннами. Китай в те же годы — с хунну.

V в. н.э.: Западная римская империя завоевана германцами и гуннами.

Китайская Западная Лян... завоевана хунну. И в Риме, и в Китае на престоле в это время «очень юный император».

И так далее... Вот что происходило в Китае с 1722 г.:

«Маньчжурские правители образовали особый комитет для составления истории предыдущей династии Мин... Оппозиция не смогла смириться с такой трактовкой истории павшей династии, поэтому появились „частные“ истории Минской династии...

Правители ответили казнями, заключениями в тюрьму, ссылками... Неугодные правительству книги изымались. Между 1774 и 1782 годами изъятия производились 34 раза. С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался 20 лет, для разбора и обработки собранного материала были привлечены 360 человек. Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 были описаны в каталоге. По сути дела, это была грандиозная операция по изъятию книг и не менее грандиозная операция по фальсификации текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все нежелательные места, менялись даже названия

книг». («Всемирная история» в 10 т., подготовленная Академией наук СССР.)

Совсем недавно астрономические расчеты Морозова были проверены с использованием современных ЭВМ группой математиков Московского государственного университета под руководством академика Фоменко. Результаты те же. О том, что происходило на территории Китая ранее 1368 г., нам попросту неизвестно.

«Монгольские полчища», существовавшие лишь на бумаге, завоевали столь же нереальную «державу» — только и всего.

Два года назад вышел толстенный учебник «История Китая» под редакцией А. В. Мелксетова. У меня, честно признаюсь, не хватило терпения одолеть эти семьсот с лишним страниц. Мне лично вполне достаточно пары-другой цитат, весьма примечательных...

«Однако явно не хватает работ обобщающего характера, которые могли бы претендовать на изложение всей истории нашего великого соседа... „История Китая“ — попытка заполнить пустующую нишу».

Нет, все-таки интересно поучается: древних китайских рукописей якобы море разлитое, а обобщающих работ до сих пор не хватает. То есть попросту нет, раз перед нами всего-навсего «попытка заполнить пустующую нишу»? Похоже: «баснословие китайское» еще почище подминавшегося нами «баснословия эллинского».

А впрочем, авторы учебника парой страниц далее с обезоруживающим простодушием объясняют: «Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей династии. Всего таких историй традиционно насчитывается 24. Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно, что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации событий далекого прошлого. В этом случае члены этих комиссий (они все-таки были не просто историками, а чиновниками по ведомству истории!) препарировали в нужном духе исторический материал...»

Этот простодушный цинизм нашей официальной науки меня прямо-таки умиляет! Это как же нужно не уважать своего читателя и студента, которому впариваешь «учебник»? Сначала нам вешают лапшу, будто «высококвалифицированные специалисты» стараются «достаточно объективно изложить исторические события... И вдруг в следующей же фразе выясняется, что сплошь и рядом событиям прошлого давали „иную интерпретацию“! То сеть — переписывали все к чертовой матери вопреки исторической правде... ах, простите! Ну да, „препарировали в нужном духе“ исторический материал... По моему, что совой об пень, что пнем по сове — все едино. То-то до сих пор „не хватает работ обобщающего характера“, а есть лишь „попытки“ заполнить пустующие ниши... Двадцать четыре раза бригады историков-интерпретаторов кроили и резали историю в угоду нынешнему политическому моменту — ничего удивительного, что после таких забав просто невозможно что бы то ни было

„обобщить“...

Авторы учебника, правда, с трогательной наивностью и верой в человечество оговаривают: «Однако это „переписывание“ истории происходило при строгом соблюдении накопленной веками конфуцианской этики и дидактики...»

Позвольте вам не поверить, хорошие мои! Человек — существо несовершенное. Когда император, у которого с одного боку стоят ларцы с золотом, а с другого толпятся хмурые палачи, дает команду переписать историю так, как ему угодно, любая этика, как бы это помягче выразиться... Любая этика, скажем, пребывает в некотором забвении. Мягко говоря. Император повыше какой-то там этики, а если кто с этим не согласен — пожалуйте к хмурым...

Поговорим о Великой Китайской стене — якобы неоспоримом доказательстве древности китайской цивилизации. Построенной, как нас уверяют, для защиты от диких кочевников.

Слово Н. А. Морозову: «Одна мысль о том, что знаменитая Китайская стена вышиною от 6 до 7 метров и толщиной до трех, тянущаяся на три тысячи километров, начата была постройкой еще в 246 году до начала нашей эры императором Ши?Хоангти и была окончена только через 1866 лет, к 1620 году нашей эры, до того нелепа, что может доставить лишь досаду серьезному историку?исследователю. Ведь всякая большая постройка имеет заранее намеченную практическую цель. Кому пришло бы в голову начинать огромную постройку, которая может быть окончена лишь через 2000 лет, а до тех пор будет лишь бесполезным бременем для населения. Да и сохраниться так хорошо Китайская стена могла лишь в том случае, если ей не более нескольких сот лет».

Фоменко дополняет: «Нам скажут — стену ЧИНИЛИ две тысячи лет. Сомнительно. Чинить имеет смысл лишь не очень давнюю военно-оборонительную постройку, иначе она безнадежно устареет и просто развалится... А ведь нам говорят, что Китайская стена как была построена, так и стояла две тысячи лет. Не говорят же, что „современная стена построена недавно на месте древней“. Нет, сегодня мы видим якобы именно ту стену, которую возвели две тысячи лет назад. По нашему мнению, это чрезвычайно странно, если не сказать больше».

Л. Н. ГУМИЛЕВ: «Стена протянулась на 4 тыс. км. Высота ее достигала 10 метров, и через каждые 60—100 метров высились сторожевые башни. Но, когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на стене [41]. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и подать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников не крепость».

Фоменко далее обращает внимание на очередную странность: за две тысячи лет, якобы прошедших со времени постройки стены, китайцы отчего-то не построили других, действительно нужных каменных сооружений — крепостей, городских стен, укреплений...

Доказав, что Великая Китайская стена никак не могла быть построена две тысячи лет назад, не могла служить мало-мальски надежной защитой против кочевых орд, группа Фоменко выдвигает гипотезу, по которой стена возведена

лишь в XVII веке — против неприятеля, который располагает пушками, в годы военных столкновений Московского царства и Маньчжурии.

Сразу признаюсь, что у автора этих строк догадки еще более еретические. У меня понемногу начали зарождаться подозрения, что Великой Китайской стены еще не существовало и в XIX веке...

Во-первых, я просмотрел множество фотографий стены. И пришел к выводу, что она на многих своих участках не может служить и средством обороны от пушек. По той простой причине, что протянулась в горах, по столь крутым склонам и узеньким ущельям, где чисто физически невозможно протащить пушки или провести хотя бы сотню солдат. По этим кручам, пожалуй, могут пройти только особо подготовленные группочки диверсантов-рейнджеров, которых в XVII веке просто не могло быть. Всякие другие перемещения войск и техники либо невозможны, либо бессмысленны — в этих узеньких ущельях один затаившийся наверху стрелок эффектно сможет отражать атаку целого батальона, паля из укрытия по головам столпившихся внизу солдат противника... Положительно, на многих своих участках стена не может нести никакой другой функции, кроме декоративной...

Во-вторых, в 60—70-х годах прошлого столетия по северным областям Китая путешествовал архимандрит П. И. Кафаров, глава русской православной миссии в Пекине. Живо интересовавшийся историей Китая и легендами о Великой стене, он старательно, долго ее ищет... и не находит!

НИКАКОЙ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ НЕТ!

Кафарову оказывают содействие высокопоставленные чиновники, он проделывает долгий, долгий путь... Стены нет!

Возле крепости Шаньхайгуань Кафаров осматривает кирпичную стену — но она тянется на несколько сотен метров. И ничуть не напоминает ту, легендарную. (А построена, кстати, веке в XV и постоянно подновлялась.)

На вершинах каменистых сопок — древние кумирни. По склонам сопок — земляные (недлинные!) валы. Кое-где на холмах — остатки постаментов, где в старину разжигали огромные костры, сигнализируя в глубь страны, что появились кочевники.

Великой стены нет. Все о ней слышали, но никто не в силах показать хотя бы ее остатки. Кумирни, земляные валы, старые сторожевые башни, укрепления — вот и все...

Правда, некое подобие Великой Китайской Стены все же удастся обнаружить. Около реки Ляохэ — старинный земляной вал, когда-то защищавший китайцев от набегов воинственных обитателей Приморья. Он тянется на несколько километров — но не на «тысячи», даже не на «десятки». Схожие валы строили повсюду — корейцы ими заслонялись от чжурчженей и китайцев, китайцы — от всех сразу, чжурчжени — от киданей и монголов, японцы на своих островах — от айнов.

А Великой стены — нет! Правда, существует так называемая Ивовая изгородь, как раз и построенная маньчжурскими императорами веке в XVII для защиты от вторжений из Приморья и Приамурья. Это — высокий земляной вал, который протянулся на сотни километров. Укрепление?межа, и в самом деле надежно защищающая от конных и пеших набегов, подобно знаменитым

Змиевым валам на Руси. В нем проделаны двадцать проходов, у каждого стоит застава с охраной и караулами. На вершине вала были посажены сотни ив — отсюда и название.

Между прочим, возвести такое укрепление, пусть даже протянувшееся на сотни километров, в тысячу раз легче, нежели нашу «Великую стену». Особенно при извечном китайском многолюдстве.

Обратите внимание: на французских картах XVIII (*Рис. 16* и *16a*) ясно видно, что восточный участок стены (т.е. Ивовой изгороди) защищает в первую очередь от Кореи.

Рисунок 16.

Рисунок 16a.

Спрашивается, отчего же Кафаров всего сто двадцать лет назад не нашел и остатков каменной, кирпичной, протянувшейся на 4000 километров Великой стены с ее многочисленными башнями? Хотя искал старательно.

Да потому, позвольте высказать наглую мысль, что ее и тогда еще не существовало! Иначе любознательный монах непременно что-то да отыскал бы!

Мне кажется, на тех картах, что в своей книге «Империя» приводят Носовский и Фоменко, на французской и голландской картах второй половины XVIII века, где в виде жирной черной линии изображена «китайская стена» — как раз и значится Ивовая изгородь.

Если допустить, что китайцы две тысячи лет строили и чинили сооружение, не имевшее ни малейшего военного значения — Великую Китайскую стену, — следует признать, что целый народ страдал шизофренией в тяжелой форме... Слава Богу, ничего подобного в реальности не было. Китайцы, конечно же, не идиоты. Они строили земляные валы, порой довольно длинные. Устраивали на вершинах сопок и гор каменные платформы для сигнальных костров. Возводили «вэй» — крепости, где гарнизон состоял из 5600 солдат, и «со» — крепости поменьше, где по штатному расписанию насчитывалось 1120 вояк. Строили еще «лу-тай» — придорожные башни, где могли укрыться застигнутые налетом кочевников странники. Но никому никогда не пришла бы в голову идея Великой стены — эта сомнительная честь, есть все основания думать, принадлежит председателю Мао...

Великая Китайская стена, какой мы ее видим сегодня, в самом деле грандиознейшее сооружение, построена во времена Мао Цзедуна. У которого хватало и амбиций, и многомиллионного резерва рабочей силы, чтобы реализовать подобный проект. Не зря столь часто упоминается о «реставрации Стены», которая как раз и началась после прихода к власти коммунистов.

Разумеется, я готов отказаться от столь еретической гипотезы. Если мне предъявят достоверные свидетельства людей, видевших Великую Китайскую стену во всем ее сегодняшнем величии в те годы, что лежат между путешествием Кафарова и вступлением армии Мао в Пекин (примерно 1880—1949), если найдутся соответствующие фото— и киноматериалы.

Ведь Кафаров отчего-то же не нашел Великую стену? Как ни старались помочь уважаемому гостю китайские губернаторы...

Думается мне, настала пора привести *целиком*, без изъятия, небольшую работу Палладия Кафарова, взятую из его книги «Статистическое описание Китайской империи». Работа того заслуживает.

Палладий Кафаров. ВЕЛИКАЯ СТЕНА

В Европе вообще полагают, что нынешняя Великая стена, простирающаяся от Корейского залива на запад до крепости Цзя-юй-гуань, вся каменная, и от самого ее построения доныне, в продолжение более двадцати веков, нисколько повреждения от времени не потерпела. История китайская и очевидцы противоречат и тому, и другому мнению.

Великая стена, отделяющая Китай от Монголии, на ки тайском языке называется *долгою стеною — чан-чен, стеною в 10 000 ли — ван-ли-чан-чен и пограничною стеною — бьянь-чен*. Мысль ограждать пределы своих владений пограничными стенами родилась в Китае в исходе IV столетия перед Р. Х., когда семь сильных удельных князей, объявившие себя

независимыми владетелями, вели между собою жестокие войны за первенство в империи. В губернии Чжи-ли в области Шунь-тьхянь-фу существуют признаки древней Великой стены, простиравшейся на юг на несколько сот ли. Предания повествуют, что помянутая стена составляла межу между царствами Чжао и Янь. Около сего же времени три царства: Янь, Чжао и Цинь [42] построили пограничную Великую стену, отделявшую владения их от монголов. Местоположение сей стены в царствах Янь и Цинь неизвестно, а стена, построенная в царстве Чжао, по древним географиям Китая, простиралась от Хухэ-хота на запад по южной подошве хребта Инь-шань, и построена государем Ву-лин-ван, который вступил на престол в 325 году до Р. Х. В губернии Шань-дун и ныне приметны развалины Великой стены, которую построил Минь-ван, владетель царства Ци [43], в 315 году до Р. Х. для прикрытия своих владений от властолюбивых видов царства Чу [44]. Сия стена простиралась от города Цзи-чжеу на восток через гору Тхай-шань до мыса Лан-е-шань и содержала до 1000 ли про тяжения. Древний историк Гуань-цзы [45] упоминает об сей стене с лишком за пять столетий до Р. Х., но его история очень поздно показалась в свете.

Великая стена, о которой речь идет здесь, построена государем Ши-хуан в 214 году до Р. Х., она простиралась от крепости Шань-хай-гуань при Корейском заливе на запад до Желтой реки в области Нин-шо-фу, а отселе шла на юго-запад до города Минь-чжеу в губернии Гань-су, что показывают развалины ее, и ныне приметные в областях Пьхин-лян-фу, Цин-ян-фу и Янь-ань-фу. Земли губернии Гань-су в то время еще находились под владением разных поколений монгольского, тюрского и тангут-ского происхождения и завоеваны Китаем уже по прошествии целого столетия от построения Великой стены.

Направление Великой стены, простирающейся от Корейского залива до Ордоса, идет через области Юн-пьхин-фу и Шунь-тьхянь-фу на северо-восток; от крепости Ду-ши-кхэу в области Сюань-хуа-фу постепенно склоняется на юго-запад до города Шо-ньхин-фу. Сие длинное звено содержит в себе 3000 ли. Нет сомнения, что оно после первого построения не раз было возобновляемо, но в истории нигде не упоминается о возобновлении, а очень вероятно, что в продолжение шести столетий от построения время разрушило стену до основания, потому что возобновление сей в V столетии названо в истории не поправлением, а построением. В 423 году, то есть через 637 лет от ее основания, дом Вэй для остановки жужаньских набегов на северные пределы его построил Великую стену, простиравшуюся от города Чи-чен на запад до города Ву-юань на 2000 ли [46], В 552 году Северный дом Ци построил Великую стену от горы Хуан-лу-лин на север до караула Ше-пьхин-суй [47]. В 555 году тот же дом Ци построил Великую стену от Ся-кхэу в Ю-чжеу на запад до Хын-чжеу на 900 ли, для производства работ выслано было 180 000 крестьян — по 2000 работников на одну ли. В 556 году тот же дом Ци построил Великую стену от караула Цзун-цин-чюй в Си-хэ на восток до моря. В последнюю постройку входит часть внутренней, или второй Великой стены, идущей с юга на север по хребту Тхай-хан. Сие видно из того, что сия стена начинается в Си-хэ, что

ныне область Фынь-чжеу-фу. Сим образом восточная Великая стена, простирающаяся от Желтой реки на восток до Корейского залива на 3000 ли, в продолжение 423—556 годов вся была вновь построена, а по выражению китайской истории сбита из земли.

О Великой стене, простирающейся от Шо-пъхин-фу на запад по южной границе Ордоса и далее, в *Щебней китайской истории* вот что сказано: *В 5-е лето правления кхай-хуан (585) для остановления дулгаских набегов построили Великую стену от Желтой реки на запад до Суй-чжеу [48] на протяжении 700 ли.* Далее до XV столетия нет никаких сведений о ней.

С половины XV века монголы из Чахара и Ордоса на чали сильно беспокоивать северные пределы Китая, почему китайское правительство снова обратило внимание на возобновление пограничной Великой стены. В 1485 году построено звено Великой стены от Да-тхун-фу на запад до Бянь-тхэу-гуань длиною на 600 ли, в 1546 году еще построено звено с лишком на 300 ли, но мес тоположение последнего звена неизвестно. В следующем году построили Великую стену в области Да-тхун-фу. Сие уже говорится о нынешней Великой стене в губернии Сань-си. Хотя в истории ни слова не сказано о продолжении сей стены на восток до Корейского залива, но в том нет никакого сомнения, что нынешняя Великая стена от межи губернии Сань-си на восток до крепости Шань-хай-гуань, местами построенная из кирпича и камня, вновь сооружена в царствование династии Мин, что ниже увидим.

Великая стена от Шо-пъхин-фу на запад до крепости Цзя-юй-гу-ань содержит длины 3950 ли, построение ее относится к XV и XVI столетиям. Звено сей стены, простирающееся от Шо-пъхин-фу на юго-запад и потом на северо-восток до озера Хуа-ма-чи на 1770 ли, построенное было в 1472 году. Но как большая часть военнопоселян, охраняющих границу, имела землепашество по северную сторону сей стены, то в 1504 году построена нынешняя стена, а прежняя осталась внутри под названием второй стены. Звено, простирающееся от Хуа-ма-чи на северо-запад и потом на юго-запад до военнопоселения Со-цяо-пху, длиною на 930 ли, построено в разные времена. Половина сего звена, простирающаяся от Хуа-ма-чи до города Нин-ся-фу на 520 ли, построена в 1530 году вместо старой стены и называется в отношении к западной половине — *восточною стеною*. Прежде бывшая стена, оставшаяся внутри, простиралась на северо-запад на 360 ли и построена была в 1470-х годах. Далее на юго-запад по Желтой реке на 130 ли нет стены. Вторая половина звена, простирающаяся от Нин-ся-фу до Со-цяо-пху, содержит 410 ли и называется *западною стеною*. Далее на северо-запад Великая стена простирается до Тху-мынь-пху на 410, от Тху-мынь-пху до Сань-ча-хэ на 120, от Сань-ча-хэ до Чжень-фань-синь на 150 ли, отселе до Шань-дань-сянь на 180 ли. Звено от Хуа-ма-чи до Шань-дань-сянь, объемлющее 850 ли, построено в 1590-х годах и названо *новою Великою стеною* — в том значении, что прежде в сей стране не было Великой стены.

В области Лян-чжеу-фу находится внутренняя стена, которая от Со-цяо-пху идет на юг по западному берегу Желтой реки до военнопоселения

Пьхин-фань-пху, потом идет на северо-запад до города Пьхин-фань-сянь и оканчивается неподалеку от вершины реки Гу-лан-хэ. Сия стена называется *второю пограничною стеною* — *чун-бян-чен*, содержит 1400 ли протяжения и построена в 1592 году, после вышеупомянутой новой стены.

От Шань-дань-сянь до города Гань-чжеу-фу звено Великой стены содержит 100 ли. На сем пространстве находится четверо ворот и несколько десятков застав, укрепленных водяными и сухими рвами. От Гань-чжеу-фу далее на северо-запад цепь гор служит естественным оплотом на 75 ли. От сих гор на северо-запад Великая стена простирается до реки Эцзинэй на 180 ли. От Эц-зинэй на запад до реки Тхао-лай-хэ опять нет стены, а горы служат оградой со стороны степей. От Тхао-лай-хэ Великая стена идет на юго-запад и оканчивается по южную сторону крепости Цзя-юй-гуань.

Великая стена, простирающаяся от Шань-хай-гуань до Желтой реки в Шо-пьхин-фу по вершинам высоких гор, первоначально составляла земляной вал, который по существу своему не мог долго существовать. Строение крепостных и городских стен из кирпича и гранита введено в Китае при династии Мин уже в конце XIV столетия, и так восточная часть Великой стены, простирающаяся на северной границе в губернии Чжи-ли, по свидетельству Жербилона построенная из кирпича и камня, есть произведение XV и XVI столетий. Но как с того времени доныне прошло около трехсот лет, и во все сие продолжение стена не была поддерживаема починками, то не удивительно, что она во многих местах, особенно по горам около Калгана, разрушилась до основания и видна по одному внутреннему ее остову, представляющему длинный, довольно возвышенный земляной вал. Что касается до Великой стены от западной межи губернии Сань-си до Цзя-юй-гуань, построенной в продолжение XV и XVI столетий, она сбита из земли, и по свидетельству Жербилона, видевшего ее в 1697 году [49], даже и в его время совершенно почти рассыпалась.

Вышеизложенные сведения о Великой стене, в продолжение двадцати веков ее существования, почерпнуты из китайской истории. Католический веропроповедник Реги, полагавший северную границу Китая на карту, имел случай видеть Великую стену на всем ее протяжении от Корейского залива на запад до крепости Цзя-юй-гуань. Вот в каком состоянии он нашел сию стену при снятии карты с нее:

Великая стена в губернии Чжи-ли состоит из земляного вала, одетого кирпичом. Высота ее простирается от 20 до 25 футов. Выходы через стену в Монголию внутри снабжены крепостцами, которые суть; Шань-хай-гуань, Си-фын-кхэу, Ду-ши-кхэу, Гу-бэй-кхэй и Чжан-цзя-кхэу [50]. Все помянутые крепостцы обнесены земляными валами, одетыми кирпичом. От западной межи губернии Чжи-ли далее на запад через губернию Сань-си Великая стена сбита из глины, без зубцов и без обмазки, не очень широка и не выше пяти футов. Далее по меже, отделяющей губернию Сань-си от Шань-си, вместо Великой стены служит Желтая река, укрепленная береговыми военными постами. На западе через губернию Шань-си и далее Великая стена взведена из земли, низка, узка, на песчаных равнинах насыпана песком, а в других местах с всем рассыпалась. Только в Су-чжеу поблизости к крепости

Цзя-юй-гуань содержится в лучшем против прочих мест состоянии. Даже стены крепости Цзя-юй-гуань сданы не из кирпича, но сбиты из земли. Отселе на юг до Си-нин-фу нет стены, а только вдоль гор проведен посредственный ров, исключая перешейков, которые в некоторых местах укреплены земляными валами [51]. См. Описание Китайской империи Дюгаль-да, ч. I, стр. 65 и след. (пер. Игнатъя Детейльса).

Есть еще *Внутренняя Великая стена*, лежащая от Пекина на северо-западе по вершинам хребта Тхай-хан. О сей стене в *Истории восточного дома Вэй* сказано: *В 1-е лето правления Ву-дин (542) князь Сянь-ву построил Великую стену по горам от Сы-чжеу на север до Ма-лин-суй, на восток до Тху-дын.* Сие есть звено Внутренней Великой стены, простирающейся через губернию Сань-си с запада на юго-восток. По *Истории династии Суй* в 16-е лето правления Да-е построена Великая стена от города Хэ-хэ-сянь на север, на восток она простиралась до Ю-чжеу на 1000 ли [52]. Сие есть звено Внутренней Великой стены, простирающейся с юга на север до Пограничной Великой стены. Оба сии звена первоначально были сбиты из земли и представляли обнаженный земляной вал, который уже в XVI столетии был одет кирпичом и гранитом. Внутренняя стена более уцелела от разрушения, нежели внешняя, отделяющая Китай от Монголии.

О. Режи вот что написал о Внутренней Великой стене: *Императоры прежнего дома, то есть династии Мин, в намерении сделать место своего пребывания неприступным, построили другую стену, которая и доныне в целости стоит в 76 ли от Пекина на север. Сия стена, называемая внутреннею, соединяется с другою на севере от Пекина подле Сюань-хуа-фу, то есть с Пограничною Великою стеною. И так время оставить общую в Европе мысль, что Великая стена более двадцати двух веков существует в неизменном — первобытном виде [53].*

Несколько любопытных фактов из других областей науки, прямо работающих на нашу версию.

Я не буду подробно приводить пересыпанную лингвистическими терминами аргументацию языковеда и писателя, покойного Л. В. Успенского — тот, кто не убоится сложностей, пусть заглянет в его книгу «Слово о словах». Упомяну лишь о выводе, который недвусмысленно следует из построений Успенского (сразу оговорюсь, это мой, а не его вывод): «Китайский язык по своей структуре — молодой язык. И развивается по тем же правилам, что английский, русский и др. И, следовательно, ему никак не может быть четыре тысячи лет». (Цит. изд., стр. 318—330.)

Известный кораблестроитель академик Крылов еще в 30-е годы вспоминал скандальную историю с мнимым «изобретением» китайцами таблицы логарифмов, о чем поторопились возвестить миру иные горячие головы. Когда эти «древнекитайские» таблицы вновь перевели с китайского, оказалось, что они целиком списаны с первого издания таблиц Дж. Непера, шотландского математика, как раз и выпустившего сей труд в 1614 г. — естественно, в Европе. Доказательства плагиата железные — поскольку в китайском тексте обнаружились все те же опечатки, что были в книге Непера...

Еще одна примечательная история, взятая из книги С. Валянского и Д.

Калюжного «Новая хронология земных цивилизаций»:

«Монах Шварц изобрел порох. Дело было так: он смешивал в ступке серу и селитру, совершенно не думая получить взрывчатое вещество, и случайно уронил в ступку тяжелый пестик. Смесь взорвалась, пестик вылетел и пробил потолок.

Разумеется, создатели первых пушек повторили все условия, и даже форма этих пушек была кувшинообразной, такой же, как и форма металлической ступки Шварца. Так было в Европе.

В китайских хрониках времен нашествия «монголов» имеются описания китайских пушек, стрелявших при помощи изобретенного китайцами же пороха. Пушки эти имели кувшинообразную форму. Для пушки такая форма совершенно не нужна. Мы знаем, почему она была такой в Европе. Значит, и древний китайский изобретатель пороха, смешивая в трубке серу и селитру и совершенно не думая получить взрывчатое вещество, случайно уронил туда тяжелый пестик. Смесь взорвалась, и...

Каким иероглифом записано имя монаха Шварца?

Я добавил бы схожий вопрос: каким иероглифом записано имя европейского изобретателя шелка?

Как гласят то ли летописи, то ли легенды, шелковичный червь был открыт императрицей Линьчи, супругой китайского владыки Хуань Ти в 2640 г. до нашей эры. Именно она якобы всерьез заинтересовалась необычными шелковыми коконами гусениц, растущих у нее в саду. И первая начала разводить гусениц в «домашних» условиях. Императрицу провозгласили Богиней шелка, а китайцы берегли свой секрет, как зеницу ока... аж до VI столетия нашей эры. То есть 3200 лет!

Потом пронырливые христианские монахи, добравшиеся до Китая, увезли несколько яиц в полых бамбуковых посохах и доставили их в Константинополь, императору Юстиниану (богами шелка их, конечно, не провозгласили, что обидно). И с 550 г. нашей эры в Европе стали разводить шелковичных червей...

Во всей этой истории правдоподобна только вторая половина — то, что шествие шелка по Европе началось с Византии в христианские времена. Возможно, какие-то монахи и украли яйца — не зря у японцев есть схожая история, только вместо монахов там выступает влюбленная в японского императора китайская принцесса, его невеста, которая, уезжая сочетаться браком с нареченным, спрятала яйца в высокую прическу.

Быть может, обе истории очень близки к правде. Невероятно одно — то, что китайцы могли три тысячи лет держать в тайне какой-то производственный секрет. Я перечитал немало книг по истории промышленного шпионажа, но не нашел примеров, когда какая-то важная новинка (не имеет значения, в какой области науки, техники или производства) оставалась секретом для конкурентов в течение не то что «тысяч», а хотя бы десятков лет. Кстати, японцы не в пример честнее — они-то свою историю не «опрокидывали» в прошлое на многие тысячи лет. Легенду о влюбленной принцессе они относят веку к VII?VIII нашей эры. Когда как раз и шло зарождение японского государства.

О «потрясающих достижениях» китайцев в области артиллерии и ракетной техники мы подробно поговорим чуть погодя...

...Когда эта глава была давно написана (да и сама книга почти готова), мне

попала в руки новая работа российского «Двуликого Януса», Булычева-Можейко. Как фантаст Булычев, «Янус», естественно, вправе выдвигать самые оторванные от реальности версии и идеи — но как доктор исторических наук Можейко строжайше придерживается исторической правды. Именно о второй ипостаси и пойдет речь — я имею в виду книгу И. Можейко «7 и 37 чудес», посвященную самым знаменитым памятникам архитектуры и искусства.

«Изображения Китайской стены, известные каждому с детства, создают не совсем правильную картину. Они все относятся к участкам неподалеку от Пекина, где стена хорошо сохранилась или подреставрирована. Это — позднейший ее участок... Однако вдали от больших городов, не на главных направлениях, стена не выглядит так внушительно, как у Пекина. Кое-где она представляет собой просто полуразрушенный земляной вал. Особенно это относится к ее отросткам и ветвям, построенным тысячу, а то и две тысячи лет назад. Лучшее всего сохранились части стены из голубоватого кирпича и камня с земляным наполнением. Но и в тех местах, где стена осыпалась, стоят башни... сейчас их насчитывают около двадцати тысяч».

Все сходится. Нет никакого «грандиозного сооружения», могучего и поражающего воображение единого целого. Потому и не нашел Великую стену старательный Кафаров. Есть подреставрированные участки возле столицы — которые принимают за всю стену, полагают, что **в с я** она так и выглядит. А кроме них — множество ветхих башен, полуразрушенных земляных валов, остатков кирпичных и каменных стен...

Если уж никакого «грандиозного сооружения» не существует, быть может, и «великая древняя цивилизация», якобы воздвигшая в седой древности Великую стену, все же не более чем сказка?

«ДАВАЙ ДЭНГИ! ДЭНГИ ДАВАЙ!»

А сейчас затронем вроде бы известную во всех подробностях, однако столь же любопытную и, как увидим, загадочную историю — появление на Руси баскаков, зловердных сборщиков татарской дани, и их бесславную кончину.

Фольклорная традиция породила немало ужасов. У меня и сейчас в памяти оживает нечто вроде: «Нет денег — татарин добро возьмет, нет добра — жену возьмет, нет жены — самого уволочет». Словом, ужас и беспросветность.

Ограбление Русской земли в потрясающих масштабах.

Кстати, еще один примечательный аспект... Казалось бы, после столь долгого и систематического грабежа где-то в «монгольской» столице, пусть даже кочевой, где-то в китайских городах должны были скопиться горы ценностей: не только русских, но и хорезмских, польских, венгерских, чешских, грузинских. Брали в первую очередь, конечно же, драгоценные металлы. Даже если допустить, что все изделия из золота и серебра тут же злодейски переплавляли, в «монгольской столице» должно было скопиться нереально много золота. Как в Испании, куда целые караваны судов везли и везли американское золото.

Однако в последующие века, когда в Сибирь пришли русские, а в Китае появились европейцы, это «сверхнормативное» золото отчего-то так нигде и никогда не всплыло. Следуя «официальной» истории, где-то должны

существовать поражающие воображение груды добычи, собранной с полумира. Но ни малейших ее следов не прослеживается. В Китае было, в общем, как раз примерно такое количество золота, какое можно объяснить накоплениями в результате собственной золотодобычи, торговли и походов на ближайших соседей. В Монголии — реальной Монголии — не нашлось и этого. Кое-какие накопления в буддийских храмах, пара-тройка золотых украшений у жены зажиточного скотовода, горшок с золотом, зарытый под порогом купца... Все. Та самая «великая», «потрясающая», «грандиозная» добыча, которая просто обязана была проявить себя, как-то обозначиться в последующей истории — самым волшебным образом куда-то сгинула. Как не было.

Ну разумеется, ее не было. Поскольку никакие «монголы» никого и не грабили...

Вернемся к баскакам. Официальная история с какой-то комической важностью гордится тем, что ей удалось чрезвычайно точно определить год первого появления баскаков на Руси — 1257?й. Лызлов, кстати, называет более поздний срок — 1261 г., но суть не в этом...

Суть в том, что первые баскаки появились в русских княжествах спустя девятнадцать лет (а по Лызлову даже — спустя двадцать три года) после страшного и опустошительного «татаро-монгольского» нашествия. Объяснения этому историки не дали и, похоже, давать не собираются.

Но ведь должно же существовать какое-то объяснение? Почему наши «монголо-татары», хищники, безжалостные грабители, алчные «моавитяне» не разослали по Руси своих сборщиков дани сразу после установления «ига»? Момент был выгоднейший: военного сопротивления ждать неоткуда, население в ужасе. Исторический опыт учит нас: любой завоеватель, едва завладев какой-то территорией, в кратчайшие сроки начинает создавать аппарат по выкачиванию ценностей, или, пользуясь современной терминологией, разветвленную и отлаженную налоговую службу.

Ничего подобного на Руси не произошло. Только девятнадцать лет (двадцать три года?) спустя после завоевания Руси новые хозяева наконец-то сообразили, что следует переписать население и обложить его податями.

Снова в который раз что-то у нас не вытанцовывается. Конечно, можно сослаться на то, что «монголо-татары» — де не умели собирать дань и проводить перепись. Но верится этому плохо. Вернее, не верится вовсе. Слишком много стран разбили и покорили наши «монголы», давно должны были научиться...

И, наконец, сами баскаки выглядят как-то странно с точки зрения «канонической» версии. Из книги в книгу кочует история о неких «бесерменских» [54] купцах, якобы бравших дань на откуп — что, конечно же, позволило наиболее клиническим «патриотам» довести эту байку до логического конца и кричать о «жидах-ростовщиках», мгновенно покумившихся с «монголами».

Вот только ни «бесермены», ни «жиды» отчего-то так и не прослеживаются. Зато...

Баскаком в Ярославле служит русский монах (!) Изосим. В Устюге — русский, христианин по имени Иоанн. Суздальская летопись 1303 г., упоминая о кончине баскака Кутлубуга, вдруг употребляет слово «преставился» — то есть речь идет опять-таки о христианине, единоверце! Никаких «монголов» и близко

нет. А отдельные смелые исследователи начинают ехидно уточнять, что пресловутый «ханский ярлык на княжение», якобы выдававшийся татарами русским князьям, связан скорее не с «монгольскими», а с европейскими обычаями. Поскольку аналогов слова «ярлык» не найдено ни в монгольском, ни в татарском языках, зато в немецком их сколько угодно. «Jahriicke» — «вассальное обязательство», «jahriich» — «почетное звание», «jahriish» — «годовое ленное обязательство». В современном немецком «jahriich» до сих пор означает «годовичный», «ежегодный»... [55]

Второе. «Ордынцы» отчего-то нисколько не озабочены судьбой своих же чиновников, направленных для сбора дани. Когда сразу в нескольких городах, ударив в набат, старательно перебили всех тамошних баскаков, карательной экспедиции почему-то так и не последовало. Как уже вскользь упоминалось, Александр Невский оперативно съездил в Орду и мало того, что добился отмены наказания для виновных, вдобавок еще вынудил татар взять назад свое решение о наборе русских рекрутов для «ордынской» армии...

Явная не правдоподобность ситуации давно уже заставляет историков «классического» направления проделывать слабые телодвижения в попытках хоть как-то сгладить нелепости и нестыковки. После долгих умственных мук родилось нечто похожее на версию: дескать, поскольку баскаки были не чистокровными татарами, а «бессерменами», их истребление, в общем, как-то и не оскорбило татар, и они, благодушно выслушав Невского, вместо карательных мер добавили дополнительные льготы.

Давайте представим себе эту встречу. В юрту к свирепому татарскому хану (который, как нам внушают, ранее сжег город Козельск только за то, что покойный князь этого города убил пятнадцать лет назад монгольских послов) входит Александр Невский.

— А, Искандер! — хмыкает хан, почесывая спину. — Как доехал? Что там нового в моем улусе, на Руси?

— Да так, пустяки... — отвечает Невский. — Баскаков вот твоих побили... До смерти.

— Всех? — удивляется хан.

— Да пожалуй что, и всех... — пожимает плечами Невский.

— Копеек-оглы, эшшек баласы! — в сердцах ругается хан на своем моавитянском языке. — Надо карательный отряд посылать. Эй, орда, на-конь!

— А стоит ли, великий хан? — почтительно настаивает Невский. — Все равно были те баскаки — бессермены заезжие, не твои татары, чай...

— И верно! — ошарашенно восклицает хан. — Что ж это я осерчал, дурак такой? Эй, орда, расседывай! Мое величество погорячились... В самом деле, Искандер, за бессерменов и наказывать? то не стоит... У тебя, может, еще просьбы есть?

— Да вот не хотят мои русские рекрутов тебе в войско давать...

— Не хотят? И не надо! — машет рукой хан. — Подумаешь, безделица какая — рекруты... Обойдусь, не первый раз. Эй, кто там! Несите кумыс, да зовите Зульфию с Фатимой, друг Искандер приехал, гулять будем...

Как по-вашему, можно поверить в подобный диалог? Ни в коем случае! Кто бы там ни были баскаки, они представляли власть, Орду, хана, монгольский

порядок. По всем обычаям и установлениям следовало дать укорот так, чтобы никому неповадно было...

Укорота не дали. А вот дополнительных льгот добавили...

Несколько оосовременим ситуацию.

В горницу к Петру Первому входит Меншиков и, помявшись, сообщает:

— Дело, мин херц, в следующем: в Ярославле злоумышленным образом побили до смерти немца-канцеляриста, что послан был туда налоги счесть и собрать. И просят теперь, чтобы ты им прощение объявил, да вдобавок снял рекрутскую повинность...

Какова будет реакция Петра? Сколько дней после того будут в Ярославле вздергивать на деревьях виновных? Долгонько...

Одним словом, стоит только смоделировать ситуацию в виде диалога или сцены из реальной жизни — всякий раз получается столь не правдоподобная фантазия, что веры ей — никакой...

Кроме того, истребление баскаков было не просто стихийным бунтом, а, как подчеркивают летописи, скоординированной акцией, проведенной самими князьями: «...повелеша князи убивать ханских баскаков...» То есть, «татарам» следовало бы отнестись к происшедшему еще свирепее — коли перед нами не обычный стихийный бунт, а самый настоящий заговор...

В чем тут загадка? Есть ли объяснение в рамках нашей версии истории?

Пожалуй.

Есть крайне многозначительное совпадение — получается, что княжеский заговор, в результате которого были истреблены баскаки, последовал сразу после смерти Александра Невского. А смерть эта не так уж и далеко отстоит от кончины Батыя. По нашей реконструкции, это один и тот же человек. А разные даты (1255 — смерть Батыя и 1262 — смерть Александра) — результат разночтений, которых немало в летописях. То есть — ошибок. Мы видели, что и само введение системы баскачества на Руси датируется разными источниками по-разному — 1257?й и 1261?й. Так обстоит и со многими другими событиями, в разных летописях имеющими разную датировку.

Между прочим, давняя традиция приписывает кончину насильственной смертью не только Александру Невскому... но и Батыю! Да?да, я не оговорился. Если кончину Александра современники связывали с отравлением, то смерть Батыя — с гибелью его в бою в Венгрии от руки «короля Владислава» (причем непонятным образом в роли союзницы Батыя выступала... сестра этого самого короля).

Истории неизвестен венгерский король по имени Владислав, во времена вторжения «татар» в Венгрии правил Бела IV. Однако ценна здесь в первую очередь **тенденция** . Убежденность многих средневековых источников, что Батый умер не своей смертью. Процитированная чуть выше летопись, памятник, известный в современной историографии как «Хронограф Русский», так и сообщает: «По **убиении** Батыеве повелеша князи убивать ханских баскаков...»

Быть может, дела обстояли следующим образом?

После боев 1237—1238 гг., когда Ярослав и Александр обрели реальную власть над значительной частью Руси, последовало вторжение русской армии в Европу, на помощь боровшемуся с папой Фридриху II. По причинам, которые,

скорее всего, так и останутся для нас неизвестны, русские не смогли переправиться в Италию, пришлось возвращаться. Столь масштабная военная кампания, ясно, требовала огромных расходов. Году к 1257?му княжеская казна опустела.

И Александр Невский (Ярослав к тому времени уже умер) вводит перепись населения, новые подушные налоги, направляет повсюду баскаков. Баскаки, конечно же, христиане. Позднейшие историки пытались поддержать «ордынскую» версию (Изосим, мол, вероотступник и супостат, а Иоанн принял крещение, уже будучи баскаком), но странная реакция Орды (точнее, удивительное благодушие) работает в пользу именно нашей версии истории.

Можно с уверенностью сказать, что возмущение вызвали не сами баскаки, а то, что налог был новым. Дополнительным, какого прежде не было. Европейская история прямо?таки пестрит примерами, когда новые налоги как раз и вызывали ожесточенное сопротивление. По свидетельству королевских юристов в Бордо, когда там вспыхнули волнения в 1651 г., причиной было «неприятие жителями новшеств» — т.е. новых налогов. В Перигоре в 1637 г. бунтовщики прямо заявили: нововведенные подати «необычные, невыносимые, незаконные, чрезмерные, **НЕИЗВЕСТНЫЕ НАШИМ ОТЦАМ** ». Когда губернатор Бретани в 1675 г. огласил королевский указ о новых налогах, бунтовщики заявили прямо: «Мы не против налогов, которые платим шестнадцать лет, но мы оспариваем введение **НОВЫХ** налогов».

А для того, чтобы показать, насколько схожим было мышление «простого народа» в разных концах Европы, приведу показательный пример.

Известно, что когда в Российской империи в 30?х годах прошлого века прокатилась эпидемия чумы, крестьяне повсюду убивали докторов, вообще всех, кто походил на медиков, объясняя это тем, что «доктора разносят чуму, и их надобно извести». Порой эти печальные события вспоминали, чтобы доказать «извечную дикость и отсталость русского народа».

Хотите знать, что произошло во Франции в те же примерно годы?

Эпидемия чумы в южных районах. И французские крестьяне... повсюду убивают тех, кто похож не только на докторов, но и на парижан. Оказывается, среди тамошних пейзан распространилось убеждение, что «парижане умышленно распространяют чуму, дабы извести крестьян и захватить их земли»! Как вам сходство менталитета?

Налоги вызывали ненависть с тех самых пор, как были придуманы. У Дюма в каком?то из романов есть великолепные строки: «Народ не любил его: во-первых, он был министром финансов, а министров финансов всегда не любят...»

И потому нет ничего удивительного в том, что после смерти Александра Невского (вполне может оказаться, как раз и последовавшей в результате отравления) все его вассалы-князья, все подвластные ему земли дружно поднялись бунтовать против введенных совсем недавно новых налогов. Князья, как о том недвусмысленно пишут летописцы, устроили заговор и организовали повсеместное убийство баскаков.

«Орда» потому так благодушно к этому отнеслась, что никакой «Орды» не существовало. В противном случае карательные отряды непременно разделились бы с ослушниками. Любая власть пуще всего стервенеет как раз от покушения на

ее карман, то бишь неуплату налогов. Способна спокойно переносить печатные пасквилы, вопли оппозиции и газетную критику — но попробуйте ударить власть по карману, будь то карман татарского хана или президента суверенной державы...

Существуй «монгольское иго» в реальности — ордынские ханы просто обязаны были послать войска и покарать виновников убийства баскаков. Однако в нашем варианте событий обстояло иначе — просто-напросто наследники Александра Невского-Батыя предпочли спустить дело на тормозах, поскольку сила, такое впечатление, была не на их стороне. Не зря летописцы сообщают, что после истребления баскаков налоги для «Орды» отныне собирали сами князья. Возможно, мы наблюдаем чертовски знакомое явление, которое в наши дни называется «борьба федеральной власти с местной за налоговую политику». Проще говоря, «федеральный центр» в лице Александра?Батыя предпочитал собирать подати самолично и все их оставлять себе, а удельные князья, аки нынешние губернаторы, желали отстегнуть себе жирный процент. И воспользовались смертью Невского, чтобы побороться за свой вариант...

Ну, а то, что о баскаках летописцы отзываются с применением самых ругательных эпитетов, удивлять не должно ни капельки — покажите мне такую страну и назовите такую эпоху, когда сборщиков податей не сравнивали с саранчой и прочими казнями египетскими...

И еще. На протяжении всего «монголо-татарского владычества» русская церковь сохраняла какую-то странную индифферентность к «захватчикам». Еще в начале века Е. Е. Голубинский, профессор Московской духовной академии, чуточку растерянно писал: «Если полагать, что обязанность высшего духовенства — епископов с соборами игуменов — долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам право сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания. Они не говорят нам, чтобы, при всеобщей панике и растерянности, раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос».

К этому стоит добавить, что, по летописным данным, подавляющее большинство церковных владык вовсе не пострадало от «Батыева нашествия». Если не считать митрополита Иосифа. Епископ черниговский загодя уехал в отдаленный городок, как и ростовский епископ Кирилл. С рязанским епископом обстоит еще загадочнее — он уехал... «когда орда окружила град!» Полное впечатление, что всех их либо заранее предупреждают, либо не трогают...

А если вспомнить все те льготы, что русская церковь получила от «татар»?

По нашей реконструкции и это объясняется предельно просто. Поскольку «Батыем» были Ярослав с Александром, церковь они, понятно, не трогали.

Есть, правда, одно исключение — владимирский епископ Митрофан при невыясненных обстоятельствах погиб во время штурма города.

Однако это никоим образом не может служить доказательством «монголо-татарской» версии. Подобное случалось в 1569 г. — когда в Твери задушили митрополита Филиппа Колычева. Однако татары тут ни при чем — по приказу Ивана Грозного с митрополитом собственноручно разделался Малюта Скуратов. Причем никто не пытался свалить убийство на «ордынцев» — в те

времена уже не существовало столь удобного «громоотвода», каким была вымышленная Золотая Орда, на которую и сваливали чохом свои грехи, надо полагать, немало русских князей...

И, наконец, кое-какие стенания о «разорении и разграблении» могут иметь совершенно неожиданную подоплеку...

Уже в нашем столетии западноевропейские историки «задним числом» вскрыли случаи крупного казнокрадства среди чиновников испанской колониальной администрации — увы, виновных уже никак нельзя было притянуть к суду, поскольку они благополучно скончались лет четыреста назад, вдоволь попользовавшись ворованными денежками.

Дело в том, что историки скрупулезно сравнили рапорты губернаторов американских колоний Испании об ущербе, понесенном от пиратских налетов англичан и... технические характеристики кораблей рыцарей удачи вроде Дрейка, сэра Кевендиша или Уолтера Рэли. Корабли, принимавшие участие в пиратских рейдах, известны поименно. Так вот, если бы на «Золотую лань» Дрейка было погружено именно столько золота и серебра, сколько указали в качестве «украденного английскими собаками» испанские идальго, судно просто не смогло бы выйти в море. Оно отправилось бы на дно, как утюг, приняв непосильную для себя ношу. Кто-то из чиновников вовремя сообразил, что подворачивается удобный случай списать на пиратов собственные грехи...

Подозреваю, что иные древнерусские сообщения о «дочиста пограбленном татарами добре» вызваны к жизни тем же хитроумием «материально ответственных» лиц...

СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ.

Как легко догадается проницательный читатель, речь в этом разделе пойдет о наиболее фантастичных подробностях «Батыева нашествия», о самых сказочных повествованиях.

Начать, конечно, следует с поразительных китайских ракет и пороховых снарядов, якобы перенятых «монголами» и с успехом использованных в завоевательных походах.

Чтение увлекательнейшее. Иллюстрации и того поразительнее — *на Рис. 17* «монгольский ручной ракетомет», на *Рис. 18* — прямо-таки древнекитайский прообраз «Катюши». А уж подробности...

Рисунок 17.

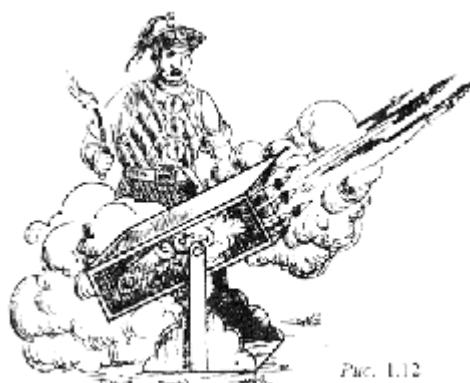

Рисунок 18.

«В 1232 г. в битве под стенами Кайфына (нынешнего Пекина), когда город обложило тридцатитысячное монгольское войско, атака кочевников была отражена с помощью ракет. Ракеты эти летели на расстояние 100 ли (около 9 км!), и в месте своего падения выжигали все на 60 метров в окружности».

Этот леденящий кровь в жилах рассказ два чешских автора почерпнули из «старинных китайских книг». Тех самых, о чьей «древности» подробно говорилось выше...

Отечественные авторы, прямо скажем, тоже не ударили лицом в грязь.

Солидный журнал «Химия и жизнь», всегда кокетничавший своим академизмом, не столь уж и давно опубликовал не менее поразительные описания китайских ракет: «„Огненные ястребы“ представляли собой деревянные сосуды с порохом или глиняные горшки, наполненные расплавленным легкоплавким металлом. Против живой силы противника использовались осколочные снаряды, начиненные порохом и разбрасывавшие при взрыве железные колючки, осколки железной или фарфоровой оболочки. Взрыв такого снаряда мог быть слышен на расстоянии 50 км, а осколки пробивали латы».

Химическое оружие, тоже, оказывается, придумано древними китайцами: «„шары ядовитого дыма“, заполненные порохом с примесью сильнодействующих растительных ядов». «Армия Чингисхана успешно применяла гранаты с нефтью... В 1206 г. монголами был ими сожжен флот одного из китайских

флотоводцев. В 1225 г., осаждая Хорезм, монголы обстреливали город ракетами и пороховыми разрывными снарядами». Разрывные снаряды, «снабженные соломенным хвостом для стабилизации в полете». И, конечно же, «ракеты», которыми «монголы обстреливали со своих кораблей японский флот».

Между прочим, «древнекитайский рекорд», то есть расстояние в девять километров, которое пролетала древняя ракета, был побит только в XX веке — с применением не порохов, а жидкого горючего, не «бамбуковых трубок», а тугоплавких сталей. Что позволяет безоговорочно зачислить в разряд самых беззастенчивых фантазий «руководства» по ракетной технике вроде «книги Чин Яо-Цзу», якобы написанной в 809 г., или «учебника ракетного дела Ченг Кун?Лиана», будто бы составленного в 1045 г.

Я уж не говорю о вопиющих нелогичностях в «древних» текстах — с одной стороны, монголы якобы захватили Китай в 1212 г., с другой — в 1232 г. «тридцатитысячное монгольское войско» все еще совершает набеги на китайские города. Кстати, автор статьи в «Химии и жизни» — не инженер или военный историк, а кандидат психологических наук, как выясняется, попросту переписавший эти сказки из труда некоего С. Я. Школяра «Китайская доогнестрельная артиллерия», вышедшего в 1980 г. в издательстве... «Наука» (!)

Любопытно было бы полистать этот труд, представляю, с какими еще откровениями можно столкнуться...

Почему все эти жуткие рассказы представляются сплошной сказкой?

Во-первых, «ученые», переписывавшие друг у друга всю эту околонуучную фантастику о летящих на девять километров ракетах XIII в. (!), ручаться можно, в детстве никогда не баловались с шутихами, поджигами, ракетами из горючей фотопленки 60?х гг. и прочими опасными игрушками. Автор этих строк как раз отдал дань тогдашнему всеобщему увлечению «огненными потехами» — и, благополучным образом не лишившись ни пальцев, ни глаз, ни каких-либо еще деталей организма, набрался определенного опыта. Можно говорить со всей уверенностью: «корзинный ракетомет», изображенный на *Рис. 17*, скорее всего, взорвется в руках у стрелка, да так, что мало ему не покажется. Тут просто не может быть безопасной системы последовательного воспламенения «ракет». И, что существеннее, пороховая стрела, выпущенная из подобного устройства, полетит не по прямой, а к черту на кулички — из-за малой начальной скорости и полной невозможности такую стрелу стабилизировать. То же относится и к устройству с *Рис. 18*. Стрела с прикрепленным к ней пороховым ускорителем еще способна лететь долго и прямо, если будет выпущена из лука, что как раз и придаст необходимое начальное ускорение — но во всех других случаях станет кувыркаться и метаться, как ярмарочная шутиха, представляя опасность в первую очередь для тех, кто ее выпустил... Наконец, «соломенный хвост» в роли стабилизатора ракеты — чепуха в кубе.

Во-вторых, есть косвенное, но весьма весомое доказательство того, что в средневековом Китае подобных «страшилок» на вооружении никогда не состояло. Доказательством служит полное отсутствие подобного оружия в Японии вплоть до первых контактов с европейцами.

Военные новинки секретом остаются недолго. В руки противника попадают либо несработавшие образцы, либо умеющие обращаться с новинкой

специалисты — а ведь есть еще и разведка, охотящаяся в первую очередь за изобретениями, которые можно применить в военном деле...

Вопреки расхожему мнению, государство ацтеков в Южной Америке погубили как раз внутренние распри и сепаратизм — но никак не пресловутый мистический страх перед «молниями бледнолицых богов». По достовернейшим испанским источникам, уже в первый год вторжения Кортеса у индейцев оказались и аркебузы, и кузнечные инструменты — поскольку к ним просто-напросто сбежали иные недисциплинированные кортесовы солдатики, прихватив с собой и ружья, и порох, и кузнечный инструмент. Нечто похожее наблюдалось и во времена освоения русскими Сибири — местные племена (порой находившиеся на уровне развития каменного века), захватив парочку казацких пищалей с боеприпасом, поразительно быстро научались с ними обращаться. И, в свою очередь, палили по казакам, не испытывая и тени мистического трепета перед «молниями»...

Известно — первые японские мечи под названием «кэн» с прямыми обоюдоострыми клинками были заимствованы из Китая. Только столетие-полтора спустя заработала местная оружейная пытливая мысль, появились классические, чисто японские мечи «тати», «катана» и «вакадзаси» — односторонней заточки, слегка изогнутые. Японцы заимствовали с континента и рукопашный бой, и кольчуги, а в середине XVI в. после знакомства с европейскими доспехами оперативно наладили у себя производство «гузоку» — доспехов, не собранных из гибко соединенных пластинок как прежде, а цельноклепанных, типа кирас.

Как видим, военные новинки в Стране восходящего солнца перенимались довольно оперативно. Однако японцы, столь восприимчивые к новому, отчего-то не переняли у континентальных соседей ни стенобитных машин, ни камнеметательных, ни пороховых ракет, ни «разрывных осколочных снарядов», ни «гранат с нефтью». Почему? Да потому, что перенимать было нечего! В средневековом Китае попросту не существовало ни всевозможных «ракет и гранат», ни даже арбалетов (которых японские самураи тоже отчего-то не знали).

В-третьих, есть определенные закономерности в распространении того или иного оружия. Как уже говорилось, оно недолго остается тайной. В мировой истории просто не бывало случаев, чтобы одна?единственная страна даже не сотни, а десятки лет оставалась монополистом во владении неким новым оружием, в особенности таким, что качественно отличалось от всего прежде известного.

Посмотрим, как распространялось огнестрельное оружие в Европе.

1300 г. — во Франции появляются «каноны» — первые, весьма примитивные ручные огнестрельные орудия.

1305 г. — в Италии появились «пушки из металла».

1324 г. — венецианский сенат поручает должностным лицам заготовить для защиты города «пушки и ядра».

1338 г. — огнестрельное оружие появляется в Англии.

1342 г. — огнестрельное оружие появляется в Испании.

1372 г. — в Германии действует отлаженное производство пушек. За один этот год мастер Петер Аарау отлил в Аугсбурге двадцать орудийных стволов.

1382 г. — москвичи обстреливают из пушек осаждающие город войска

хана Тохтамыша.

Словом, к концу XIV века в Европе просто нет страны, не имеющей огнестрельного оружия. «Турция, кстати, тоже им вооружается — благодаря некоему оружейнику Петеру Бригге, „оловянщику“, в 1346 г. изготовившему для одного из сельджукских правителей бронзовое орудие под двухфунтовые свинцовые ядра. Из Турции, надо полагать, пушки распространяются на Восток — приплыв в Индию в XVI в. и поссорившись с тамошними мусульманскими султанами, европейцы начали было обстреливать прибрежный город Момбасу из пушек, но в ответ раздалась еще более мощная канонада...

Вот так выглядит реальность, естественный процесс победного шествия технической новинки. Ничего похожего на сказочки о китайских ракетах, якобы столетиями остававшихся военной тайной.

Самая страшная тайна — та, которой не существует. Располагай китайцы в XIII в. столь страшным оружием, сравнимым по ударной силе с современными осколочными и зажигательными гранатами, с тактическими ракетами средней дальности (9 км!), никакие степные кочевники не смогли бы завоевать их города — были бы уничтожены в два счета...

Кончено, нельзя исключать, что какие-то светлые личности, немного опередившие свое время, проводили эксперименты с разнообразными пороховыми снарядами. Примеров в истории предостаточно. Однако «в серию» эти игрушки ни за что не могли бы пойти при убогом техническом уровне XIII в. Между изобретением револьвера и массовым его производством — примерно триста лет. Не зря одна из китайских легенд повествует об ученом, который, решив полетать по воздуху, прикрепил к воздушному змею немалое число пороховых трубочек, сел в «седло» и велел слугам поджечь ракеты — но рвануло так, что ни остатков изобретателя, ни остатков его аппарата не отыскалось вовсе...

В XIII веке, кстати, чем-то подобным баловались и арабы. Французский историк де Жуанвиль упоминает, что во время 7-го крестового похода (1248—1254), во время сражения за город Джимият на Ниле сарацины «выстрелили снаряд, который попал в речной берег и отскочил к рыцарям, преизрядно дымя». Речь, конечно же, идет о каком-то «экспериментальном образце» вроде «сухопутной ракетной торпеды», которую изобразил в своем трактате (конец XIII в.) сирийский ученый Аль-Хасан Аль-Раммах. Самое беглое знакомство с рисунками этого дива убеждает, что оно никоим образом не могло бы двигаться целенаправленно, в первую очередь уничтожив тех, кто осмелился бы поджечь фитиль...

К чести арабов стоит добавить — они не сочиняли сказок о своих бравых полководцах, которые бы побеждали врагов с помощью многих сотен подобных снарядов. И «торпеда» Аль-Хасана, и «бомба из Джамията», и «ракетная повозка» Итало де Фонтенуа, и «реактивная торпеда» де Фонтени оставались либо рабочими чертежами, либо единичными экспериментальными образцами, как правило, смертельно опасными в первую очередь для самих экспериментаторов. Только в восемнадцатом веке стали появляться более-менее перспективные разработки боевых ракет — и то во второй половине столетия, когда в Англии над ракетами стал работать В. Конгрев, в России — майор Данилов и А. П. Денисов, а

в Индии — мастера майсурского раджи Хайдара Али. Но и впоследствии ракетное оружие не стало массовым — и во время англоамериканской войны 1814 г., и при подавлении русскими венгерского мятежа в 1848-м, и в Крымскую войну оно оставалось третьестепенной экзотикой, не игравшей особой роли.

А посему побасенки о средневековых китайских ракетах побасенками и останутся...

Что до стенобитных и камнеметных орудий, с ними подчас связаны не менее головоломные загадки. Оставаясь в плену «классической» версии о монголо-татарском нашествии, известный русский фортификатор, профессор В. В. Яковлев в своем труде «История крепостей. Эволюция долговременной фортификации» (издан в 1931 г. для слушателей Военно-технической академии РККА) написал примечательные строки:

«Со времени вторжения татар в Россию (1237 г.) осадное искусство получило большое развитие. Летописи, описывая осады, произведенные татарами, впервые упоминают об осадных машинах, называя их „пороки“. С этого же времени начинаются в летописях указания на употребление этих машин и русскими (! — *А.Б.*) при атаке укрепленных городов. Машины эти назывались «сосудами на взятие града» (осада Люблина в 1245 г.)».

После того, как мы, смею думать, доказали, что, во-первых, никакие «татары» на Русь не вторгались, а во-вторых, что никаких «заимствований» в Китае не могло быть сделано, можно со всей уверенностью несколько переделать вышеприведенные строки:

«ПОСЛЕ 1237 Г. РУССКИЕ В ШИРОКОМ МАСШТАБЕ НАЧИНАЮТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОСАДНЫЕ МАШИНЫ ПРИ ВЗЯТИИ ГОРОДОВ».

Так оно будет вернее...

Со стенобитными машинами, или «пороками» связана одна из наиболее известных и фантастических побасенок, сочиненных русскими книжниками о «Батыевом нашествии». Речь идет о смелом витязе Евпатии Коловрате, который, напав на «злых татаровей», был уничтожен в чистом поле... с помощью стенобитных машин!

«Повесть о разорении Рязани Батыем» [56] описывает это так: «И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, других до седла разрубал. И возболялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его».

В. Ян в своем талантливом романе «Батый» описывает это не в пример образнее:

«Он (Бату-хан — *А.Б.*) завыл, увидев, как третья сотня полегла от удара грозных урусов:

— Я теряю лучших моих воинов!

Теснившиеся около джихангира темники попятились...

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

— Субудай! Субудай!

И бросил подскакавшему старому полководцу какое-то распоряжение.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали новые татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары в медные

щиты [57] отзывали с холма татарских воинов...

Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

— Вперед! За...

Но страшный удар в грудь прервал его могучий голос. Он упал, обливаясь кровью. С ужасной силой, сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские камнеметные машины.

...Битва подходила к концу. Между соснами на бугре еще стояла маленькая кучка людей. Это были последние оставшиеся в живых воины отряда Коловрата. Камни редко падали на бугор, где люди стояли выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу, спокойно ожидая смерти.

Вам не взгрустнулось? А если взгрустнулось, позвольте спросить напрямик: неужели вы считаете своих предков полными и законченными идиотами?

Дебилами, которые беспомощно стоят на холме, даже не делая попыток уклониться от камней, летящих довольно медленно, видимых издали?

Ну конечно, наши средневековые предки идиотами не были. Эта история вымышлена от начала и до конца. Поскольку является единственным в мировой истории описанием того, как осадные машины были использованы в сражении на открытом поле против воинов противника...

Тот же Ян несколькими страницами ранее пишет, что brave воинство Евпатия атаковало конницу «монголов», находившуюся на *марше*. То есть двигавшуюся куда-то нормальным походным аллюром.

Меж тем тяжеленные камнеметы, на каких бы там «полозьях» они ни были, передвигались даже медленнее пешехода — поскольку их таскали не лошади, а быки. Конный отряд просто не мог тащиться по-черепаши, соразмеряя свой аллюр со скоростью едва плетущихся быков, с натугой волочащих камнеметы и повозки с «громадными камнями».

Предположим, «бой длился долго». Настолько, что татары успели все же подтащить камнеметы, оказавшиеся, как пресловутый «рояль в кустах», где-то поблизости. Однако невозможно «накрыть» камнями пешего, перемещающегося по полю противника. Элементарная логика подсказывает, что любой военный человек не стал бы «стоять выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу», скорее постарался бы контратаковать — все равно погибать, так лучше уж в бою, а не стоять покорной овечкой, подставив лоб камню... Камнемет — не пулемет, его невозможно во мгновение ока поворачивать так и сяк, целясь вслед активно перемещающемуся по полю человеку. Камнемет — изрядная махина. Достаточно перебежать на пару десятков шагов, чтобы пришлось «перенацеливать» громоздкое сооружение...

Однако должно же быть какое-то рациональное объяснение?

По-моему, я его отыскал в цитате из Татищева: «Пороки именовались снасти стенобитные (или артиллерия): великие бревна, на концах обиты железом и на козле повешены перевесом. Оное называется баран. Иные были как пожарные крючья и вилы, чем бревна ломали... камене же метали перевесами, самострелами великими...»

Ключ, скорее всего, в этих двух словах: «или артиллерия». Вполне возможно, что первые огнестрельные орудия по старой памяти именовались «пороками». И

Евпатий (очень может быть, реально существовавший) погиб значительно позже XIII в., не исключено, и в бою с какими-то татарами. И расстреляли его с его воинством, конечно же, из пушек или пищалей.

В *этом* варианте все логично и убедительно. Никто не выглядит идиотом — ни татары, зачем-то плетущиеся шагом вслед за медлительными камнеметами, ни русские, покорными овечками стоявшие на месте и подставлявшие лбы под летящие булыжники.

В «Уставе ратных и пушечных дел», написанном в 1607—1621 гг. «пушкарских дел мастером» Онисимом Михайловым, ряд статей озаглавлен: «Наука, как огненные ядра из пороков бросати».

Чем не доказательство? Совершенно иной смысл приобретает строка «...и окружили Евпатия татары, и навели пороки, и убили его...». Русских расстреляли издали из огнестрельных пищалей!

Та же «Повесть о разорении Рязани Батыем» рисует абсолютно не правдоподобную версию гибели в 1237 г. рязанского князя Федора Юрьевича. Якобы сластолюбивый Батый, прослышав о потрясающей красоте супруги Федора, вызвал его к себе и потребовал привести жену, а когда князь отказался, велел убить и его, и всю его свиту.

Во-первых, эта «Повесть», неизвестно когда написанная — единственный источник, поведавший о сексуальных бесчинствах Батыя и последовавшей из-за них гибели князя Федора.

Во-вторых, свидетелем выступает некий Апоница, пестун князя. Который, изволите ли видеть, «укрылся» где-то во время истребления русского посольства (это — посреди ханской ставки!), а потом ухитрился тут же, посреди татарского лагеря, неподалеку от Батыевой юрты... похоронить убитых и выбраться из татарского лагеря незамеченным!

Воля ваша, но таким «свидетелям» не поверил бы и туповатый инспектор Лестрейд...

Вероятнее всего, мы имеем дело с очередным «бродячим сюжетом»! В XIX веке ученые записывали предания, связанные с основанием Чернигова легендарным основателем города неким князем Черным, который воевал с хазарами и в одном из сражений был ими убит. Так вот, в Чернигове «старожилы показывали курган Черная могила и курган княжны Черны, считавшиеся соответственно могилами князя Черного и его дочери, которая якобы выбросилась из окна своего терема и лишилась таким образом жизни во время осады Чернигова князем древлянским, пленившимся ее красотой».

Узнаете сюжетец?! Как выяснилось из раскопок, в Черной могиле и в самом деле, судя по найденным там предметам, покоится некто княжеского рода. Но это совершенно неважно — главное, был некий бродячий сюжет, который однажды «прилепили» и к Батыю...

Если уж зашла речь о фольклорных преувеличениях, невозможно не упомянуть о «принципе Тоунипанди», открытом теми же героями Джозефины Тей. Заключается он в том, что последующая устная традиция значительно преувеличивает масштабы незначительного, в общем-то, события, которое впоследствии попадает в научные труды и учебники как раз в качестве масштабного. Пример, тут же приведенный писательницей, — так называемая

«Бостонская резня», которая на самом деле была всего лишь нападением хулиганов на британский военный патруль. Солдаты, когда их стали забрасывать камнями, открыли в ответ пальбу. Трое или четверо американцев были убиты. «Резней» это никак не может считаться...

В средневековой русской истории «Тоунипанди» нередки. Взять хотя бы сражение Александра Невского со шведами на Ижоре в 1240 г. В любой мало-мальски серьезной книге по русской истории обязательно уточняется, что зловерные шведы явились на ста кораблях под предводительством зятя короля Эрика ярла Биргера, что русские, потеряв всего около 20 человек, накрошили столько врагов, что лишь телами знатных рыцарей нагрузили два корабля, а простых воинов закопали в ямы бесчисленно...

Эта сказка перепевалась чуть ли не семьсот лет — пока за нее не взялся в начале нашего века один из крупнейших русских историков Д. Иловайский. И установил поразительные вещи. Оказывается, автор «Сказания об Александре» писал свой труд значительно позже, по рассказам «отцов». Оказывается, в наиболее старых летописях имя предводителя шведов не упоминалось вообще, его именовали попросту, «королем Римским». Оказывается, Биргер (Бергель, как его называют немногочисленные «уточняющие» летописи)... в 1240 г. еще не был ярлом. Сей высокий титул он получил лишь в 1248 г. Иловайский заключил: «Рассказ об этой битве обилует явным преувеличением относительно врагов. Не более 20 убитых с русской стороны показывает, что битва вообще не имела больших размеров».

В самом деле, столь явное несоответствие потерь у русских и шведов никак нельзя объяснить «внезапностью», благодаря которой?де русские витязи и застали врага врасплох, смогли невозбранно искрошить его в капусту. Тогдашние шведские воины, как и воины любой другой страны, вряд ли были нервными институтками, которых можно застать врасплох, навалившись с дикими воплями. А оружие все держали при себе — меч висел на поясе, топор лежал рядышком. Считанные секунды требовались, чтобы при виде выбежавших из леса врагов опомниться и начать драться всерьез... Располагая огнестрельным оружием, и впрямь возможно при внезапном нападении, потеряв всего два десятка своих, положить в несколько раз больше застигнутых врасплох кинжальным огнем супостатов. Но в эпоху мечей, топоров и копий такие номера не проходят.

Не было никаких «ста кораблей». Очень может быть, и Биргера на берегах Ижоры не было вообще. Сотня-другая воинов Невского налетела на равный примерно по численности шведский отряд. И только.

Что, понятно, отнюдь не лишает русских воинов смелости и отваги — как-никак победу одержали они, а враг позорно бежал...

Самое забавное, я отыскал в прошлом и случаи, когда «принцип Тоунипанди» применялся «навыворот». То есть, не крохотные стычки раздувались до масштабов эпохальных сражений, а масштабные события замалчивались вообще...

Дальнейшее — главным образом для тех, кто любит и хорошо знает творчество Чарльза Диккенса. Те, кому Диккенс безразличен, могут переходить к следующему разделу.

Итак, «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Смешное и очень уютное чтение — милые, эксцентричные чудачки, красивые барские усадьбы, покой и благодать, ненавязчивый английский юмор, тишайшая английская глубинка...

Некая старая дева сгоряча решила, что друзья мистера Пиквика решили всерьез драться на дуэли с ее женихом. Не тратя времени, дама кинулась к местному судье и наябедничала.

Судья отчего-то приходит в нешуточное возбуждение. Он намерен распорядиться, чтобы перед бунтующей толпой, отчего-то мгновенно представшей его воображению, прочитали так называемый «закон о мятеже», своего рода «последнее предупреждение», после которого представители власти могут на законном основании открыть огонь по мятежникам; он срочно собирает всех штатных и внештатных сотрудников полиции, приказывает арестовать возмутителей спокойствия, намерен даже вызвать войска...

Одним словом, ведет себя, как комический придурок из оперетты. Наши отечественные комментаторы Диккенса так и написали в своих примечаниях: поступки судьи, дескать, лишь подчеркивают его глупость, «закон о мятеже» выглядит жуткой архаикой... одним словом, посреди той самой уютной тишины и благолепия английской провинции мечется сдуру невесть чего испугавшийся дурачок...

Так вот, нет ни тишины, ни покоя, ни благолепия! И судья — вовсе не дурак, он умен и деловит!

Время действия романа четко определил сам Диккенс — 1827 г. Это были годы, когда страну давно уже сотрясали события, во многом не совпадающие с образом «доброй старой Англии», где испокон веков царила тишь, гладь и божья благодать... события, которые известный государственный деятель и писатель Дизраэли в одном из своих романов охарактеризовал так: «Христианство учит нас любить ближнего своего, как самого себя, современное общество не признает ближних как таковых».

Продолжалось планомерное уничтожение крестьянской общины, начавшееся еще в XIV в. — с 1770 по 1830 «свободные земледельцы» лишились более чем 6 миллионов акров общинных пашен и выпасов. Об условиях жизни наемных сельскохозяйственных рабочих дает представление свидетельство современника: «Их жилища мало чем отличаются от свинарников, и питаются они, судя по их виду, не намного лучше, чем свиньи... За всю свою жизнь я нигде и никогда не видел столь тягостного человеческого существования, как это — даже среди свободных негров в Америке». (Уильям Кобетт, «Сельские прогулки верхом».)

Тех, кто по примеру Франции пытался организовать первые профсоюзы, бросали за решетку и обвиняли в государственной измене. А случалось, и отправляли на австралийскую каторгу, как «толпаддлскую шестерку» в 1834 г.

1816 г. — около тысячи человек организовали марш протеста, борясь за парламентскую реформу, давшую бы избирательные права гораздо большему числу англичан. Рассеяны вооруженными солдатами и «добровольцами».

1817 г. — трое руководителей так называемого «пентрихтского восстания» (инспирированного полицейскими провокаторами) повешены, через час тела сняты с виселицы и публично обезглавлены.

В те же годы началось луддистское движение (большинство его

руководителей так и не были обнаружены, их личности навсегда остались тайной). Люди врывались на фабрики, ломали и жгли станки. Владельцы защищались с помощью вооруженных охранников, были жертвы с обеих сторон. В деревне повстанцы, рассылавшие письма с угрозой поджогов от имени некоего «капитана Свинга», поджигали амбары с зерном, риги и сельскохозяйственные машины зажиточных фермеров из тех, что особенно жестоко обращались с батраками.

Тех, кого властям удавалось схватить, сажали за решетку и отправляли на каторгу. Наборщиков газеты «Таймс» посадили за «попытку создать незаконное объединение», то есть профсоюз. Многочисленный митинг в Манчестере разогнан отрядом армейской кавалерии — 11 убитых, 400 раненых (в том числе 113 женщин). На юге Англии дороги большинства графств патрулировали отряды солдат при оружии, сотни «специальных констеблей», кое-где даже выставлялись легкие орудия.

Чуть позже, в 1831 г., в Бристоле, повстанцы ворвутся в тюрьму и освободят заключенных, сожгут дворец епископа и здание ратуши, вызванные войска откроют огонь, убив 12 человек...

Теперь-то и становится ясно, что диккенсовский судья не был дураком, а «закон о мятеже» в 1827 г. ни капли актуальности не потерял. Просто-напросто судья слегка перегнул палку — услышав о неких «возмутителях спокойствия», сгоряча вообразил, что охватившие полстраны беспорядки добрались и до его тихого захолустья, поднял на ноги всех, кого мог...

Между тем прилежный читатель Диккенса никогда не заподозрит, что описываемая им английская действительность была далеко не столь безоблачной. Джентльмены викторианской эпохи, как и положено, старались не замечать особенно вульгарных сторон жизни, опасаясь излишних неприятностей с властью имущими...

Коли уж мы говорим об Англии, можно заодно развеять и еще одну устоявшуюся легенду — о работе знаменитого писателя Даниеля Дефо в британской разведке. Дефо своим присутствием украшал ряды совершенно другой конторы...

Разведка — это добыча сведений за пределами страны. Соответственно, контрразведка — борьба с агентурой других держав на территории собственной. Интересы мистера Дефо лежали совсем в другой области...

Согласно его собственной докладной записке, поданной спикеру палаты общин, он предлагал создать в юго-восточной Англии сеть секретных агентов, которые доносили бы о малейших признаках антиправительственных настроений.

Когда этот план был принят, Дефо сам и претворял его в жизнь.

1704 г. — Дефо под именем Александра Голдсмита совершил долгое путешествие, слушая разговоры в гостиницах, тавернах, омнибусах, пытаясь выяснить политические симпатии и определить шансы кандидатов правительства на парламентских выборах.

1706 г. — Дефо послан в Шотландию, чтобы определить отношение населения к готовившемуся тогда объединению с Англией, а также выявлять и ликвидировать любые заговоры, направленные против объединения.

1708 г. — Дефо вновь в Шотландии, выведывает настроения и планы сторонников свергнутой королевской династии Стюартов...

Это не разведка и не контрразведка. Подобное называется иначе — тайная политическая полиция. А заграничная сеть агентов во Франции была создана Дефо опятьтаки для слежки за эмигрантами, главным образом шотландцами...

О БУРУЧУКАХ, ЯМЩИКАХ И МОНЕТАХ.

Одним из доказательств того, что «монголо-татарское иго» действительно существовало, историки «классического» направления считают многочисленные монеты с Двужычными, русско-татарскими надписями. И. Г. Спасский так и пишет: «Татарские надписи, зачастую бессмысленные или даже нечитаемые, на ранних русских двужычных монетах в прошлом рассматривались как результат даннических отношений». И тут же уточняет, каким образом появлялись на свет эти двужычные монеты: «...в качестве образцов для копирования брались любые татарские монеты без разбора, часто старые, с именем давно умершего хана».

Интересные дела... Официальная наука с завидной регулярностью продолжает удивлять экстравагантностью суждений. Попробуем по уже знакомому нам методу перевести идею г-на Спасского на язык киносценария, диалога из жизни.

Несомненно, всем эскизам монет давал «путевку в жизнь» князь той или иной области — как оно испокон веков и обстояло везде, где чеканили деньги. Итак, князь восседает на «столе», глядя соколом. Входит денежных дел мастер Козьма и грустно сообщает:

— Новые деньги чеканить пора, княже. Поистерлись старые-то, никакого виду...

— Добро, — решает князь. — Пораскинул умом, как новая деньга выглядеть должна? На одной стороне придется по?нашенски писать, а вот на другой — по-татарски, ничего не поделаешь...

— Не первый год тружусь, княже, — со спокойной гордостью профессионала сообщает Козьма. — Вот, изобразил на пергаменте обе стороны, и лицевую, и, стало быть, обратную...

Князь разглядывает рисунок, морщится:

— Непонятно что-то. Откуда взял такие загогулины? Вроде и по-татарски, а не поймешь ничего...

— А это, княже, подручный мой, Ивашко, расстарался, — поясняет Козьма. — Глаза молодые у парнишки, углядел в хламе татарскую монетку, старую-престарую. И не поймешь, какой хан ее чеканил, что на ней выбито, всей мастерской думали, да так и не дошли своим умом. Каракули, прости господи... Однако ж надо нам новые деньги чеканить али нет? Разреши, княже, я на обратной-то стороне, на татарской, эти загогулины как раз и начертаю?

— А что! — подхватывает князь. — Золотая голова у тебя, Козьма. Непонятно, говоришь, какой хан чеканил? И когда? Ну да нам наплевать, коли денежки срочно выпускать нужно... Чекань по сему образцу, такова моя воля!

Вы способны поверить такой сцене? Гораздо более похожа на правду другая версия. Вот именно, угадали. О том, что никакой Орды не существовало, а двужычны монеты по той же простой причине, по какой Афанасий Никитин в своем повествовании столь свободно переходил с тюркского на русский и

наоборот...

Двуязычным было тогдашнее население Руси (она же — Золотая Орда), что и нашло отражение в монетном деле. Не произошло еще утверждения в качестве государственного только одного языка — русского. (Вспомним, что и на советских деньгах были надписи на языках союзных республик.)

С превеликой натяжкой еще можно объяснить «татаро-монгольским игом» тюркские надписи на монетах XIII в. Однако и в последующие эпохи, когда ни о каком иге не шло уже и речи... двуязычие сохранялось по-прежнему! Монеты Ивана Грозного, кроме русской надписи, несут еще арабскую, где Иван именуется «Ибан». На московских монетах, кроме того, попадаются татарские надписи. «Москов акчасы будыр» — «Это деньга московская». От «ига» давным-давно пропал и след... А татарские надписи на монетах остались! Что же, снова верить сказочкам о невежественных мастерах, которые хватали первую попавшуюся старинную монету и переносили непонятные им надписи на новые державные деньги?

И вновь в мировой практике не встречается примеров столь шизофренического поведения денежных дел мастеров.

Зато есть другие примеры. Монеты норманнских владетелей, правивших Сицилией, — с надписями по-латыни и по-арабски. Оказывается, в Сицилии жило много арабов, и потому тамошние деньги в определенные периоды были двуязычны.

О «нечитаемых» монетах. В их число относят и деньги типа, изображенного на **Рис. 19** .

Рисунок 19 .

Надпись на монете с **Рис. 20** гласит: «Государь всея Руси». Быть может, на «нечитаемой» стоят те же слова, но изображенные иным, забытым алфавитом, вариантом русской «скорописи»? Человеку, незнакомому со старинной русской «вязью», «скорописью», литореей, они могут показаться форменной «китайской грамотой», шифром, каббалистическими знаками...

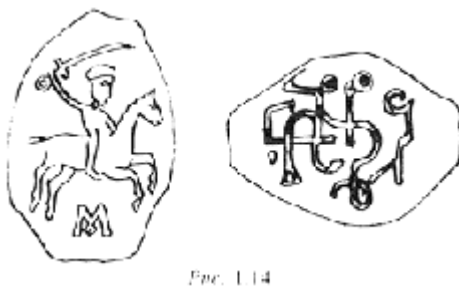

Рисунок 20.

На **Рис. 21** изображена тайнописная вязь, какой иногда писали свое имя и титул государственные деятели. Сложность подписи давала определенные гарантии от подделки.

Рисунок 21.

На **Рис. 22** — замысловатая вязь, приближающаяся к тайнописи. Так иногда писали имя и титулы российских царей.

Рисунок 22.

Любопытно, что именно с Суздальским княжеством (которое, по нашей реконструкции, как раз и стало центром «Золотой Орды») историки связывают примечательный факт: именно там дольше, чем во всех иных славянских землях, удерживались подражания ордынским монетам. Другими словами, именно там дольше всего чеканили двуязычную монету, суздальские мастера тщательнее остальных придерживались неких «эталонов»...

Сторонники глупой идеи о «бездумном заимствовании» первых попавшихся татарских надписей, имен давно умерших ханов, правы в одном-единственном: порой монеты с именем того или иного властителя чеканились не при его жизни. В Смутное время, когда бояре признали русским царем польского королевича Владислава и стали выпускать деньги с его именем, в Ярославле, где власть оказалась в руках Минина и Пожарского, «в противовес» этим деньгам чеканили монеты старого образца, с именем Федора Иоанновича, умершего пятнадцать лет назад...

Во времена совместного правления Петра и Ивана Алексеевичей для каждого из них чеканились особые монеты — отдельно с именем «государя Петра», отдельно с именем «государя Ивана». При плохом знании истории, при отсутствии надежных сведений о том времени возможны ошибки.

В герцогстве Варшавском при Фридрихе Августе I (1807—1814) из-за ошибки мастеров часть «тиража» монет в один грош вместо 1811 г. была датирована... 1311?м. Хорошо, что сохранились совершенно идентичные монеты

в три гроша, пять и десять с правильными датами, но все равно нельзя ручаться, что какого-нибудь богатого, но несведущего коллекционера не надули, подсунув «древность»...

Мне известен только один пример, когда неграмотные мастера копировали надписи, смысла которых не понимали. В 20?х — 40?х годах нашего века китайские оружейники, несведущие в иностранных языках и эмблемах европейских фирм, клеймили свои изделия самым фантастическим образом. Встречаются пистолеты с надписью «Браунинг» и фирменной эмблемой... «Маузер»! При этом сам пистолет являет собою некий уродливый гибрид.

Однако в данном случае речь идет о неграмотных кустарях, работавших в примитивных мастерских. Меж тем изготовление денег — дело государственное, там подобных курьезов просто не бывает.

Вернемся к нашим татарам. Одним из доказательств «ига» принято также считать изображение на русских и золотоордынских монетах так называемой «тамги», которую считают сугубо татарским знаком. Однако схожие «тамги» появляются то там, то здесь на всем протяжении русской истории, причем впервые — задолго до «монголов». **Рис. 23** — разные формы тамги на русских монетах, **Рис. 24** — та же тамга, но с росписи на колоннах Успенского собора Московского Кремля. **Рис. 25** и **Рис. 26** — символические знаки на бронзовой арке и русских женских украшениях XII в. **Рис. 27** — символы с киевского ритуального браслета XII в. **Рис. 28** и **Рис. 28а** — символы земли и воды на браслетах XII—XIII вв.

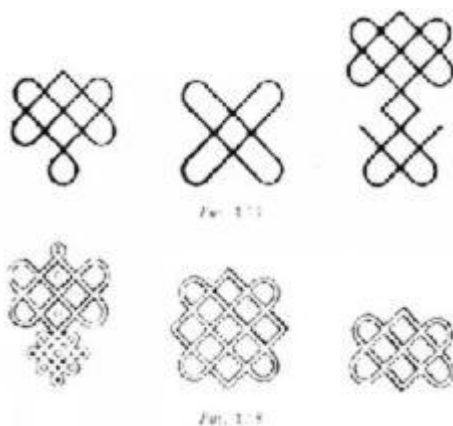

Рисунок 23.

Рисунок 24.

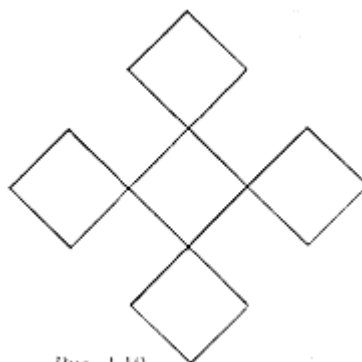

Рис. 119

Рисунок 25.

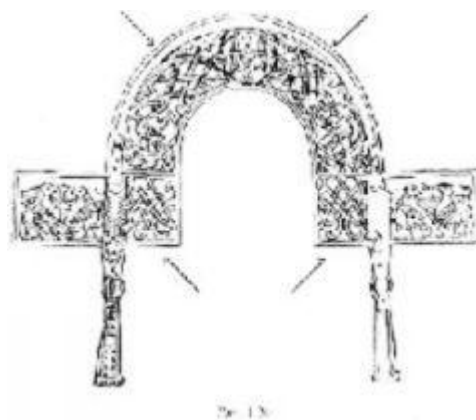

Рисунок 26.

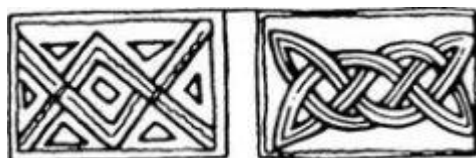

Рисунок 27.

Рисунок 28.

Рисунок 28а.

Даже во времена Александра III и Николая II почти идентичная «татарская тамга» в качестве декоративного узора присутствовала на медных деньгах Российской империи — *Рис. 29* и *Рис. 29а*.

Рисунок 29.

Рисунок 29а.

Одним из доказательств того, что «монголо-татарское иго» действительно существовало, историки «классического» направления считают многочисленные монеты с Двухязычными, русско-татарскими надписями. И. Г. Спасский так и пишет: «Татарские надписи, зачастую бессмысленные или даже нечитаемые, на ранних русских двухязычных монетах в прошлом рассматривались как результат даннических отношений». И тут же уточняет, каким образом появлялись на свет эти двухязычные монеты: «...в качестве образцов для копирования брались любые татарские монеты без разбора, часто старые, с именем давно умершего хана».

Интересные дела... Официальная наука с завидной регулярностью продолжает удивлять экстравагантностью суждений. Попробуем по уже знакомому нам методу перевести идею г-на Спасского на язык киносценария, диалога из жизни.

Несомненно, всем эскизам монет давал «путевку в жизнь» князь той или иной области — как оно испокон веков и обстояло везде, где чеканили деньги. Итак, князь восседает на «столе», глядя соколом. Входит денежных дел мастер Козьма и грустно сообщает:

— Новые деньги чеканить пора, княже. Поистерлись старые-то, никакого виду...

— Добро, — решает князь. — Пораскинул умом, как новая деньга выглядеть должна? На одной стороне придется по?нашенски писать, а вот на другой — по-татарски, ничего не поделаешь...

— Не первый год тружусь, княже, — со спокойной гордостью профессионала сообщает Козьма. — Вот, изобразил на пергаменте обе стороны, и лицевую, и, стало быть, обратную...

Князь разглядывает рисунок, морщится:

— Непонятно что-то. Откуда взял такие загогулины? Вроде и по-татарски, а не поймешь ничего...

— А это, княже, подручный мой, Ивашко, расстарался, — поясняет Козьма. — Глаза молодые у парнишки, углядел в хламе татарскую монетку, старую-престарую. И не поймешь, какой хан ее чеканил, что на ней выбито, всей

мастерской думали, да так и не дошли своим умом. Каракули, прости господи... Однако ж надо нам новые деньги чеканить али нет? Разреши, княже, я на оборотной-то стороне, на татарской, эти загогулины как раз и начертаю?

— А что! — подхватывает князь. — Золотая голова у тебя, Козьма. Непонятно, говоришь, какой хан чеканил? И когда? Ну да нам наплевать, коли денежки срочно выпускать нужно... Чекань по сему образцу, такова моя воля!

Вы способны поверить такой сцене? Гораздо более похожа на правду другая версия. Вот именно, угадали. О том, что никакой Орды не существовало, а двуязычны монеты по той же простой причине, по какой Афанасий Никитин в своем повествовании столь свободно переходил с тюркского на русский и наоборот...

Двуязычным было тогдашнее население Руси (она же — Золотая Орда), что и нашло отражение в монетном деле. Не произошло еще утверждения в качестве государственного только одного языка — русского. (Вспомним, что и на советских деньгах были надписи на языках союзных республик.)

С превеликой натяжкой еще можно объяснить «татаро-монгольским игом» тюркские надписи на монетах XIII в. Однако и в последующие эпохи, когда ни о каком иге не шло уже и речи... двуязычие сохранялось по-прежнему! Монеты Ивана Грозного, кроме русской надписи, несут еще арабскую, где Иван именуется «Ибан». На московских монетах, кроме того, попадаются татарские надписи. «Москов акчасы будыр» — «Это деньга московская». От «ига» давным-давно пропал и след... А татарские надписи на монетах остались! Что же, снова верить сказочкам о невежественных мастерах, которые хватали первую попавшуюся старинную монету и переносили непонятные им надписи на новые державные деньги?

И вновь в мировой практике не встречается примеров столь шизофренического поведения денежных дел мастеров.

Зато есть другие примеры. Монеты норманнских владетелей, правивших Сицилией, — с надписями по-латыни и по-арабски. Оказывается, в Сицилии жило много арабов, и потому тамошние деньги в определенные периоды были двуязычны.

О «нечитаемых» монетах. В их число относят и деньги типа, изображенного на **Рис. 19** .

Рисунок 19 .

Надпись на монете с **Рис. 20** гласит: «Государь всея Руси». Быть может, на «нечитаемой» стоят те же слова, но изображенные иным, забытым алфавитом, вариантом русской «скорописи»? Человеку, незнакомому со старинной русской

«вязью», «скорописью», литореей, они могут показаться форменной «китайской грамотой», шифром, каббалистическими знаками...

Рис. 114

Рисунок 20.

На **Рис. 21** изображена тайнописная вязь, какой иногда писали свое имя и титул государственные деятели. Сложность подписи давала определенные гарантии от подделки.

Рис. 115

Рисунок 21.

На **Рис. 22** — замысловатая вязь, приближающаяся к тайнописи. Так иногда писали имя и титулы российских царей.

Рис. 116

Рисунок 22.

Любопытно, что именно с Суздальским княжеством (которое, по нашей реконструкции, как раз и стало центром «Золотой Орды») историки связывают примечательный факт: именно там дольше, чем во всех иных славянских землях, удерживались подражания ордынским монетам. Другими словами, именно там дольше всего чеканили двуязычную монету, суздальские мастера тщательнее остальных придерживались неких «эталонов»...

Сторонники глупой идеи о «бездумном заимствовании» первых попавшихся татарских надписей, имен давно умерших ханов, правы в одном-единственном: порой монеты с именем того или иного властителя чеканились не при его жизни. В Смутное время, когда бояре признали русским царем польского королевича Владислава и стали выпускать деньги с его именем, в Ярославле, где власть

оказалась в руках Минина и Пожарского, «в противовес» этим деньгам чеканили монеты старого образца, с именем Федора Иоанновича, умершего пятнадцать лет назад...

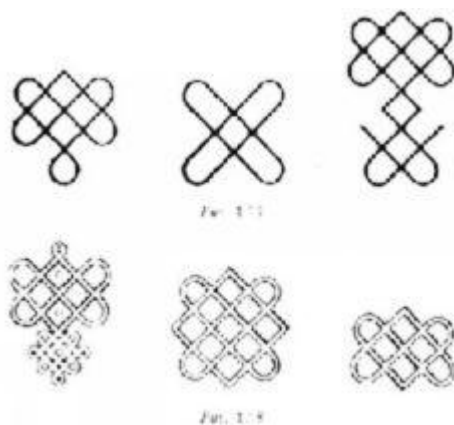
Во времена совместного правления Петра и Ивана Алексеевичей для каждого из них чеканились особые монеты — отдельно с именем «государя Петра», отдельно с именем «государя Ивана». При плохом знании истории, при отсутствии надежных сведений о том времени возможны ошибки.

В герцогстве Варшавском при Фридрихе Августе I (1807—1814) из-за ошибки мастеров часть «тиража» монет в один грош вместо 1811 г. была датирована... 1311-м. Хорошо, что сохранились совершенно идентичные монеты в три гроша, пять и десять с правильными датами, но все равно нельзя ручаться, что какого-нибудь богатого, но несведущего коллекционера не надули, подсунув «древность»...

Мне известен только один пример, когда неграмотные мастера копировали надписи, смысла которых не понимали. В 20?х — 40?х годах нашего века китайские оружейники, несведущие в иностранных языках и эмблемах европейских фирм, клеймили свои изделия самым фантастическим образом. Встречаются пистолеты с надписью «Браунинг» и фирменной эмблемой... «Маузер»! При этом сам пистолет являет собою некий уродливый гибрид.

Однако в данном случае речь идет о неграмотных кустарях, работавших в примитивных мастерских. Меж тем изготовление денег — дело государственное, там подобных курьезов просто не бывает.

Вернемся к нашим татарам. Одним из доказательств «ига» принято также считать изображение на русских и золотоордынских монетах так называемой «тамги», которую считают сугубо татарским знаком. Однако схожие «тамги» появляются то там, то здесь на всем протяжении русской истории, причем впервые — задолго до «монголов». *Рис. 23* — разные формы тамги на русских монетах, *Рис. 24* — та же тамга, но с росписи на колоннах Успенского собора Московского Кремля. *Рис. 25* и *Рис. 26* — символические знаки на бронзовой арке и русских женских украшениях XII в. *Рис. 27* — символы с киевского ритуального браслета XII в. *Рис. 28* и *Рис. 28a* — символы земли и воды на браслетах XII—XIII вв.

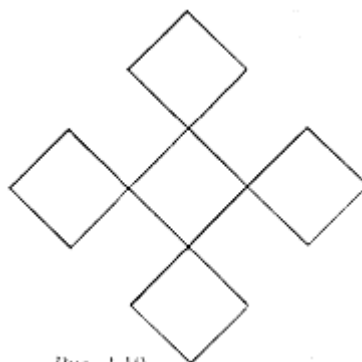

Рис. 1.19

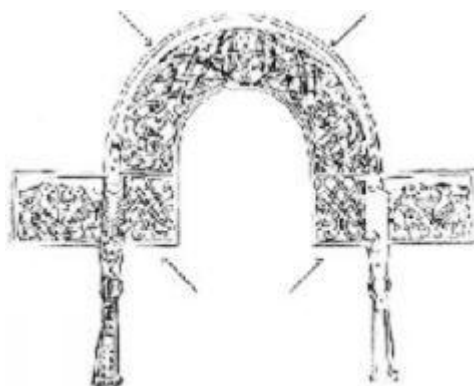

Рис. 1.20

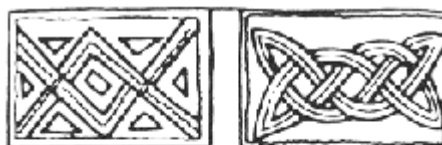

Рис. 1.21

Рис. 1.22

Рис. 1.23

Даже во времена Александра III и Николая II почти идентичная «татарская тамга» в качестве декоративного узора присутствовала на медных деньгах Российской империи — рис. 1.24 и 1.25.

Рис. 1.24

Рис. 1.25

Как ни удивительно, но двуглавый орел, по официальной версии заимствованный русской геральдикой из Византии, в 1472 г. впервые явился на Руси... столетием раньше, с монетами Джанибек-хана, якобы

«золотоордынскими». Любопытно, что время правления Джанибека считается «периодом расцвета денежного обращения в Золотой Орде»...

Что позволило группе академика Фоменко высказать дерзкую, крамольнейшую мысль: а не являются ли одним и тем же человеком Джанибек-хан и Иван Калита? Учитывая принятое в те времена обилие имен у одного и того же человека — крестильные, мирские, обиходные прозвища.

С уверенностью, конечно, утверждать трудно. Однако есть не менее любопытный факт: А. И. Лызлов в своей «Скифийской истории»... вообще не упоминает Ивана Калиту!

«Скифийская история» пестрит именами третьестепенных, ничем особенно не примечательных воевод, мурз, ханских детей, князей. Однако почему?то не упомянут вовсе великий князь Иван Данилович Калита — один из крупнейших государственных деятелей XIV века, с чьим именем справедливо связывается становление русского централизованного государства.

А может, упомянут? Только под другим именем, которое было хорошо известно современникам великого князя, а вот нами никак не связывается с Иваном Калитой? Нелишне уточнить, что прозвище «Калита» — гораздо более позднего происхождения, при жизни князя его так не называли...

Еще о «заимствованиях», якобы сделанных русскими у татар. Принято считать, что бунчук — исконно «монгольское» знамя. Кто, кроме степных кочевников, мог обзавестись в качестве штандарта конским хвостом на шесте?

Однако при вдумчивом изучении древних летописей внезапно обнаруживается русское знамя под названием «багряная чолка», существовавшее самое малое за полсотни лет до первого появления «монголов». Это выкрашенные в багряный цвет конские хвосты, прикрепленные к наконечнику воинского знамени. Как раз под «багряной чолкой» выступает на бой с половцами в 1185 г. князь Игорь...

Многие помнят, что в обиходе монголов широко использовалась так называемая «пайцза» — золотая, серебряная, медная или просто деревянная пластинка с рисунками и надписями. Пайцза служила чем-то вроде удостоверения личности, мандата, наделявшего его обладателя широкими полномочиями, подорожной — все вместе. Ее вручали послам, гонцам, чиновникам особых поручений, шпионам. В романе С.Бородина «Звезды Над Самаркандом» есть смешная сцена, когда у ордынского шпиона в бане кто-то ненароком взял его штаны с зашитой в ней пайцзой, надел вместо своих — и незадачливый шпион, не смея, конечно же, объяснить прямо, беспомощно бродит по предбаннику, украдкой щупая мотню у штанов, похожих на его собственные — что, понятно, вызывает массу недоразумений...

Считается, что саму идею пайцзы монголы заимствовали в Китае. Однако и здесь мы определенно имеем дело со случаем, когда мифическим «монголам» приписали нечто, не имеющее к ним никакого отношения. Во-первых, ничего похожего на пайцзу европейские путешественники, попав в Китай позже, не видели. Во-вторых, есть точные сведения, что за сотни лет до мнимого «монгольского нашествия» аналог пайцзы использовался в... древней Персии: «...идуший первым верблюд (его каравана) имел золотую пластину на лбу в качестве знака для всех встречавшихся, что путешественник был одним из друзей

хана и ехал по воле хана». «Монгольская» пайцза — за сотни лет до монголов!

«Татарским заимствованием» считается и отлаженная система почтовых трактов, «ямской гоньбы», якобы устроенная в покоренной Руси как раз монголами — чтобы их гонцы в кратчайшие сроки и без помех могли домчаться до родной Монголии, до стольного города Каракорума.

Вот только, как уже упоминалось, этот тракт «Волга — Каракорум» волшебным образом исчезает, навсегда проваливается в небытие уже в последней трети XIII в., сразу после смерти Батыя. Вместе со всей «империей на полмира»...

Зато обнаруживается, что налаженная система почтовой связи и дорог, по которым гонцы могли нестись с приличной для своего времени скоростью, заложена как раз первыми русскими князьями...

Сильвестровская летопись сообщает о том, как княгиня Ольга предприняла в 947 г. путешествие в Новгород, во время которого повсюду благоустраивала дороги, строила мосты?«перевесища» через Днепр и Десну, а кроме того, устраивала «повозы».

«Повоз» — это как раз и есть налаженная система доставки грузов и сообщений, при которой любой гонец, обладавший особыми полномочиями, мог получать в любом городе или селе княжества лошадей, еду, фураж, имел право без очереди переправляться через реки, пользуясь услугами гребцов. Обязанность поддерживать «повоз» в постоянной готовности — чинить мосты и дороги, содержать лодки, паромы и конюшни — возлагалась на местное население.

Которому, конечно, такие нововведения были не по нраву, потому что отрывали от привычных занятий. Восстание новгородцев в 1209 г. вызвано как раз «повозной повинностью». Страсти накалились до того, что горожане сбросили с моста в Волхов посадника Дмитрия и спалили его дом, а потом вели долгий торг со Всеволодом Большое Гнездо, пытаясь отвертеться от докучливых новшеств.

Как бы ни сопротивлялись местные жители, уже в X в. система «повозов» стала повсеместно распространенной и отлаженной. (Заметим в скобках, что она и в самом деле была «заимствованной», но — от Византийской империи.). В 1021 г. Ярослав Мудрый с дружиной погнался за вторгшимся в его земли полоцким князем Брячиславом. От Киева до реки Судомирь, где полочане были настигнуты и разбиты, — около восьмисот километров. Конница Ярослава преодолела это расстояние за неделю — что возможно только при отличном состоянии дорог и переправ.

Летом 1015 г. в Киеве умер Владимир Святославич, и к его сыну Ярославу в Новгород тут же помчались гонцы. Летописи сообщают, что скакали они и днем, и ночью — опять-таки это подразумевает отличное состояние дорог, ни один нормальный человек, какая бы нужда ни гнала, не поскачет посреди ночной темени по буеракам и колдобинам, где конь быстренько сломает шею, и поручение останется невыполненным...

В 1097 г. слуги великого князя Святополка Изяславича везут во Владимир?Волынский из Киева взятого в плен и ослепленного князя Василька Ростиславича. Летопись особо подчеркивает, что в ноябре дороги были неважные: «...по неровному пути...» Но даже по «неровному пути» телеги преодолели около 500 километров за шесть дней!

Кстати, гонцы, вообще те, кто торопился, ездили с запасными, «заводными»

лошадьми — хотя нас хотят уверить, что этот обычай опять-таки позаимствован у татар. В своем «Поучении детям» Владимир Мономах пишет: «Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговскими верхом с поводными конями помчался». То есть ехал с двумя? тремя лошадьми, временами пересаживаясь с одной на другую, благодаря чему и преодолевались без остановок большие расстояния.

Уже в XI в. на этих трактах появились постоянные дворы. В качестве курьезной подробности стоит упомянуть, что местные жители, несшие «повозную» повинность, недолюбливали все ее виды, кроме... паромных переправ. Секрет в том, что лошадьми, гребцами, едой и сеном для коней скакавшие по «казенной надобности» гонцы пользовались бесплатно — а вот за переправу на пароме все без исключения обязаны были платить, и часть платы шла «повозникам». Поэтому, когда переправу переносили в другое место, «повозники» били челом, прося, чтобы на новое место переселили именно их, а не возлагали столь доходную обязанность на тамошних обитателей.

Таким образом, «ямская гоньба» была не перенята от «татар», а заведена самими русскими еще в X веке.

Ипатьевская летопись, рассказывая о встрече с королем Венгерским и императорскими послами в 1249 г. Даниила Галицкого, сообщает интереснейшие подробности: «Немцы же дивились оружием татарскому: кони в личинах и в косярах кожаных, а люди во ярыцах...» То есть галицкие кони — в больших налобниках и кожаных пополах, а люди — в доспехах особого вида. Татар, заметим особо, в свите Даниила нет, ни одного.

Неужели после вторжения «татар» русские (в особенности ярый и постоянный противник «татар» Даниил) в кратчайшие сроки отказались от своего, проверенного парой-тройкой столетий вооружения, доспехов, конской сбруи, заменив все это на «татарское»? Нигде не упоминается, что «ордынцы» в приказном порядке требовали от «покоренных русских» срочно перенимать их сбрую и оружие. Да и в описаниях чисто кочевых народов ни разу не встречаются упоминания о том, чтобы их кони носили «личины» или кожаные попоны.

Вывод прост: русские и есть «татары». А потому сбруя галичан, все-таки немного отличавшаяся от западноевропейской, и была названа последними «татарской»...

С тем же Галичем связаны интереснейшие (и предельно достоверные сведения) о так называемых «галицких ордынцах».

Кто же это такие? Чистокровнейшие русские, составлявшие нечто вроде деревенской общины, несшие определенные повинности. К «орде» мог присоединиться любой — но при этом обязан был принять на себя пожизненную обязанность служить там. Руководили «ордой» «тивуны» (нечто вроде судей, термин явно произошел от древнерусского «тиун») и «предводители», которые именовались... «ватаманы»!

На «галицких ордынцах» лежали следующие обязанности: предоставлять запряженные повозки для перевозки грузов по первому требованию князя; постоянно держать смену лошадей в ближайшем замке, чтобы облегчать продвижение повозок; перевозить княжескую почту на расстояние не далее десяти миль; выставять четырех всадников в полном вооружении для любого похода, в котором принимает участие князь или каштелян (комендант

ближайшего замка) или местные дворяне; пасти и охранять княжеский скот; следить за плотинами на княжеских мельницах; обеспечивать повозками княжеских посланников и гонцов; сопровождать в качестве охранников проходящее через их земли княжеское посольство, направлявшееся в другие страны.

Когда Галич вошел в состав Великого Княжества Литовского, ничего не изменилось — еще в начале шестнадцатого века (когда и слуху не было уже ни о каких «монголах») «галицкие ордынцы» жили в пяти деревнях галицкого округа и в десяти деревнях львовского округа. Как и их деды-прадеды, они работали исключительно для русских, а впоследствии и литовских феодалов.

Достаточно убедительный пример, чтобы понять, чем же на самом деле была «орда» и «ордынцы». Чисто русские термины, обозначавшие русских, служивших русским. И не более того. Ни о каких повинностях «галицких ордынцев» по отношению к «татарам» не встречается в документах того времени ни строчки...

Более того, точно такие же «ордынцы», выполнявшие те же самые функции, существовали и на Руси. Впервые в московских документах они упоминаются в договоре меж Дмитрием Донским и его двоюродным братом князем Владимиром Серпуховским. Из этого и последующего договоров недвусмысленно явствует, что «ордынцы» во всех смыслах этого слова принадлежали московскому князю, были на положении его холопов.

По своему обыкновению, я припас напоследок маленькую сенсацию. Нас приучили считать, что упоминание в летописях слова «поганые» непременно означает сообщение о кочевых «нехристях».

Так вот, ничего подобного!

В Западной Европе, как выясняется, слово «паганус» — «поганые» означает не только «язычника», но и «крестьянина». Дело в том, что христианство распространялось в первую очередь в городах — и лишь потом в деревнях. Поначалу язычников-крестьян именовали в Италии «паганусы» — «поганые» — а потом, когда христианство достигло самых глухих уголков и «стерлись грани» меж городом и деревней, «паганус» стало обозначающим названием для крестьянина, пускай уже и не язычника.

Кто-то скажет, что это не аргумент. И будет прав. Но пойдем дальше. Выше, рассказывая о разорении Киева, учиненном в 1169 г., я умышленно выпустил из текста летописи одно?единственное слово. Теперь привожу фразу целиком:

«...и монастырь Печерский пресвятой Богородицы зажгли **ПОГАННЫЕ** ...»

Грабя и поджигая Киев, в том числе монастыри и церкви, **ПОГАННЫЕ** подожгли и Печерский монастырь. Но позвольте, в войске Андрея Боголюбского, разоряющем Киев, нет ни единого «нехристя» или иного «степного кочевника». Только русские дружинники одиннадцати князей!

Вывод однозначен: **СЛОВОМ «ПОГАННЫЕ» НА РУСИ ПОРОЙ НАЗЫВАЛИ НЕ ТОЛЬКО КОЧЕВНИКОВ-ИНОВЕРЦЕВ, НО И ПОПРОСТУ «ПРОТИВНИКА»**. Который сплошь и рядом был таким же русским, таким же христианином. А потому иные сообщения типа «налетели поганые и город пожгли» безусловно следует трактовать как нападения соседей, «иногородних», таких же славян. Вот только вели они себя сплошь и рядом не лучше «диких степняков» — но это уж общая беда того времени, когда до

понятия «национальное государство» оставались еще долгие века, что в России, что в Западной Европе. Вдали, во Франции, известный историк Филипп де Коммин, рассказывая в своих мемуарах о войне меж бургундцами и подданными короля, прямо-таки небрежно роняет фразы типа: «Герцог Бургундский подошел к городу Э, который был ему сдан, как и Сен-Валери; он велел сжечь все вокруг вплоть до самых ворот Дьеппа. Он взял и сжег Нефшатель, предал огню большую часть области Ко...»

Совершенно мимоходом предал огню — дело житейское... Кстати, в средневековые противника сплошь и рядом именовали «отродьем антихриста и другими, столь же нелестными прозвищами — хотя он и был таким же христианином, как те, чьи земли „антихрист“ привычно предал огню и мечу...

Так где же «заимствования»? Их попросту нет по одной простой причине — во-первых, многое из того, что считается «заемным», изобретено и устроено самими русскими, а во-вторых, во времена средневековья четкой границы меж русскими, татарами, половцами и печенегами *не существовало*. Не было противостояния, возникшего в более поздние века. Объяснялись меж собой без всякого труда, перенимали оружие, наряды и обычаи, роднились и без всяких церемоний переходили на службу от князя к хану и наоборот.

Простой пример: в войске Игоря Святославича, в 1185 г. столь неудачно сразившегося с половцами, шел боярин Ольстин Олексич. Который всего за год до того... воевал против Игоря в составе половецкого войска. Однако никто не вздумал ставить ему это в строку. На дворе стоял феодализм, и дело было насквозь житейское. В точности так же обстояло и в Западной Европе: сегодня два барона рубятся с рассвета до заката, завтра осушают бочку вина, празднуя свадьбу одного с дочкой второго (что не мешает им через месячишко снова схлестнуться). Феодализм. Понятия государства нет. Английский рыцарь может со спокойной совестью податься на службу французскому королю, и наоборот. Никто не назовет его предателем. Преступником он будет считаться только в строго определенном случае: если ушел служить *другому* королю *до того*, как истек срок данной им вассальной присяги.

ПРО УПЫРЯ И ЧЕРТА.

Пугаться не стоит — никаких «ужастиков» я в этом разделе рассказывать не буду. Просто целиком посвящу его средневековым именам.

Так вот, прослеживается многозначительная тенденция: сплошь и рядом, не имея дополнительных подробных сведений, прямо-таки невозможно определить, с кем имеет дело исследователь — с русским, половцем или татаринном, — если в старинных документах приведено только имя.

Среди половцев обнаруживаются ханы по имени... Глеб Тириевич, Юрий Кончакович, Роман Кзич, Данило Кобякович. Они могут быть только христианами, и никак иначе. Сразу ли поймешь, о ком идет речь, если о них повествуется без отчества?

Помните «ордынского царевича» Неврюя? Того самого, чья деятельность отчего-то связана с сугубо русскими делами вроде проведения княжеских съездов или умирения мелких сепаратистов силами русских же отрядов? Хотите знать,

как его звали?

Извольте. Заядлый «татарофоб» В. Чивилихин обильно и подробно цитировал летописи, повествующие о «нападениях злых татаровей». И настолько подчинил себя одной идее, что даже не заметил, с чем столкнулся...

Летопись от 1297 г. «В лето 6805 бысть рать татарская, прииде ОЛЕКСА Неврюй».

Оказывается, «татарский царевич» носил христианское имя Олекса, то есть, вне всякого сомнения, был крещеным («Олекса» — так не только в средневековье, но и в последующие столетия звучало имя «Алексей». Еще в XIX веке крайне распространена ласковая его форма «Олеша», «Олешенька»)

Кем же тогда был Олекса Неврюй? «Ордынским царевичем» или, что вернее, русским боярином?

Кем были «татары»? Особым народом или попросту **войском** ? Прочтите летописное сообщение от 1284 г. и судите сами:

«Великий князь Дмитрий Александрович пришел ратию к Новгороду, и с **ТАТАРАМИ** , и со всей Низовскою землей, и много зла учинил, и волости пожег».

Князь пожег волости, обратите внимание. Татары никоим образом не выступают в качестве самостоятельной силы — они ратники князя, не более того...

Тремя годами ранее тот же князь Дмитрий Александрович собрал войско в Переяславле и стал укреплять город. Далее, по летописям, «Орда послала на него рать многую, Туратемира и Алтына и многих татар». Сражения не было, князь отказался от своих неведомых замыслов.

Неведомых? Туратемир нам уже знаком. И Алтын знаком. И описанные события знакомы по другим, более подробным источникам. Более того, прекрасно известно имя предводителя той рати, в составе которой были Туратемир с Алтыном. Это — русский князь Андрей Городецкий!

Следовательно, «татары» вновь выступают в качестве простых ратников. Надо полагать, князь Дмитрий, как многие, попытался поиграть в сепаратизм. И ему объяснили, что он не прав.

После всего этого ничуть не удивляешься, когда узнаешь, что историю с «наездом» Ивана Калиты на Новгород в 1332 г. русский летописец излагает в следующем виде: «Великий князь Иван пришел из Орды, и воспылал гневом на Новгород, прося у него серебра закамского».

Новгород в те годы получал много серебра с Урала, с Камы. Калита, как ныне экс-министр Лифшиц, полагал, что «надо делиться». Вот и пришел «из Орды», то есть из своей ставки. Пришел, конечно же, «с татарами», то есть с войском — попробуйте без войска заставить кого-то поделиться серебром... [58]

Вновь, в десятый, сотый раз мы сталкиваемся с тем же — **НЕТ НИКАКОЙ ОРДЫ** . Вернее, Орда — и есть Русь, а татары — не более чем княжеское войско. «Татарский» налог, требующий отдавать десятую часть дохода — знакомая нам и по западноевропейской «десятине» практика, налог на содержание армии. А требование «отдать в Орду каждого десятого» — обыкновенный рекрутский набор. Каковые на Руси с древности и до наших дней сопровождались плачем и стенаниями...

Имеется в списке «вторгавшихся ордынцев» и чуточку загадочный «царевич Мазовша». Простите, но что это за странный ордынец, чье имя полностью совпадает с названием одной из исторических областей Польши — Мазовша?Мазовия? Быть может, это попросту мазовшанский шляхтич на русской службе?

Вот что писал девяносто лет назад Д. Иловайский о происхождении казаков:

«Черные Клобуки (кочевые племена с южных рубежей Руси — **А.Б.**) название получили от своего любимого головного убора, высоких бараньих шапок черного цвета. Верхи этих шапок делались иногда из какой-либо цветной ткани и свешивались набок (как у казаков). Их смуглые лица осенялись черными усами и бородами. Наиболее знатные носили широкие шелковые кафтаны персидского покроя (как и русские в последующие столетия — **А.Б.**) Поселенные на южных пределах Руси с обязанностью быть ее передовыми конными стражами от соплеменных с ними половцев, Черные Клобуки, естественно, подвергались неотразимому влиянию Русской народности и постепенному с ней слиянию... Скрещение Руси с этими инородцами положило начало той русско-украинской народности, которая позднее является в истории под именем Казаков или Черкас. Последнее имя указывает еще на примесь Прикавказских и Таврических Казар [59] или Черкесов, в разное время селившихся на русских укрainaх, особенно во время угнетения их родины Половцами и во время падения древнерусского Тмутараканского княжества».

Позднее и половцы начали переходить в христианство — не говоря уже об оседлых татарах. Так что на южных рубежах Руси не было ни абсолютно чужой «Орды», ни какого бы то ни было заклятого врага. Только вассальные и полувассальные области, где русские князья при нужде набирали дружины точно так же, как в исконно славянских землях.

Еще примечательное сообщение. В 1490 г. в Москву из Герата с просьбой о «любви, дружбе и союзе» прибыл посол султана Хуссейна-Мирзы, потомка Тимура. Посла звали Урус-богатырь — т.е. русский **богатырь** ! Другое значение тюркского слова «урус» мне попросту неизвестно.

Впрочем, тут нет ничего удивительного, если вспомнить, что знаменитые турецкие мамлюки набирались вовсе не из крохотного горного племени черкесов, а из черкасов, т.е. казаков, а также «кипчаков» — половцев, родственных славянам.

И совсем уж ничего удивительного нет в том, что «татары» при первой же возможности поселялись оседло в самых разных государствах. Далее мы подробно поговорим о Касимовском царстве на территории Руси. Не менее известны и «татарские» племена липеков-липков, осевшие в северо-восточной Польше и несшие службу по защите границ, которую можно охарактеризовать одним словом — «казацкая». Поселились «татары» и в Венгрии. Везде они подозрительно быстро забывают кочевые привычки — поскольку и не имели таковых никогда... Для сравнения стоит напомнить, что настоящих кочевников практически нигде и никому не удавалось «посадить на землю» — ни бедуинов, ни пуштунов...

Вывод? Татары никогда и не были кочевым народом — ну, быть может, на заре своего появления, в «доисторические» времена...

Теперь посмотрим на проблему имен с другой стороны. Поближе познакомимся с русскими именами.

Уже говорилось о новгородце по имени Черт. Под парю ему — новгородский священник по имени... Упырь Лихой! Отмечены в истории и поп Лихач (1161), поп Угрюм (1600), поп Шумило (1608).

Имя Волчий Хвост без всякого смущения носил... один из воевод Владимира Красное Солнышко. Вот вам несколько новгородцев: Гюрги Собышкинич, Ратмир Нематович, Гнездило Савин, Юрята Пинещинич, Намест, отчего?то летописцами отчества не удостоенный. Вот семейка XVI столетия: «А руку к сему приложили монастырский детеныш Медведко Филиппов, да дети его Тимофей, да Кот, да Комар Медведковы». Вот сыновья новгородского рыбака Линя: «Сом Линева, Ерш Линева, Окунь Линева, Судак Линева» (то-то шутником был несомненно, батяня Линь!).

Невероятно переплелись крестильные и мирские имена, к тому же снабженные прозвищами: «Митрополит волынский Никифор, а по прозвищу — Станило». «Преставился князь Михаил, зовомый Святополк». «Аз есмь великий князь Гавриил, нареченный Всеволод, самодержец Мстиславович». «И нарекли княжну при святом крещении Пелагия, звать же ее — Сбыслава». «Сын мой Остафий, который прозван был Михаилом». «Карпуша Ларионов, а прозвище Ивашко». «Ивашко, прозвище — Агафонко». «Казак Богдан, а имя ему — бог весть».

А еще в средневековье без малейших насмешек со стороны окружающих жили-поживали люди по имени Шуба, Суббота, Дорога.

Помните воеводу по прозвищу Тать Иван? А воеводу по прозвищу Турунтай, залетевшему в важнейшие государственные документы! Кстати, Богдан Хмельницкий в крещении вовсе и не Богдан, а — Зиновий...

Примечательно, что схожие порядки царили в Западной Европе.

Во-первых, имена переводились. Рыцарь Блюм из Германии, поступив на французскую службу, стал именоваться и в документах, и в обиходе «де Флер». Оба слова, и немецкое, и французское, означают «цветок».

Во-вторых, во времена Столетней войны, когда ни английский, ни французский языки еще не «устоялись», отмечены многочисленные курьезы. Скажем, в Англии до XIV века говорили на искаженном французском, и пивовары Лондона стали составлять деловые документы своего цеха на английском только... в 1422 г. Имена в документах писались разнообразнейше, их начертание зависело от того, кто взял в руки перо — английский писарь в Англии, французский во Франции, французский писарь на службе английской армии во Франции. И потому один из английских рыцарей значится в документе той эпохи как John of Pothe, Jehan Avothe, John Abote. Прибавит это в последующие столетия неразберихи, путаницы и головной боли будущим исследователям? Еще как...

Я привел все эти примеры, чтобы защитить не особенно сложный тезис: пестрота и разнообразие тогдашних «мирских» имен и прозвищ, сплошь и рядом употреблявшиеся вместо «крестильных» даже в делопроизводстве, как раз и привело к усугублению ошибок, когда скудные записи о действиях русских князей и русских ратей впоследствии принимались за свидетельства о «вторжении безбожных татар». Трудно ли истолковать запись «Ныне же поймал поганый

Угрюм князя Юрия и умучил его преждеостоко» как очередное воспоминание о «татарских зверствах»? Хотя в действительности подоплека была совершенно иной: некий русский по имени Угрюм убил половецкого хана Юрия, сводя какие-то счеты. А поскольку при этом Угрюм непочтительно накостылял по шее некоему иноку и забрал у него из погреба все меды, расположенный к Юрию инок, занося на пергамент последние новости, в сердцах обозвал Угрюма «поганым» — в точности как это сделали с дружинниками Андрея Боголюбского киевские летописцы, натерпевшиеся при погроме Боголюбским Киева...

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ КОРОЛЬ.

Вернее говоря, первый и последний. Речь идет о Данииле Галицком, единственном из русских князей, на законных основаниях носившим королевский титул, пожалованный папой Римским. О личности, особо замечу, проявлявшей в политике фантастическую неразборчивость (правда, когда речь заходит о владетельных особах, то, что в характере простого обывателя именуется «подлостью», касаемо титулованной особы называется уже «искушенностью в политических интригах»...).

Так вот, судьба этого короля, вся история общения Галицко-Волынского княжества с «татарами» полностью укладывается в нашу реконструкцию происходившего.

Рассмотрим более-менее подробно. Во время «татарского вторжения» Даниил скрывается в Польше и Венгрии (с владетелями этих стран он находился и в родстве, и в старой дружбе, так что гораздо больше внимания уделял чисто «европейским» делам, нежели русским). Когда угроза миновала, возвращается. Любопытное и многозначительное обстоятельство: возвращается не в стольный город Галич (из довольно туманных сообщений того времени можно и сделать вывод, что разрушены только стены и укрепления Галича, а сам город цел. Запомним это и вскоре вновь вспомним...).

Даниил не доверяет Галину. Почему? Да потому, что его бояре славятся постоянными «изменами» — и «измены» эти частенько заключаются в том, что бояре входят в союзы не с какими-то сторонними супостатами, а... с иными русскими князьями. А волховские князья, вассалы Даниила, как мы помним, мгновенно нашли общий язык с «татарами», от которых не потерпели ни малейшего урона.

Даниил, как показывает вся его последующая жизнь, — стойкий и постоянный ненавистник «татар» (правда, отчего-то щеголяет в «татарских» доспехах и сбруе, но этот казус мы уже подробно рассмотрели). С чего должен начать свою деятельность князь, решивший открыто, вооруженной рукой сопротивляться «татарам»?

Естественно, с поиска союзников в русской земле. Однако вот вам нелепейший на первый взгляд парадокс: после «Батыева нашествия» Даниил прожил еще двадцать шесть лет, однако никогда не пытался заключить союз против татар ни с одним русским князем. Объяснить это можно лишь при помощи нашей реконструкции истории: потому и вел себя так странно, что русские князья и были Ордой...

Маленький штришок к общей картине: вернувшись в свои владения, Даниил мгновенно поссорился с галицким епископом Артемием, открыто поддерживавшим в борьбе за престол Даниилова племянника Ростислава. Церковь тоже отчего-то была против Даниила. И разыгралась примечательная сцена: епископ (которому не причинили ни малейшего зла напавшие на Галич «татары») вынужден был бежать, а в погоню за ним бросились конники Даниила. Самого епископа не поймали, но разграбили его обоз, захватили слуг.

В 1245 г. Даниил, как пишут летописи, «ездил поклониться Батыю», то есть, надо полагать, Александру Невскому. И получил от «Батыя» тот самый «ярлык на княжение».

Однако втихомолку вступил в переписку с папой Римским и повел тайные переговоры о возможном присоединении княжества к «латинской» церкви. В конце 1253 (или в начале 1254) прибыл папский легат и торжественно возложил на Даниила королевскую корону. Ипатьевская летопись об этом сообщает так: «Он же венец от Бога принял, от церкви святых апостолов и от стола св. Петра и от отца своего папы Накентия [60] и от всех епископов своих».

Вскоре новоиспеченный король начинает «борьбу с татарами». Я не случайно заключил эти слова в кавычки, потому что боролся с татарами Даниил довольно своеобразно... Он напал на русские города в верховьях Южного Буга и Случи, на русские города в Киевской земле, на русское Волховское княжество. В довершение всего взял город Возвягл на Случи, сжег его дотла, а жителей (русских, естественно!) отдал «в подарок» своему брату и сыновьям. На этом «борьба с татарами» закончилась, король Даниил распустил войско... Которое так ни разу и не вступило в стычку с собственно татарами.

Так уж и не вступило?! По-моему, этот случай лишний раз доказывает, *кем* была на самом деле Золотая Орда. Теми, против кого Даниил и воевал. Волховские князья, другие русские области, опустошенные Даниилом, — это и есть Орда.

Немного погодя «татары» все же сделали ответный ход. К владениям Даниила приблизилась их рать...

Только не думайте, что она стала жечь, грабить, опустошать. Вызвав представителей Даниила на переговоры (сам он идти к «татарам» по вполне понятным причинам побоялся) , «ордынцы» потребовали... срыть укрепления Галича и других городов. То есть применили тот же метод, который был в столь большом ходу несколько сот лет спустя — когда короли и цари, борясь с феодалами, прежде всего заставляли удельных князьков срывать укрепления.

Стены разрушили. Валы срыли. Сам Даниил, что интересно, вместо того, чтобы организовать сопротивление «татарам», с частью дружины воевал в это время в составе венгерского войска против чехов. После чего «татары» мирно ушли, а галицко?волынская рать... отправилась помогать другому «ордынскому» военачальнику в войне против поляков.

Н. Костомаров, историк вдумчивый и отличавшийся железной логикой (и, между прочим, разоблачивший сто лет назад иные устоявшиеся в официальной истории мифы), порой, мне представляется, попадал впросак из-за нежелания расстаться с некоторыми догмами. Рассказ о разрушении укреплений в галицкой земле он сопровождал таким комментарием: «Брать укрепленные города осадой»

было не в духе татар, и потому-то татары так настаивали, чтобы в покоренной ими земле не было укрепленных мест». Решительно не представляю, чем Костомаров руководствовался, когда писал эти строки. Во-первых, по «классической» версии, до того, как прийти в Галицкое княжество, «монголы» как раз и «взяли осадю» превеликое множество городов от Пекина до Киева. И вдруг оказывается, что осады городов — совершенно не в татарском духе! Во-вторых, на Руси ни прежде, ни после «татары» никогда и ни от кого не требовали разрушать укрепления, пример с Галичем остается единственным исключением.

Воля ваша, но в данном случае Костомаров что-то не продумал как следует...

В последние годы жизни Даниил, вместо того, чтобы попытаться, наконец, найти союзников среди русских князей в борьбе с «татарами», занимался совершенно другим: по-прежнему впутывался в польско-венгерско-чешские дела, воевал с литовцами, старательно заселял свое княжество переселенцами из Германии и Польши. Умер первый и единственный русский король в 1254 г.

Что происходило дальше? Сын Даниила Лев никогда с «Ордой» не воевал, наоборот, пребывал с ней в самых теплых отношениях. В 1274 г. по его просьбе «ордынский хан Менгу?Тимур», чтобы поддержать Льва в его войне с литовцами, отправил татарское войско. Вновь, как и в рассмотренных нами прежде случаях, «татарское» войско состояло... из дружин Романа Брянского, Глеба Смоленского [61] и других русских князей. В 1277 «ордынская» рать вновь выступает на стороне Льва против литовцев, а в 1279 — против одного из польских князей. В 1291 г. Лев с помощью неизменных «татар» отвоевал у поляков ненадолго город Люблин. Как писал впоследствии историк, «дружба Льва с татарами простиралась до того, что он держал при себе татарских телохранителей».

Соответственно, «татары» так никогда и не вторгались в Галицко-Волынское княжество, и все обиды, которые якобы галичане потерпели от «ордынского» войска, заключаются в том, что «орда», проходившая по княжеству во время похода на Венгрию, разграбила несколько лавок, у кого-то отобрала коней, у кого-то — одежду. Что можно считать обычным бесчинством, какое позволяли себе проходящие по чужой земле войска, независимо от веры и национальности.

Одним словом, вся эта история может иметь одно?единственное объяснение: под именем «Золотой Орды» как раз и скрывалась Русь, а «татарами» были русские. Только в рамках этой гипотезы и поведение Даниила со Львом, и поведение «татар» выглядит вполне осмысленным, логичным, лишенным нелепостей, странностей, несуразностей...

О КОСВЕННЫХ УЛИКАХ.

Речь пойдет не о косвенных уликах, а как раз об их полном и донельзя загадочном отсутствии.

Известно, что чужеземное вторжение в ту или иную страну, если только завоеватели были не примитивными грабителями, спешившими поскорее скрыться с добычей, а стремились установить свое господство и остаться в качестве правящей элиты, отличалось некоторыми особенностями. Всегда в стране, попавшей под владычество иностранцев, вводились некие новшества, отличавшиеся от прежних порядков, установлений, обычаев.

Норманны Вильгельма (Гийома) Завоевателя [62] в самый короткий срок построили в Англии множество укрепленных замков, ничуть не похожих на прежние укрепления саксонских танов. Подавляющее большинство земельных владений поменяли своих хозяев, перейдя от саксов к норманнам [63] изгнаны из своих владений норманнами и ушедшим в «лесные братья».

Соответственно, изменились отношения меж податными сословиями и сеньорами, став больше похожими на «континентальные». Пришел новый язык, изменились даже границы церковных епархий.

Примеров в истории множество. С приходом завоевателей бывшую элиту сменяла новая, принадлежащая сплошь и рядом к другому этносу (Англия, Хорезм), пресекались старые династии королей и падишахов, менялась структура администрации (новые должности и их названия), количество и границы провинций, порой велась яростная борьба даже с безобидными старыми обычаями, порой менялись и вера, и само название страны.

Одним словом, всегда и везде новшества, вносимые завоевателями, были весьма обширны и качественно отличались от прежних установлений.

Всегда и везде... кроме подвергшейся «татаро-монгольскому нашествию» Руси.

Как ни бьешься, невозможно обнаружить ничего, хотя бы отдаленно похожего на занесенное завоевателями новшество. Ни в одной области жизни. Даже пресловутая «дань», которую пришлось выплачивать «татарам», не есть для Руси совершенно новым явлением. Испокон веков либо русские платили дань соседям, либо соседи русским, либо одни русские земли — другим.

Религия? Никаких покушений на нее не предпринималось, наоборот, «татары» наделили церковь еще большими льготами, чем имевшиеся прежде, а священники, за редчайшими исключениями, не пострадали.

Штурм и разорение городов? И здесь можно с уверенностью сказать, что «татары» ни в чем не превзошли прежних агрессоров — как мы помним, не гнушавшихся «обдирать» иконы в храмах, хотя сами были христианами, гнать на продажу монахов и монахинь помоложе и покрепче...

Вот примечательный случай из времен войны Новгорода с соседями. Зимой 1170 г. после военной победы новгородцы «наловили столько суздальцев, что продавали их за бесценок, по 2 ногаты» (в гривне было 20 ногат). Интересно, кстати, кому новгородцы сбывали живой товар? Летописцы об этом молчат. Вполне может быть, что и «бесерменам»...

Впрочем, тот, кто вздумал бы жалеть бедных суздальцев, столь безжалостно продаваемых в рабство, поторопится. Дело в том, что это как раз суздальцы заявили под новгородские стены в поисках добычи — и, надеясь на победу, заранее бросали жребий у себя в лагере, разыгрывая конкретные новгородские улицы, женщин и детей (так, между прочим, они годом ранее поступили и в Киеве). Делили шкуру неубитого медведя, а вышло совсем наоборот...

Кстати, будучи тогда в Киеве, ратники Андрея Боголюбского грабили всех подряд — «весь Киев, и игуменов, и попов, и чернецов, и латинян, и купцов чужестранных».

Чем отличаются от описании «татарского нашествия» следующие строки из летописи: «От княжых усобиц век людской сократился. Тогда в Русской земле

редко пахарь ступал, но часто вроны граяли, павших деля, и галнцы перекликались, спеша на еству»? Сообщение Киевской летописи о нападении на один из русских городов князя Игоря Северского (того самого, кому посвящено «Слово о полку Игореве»!): «...не щадя христиан, взял мечом город Глебов у Переяславля, и немало зла приняли тогда безвинные христиане: разлучен был отец с детьми своими, брат с братом, друг с другом, подруга с подругой, и дочери от матерей отняты были, и пришло все в смятение от полона и печали, живые мертвым завидуют, старцы печалуются, юноши изранены люто, немилосердно».

Если убрать из этой записи имя русского князя, совсем не трудно присовокупить и эту летопись к сообщениям о «татарских зверствах...»

Коварство «татар», нарушивших на Калке данное князьям честное слово, оказывается, имеет достаточно аналогов в русской истории.

В 1095 г. два половецких хана, Итлар и Китан, приехали в Переяславль, чтобы заключить мир с Владимиром Мономахом, которого историки называли впоследствии «наиболее рыцарственным из русских князей того времени, наиболее уважавшим клятвы и договоры».

Интересно, как же вели себя тогда «менее» рыцарственные? События разыгрались следующим образом: хан Итлар со своими людьми вошел в город и остановился на подворье воеводы Ратибора. Китан стал возле городских валов, по тогдашнему обычаю приняв к себе в качестве заложника сына Мономаха, Святослава.

Ночью Ратибор, его сыновья, киевский боярин Словята и дружинники стали уговаривать Владимира перебить половцев. «Рыцарственный» князь поначалу колебался, напоминая, что дал половцам клятву, однако оппоненты выдвинули железный довод: известно, что половцы частенько нарушают клятвы, а значит, и эти двое ханов могут оказаться клятвопреступниками, так что следует убить их раньше, чем успели проявить коварство...

Надо полагать, такая логика князя убедила быстро. Потому что дальнейшее разворачивалось в бешеном темпе: еще до рассвета воины Словаты подкрались к стану Китана, выкрали молодого княжича, а потом перебили хана со всеми его людьми. Надо полагать, это было сделано достаточно тихо — в городе никто и не встревожился. Итлар и его люди утром как ни в чем не бывало отправились в дом Владимира позавтракать и обогреться. Едва они вошли в горницу, вылетело несколько потолочных досок, и прятавшиеся на чердаке русские воины засыпали половцев градом стрел, уничтожив всех до единого.

На этом, знаете ли, не кончилось. Русские войска помчались в степь, к кочевьям убитых ханов, и застали половцев врасплох, не встретив ни малейшего сопротивления, — в кочевьях полагали, что их ханы сидят на честном пиру у Владимира, стоит мир, и опасаться нечего. Победители захватили богатую добычу — скот, добро, пленников.

Нужно ли удивляться, что на следующий год половцы в отместку дотла выжгли город Юрьев-на-Роси?

«Татар» принято упрекать в том, что они злодейским образом убили нескольких русских князей.

Снова — ничего нового. Лет двести до того русские князья убивали друг друга, в том числе — родных братьев. И не всегда просто убивали — в 1098 г.

внуки Ярослава Мудрого Святополк и Давид обманом захватили своего племянника Василько Ростиславича, которому в ту же ночь княжеские конюхи выкололи глаза. Когда Владимир Мономах принялся упрекать Святополка с Давидом (то, что они сделали, даже на фоне тогдашних буйных нравов было чем-то исключительным), братья, не моргнув глазом, заявили: Василько?де «замышлял» против них, вот они и опередили...

В 1153 г. великий князь Изяслав вступил в сражение с галичанами. К вечеру он велел своей дружине поднять галицкие стяги. Обманутые этой хитростью рассеявшиеся по полю галичане стали собираться к ним — и попадали в плен. Прикинув, что число пленных даже превосходит его собственную дружину, князь Изяслав велел перебить пленных, всех до единого (спаслись только немногочисленные бояре). По словам позднейшего историка, «такое вероломство и варварство против русских людей со стороны одного из наиболее любимых народом князей киевских вызвало у киевского летописца только следующее краткое замечание: „Великий плач был по всей земле Галицкой“».

На фоне всего этого сущим ангелом и голубиной душой выглядит старший сын Мономаха Мстислав. Враждуя с полоцкими князьями, он каким-то образом ухитрился захватить большинство из них вместе с женами и детьми. И, посадив на лады, отправил в Царьград к своему родственнику императору Иоанну Комнину. Там князья, по некоторым известиям, поступили на императорскую службу и отличились в походах против сарацин. А ведь мог и потопить в Днепре всех поголовно...

(Столь же кротким нравом отличался князь Владислав II, сын польского короля Болеслава Храброго. Прогневавшись на одного из своих бояр, он велел отрезать бедняге язык и выколоть глаза — но не препятствовал покалеченному сбежать на Русь. А мог бы и повесить...)

В этой связи стоит отметить, что в «Повести о битве на Калке» есть место, которому решительно нельзя доверять. Я имею в виду строки: «Собравшись, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И приняли они решение служить одному великому князю в матери всех городов Киеве».

Увы, эта сцена, якобы относящаяся к 1223 г., вовсе не подтверждается сведениями из реальной жизни. Дружинники, то есть профессиональные воины, жившие исключительно захваченной в битвах добычей и «данями», никак не могли, подрывая основы собственного благополучия, собраться все вместе и провозгласить «вечный мир». Более жизненна другая сцена: когда один из русских князей пошел в поход на русский же город и уже готов был покончить дело миром, его собственные дружинники, настроившиеся на добычу, резко этому воспротивились, заявив: «Мы их не целовать пришли». И форменным образом вынудили князя начать приступ...

Особо подчеркиваю: все вышеизложенное ни в малейшей степени не отличается от общеевропейской «практики». Такие уж времена стояли. Во Франции, скажем, идея национального государства, где обитают «французы», родилась только во второй половине XVII века. Только к 1445 г. удалось ввести практику, когда все официальные документы королевства писались

исключительно на французском языке. До того во многих провинциях их составляли на местных наречиях. Собственно французский употреблялся только в Париже и примыкавшей к нему области Иль-де-Франс. На юге был в ходу «романский язык», или «разговорная латынь». В Лимузене говорили на «лемози», а в Провансе — на «пруенсаль». На севере был в ходу диалект «ойль», на юге — «ок». Эти диалекты до сих пор в ходу. Можно вспомнить роман Мерля «Мальвиль» — его герои с юга Франции то и дело вынуждены переходить с местного языка на французский, потому что их друг-парижанин местного попросту не понимает...

Вполне естественно, что люди, говорившие на разных языках, ощущали себя «иностранцами» по отношению к тем, чей язык был непонятен. На Руси не было столь углубленных языковых различий, но, как видим, новгородцы без всякого внутреннего сопротивления торговали пленными суздальцами, а рязанцы — киевлянами (за долгие века до «невольничьих рынков Крыма»!)

Милый штришок, свидетельствующий о нравах той эпохи: москвичи частенько именовали рязанцев «полоумными людищами», а те, в свою очередь, любили говаривать, что «против московских трусов надобно брать не оружие, а веревки, чтобы вязать их».

Стоит ли удивляться, что сам Владимир Мономах, рассказывая о взятии Минска, в котором принимал участие, сознается: во взятом городе не осталось в живых «ни челядина, ни скотины»?

Между прочим, в глазах современников тех событий вся эта череда осад, захватов городов и безжалостного грабежа выглядела несколько иначе, чем в наших. Несмотря на писанные законы вроде «Русской правды» и «Салического кодекса», от Бискайского залива до уральских гор действовало так называемое «право обычая» (в Италии — «сейзина», в Германии — «гевер»). Грубо говоря, свершившийся факт как раз и становился законным аргументом. Если у западноевропейского герцога или русского князя хватало сил захватить какой-то город — сие автоматически и давало ему права владения. С этим обычаем в свое время оказались бессильны справиться даже римские папы...

Доходило, как водится, до курьезов, когда некое событие, совершившись два-три раза, превращалось в обычай. В начале IX в., когда в королевских погребах однажды не хватило вина, несколько бочек попросили у монастыря Сен-Дени. А потом... стали требовать такое же количество каждый год в качестве обязательной повинности. Чтобы ее отменить, понадобился особый королевский указ...

В Ардре какой-то сеньор завел у себя медведя. Местные жители, которым нравилось смотреть, как мишка дерется с собаками, неосмотрительно предложили его кормить. Косолапый вскоре помер, но сеньор требовал, чтобы ему и впредь приносили пищу в таких же количествах. Неудивительно, что распространилась даже особая формула «о ненанесении ущерба»: когда король просил денег у вассалов, а епископ недолгого приюта у коллеги, тот, кого просили об услуге, непременно подсовывал на подпись договорчик со стандартным оборотом: «Оказываемая мною любезность не должна быть впоследствии обращена в постоянную повинность с моей стороны»...

Мы, кажется, отвлеклись... Вернемся к «татарам».

Итак, дополнительным аргументом в пользу того, что «вторжение» насквозь выдуманно, является еще и то, что мнимое «вторжение» не внесло в русскую жизнь ничего нового. Все, что творилось при «татарах», существовало и раньше в той или иной форме. Нет ни малейших следов присутствия иного этноса, иных обычаев, иных правил, законов, установлений. Погромы, грабежи, клятвопреступления и убийства — всему этому с небывалой легкостью находятся аналоги в прежней русской истории. Вплоть до торговли пленниками.

А примеры особо отвратительных «татарских зверств» при ближайшем рассмотрении оказываются вымышленными. Как это было с В. Чивилихиным, сделавшим потрясающее открытие: оказывается, при осаде Козельска татары рубили павших на куски, вытапливали из них жир и этим жиром как раз спалили город...

Откуда же взял Чивилихин эти сенсационные факты?

Оказывается, позаимствовал из труда нашего старого знакомого, известного сказочника Плано Карпини. Это Карпини посреди прочих фантазий воткнул и такую: «...они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома, и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, как сказать, неугасимо».

О «неугасимости» человеческого жира — конечно же, наврано. Излишне добавлять, что ни один автор, кроме Карпини, о столь экстраординарном обычае «монголов» не сообщает.

Кстати говоря, обнаружились любопытные совпадения книги Матфея Парижского о «зверских нравах диких татар» и... древних пропагандистских трудов русских книжников о половцах. И там, и здесь «дикие кочевники» захлеб пьют кровь, за обе щеки наворачивают человечину, едят собак, падаль, волков, лисиц... И там, и здесь не приводится никаких конкретных примеров — хотя бы раз назвали имя бедняги, которого «дикие кочевники» слопали по своему обычаю. Нет подробностей. Не уточняется, кого съели кочевники, где, когда и при каких обстоятельствах. Повторяю, сходство столь поразительное, что я отныне подозреваю, что Матфей попросту прочитал старые русские рукописи, зачеркнул повсюду «половцев» и вписал на их место «татар»...

Даже Чивилихин, ненавидевший «татаровей» столь люто, словно они спалили его собственную дачу и охально избидели его собственную супругу, однажды расслабился интеллектом настолько, что вывел примечательные строки: «народная память хранила имена и деяния богатырей, олицетворявших сопротивление грабителям и захватчикам, которые слились в **СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ** „татар“...»

«Татар» заключил в кавычки не я, а Чивилихин, невзначай написавший истинную правду. СобираТЕЛЬный образ — в этих словах и кроется загадка...

А уважаемый мною Д. Иловайский написал следующее: «Жестокие пытки и кнут, затворничество женщин, грубое отношение высших к низшим, рабское низших к высшим и тому подобные черты, усилившиеся у нас с того времени, суть несомненные черты татарского влияния».

Можно подумать, что Западная Европа, где фальшивомонетчиков варили в масле, заговорщиков разрывали на куски лошадьми, а малолетних детей вешали за мелкие кражи, когда-то переживала «татарское иго». Можно подумать, это

«татары» пустили в обращение в Европе приветствие «сервус» (продержавшееся в иных странах до XX столетия), которое в буквальном переводе означает даже не «ваш слуга», а «ваш холоп». Можно подумать, в Европе «низшие» фамильярно хлопали «высших» по плечу, встретив на улице, — а «высшие» угощали «низших» табачком и расспрашивали, как идут дела с уборкой брюквы...

(Зато я согласен с Иловайским в другой его фразе. Там, где он пишет, что татарское иго оставило следы своего влияния «и в некоторых государственных учреждениях». Вот здесь все верно. Экс-министр финансов Лифшиц — сущий баскак из русских сказаний. Вспомните удалое: «Надо делиться!» Ну чисто Иван Калита под стенами Новгорода. Немногим уступает и Евгений Ясин, во время своего визита в Красноярск в июле сего года заявивший с кровожадным простодушием ханского баскака: «Налоги надо **ДРАТЬ** с богатых. Возьмите, например, и опишите все коттеджи в Красноярске, и забирайте с владельцев налоги». Быть может, это у них генетическая память вещует? Баскак-прапрадедушка о себе заявил?)

Известна поэтическая легенда о трагической смерти юного княжича Владимира Юрьевича — перед штурмом Владимира-города «злые татаровья», взявшие княжича в плен, убили его на глазах осажденных. Эта легенда самым удивительным образом во многом перекликается с реальными обстоятельствами смерти одного из знатнейших чешских магнатов, Завиша Фалькенштейна. История его любви к королеве, столкновения с королем, история, где причудливо (как водилось в средневековье) смешались измена, ратная храбрость, романтика и подлость, слишком длинна, чтобы ее тут пересказывать. Перейдем сразу к финалу.

В самом конце XIII в., когда Завиш попал в плен к людям короля, его долго возили по стране, объезжая один за другим замки родственников и друзей Фалькенштейна. И каждый раз повторялась одна и та же картина: неподалеку от стен палачи устанавливали плаху и призывали защитников замка сдаться, грозя, что в противном случае Завишу отрубят голову. Замки сдавались.

Замков было много, и продолжалось это долго. В конце концов Завиш, видимо, понял, что ему в любом случае не сносить головы, и возле крепости Глубокая стал кричать ее защитникам, что сдаваться ни в коем случае не следует.

Глубокая так и не сдалась. Завишу, естественно, снесли голову. Видимо, эта история, попав на Русь, под пером какого-то книжника позднейших времен и превратилась в сказание о княжиче Владимире...

Закончу этот раздел напоминанием об одном любопытном направлении средневековой мысли. Оказывается, средневековая Западная Европа... отчего-то была убеждена в существовании на востоке огромного царства некоего христианского властителя «пресвитера Иоанна», чьими потомками и считались в Европе ханы «монгольской империи»!

Это убеждение держалось чрезвычайно стойко — на протяжении более чем двухсот лет, сохраняясь еще в XV столетии!

Многие европейские хронисты «отчего-то» отождествляли пресвитера Иоанна с Чингисханом. Чингисхана, кстати, «отчего-то» именовали и «царем Давидом» (на Руси хватало князей с именем Давид).

«Некто Филипп, приор провинции Святой земли доминиканского ордена, —

пишет современный историк, — принимая желаемое за действительное, отписал в Рим, что христианство господствует везде на монгольском востоке».

Почему же — «принимая желаемое за действительное»? Так и обстояло.

«Монгольским востоком» была Русь, вполне христианская страна.

«Убеждение это (о существовании царства пресвитера Иоанна — **А.Б.**) сохранялось долго и стало неотъемлемой частью географической теории позднего средневековья».

Знаете, с кем, согласно европейским авторам, поддерживал «пресвитер Иоанн» особо теплые и доверительные отношения?

С Фридрихом II Гогенштауфеном! Тем самым, что стал единственным из европейских монархов, кто не испытывал ни малейшей тревоги при известии о вторжении «татар» в Европу. Единственным, кто переписывался с «татарами» — иИ, как показывает наша реконструкция, вел совместно с ними военные действия против папы.

А некий аббат Одо из монастыря Сен-Реми в Реймсе (1118—1151) писал своему знакомому графу Томасу, что находился в Риме, когда там пребывал патриарх из царства пресвитера Иоанна.

Слишком много совпадений, вернее, взаимно подтверждающих друг друга доказательств. В сочетании с тезисом о том, что никаких монголов из Центральной Азии никогда на Руси не появлялось, а «Орда» была не более чем русским войском, информация о «царстве пресвитера Иоанна» как раз и становится завершающим штрихом картины.

Иначе не объяснить, почему Европа более чем двести лет не сомневалась в реальности «Иоаннова царства». Можно допустить, что в Западной Европе XIII?XV вв. плохо знали о происходящем в ОТДАЛЕННЫХ краях вроде Индии, Индокитая, Индонезии. Так и было.

Но невозможно поверить, что западноевропейцы в те же времена получали в корне неверную информацию о том, что творилось на пространстве от польско-русской границы до Уральских гор. Не забывайте: начиная века с десятого, в Киеве, Новгороде и Смоленске обосновались довольно крупные общины купцов чуть ли не из всех западноевропейских стран. То есть жили там постоянно на протяжении столетий. А любой купец в те времена (да и в более поздние) — это всегда еще и разведчик, обязанный поставлять не сплетни и сказки, а точную информацию — политическую, военную, торговую. Можно ли допустить, чтобы Западная Европа, располагая столь старой и отлаженной осведомительной сетью, двести лет принимала за «царство пресвитера Иоанна» орды диких кочевников?

Ни в коем случае. Вспомните о священнике Монтекорвино, еще в 1290 г. побывавшем в Индии, — он сообщал не вымыслы, а точные сведения. Так что не следует переоценивать «темноту» европейцев.

Между прочим, самым загадочным образом сгинул бесследно отчет королю Людовику IX его посла, французского монаха Андре Лонжюмо, как раз и ездившего в Каракорум. Известно лишь, что Лонжюмо побывал... на южном и восточном берегу Каспийского моря. НАСТОЯЩИЙ Каракорум, как помните, располагался либо в Крыму, либо на Волге. Возможно, в последующие века отчет Лонжюмо стал неудобен как раз тем, кто запустил версию о Каракоруме, стоящем

посреди монгольских степей. Иногда рукописи горят...

Вообще, «классическая» теория, живописующая приход «диких монголов» из глубин Центральной Азии, захват ими Руси и прорыва их к Адриатическому морю плоха еще и тем, что постоянно заставляет нас считать идиотами обитателей чуть ли не всех стран, так или иначе соприкасавшихся в XIII в. с «татарами». В самом деле, сторонники «общепризнанной» версии приглашают нас верить, что:

1. Русские были идиотами, потому что даже после битвы на Калке не в состоянии внятно объяснить, с кем сражались князья.

2. Западноевропейцы были идиотами, потому что двести лет принимали диких кочевников за христианских подданных пресвитера Иоанна.

3. «Монголы» были идиотами, потому что лишь девятнадцать лет спустя после покорения Руси сообразили устроить перепись населения и разослать сборщиков дани.

А заодно с ними идиотами были: епископ Кромер, утверждавший, что на Польшу напала русская рать; мастер, изобразивший на надгробии герцога Генриха русского вместо «дикого татарина»; все русские и западные историки, причислявшие татар к европейским народам; летописцы, нарекавшие «ордынских ханов» христианскими именами; Батый, отчего?то скрупулезно продолжавший политику Всеволода Большое Гнездо вместо того, чтобы заниматься собственными делами; ученейший Лызлов, ни словом не упомянувший о «великой монгольской империи от Волги до Пекина»; и многие, многие другие.

Лично я в столь повсеместное и тотальное распространение идиотизма в строго определенный временной период поверить просто не в состоянии. Наша реконструкция событий хороша хотя бы тем, что не усматривает в прошлом столь несметного скопления идиотов, какое расплодили сторонники «классической» версии. У нас все как раз весьма логично, лишено нелепостей и несуразностей...

СЕВЕР И ЮГ.

В том, что со временем слово «татары» перестало означать «вооруженную силу», «войско» и прилепилось к конкретному народу, нет ничего удивительного. Почти схожие примеры в истории прекрасно известны: когда военный термин приобретал характер политического ярлыка, синонима. А то и наоборот...

«Мамелюками» в Венгрии в XIX веке звались приверженцы одного из тогдашних политических течений, а также группа депутатов парламента. Слово «янычар» сплошь и рядом становилось синонимом необузданности, зверства, вольницы — хотя термин «ени чери» на деле означает «новое войско». (В свое время войско янычар и в самом деле было «новым» по сравнению с существовавшей до того пехотой «яя».)

От слова «всадник» образовано французское и немецкое «дворянин», то есть «шевалье» и «риттер». «Улан» в турецком языке первоначально означало что-то вроде молодого холостого парня — из таких набирались особые конные полки. Впоследствии стало названием рода войск практически во всех европейских странах, как и «гусар» (первоначально «хусар» — что?то вроде удальца, сорвиголовы). Гусары участвовали еще в первой мировой войне, а уланы дали

свои последние бои в сентябре 1939?го...

Но самый яркий пример — «запорожец». Этот термин объединял людей любой национальности и любой прежней веры. В Запорожской Сечи мог остаться (при условии, что, каково бы ни было его вероисповедание допрежь, отныне он принимает православие) кто угодно — москвитянин, польский шляхтич, турок, степной кочевник, европейский искатель приключений. Постепенно этот плавильный котел превратил запорожцев в часть украинского народа.

Видимо, то же самое происходило и с татарами...

Кажется, настало время переходить к отточенным формулировкам и обобщающим гипотезам.

В моем представлении, дело обстояло примерно следующим образом. От Новгорода до Северного Кавказа [64] и восточных берегов Каспийского моря обитали если и не стопроцентно родственные по крови народы, то жившие в некоем симбиозе, опять-таки порождавшем многовековые родственные связи, соучастие в делах друг друга, полностью отвечавшее обычаям феодальной эпохи: когда вчерашние враги завтра объединяются против общего противника, а послезавтра этот противник становится союзником кого-то из тех, с кем только что воевал. Феодализм не знает непримиримых враждующих лагерей как меж родственными народами, так и внутри одного народа. Непримируемость, национальная или религиозная, некие четкие рубежи, по обе стороны которых обитают постоянные, заклятые враги — изобретение более позднего времени.

В этой причудливой смеси столь же причудливо формировались союзы, коалиции, браки, дружба и вражда. Москвитяне, русские, волжские болгары, половцы, печенеги, южные татары и «татары европейские», по большому счету, были обитателями одной огромной коммунальной квартиры, где хватает и пьяных драк, и умиленных лобызаний. Не стоит забывать, что в те времена религии были еще неустоявшимися, не обретшими тех четких «рубежей распространения», с которыми мы сталкиваемся в более поздние времена. А потому половцы и татары были христианами — а в северных русских землях все еще шла упорная борьба с остатками язычества. Ислам понемногу проникал в южные области «Золотой Орды» — т.е. огромного региона, объединявшего все вышеназванные народы. Но не стал еще автоматически связываться с понятием «татары». Словом «татары» по старой памяти назывались войска.

Первоначально я полагал, что безоговорочный разрыв меж Севером и Югом и в самом деле связан с именем хана Узбека, который в XIV в. железной рукой ввел на юге мусульманство, вынудив татарских приверженцев христианства массами бежать на север, на Русь. Однако углубленное изучение летописей и книг ранних историков вроде Лызлова показывает, что все гораздо сложнее, и процесс был не в пример более длительным...

При словах «Крымское ханство» в сознании у нас прямо-таки автоматически возникает образ лютых супостатов, то и дело совершавших набеги на Русь, чтобы уводить вереницы пленных и потом продавать их на невольничьих рынках.

Все верно. Вот только образ этот стал соответствовать истине лишь после... 1506 г. До этого обстояло совершенно иначе. Даже верные сторонники «классических» версий вынуждены сквозь зубы признавать: врагом России Крымское ханство стало лишь в начале XVI в.

Ранее этого времени мы сталкиваемся все с тем же симбиозом.

В XIII-XV вв. в Крыму преспокойно обитают генуэзцы и славяне. «Татарского» владычества, в общем, не чувствуется — один «татары» кочуют по крымским равнинам с табунами, зато у других — свои города [65]. На Руси тем временем потомки Александра Невского строят централизованное государство, опираясь на «татар», т.е. на войско, содержащееся на средства, собранные в виде «татарского» налога-десятины и состоящее из рекрутов, призванных по «татарскому» варианту мобилизации — т.е. служить обязан каждый десятый.

Управляющие Крымом ханы сплошь и рядом выступают как верные союзники славян. Более того, они частенько-вассалы славян...

Примеров множество. В 1421 г. крымчане — союзники великого князя Василия в походе на Казань [66]. Чуть позже помогают князю в его борьбе с печально известным Дмитрием Шемякой. В 1491 г., наоборот, русские войска появляются в Крыму, чтобы помочь хану Менгли-Гирею в его борьбе со своими сепаратистами. 1499 — Москва и Крым выступают на Литву, позже совместно воюют с той же Казанью и Польшей.

Когда в 1443 г. умирает бездетным крымский хан Девлет-Гирей, послы крымских татар в поисках нового владельца отправляются... в Польшу, к королю Казимиру! Дело в том, что именно в Польше, точнее, в Литве обитает Ачи-Гирей, имеющий больше всего прав на крымский стол. Литовский великий князь пожаловал Ачи-Гирею целый город, там он и обитает... Король Казимир, рассмотрев просьбу татар, утверждает Ачи-Гирея крымским ханом, и чтобы ввести его во владение, в Крым с ним вместе отправляется приближенный Казимира, «маршалек» Радзивилл.

Между прочим, в Литве с завидным постоянством находят убежище крымские, золотоордынские и казанские ханы, потерпевшие поражение в междоусобной борьбе. Не на юг отчего-то бегут, к мусульманам, а в христианскую Литву...

В 1444 г. под Рязанью внезапно появляется некий «ордынский царевич Мустафа» с «татарской» ратью. И просит... впустить его в город, чтобы перезимовать. Его впускают — как пишет в растерянности один из историков, «неизвестно почему».

Да, скорее всего, потому, что Мустафа не какой-то там дикий ордынец, *асвой*. Странны дальнейшие события — узнав, что Мустафа пребывает в Рязани, московский князь Василий Темный отчего-то разгневался и послал двух воевод с дружиной. Мустафа вынужден уйти из города, на него нападают с двух сторон: с одной — московская пешая рать, с другой лыжники-мордвины и рязанские казаки. (Впервые в русских летописях появляется это слово — «казаки».)

В конце концов Мустафу вместе с его отрядом уничтожили. История довольно грязноватая, не укладывающаяся в обычные штампы «злых ордынцев» и «защищающих отчизну русских»...

Давайте посмотрим список крымских, казанских и астраханских вельмож, выехавших на службу к московским государям.

1. Байтерек — астраханский царевич (при Иване III).

2. Царевич Исуп, как и Байтерек, племянник хана Шахмата?Ахмата (при Иване III).

3. Царевич Кайбул (при Иване IV).

4. Царевич Касим (при Василии Темном).

5. Царевич Кумы-Гирей — это уже несколько позже, при Федоре Иоанновиче.

6. Царевич крымский Мурат-Гирей — при Федоре Иоанновиче.

7. Крымский хан Нурдаулат (Нур-Даулет-Гирей). В 1478г. получил от московского великого князя в удел Городец.

8. Шигалей, крымский хан (при Василии III).

9. Царевич Эгуп (при Василии III).

Список далеко не полон, охватывает лишь наиболее знатных — а всего их за двести лет были многие десятки, положившие начало русским дворянским, а то и княжеским родам. Как по-вашему, могли бы все они так легко быть приняты в России, смогли бы так легко адаптироваться там, будь все эти люди «чужаками»? Да никогда в жизни! Здесь мы наблюдаем практически стопроцентную аналогию западноевропейской практике — когда англичане служили французскому королю, французы — английскому, а немцы — тем и другим. Все были свои, соседи, люди одного менталитета, спаянные общей историей, генеалогией, широко разветвленным родством и свойством.

(Между прочим, судьба царевича Шигалея — готовый сюжет для пухлого приключенческого романа. Судите сами. Выехал на русскую службу из Астрахани. Потом возведен Василием III на казанский престол. Свергнут сторонниками крымского хана. С русской ратью взялся разорять казанские земли, выстроил на них в 1523 г. город Васильсурск. 1531 — получил во владение Каширу и Серпухов. Вскоре «перед государем провинился гордостным своим умом и лукавым промыслом». О чем конкретно шла речь, сейчас неизвестно — но Шигалея отправили в ссылку на Белоозеро. 1535 — из ссылки его вернула княгиня Елена Глинская. 1539 — во главе русской рати разгромил под Костромой казанское войско. Вновь стал казанским ханом, но против него составили заговор, хотели убить, и Шигалей едва спасся. Участвовал в походе русских на Казань (1547), в строительстве города-крепости Свияжска (1551), награжден «золотым» [67] и посажен на казанский престол, освободил 60 тыс. русских пленников. Вновь казанская знать составляет против него заговор — Шигалей, узнав об этом, устраивает пир, приглашает на него заговорщиков, и его охрана прямо за столом приканчивает 70 человек. Не пожелал лично сдавать русским Казань, но в тайной переписке предлагал разрушить оборонительные укрепления города, чтобы Иван Грозный сам его взял. В 1552 г. покинул престол и удалился в Свияжск. Кончил дни касимовским царем.

Как вам биография?!

Вот о Касимовском царстве следует поговорить подробнее. Пример примечательный...

Около 1453 г. Василий II Темный пожаловал тому самому царевичу Касиму, выехавшему на Русь и помогавшему в войне против Шемяки, земли по левому берегу Оки. Разоренный Мещерский городок был отстроен вновь и получил название Касимов, а сам удел стал именоваться Касимовским царством. Просуществовало оно в составе Московского государства свыше двухсот лет. Касимовские цари, нужно обязательно отметить, впоследствии были вернейшими

вассалами Москвы. Кстати, первыми на призыв Минина и Пожарского пришли как раз касимовские «татары», а Лжедмитрия II убил касимовский дворянин с «татарским» именем Петр и «татарской» фамилией Урусов, т.е. Русский.

Как видим, вновь перед нами то, что можно называть исключительно «симбиозом». Не исключено, кстати, что Касим был христианином — исторически достоверные сведения гласят, что мечеть в Касимове построена лишь в XVIII веке.

Другими словами, Север, т.е. Русь и Юг, т.е. Крым, Казань и Астрахань до определенной времени действуют как некая общность. Все войны и раздоры, возникающие меж Севером и Югом, ничуть не отличаются от тех войн и раздоров, что имели место в «исконно русских» областях.

Ситуация резко меняется к концу XV века, и объяснение этому найти легко — часть Юга оказывается прочно привязана к исламскому миру. Турки в 1453 г. берут Константинополь, а в 1475 г. их сильный флот появляется в Крыму, покоряет тамошние итальянские города и мелкие княжества вроде Мангупского. Возникают новые «горячие точки», новая система военно-политических союзов. И возникает непримиримость. Название «Золотая Орда», отделившись от Руси-Татарии, становится обозначением одного Юга. Теперь это и в самом деле — «бусурманская» Золотая Орда, противостоящая христианской России, вообще славянскому миру. Теперь это — заклятый враг, с которым можно разговаривать только на языке силы.

Последние сторонники былой общности продержатся еще несколько десятков лет — но в конце концов всем им придется искать спасения на Руси. Меж Севером и Югом пролегла невидимая черта. Тут-то, такое впечатление, и начинает создаваться обширная пропагандистская литература, живописующая чужеземное, «ордынское» нашествие, случившиеся якобы в XIII в.

1506 г. Сразу несколько примечательных событий. Под Казанью разгромлено русское войско, причем один из русских воевод, боярин Шеин, попав в плен, был замучен — что полностью противоречиво прошлой практике. Последний крымский хан, еще пытавшийся как-то договариваться с Москвой, Шахмат, был свергнут, бежал в Литву, там оказался за решеткой и как-то очень уж кстати скончался по неустановленной причине (его приближенные, содержавшиеся под стражей в разных литовских городах, тоже вдруг поспешили умереть...)

Черта! После 1506 г. крымчане, казанцы и астраханцы уже всегда и во всем выступают в качестве заклятого врага России. Начинаются крымские набеги, жестокое противостояние... Память о прошлом понемногу размывается, начинает казаться, что «татары» всегда, с начала времен были лютыми врагами. Польские историки XVI в. еще помнят, кто вторгся в Польшу, а Лызов помнит, что татары вовсе не приходили из Монголии, — но впоследствии версия о «нашествии монголов» начнет победное шествие...

Вот только загадки останутся. К примеру, тайна хана по имени Нагой (Нагай). Есть такая, крайне таинственная фигура. Считается, что этот хан по имени Нагой жил во второй половине XIII — начале XIV веков, был потомком Чингисхана, почти сорок лет правил Золотой Ордой. Со «степняком-кочевником» отчего-то поддерживали отношения многие тогдашние владыки — русские князья, польские и венгерские короли, правители Болгарии (не Волжской, а

европейской), Сербии, а византийский император Михаил Палеолог даже выдал за хана свою побочную дочь Ефросинью (в юрту отправил? Кочевать с диким степняком? Утонченную византийскую даму? Что там насчет брюквы и дерева, гусakov и икры?).

Считается, что от хана Нагая как раз и пошло наименование народа ногайцев. Не знаю. Быть может. Однако, во-первых, даже официальная историография признает, что ногайцы впервые появились на исторической арене столетие спустя после смерти хана Нагая, а во-вторых, на Руси прекрасно известен старинный боярский род по фамилии Нагие. Мария Нагая была третьей женой Ивана Грозного, матерью незадачливого царевича Димитрия. Вот здесь созвучие имен Нагой-Нагие гораздо более многозначительно...

Не поискать ли нам в русской истории конца XIII в. могущественного князя, с которым поддерживали отношения польские и венгерские короли, правители Болгарии и Сербии, а византийский император даже выдал за него свою побочную дочь? Князя, правившего около сорока лет, распоряжавшегося другими русскими князьями, как своими вассалами? Причем сведения о нем в русской истории будут крайне скудными, подобно рассматривавшейся раньше нами паре: удивительно бесцветный, ничем себя не проявивший Батый и его современник, невероятно деятельный Александр Невский.

Пожалуй, подходящая кандидатура имеется — сын Александра Невского Даниил, которого историки считают «первоначальником» идеи собирания русских земель под руку Москвы. Несмотря на столь почетное звание, сведения о нем в русской истории крайне скудны. Его сын, знаменитый Иван Калита (который отчего-то совершенно неизвестен Лызлову) продолжал дело отца. Вместе они как раз и правили около сорока лет, сначала один, потом другой, причем с занятием престола Калитой, как мы помним, «татары» отчего-то «перестали воевать русские земли».

Я вовсе не утверждаю, что «хан Нагай» — это собирательный образ Даниила Александровича Московского и Ивана Калиты (прежде всего потому, что не производил скрупулезного расследования). Всего-навсего подробно обрисовываю выбранный мной метод расследования. Очень уж настораживают эти странные «пары» — «татарские ханы», о чьей деятельности рассказывается крайне подробно, и сопутствующие им по времени русские князья, весьма незаурядные, но отчего-то удостоенные в русской истории лишь скупых упоминаний. Или наоборот — напоминающий скорее бледную тень Батый и средоточие энергии Александр Невский, объединенные как раз общностью взятых на себя задач и целей, общими интересами. Если присовокупить к этому удивительное разнообразие мирских и крестильных имен, прозвищ... Словом, если кто-то другой потом возьмется изучать родословную Даниила Московского и Калиты и обнаружит, что женой кого-то из них была византийка, я особенно и не удивлюсь.

Гораздо больше меня увлекает другая загадка, на которую я не могу найти ответ по недостатку информации: почему традиция приписывает убийство хана Нагая «ордынцу» Тохте, но при этом прямо упоминается, что Нагая зарубили русские всадники?

Почему Узбек, этот якобы ревностный приверженец ислама, сделавший его

единственной религией Золотой Орды, в то же время, по сведениям русских летописей, выдает митрополиту Петру грамоту, в которой подтверждает все «Батыевы» привилегии церкви, а также... письменно просит митрополита молиться за него самого, его семью и его царство? А потом преспокойно позволяет своей дочери Кончаке выйти замуж за Юрия Даниловича Московского и принять христианство?

А еще меня привлекает интереснейший вопрос: с кем сражался на Куликовом поле Дмитрий Донской, и кому в 1480 г. противостоял на Угре государь всея Руси Иван III?

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА: СТАРАЯ ДИНАСТИЯ?

В «классической» историографии битва на Куликовом поле объясняется традиционно: «злой ордынец», татарин Мамай коварно вознамерился если не изничтожить Русь под корень, то по крайней мере «истребить веру христианскую, дабы заменить ее магометанской». Соответственно, Дмитрий Донской выглядит защитником Отчизны и христианства, а причины, побудившие его схватиться с Мамаем на Куликовом поле, предстают исключительно светлыми и благостными.

Вот только при любом мало-мальски скрупулезном расследовании мгновенно всплывают недоуменные вопросы...

За два года до Куликовской битвы, в 1378 г., московские полки воевали на реке Воже с «татарским мурзой» Бегичем, якобы подручным Мамаем. С этой битвы и начинаются вопросы...

Оказывается, после битвы на Воже русские захватили в подвергшемся разгрому татарском стане какого-то **ПОПА** «с мешком зелий и трав». Отчего-то этого попа мгновенно связали с весьма интересной личностью того периода — «мятежником и заговорщиком» Иваном Васильевичем Вельяминовым. Отец этого Ивана был последним, кто занимал в Москве высокую должность тысяцкого — нечто вроде градоначальника или мэра (но этот пост был наследственным). Дмитрий решил, должно быть, что «двум медведям в одной берлоге не ужиться», и пост тысяцкого отменил. Обиженный Иван, немало интриговавший против Дмитрия, бежал сначала в Тверь, потом... в Орду, то есть на Юг, уже почти отделившийся от Севера-Руси. И попа с ходу заподозрили в том, что он как раз и подослан отравить великого князя Дмитрия.

Таким образом сразу возникает интересная коллизия: выходит, события, именуемые «битва на реке Воже», каким-то боком были связаны со сложной интригой против Дмитрия, в которой участвовали тверичи, московские «эмигранты» и Орда... Бедного попа пытали и сослали в отдаленный монастырь, а в следующем, 1379 г., Ивана Вельяминова, каким-то образом выманенного на Русь, захватили в Серпухове агенты Дмитрия, привезли в Москву — и 20 августа казнили при большом стечении народа. Летописцы отметили, что у «многих смерть Вельяминова вызвала слезы» — очевидно, в этой интриге, во многом так и оставшейся для нас загадкой, симпатии немалой части москвичей были не на стороне своего князя. После этого долго и старательно охотились за сообщниками Вельяминова, казня их одного за другим, — все они, повторяю, были русскими.

А потом на Русь двинулся Мамай...

Во главе татарского войска, скажете вы?

Не угадали!

«Татар» в войске Мамаю как раз и не наблюдается. То есть, по традиции его воины именуются «татарами», но состав их иной:

1. Ясы и аланы (то есть православные аланы и осетины!).
2. Черкасы (то есть казаки!).
3. Половцы и печенеги (славяне!).
4. «Фряги» (генуэзские наемники).

Вскользь упоминаются еще некие «бесермены», но, судя по тому, что это название чересчур общее, скорее расхожее клеймо вроде «злых татаровей», особо верить в них не следует.

Что любопытно, Сергей Радонежский поначалу уговаривает князя Дмитрия уступить «татарским» требованиям. Мог бы он вести себя так, будь целью Мамаю уничтожение христианской веры, вообще Руси? Вряд ли. Значит, у Мамаю была какая-то совершенно другая цель...

Князь Дмитрий все же собирается на битву. Логично будет предположить, что, прослышав о грозящей Руси и православию беде, на помощь ему придут другие князья?

На подмогу к Дмитрию не пришел никто! Ни один независимый, владетельный князь! Даже тесть Дмитрия и его тезка, Димитрий Константинович Нижегородский, не прислал ни единого человека. Уникальнейший случай. Мог смалодушничать один, отвернуться другой, из-за каких-то своих соображений не участвовать третий, но чтобы все до одного князя отказались помогать в отражении нашествия «безбожных татар», включая родного тестя Дмитрия, — такого на Руси не бывало ни до, ни после...

В чем же дело? Быть может, все прекрасно отдавали себе отчет, что это не «нашествие безбожных татар», а некое дело, касающееся одного Дмитрия? Другого объяснения я что-то не вижу...

Потом, правда, прибыли четверо князей — два Ольгердовича, Андрей Полоцкий и Дмитрий Корибут Брянский. Все четверо — литвины. Ни один русский князь так и не появился. Только несколько мелких вассалов Дмитрия.

И вновь, как в случае с «Повестью о битве на Калке», я намерен пользоваться исключительно первоисточником — «Сказанием о Мамаевом побоище».

Н. Костомаров обозвал его «множеством явных выдумок, анахронизмов, равным образом и преданий, образовавшихся в народном воображении уже позже». И добавил в сердцах: «Эта повесть никак не может считаться достоверным источником».

Я же как раз и полагаю ее достовернейшим источником, при внимательном изучении работающим как раз против «классической» теории...

«Повесть» приписывает Мамаю интересное заявление: «Я не хочу так поступать, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны будут для нас — тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно проживем».

После этого Мамай рассылает своим «татаровьям» следующий приказ:

«Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба».

Каково?! «Пусть никто из вас не пашет». Мамай обращается к своим

подданным — следовательно, его подданные занимаются землепашеством. И никакие они не «дикие кочевники». Какое, к черту, землепашество у скотоводов-степняков?

Похоже, автор «Сказания», как ни обличал Мамаю, попросту не сообразил, что иные подробности как раз и противоречат образу «дикой кочевой орды»...

Далее. Дмитрий, отправляясь на битву, заранее позаботился о «пропагандистском обеспечении». Он берет с собой десятерых купцов-сурожан (сурожанами звали тех, кто постоянно торговал с городом Сурожем в Крыму, имея там, говоря современным языком, «торговые представительства»). Все десять купцов перечислены поименно: Василий Капица, Сидор Алферьев, Константин Петунов, Кузьма Ковря, Семен Антонов, Михаил Саларев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черный, Дементий Саларев, Иван Шиха. Особо уточняется: князь взял их для того, чтобы они «рассказали в дальних странах, как люди знатные». Рассказали о грядущей битве с Мамаем.

Снова перед нами нечто уникальное, не встречавшееся ни прежде, ни после. К чему, казалось бы, принимать заранее такие меры, если в других странах и так узнают, кто с кем дрался, кто победил? Нелепица какая-то...

А если — «лепица»? Если Дмитрий был как раз озабочен тем, чтобы в «дальних странах» узнали именно его версию событий? Сражение еще не состоялось, но уже готовы люди, которые готовы поведать Европе о нем...

Значит, существовала опасность, что «дальние страны» узнают не ту версию? Не правильную? Значит, для будущего сражения меж Дмитрием и Мамаем уже есть разные версии? У Мамаю своя, у Дмитрия своя, у кого-то, возможно, третья?

Если это предположение — сплошная чушь, зачем Дмитрий заранее позаботился о людях с репутацией, именем и весом, которые должны рассказать **а к** следует?

Что-то это мне напоминает... Ага, 1 сентября 1939 года, когда «коварные поляки» напали на радиостанцию в немецком городе Глейвице. И трупы «нападавших» готовы для обозрения, и репортеры как из-под земли выскочили, и свидетели имеются.

Можно вспомнить и советско-финскую войну. Не успели разорваться на советской территории «финские» снаряды, как с нашей стороны неведомо откуда появилась и армия вторжения, и даже настоящее «рабочее-крестьянское финское Правительство».

Короче, что-то тут с князем Дмитрием нечисто, что-то он хитромудрое крутит...

Тогда же случилась загадочнейшая история, которую можно объяснить исключительно в рамках нашей гипотезы.

Иеромонах Даниил, ранее служивший при храме в «Орде», давно и долго ссорился с Дмитрием Донским. Он резко выступал против попытки Дмитрия назначить митрополитом всея Руси своего кандидата протопопа Митяя (это отдельная, прямо-таки детективная история, Митяй умер при загадочных обстоятельствах, когда плыл в Константинополь за благословением тамошнего патриарха).

Так вот, Даниил, покинув «Орду», обосновался в Троице-Сергиевой лавре и развернул бурную деятельность, призывая русских князей оставить распри и

совместно выступить против «Орды». Продолжалось это довольно долго. Логично будет предположить, что Даниил, известный своей нестигаемой антиордынской позицией, окажется при Дмитрии Донском, когда тот двинется на Мамай.

Однако происходит фантастический вираж, которому историки до сих пор не могут подыскать вразумительных объяснений, — потому что увязли в плену «классической» версии. Когда полки Дмитрия приходят на Куликово поле, Даниил вдруг обнаруживается в стане... великого литовского князя Ольгерда, союзника Мамае, идущего на подмогу «татарам»! (Ольгерд немного опоздал и, узнав о поражении Мамае, благоразумно отступил.)

Так *кто* же был «Ордой»? Если признать, что Дмитрий Донской, поведение Даниила как раз логично и вполне объяснимо...

Между прочим, в воинстве Дмитрия, оказывается, есть и... разбойники.

Основание? Цитирую «Повесть»: «...некий муж, именем Фома Кацибей, **РАЗБОЙНИК**, поставлен был в охранение великим князем на реке...» Князя, значит, с Дмитрием не пошли, а вот разбойники пошли.

Интересно...

А вот Мамай, кстати, сопровождают не «разбойники», а князя и бояре...

Далее. Выехавший драться с Пересветом «татарин», обычно именуемый «Челубеем»... вовсе не татарин, а печенег, как сообщает нам «Сказание». Что ж, ничего удивительного, мы уже подробно рассмотрели этот вопрос и убедились, что куда половцы и печенеги не «исчезали», а спокойно жили и в XIII веке...

Крайне загадочным выглядит и поведение самого Дмитрия на поле Куликовом. Если называть вещи своими именами, он прячется. Отдает свои доспехи и коня ближнему боярину, ставит его под великокняжеское знамя, а сам в обличье простого воина становится в ряды. Не для того ли, чтобы легче было скрыться при неудаче? Как я ни рылся в описаниях разных и всяческих битв, аналогии поведению Дмитрия подворачивались исключительно... гм, не самые благородные. Предводители, старшие командиры, офицеры меняют свой наряд на одежду рядового солдата только для того, чтобы скрыться от победителей в обличье «сиволапой пехтуры», с которой все взятки гладки. Если у кого-то есть другие версии, по которым поведение Дмитрия выглядит благородным, интересно будет их выслушать...

И, наконец, вот что говорится о Мамае: «Безбожный же царь Мамай, увидев свою гибель, стал призывать богов своих...»

Знаете, каких? Ну, Магомета, конечно. Однако Магомет на самом последнем месте...

«...богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия, и Хорса, и великого своего пособника Магомета».

Вот так. Отчего-то Мамай призывает старых богов, и Перун с Хорсом — уж точно славянские... Кто такой Салават, мне попросту неизвестно — но уж никак не мусульманский святой... А Раклий, по некоторым сведениям, — другое имя Семаргла, а Семаргл опять-таки языческий бог Древней Руси.

Между прочим, имя «Мамай» частенько встречается у казаков Запорожья.

Более того, «казак Мамай» — один из любимых героев украинского фольклора.

Забегая вперед, упомяну о том, что теперь мне как-то по-иному представляется смерть Мамай в Кафе — после того, как в окружении Дмитрия замаячили сразу десять купцов, тесным образом связанных с Крымом, впору задаться вопросом: быть может, мы зря обвиняем в убийстве Мамай генуэзцев?

Так кто же с кем воевал на Куликовом поле? Почему и за что?

Каждый, разумеется, волен держаться своих предположений — принимать «классическую» версию либо выдвигать собственные. Дело это сугубо добровольное. Однако я сам отныне не в силах отделаться от впечатления, что на Куликовом поле столкнулись две династии — старая и новая. Быть может, существовали некие неизвестные нам династические связи, давшие в свое время «ордынцам», то есть жителям Южной Руси, повод претендовать на власть над всей Русью. Быть может (учитывая упоминание о «старых», языческих богах), это была последняя попытка «староверов», под которыми в данном случае понимаются славяне?язычники, взять верх над христианами. В любом случае веры в «классическую» версию о диких кочевниках, «злых татаровьях» и благородном князе Дмитрии у меня больше нет ни на грош...

Если Мамай (интересно, под каким еще именем он был известен современникам?) представлял людей, имевших какие-то законные права на московское княжение — или сам был обладателем такого права, — все несуразности и нелепости, неизбежные при «классической» трактовке событий, как раз получают логичное объяснение. Понятно теперь, почему князя оставили Дмитрия один на один с проблемой, почему Сергей Радонежский отговаривал Дмитрия от сражения, почему в Мамаевом войске вдруг обнаруживается русский поп, а в его ставке — «политэмигранты» из Москвы, наконец, почему подданные Мамай — оседлые землепашцы.

Не было никаких «злых татаровей». На Куликовом поле сошлись единокровные враги. «Спор славян между собою» шел из-за московского престола — и только. А это коренным образом меняет дело...

Быть может, имеет смысл посмотреть другими глазами и на не менее известное событие — «сожжение Москвы Тохтамышем» в 1382 г.

Классическая версия незатейлива, она гласит: получив известия о приближении к Москве Тохтамышевой орды, Дмитрий Донской покинул город и отправился в свою «летнюю резиденцию» Кострому, где принялся собирать рать.

Позже к нему присоединились его супруга, великая княгиня Евдокия, и глава русской церкви митрополит Киприан. Татары, обманом ворвавшись в город, устроили жуткий разгром...

В который раз обращение к подробностям приносит немало загадок...

Во-первых, в Москве в это время происходил охвативший весь город бунт. Простолюдины громили дома богачей, разбивали винные погреба, убивали и грабили. Великую княгиню выпустили из города, но не разрешили взять с собой драгоценности и казну. После чего грабители собрали свое вече и провозгласили воеводой неизвестно как оказавшегося в городе литовского князя Остия, которого Никоновская летопись называет внуком Ольгерда (напоминаю, в те годы Литва была злейшим врагом и соперником Москвы).

Во-вторых, митрополит Киприан поехал не в Коломну, а в... Тверь (опять-таки к врагам и соперникам Дмитрия). После этого в город и ворвался

Тохтамыш... В город, где давно уже свирепствовали грабежи и резня.

Как же поступил Дмитрий, собрав под Коломной войско? Догнал татар и обрушился на них, мстя за разорение Москвы?

Ничего подобного. Рать Дмитрия обрушилась... на Рязань, не сделав ни малейшей попытки преследовать татар!

Быть может, никаких татар и не было? А имел место примитивный бунт москвичей против ДМИТРИЯ, Дмитрием же и подавленный с обычной для тех времен жестокостью? Более того, не просто бунт, а заговор против князя Московского со стороны Рязани, Твери и Литвы?

В эту гипотезу очень уж хорошо укладываются все известные нам факты. И то, что воеводой был избран чужак-литовец. И то, что митрополит Киприан уехал в Тверь (летописи сообщают, что практически сразу же меж ним и Дмитрием возник острый конфликт, митрополит надолго перебрался в Киев — а Киев тогда находился под властью литовских князей...). И то, что Дмитрий не пытался преследовать татар, зато ударил на Рязань.

Любопытно, что историки в один голос пишут: сразу после «сожжения Москвы Тохтамышем» Рязань и Тверь отказались впредь признавать старшинство Дмитрия — другими словами, перед нами явная и недвусмысленная попытка очередного сепаратистского выступления. Удавшаяся попытка. Которая, надо полагать, и началась с бунта в Москве — а последующие события на какое-то время притормозили процесс собирания русских земель под руку Москвы, под власть потомков Невского-Батыя.

И, наконец, как писал Г. В. Вернадский: «...из персидских источников известно, что в 1388 г. русские войска составляли часть великой армии Тохтамыша».

Часть? Или все войско? Снова перед нами примелькавшийся факт: войска под командованием «ордынского хана» на поверку оказываются состоящими из русских.

И последнее. Оказывается, и Дмитрий Донской, и Тохтамыш разбивали Мамая через три года после Куликовской битвы. В одно и то же время. Даже описания разгрома кое в чем совпадают.

И вновь возникает вопрос: Дмитрий Донской и Тохтамыш — два человека или один?

Не удивлюсь, если верно как раз последнее...

Нелишне будет вспомнить, что в то же самое время на противоположном конце Европы происходили, в общем, схожие события — уже более шестидесяти лет продолжалась англо-французская война, которой суждено было длиться еще примерно столько же и войти в историю под названием Столетней (хотя воевали около ста шестнадцати лет).

Причины как раз династического порядка. Английский король был женат на французской принцессе и некоторые французские сеньоры были его вассалами. Когда во Франции пресеклась очередная королевская династия, английскому монарху хватило двух вышеупомянутых обстоятельств, чтобы претендовать на французскую корону. И началась война, конца которой дождались лишь правнуки тех, кто ее развязал...

Мы вновь сталкиваемся с несуразностями, недомолвками и откровенными

умолчаниями, когда речь заходит о «стоянии на Угре». Как помнят те, кто получал хорошие отметки по истории, в 1480 г. войска великого князя московского Ивана III, первого «государя всея Руси» (т.е. властителя объединенной державы) и «орды» татарского хана Ахмата (Шахмата) встали на противоположных берегах реки Угры. После долгого «стояния» татары отчего-то пустились в бегство — и это считается концом «ордынского ига» на Руси.

Темных мест в этой истории — несказанное множество...

Начнем с того, что знаменитая картина, попавшая даже в школьные учебники, — «Иван III топчет ханскую басму» — написана на основе не подлинного события, а легенды, сочиненной лет через семьдесят после «стояния на Угре». Никакие ханские послы к Ивану не приезжали, и никакую ханскую грамоту? «басму» он в их присутствии торжественно не рвал...

Но это — запев, присказка, сказка будет впереди... И вновь на Русь идет супостат, иноверец, грозящий, если верить современникам, самой вере христианской, самому существованию Руси. Что же, все в едином порыве готовятся дать супостату отпор?

Да ничего подобного... Снова, как и в случае с Дмитрием Донским, мы сталкиваемся с удивительной пассивностью и разбродом мнений. При известии о приближении Ахмата на Русь, полное впечатление, что-то происходит. Нечто, до сих пор непроясненное до конца. Реконструировать его можно попытаться лишь по скудным, отрывочным сведениям...

Оказывается, Иван III вовсе не горит желанием идти сражаться с супостатом. Ахмат еще далеко, в сотнях километров, а супруга Ивана, великая княгиня Софья... бежит из Москвы, за что удостоилась от летописца самых обличительных эпитетов. Мало того, параллельно в княжестве разворачиваются некие загадочные события. «Повесть о стоянии на Угре» повествует об этом так: «В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался». И далее — более чем таинственные слова о тех самых загадочных событиях, единственное упоминание о них: «А тем землям, по которым она бродила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, Господи, по коварству их поступков, по делам их рук дай им... ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви... и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба...».

О чем идет речь? Что сотворили бояре? И здесь, и в других местах обличительный пафос летописцев достигает такого накала, что становится ясно: с такой яростью могут выражаться только современники событий, свидетели, очевидцы. Слишком свежа и неподдельна злость...

Что происходило в стране? Какие поступки бояр навлекли на них обвинения в «кровопийстве» и отступничестве от веры?

В точности неизвестно до сих пор. Немного света проливают, правда, сообщения о «злых советниках» великого князя, которые советовали не биться с татарами, а... «бежати прочь»!

Известны даже имена «злых советников» — Иван Васильевич Ощера Сорокоумов-Глебов и Григорий Андреевич Мамон. Самое любопытное, что сам великий князь, в отличие от исходящего злобой летописца, не видит в поведении

двух ближних бояр ничего предосудительного — и впоследствии на них не ложится ни тени немилости, и после «стояния на Угре» оба до самой смерти своей пребывают в фаворе, получая новые пожалования и должности...

В чем же дело? Вовсе уж глухо, предельно туманно сообщается, что Ощера и Мамон, защищая свою точку зрения, упоминали о необходимости соблюдать какую-то «старину». Иными словами, великий князь должен отказаться от сопротивления Ахмату, чтобы... соблюсти какие-то древние традиции!

Вот это поворот! Выходит, Иван нарушает некие старые традиции, решив сопротивляться! Но тогда Ахмат, соответственно, предстает в своем праве?

Иначе эту загадку объяснить невозможно.

Что, если, как и в случае с Дмитрием Донским, перед нами чисто династический спор? Вновь на московский престол претендуют двое — представители относительно молодого СЕВЕРА и более древнего ЮГА, и право Юга, такое впечатление, более весомо... У Ахмата больше прав, а у его соперника, соответственно, меньше, и последний сам это понимает, находясь в полной растерянности, а ближайшие советники лишь укрепляют в нем это намерение... И тут в игру вступает ростовский епископ Вассиан Рыло... Именно его яростные, неистовые усилия переламаывают ситуацию, именно он, если позволено будет употребить вульгарные обороты, прямо-таки выпихивает великого князя в поход. Не поленитесь, найдите «Послание на Угру Вассиана Рыло» и почитайте внимательно — оно много раз издано в переводе на современный русский язык...

Накал страстей и ораторского таланта потрясает. Епископ Вассиан увещевает, умоляет, взывает к совести князя, приводит массу исторических примеров, меж строк легонько грозит, что вся русская церковь может и отвернуться от Ивана, настаивает, прямо-таки вопиет... Напоминаю, что вся эта бездна красноречия, логики, эмоции направлена на то, чтобы убедить великого князя все-таки выйти на защиту своей страны... Чего великий князь отчего-то упорно не хочет делать, поддерживаемый в этом решении ближайшими советниками, упорно требующими соблюдать некую «старину» и уйти из Москвы...

Так у кого больше прав на московский престол, у Ахмата или Ивана III? Положительно, это в последний (или в предпоследний, о чем речь пойдет ниже) раз заявляет о своих правах старая династия...

Русское войско все-таки, к торжеству епископа Вассиана, уходит к Угре. Впереди — долгое, в несколько месяцев, «стояние». И вновь начинаются странности...

Завязываются переговоры меж русскими и Ахматом. Предельно странные переговоры, сразу скажем.

Ахмат хочет вести переговоры с самим великим князем.

Русские отказывают.

Ахмат идет на уступку — просит, чтобы прибыл брат или сын великого князя. Русские отказывают.

Ахмат вновь уступает — теперь он согласен говорить с «простым» послом, но отчего-то этим послом непременно должен стать Никифор Федорович Басенков. (Почему именно он? Загадка...)

Русские... вновь отказывают. Даже в столь пустяковой вроде бы просьбе!

Получается, что в переговорах они несколько не заинтересованы. Это Ахмат делает уступку за уступкой, это ему отчего-то необходимо договориться — но русские отвергают все его предложения...

Современные историки объясняют: Ахмат-де «намеревался требовать дань». Воля ваша, но нарисованная выше картина ничуть такой версии не соответствует. Если Ахмат был заинтересован лишь в вульгарной дани, к чему столь долгие переговоры? Достаточно было послать какого-нибудь мурзу, «злого татарина». Тот, не ломая шапки, нахально потребовал бы заплатить дань и отправился восвояси... Нет, все свидетельствует за то, что перед нами некая большая и мрачная тайна, не укладывающаяся в привычные схемы.

Наконец, о загадке отступления «татар» от Угры. На сегодняшний день в историографии существует три версии даже не отступления — поспешного бегства Ахмата с Угры.

1. Черeda «ожесточенных сражений» подорвала боевой дух татар.

(Большинство историков это отвергают, справедливо заявляя, что никаких «сражений» не было. Имели место лишь мелкие стычки, этакie «огневые контакты разведгрупп на нейтральной полосе», выражаясь современными терминами .)

2. Русские применили огнестрельное оружие, что привело татар в панический ужас.

(Полнейший вздор. К этому времени у татар уже было свое огнестрельное оружие. Русский летописец, описывая взятие московской ратью города Булгар в 1378 г., упоминает, что жители «пускали громаы со стен» .)

3. Ахмат «убоялся» решительного сражения.

Последнюю версию я комментировать не буду — просто-напросто жаль тратить время. Коли уж и так ясно, что все три версии истине, мягко говоря, не соответствуют...

А теперь — получайте сенсацию. Настоящую. Оглушительную. Звонкую. Ослепительную. Сейчас вы прочитаете о подлинных причинах бегства Ахмата с Угры, прочитаете то, что двести лет таилось в пыльных запасниках...

Слово — Андрею Лызлову!

«Беззаконный царь (Ахмат — **А.Б.**), не в силах срамоты своей терпеть, в лето 1480?е собрал немалую силу: царевичей, и улан, и мурз, и князей, и скороустремнтельно пришел к Российским рубежам. В Орде же своей оставил только тех, кто не мог оружием владеть... Великий князь же, посоветовавшись с боярами, решил совершить благое дело. Ведая, что в Большой Орде, откуда пришел царь, вовсе не осталось воинства, тайно послал свое многочисленное войско в Большую Орду, к жилищам поганых. Во главе стояли служилый царь Уродовлег Городецкий и князь Гвоздев, воевода звенигородский. Царь же не ведал о том.

Они, в лодьях по Волге приплыв в Орду, увидели, что воинских людей там нет, а есть только женский пол, старики и отроки. И взялись пленить и опустошать, жен и детей поганых немилосердно смерти предавая, жилища их зажигая. И, конечно, могли бы всех до одного перебить.

Но мурза Обляз Сильный, слуга Городецкого, пошептал своему царю,

говоря: «О царь! Нелепо было бы великое сие царство до конца опустошить и разорить, ведь отсюда и ты сам родом, и мы все, и здесь — отчизна наша. Уйдем же отсюда, и без того довольно разорения устроили, и Бог может прогневаться на нас».

Так достославное православное воинство возвратилось из Орды и пришло к Москве с великой победой, имея с собой множество добычи и немалый полон. Царь же, узнав обо всем этом, в тот же час отступил от Угры и побежал в Орду».

Каково?! Для этого, надо полагать, русская сторона и затянула переговоры — пока Ахмат долго пытался добиться своих, уже неизвестных нам целей, делая уступку за уступкой, русские войска по Волге приплыли в столицу Ахмата и рубили там женщин, детей и стариков, пока у командиров не проснулось что-то вроде совести. Обратите внимание: не сказано, что воевода Гвоздев воспротивился решению Уродовлета и Обляза прекратить резню. Видимо, тоже пресытился кровью.

Естественно, Ахмат, узнав о разгроме его столицы, отступил от Угры, спеша домой со всей возможной скоростью...

А дальше?

Год спустя на «Орду» нападает с войском «ногайский хан» по имени... Иван! Ахмат убит, его войска разгромлены.

Не являются ли великий князь Иван и «Иван, хан ногайский» одним и тем же человеком? Стоит задуматься... Чтобы затушевать столь многозначительное совпадение, позднейшие историки перекрестили «ногайского хана» из «Ивана» в «Ивака», а его самого объявили... тюменским ханом. Вопреки тому, что четко написано в книге Лызлова, пользовавшегося, напоминая, огромным количеством не дошедших для нас летописей.

(Между прочим, есть еще один вариант гибели Ахмата. Согласно ему, некий приближенный Ахмата по имени Темир, получив от великого князя московского богатые подарки, убил Ахмата. Версия эта имеет русское происхождение.)

Обратите внимание на то, что воинство царя Уродовлета, устроившее погром в Орде, недвусмысленно именуется «православным». Похоже, перед нами — еще один лишний аргумент в пользу версии о том, что служившие московским князьям «ордынцы» были отнюдь не «бесерменами», а православными. Не один Гвоздев именуется православным, а все войско, пусть даже наполовину состоящее из «служилых татар» Уродовлета и Обляза...

И еще на одном крайне примечательном аспекте стоит остановиться. Ахмат, по Лызлову, — «царь». И Уродовлет, пусть он всего лишь вассал Ивана, — «царь». Зато Иван III — всего лишь «великий князь»?

Не следует думать, будто Лызлов употреблял титулы наобум, что в его время существовали некие вольности в обращениях с титулами, и всякий историк мог писать, как ему взбредет в голову. Ничего подобного. Во?первых, когда Лызлов писал свою историю, титул «царь» уже прочно закрепился за самодержцами российскими, то есть имел «конкретную привязку» и конкретное значение. Во?вторых, во всех других случаях Лызлов никаких таких «вольностей» себе не позволяет. Западноевропейские короли у него всегда «короли», турецкие султаны — всегда «султаны». Падишах — «падишах». Кардинал — «кардинал». Разве что титул эрцгерцога дан Лызловым в переводе — «арцыкнязь». Однако именно в

переводе, а не в искажении!

Следовательно, в средневековье существовала некая система титулов, отражавшая некие политические реальности, — и мы сегодня об этой системе осведомлены плохо. Нам уже непонятно, почему два вроде бы одинаковых ордынских вельможи именуется один «царевичем», а другой «мурзой», почему «татарский князь» и «татарский хан» — отнюдь не одно и то же. Почему среди татар так много обладателей титула «царь», а московские государи упорно именуется «великими князьями». Только в 1547 г. Иван Грозный впервые на Руси принимает титул «царь» — и, как пространно сообщают русские летописи, сделал он это только после... долгих уговоров патриарха.

С чего бы вдруг? Иван Грозный никогда не страдал излишней скромностью, нерешительностью, не маялся самоуничижением... Создается впечатление, будто он прекрасно понимал, что титул «царь» ему по каким-то скрытым от нас причинам носить как бы и «невместно»...

Не объясняются ли походы Мамая и Ахмата на Москву тем, что согласно неким, прекрасно понятным современникам правилам «царь» был выше «великого князя» и имел больше прав на престол? Что заявляла о себе какая-то династическая система, ныне совершенно забытая?

Существование такой системы подтверждается и наблюдениями академика Фоменко. Исследуя надписи на гробницах в Архангельском соборе Кремля, он выявил интересную особенность: есть просто «великий князь» — и «благодарный великий князь». Просто «князь» — и «благодарный князь». Дмитрий Донской, к примеру, благодарный, но не «великий». Иван III — «великий», но не «благодарный». В чем тут разгадка? Боюсь, сегодня нам уже не доискаться...

Любопытно, что в 1501 г. крымский царь Шахмат, потерпев поражение в междоусобной войне, отчего-то всерьез ожидает, что киевский князь Дмитрий Путятин выступит на его стороне... Какие реалии того времени давали царю основания так думать? Неизвестно...

И, наконец, одна из самых загадочных сцен русской истории. В 1574 г. Иван Грозный отчего-то разделяет русское царство на две половины, одной правит сам, а другую... передает касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу — вместе с титулами «царя и великого князя Московского»!

Историки до сих пор не придумали убедительного объяснения. Одни уверяют, что Грозный, по своему обыкновению, чудил, другие, не столь наивные, но более циничные, считают, что Грозный таким образом «перенес» на нового царя свои собственные долги, промахи и обязательства, третьи бормочут что-то о «веселой шутке».

Все эти версии не учитывают самого существенного — психологии человека тогдашней эпохи. Грубо говоря, были вещи, с которыми шутить не полагалось. С которыми просто не пришло бы в голову шутить. Среди таковых вещей, безусловно, были царский титул и царский престол. Быть может, речь идет о совместном правлении? К которому пришлось прибегнуть в силу тех же забытых нами старых династических систем? Возможно, последний раз в русской истории эти системы заявили о себе...

Симеон отнюдь не был, как пытаются уверить историки, «безвольной марионеткой» Грозного — наоборот, это один из крупнейших государственных

деятелей и военных того времени. И после того, как два царства вновь соединились в одно. Грозный отнюдь не «ссылал» Симеона в Тверь. Симеон был **ПОЖАЛОВАН** в великие князья Тверские. Стоит добавить, что Тверь во времена Ивана Грозного была «горячей точкой», едва усмирённым очагом сепаратизма, за которым требовался особый присмотр, и тот, кто управлял Тверью, непременно должен был быть довереннейшим лицом Грозного...

И, наконец, очень уж подозрительны те беды, что обрушились на Симеона после смерти Грозного. С воцарением Федора Иоанновича Симеона «сводят» с тверского княжения, ослепляют (мера, которая на Руси испокон веков применялась исключительно к владетельным особам, имевшим права на стол!), насильно постригают в монахи Кириллова монастыря. Но и этого оказывается мало — И. В. Шуйский отправляет беспомощного инок, слепого старика на Соловки. Чересчур уж много для «марионетки», «совершенно незначительной личности». Полное впечатление, что московский царь таким путем избавлялся от опасного претендента. Обладавшего весомыми правами. Претендента, к которому относились крайне серьезно, — отсюда и чрезвычайные меры... По крайней мере, можно сделать вывод, что права Симеона на русский трон, как минимум не уступали правам Шуйского и других Рюриковичей...

(В заключение нужно упомянуть, что крепкий старик Симеон пережил всех своих мучителей. Возвращенный из соловецкой ссылки по указу князя Пожарского, он скончался лишь в 1616 г., когда в живых не было ни блажененького Федора Иоанновича, ни загадочного Лжедмитрия I, ни поганца Шуйского...)

Итак, все эти истории — Мама, Ахмата и Симеона, — стоит лишь отрешиться от догматического взгляда, крайне похожи на эпизоды борьбы за трон, а никак не войны со «злым супостатом». Поскольку чрезвычайно напоминают аналогичные схватки вокруг того или иного трона в Западной Европе, и не только там. Догматики как-то совершенно не принимают во внимание, что психология русских князей и европейских королей ничем особенным не отличалась. И те, кого мы с детства считали «избавителями земли русской от злых татаровей» на деле решали свои, династические проблемы, сиречь боролись с соперниками.

А чтобы показать, насколько схож менталитет разделенных многими тысячами километров народов (и закончить на веселой ноте после всех описаний зверств и коварства), приведу два случая из жизни — русской и китайской. Оба они считаются «полулегендарными», но это нас в данном случае волновать не должно...

Русь, XI в. В суздальских землях завелся языческий волхв и стал, собирая толпы, проповедовать о необходимости возвращения к старой вере, причем имел у слушателей определенный успех. Когда его, говоря современным языком, рейтинг заметно вырос, встревоженный князь направил туда воеводу Яна.

Ян, как явствует из дальнейшего, был человеком сообразительным. Вместо того, чтобы с бряцаньем оружия и бравыми воплями рубить встречного и поперечного, он решил действовать тоньше — полагаясь на логику. Спрятав под плащ боевой топор, он стал в толпу и долго слушал, как волхв распинается о своей способности творить чудеса, прорицать будущее. Потом вышел вперед и

спросил:

— Мил человек, вот ты тут нам красиво расписываешь, а скажи-ка лучше, что с тобой будет завтра?

Волхв, гордо подбоченившись и не подозревая подвоха, уверенно отвечал:

— Завтра я чудеса великие сотворю!

— А вот те хрен! — сказал Ян на чистейшем древнеславянском.

Вряд ли он сказал именно так, но смысл, надо полагать, был схожий.

Вслед за тем извлек топор и от всей души почествовал оппонента по голове. Оппонент, естественно, преставился. Тогда Ян спросил слушателей: может ли считаться чудотворцем и предсказателем этаким вот субъект, который не способен предсказать даже собственное ближайшее будущее?

Трудно определить, безукоризненная логика воеводы Яна убедила слушателей, или присутствие вооруженных дружинников Яна. Как бы там ни было, вольнодумцы «устыдились и отпали от ереси»...

Примерно те же времена, Китай. В городе Гумбуме жили гэгэны — то есть монахи. Когда-то они были самыми что ни на есть праведниками и святыми подвижниками, но со временем впали в соблазн и разврат, забросили служение богу, ублажали свою грешную плоть всеми способами, какие только имелись в их распоряжении, словом, опустили до последней степени. Местное население их по старой памяти побаивалось (так как они объявили себя великими чудотворцами) и лишь бессильно скрежетало зубами, исправно поставляя в монастырь дары своих полей и огородов. Гэгэны, стервецы, блаженствовали.

До тех пор, пока не умер старый император. Его сын, вступивший на престол, по молодости лет был скептиком и вольнодумцем, а потому несколько не боялся гэгэнов из Гумбума, овеванных зловещей славой магов и колдунов. Зато до него помаленьку стали доходить слухи, сплетни и письменные доносы о том, что на самом деле эти «святые отцы» давно уже опозорили высокое звание монахов-подвижников и занимаются черт-те чем.

Император велел скрупулезнейше проверить слухи и доносы. Проверили.

Все подтвердилось.

Тогда юный император собственной персоной прибыл в далекий Гумбум.

Весь город собрался вокруг главной площади. На площадь согнали гэгэнов, коих тут же взяли в кольцо императорские телохранители.

Восседавший в золоченом кресле юный император благожелательно и ласково улыбнулся гэгэнам, после чего медовым голосом изрек:

— О великие гэгэны! Я наслышан, что для вас нет тайн ни на земле, ни на небе, что вы превзошли все науки и высшую мудрость, что будущее вам открыто. Не скажете ли, высокомудрые гэгэны из Гумбума, когда вам суждено умереть? Что на сей счет вещуют звезды? Когда вы умрете, гэгэны из Гумбума?

На площади стояла мертвая тишина. Гэгэны, уже давно почуявшие, что дело пахнет керосином, проглотили языки, не зная, что тут можно соврать.

Наконец какой-то отчаянный, стуча зубами, сообщил:

— 3-3-завтра!

— А вот и нет! — радостно воскликнул юный император, окончательно убедившись, с кем имеет дело. — А вот и сегодня! А вот прямо сейчас! Рубай их, молодцы!

Телохранители императора, получив ясный и конкретный приказ, воспрянули духом и моментально порубали гэгэнов в капусту. С тех пор в китайском языке появилась насмешливая поговорка: «Он предвидит свое будущее, как гэгэн из Гумбума...»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

Я вовсе не настаиваю, что именно моя гипотеза стопроцентно верна. Всего-навсего хочу защитить несколько нехитрых тезисов...

Во-первых, порой совершенно не учитывается, что оставшиеся от старых времен летописи — лишь вершина айсберга. На одно описанное, дошедшее до нас событие должно приходиться несколько десятков других, наверняка не менее значимых и масштабных, сообщения о которых до нас попросту не дошли. Следовательно, в полном соответствии с тем, что говорил Роберт Колингвуд, исследователи имеют полное право искать те самые «косвенные улики», домысливать что-то, исходя из логики, здравого смысла.

Можно привести любопытнейший пример того, как совсем недавняя история начисто переписывалась.

В XVI в. по повелению Ивана Грозного была создана многотомная «всемирная история» — чуть ли не от сотворения мира и до середины его собственного царствования. Это — так называемый Лицевой свод. Его последний том, в историографии обычно именующийся Синодальным списком (потому что когда-то находился в библиотеке Синода), Иван Грозный лично изуродовал многочисленными поправками на полях, причем эти поправки были направлены как раз на фальсификацию иных реальных событий.

Одна из таких приписок сообщает, что в 1542 г., во время набега крымцев, трое русских воевод сдали город крымскому хану. Однако давно уже установлено по Разрядным книгам (где имеются полные записи о всех назначениях и перемещениях военачальников), что во время набега все трое находились в других местах и никакого города не сдавали. Дело в том, что, когда была сделана приписка, все трое угодили в немилость к царю, и на них задним числом сваливали чужие ошибки...

Ни в одной русской летописи нет рассказа о столь заметном, казалось бы, событии, как боярский мятеж 1533 г. во время опасной болезни Грозного. А вот в приписках Грозного о «воровском коварстве» бояр как раз пишется очень подробно. И потому всерьез подозревают, что и эту историю Грозный выдумал, чтобы отяготить лишними обвинениями попавших в немилость бояр.

Первоначально в рассказе о вражде меж князьями Шуйскими и Бельским упоминается, что в этой распри пострадал боярин Михаил Васильевич Тучков, которого Шуйский сослал в деревню. Однако впоследствии Грозный собственной рукой превращает Тучкова из жертвы боярской распри в ее... зачинщика. Причина? В промежутке меж двумя записями, в 1564 г., Грозному изменил и сбежал в Литву боярин Курбский. М. В. Тучков, дед князя Курбского, стал «членом семьи врага народа», а потому историю следовало изменить...

В 1547 г. московская взбунтовавшаяся толпа учинила в церкви самосуд над

дядей Грозного, боярином Юрием Глинским. В 1564 г. Грозный вносит в Лицевой свод «редакторскую правку»: теперь оказывается, что это был не просто бунт, а заговор «по наущению мятежников-бояр»... Естественно, тех, которые в этом году попали в немилость. А если бы сохранился только «новый» вариант истории?

Ради курьеза можно рассказать и об одном из крайне многочисленных примеров создания «античных древностей».

Бенвенуто Челлини, гений в своем ремесле, а одновременно, как водилось в ту интересную эпоху, виновник многих уголовных преступлений, вспоминает в своих интереснейших мемуарах, как однажды к нему в Рим приехал «превеликий хирург», маэстро Якомо да Карпи и заказал молодому в ту пору ваятелю несколько серебряных вазочек. Увезя их в Феррару, почтенный лекарь (славный в том числе, как вспоминает Челлини, и лечением венерических болезней), выдал вазы за античные. После чего продал за приличные деньги. Бенвенуто уверяет в записках, что понятия не имел, как коварный медик использует творение его рук, однако почему-то, даже узнав о случившемся, долго молчал о проделке, якобы для того, чтобы «не лишать вазочки их славы». А чуть ниже пишет прямо: «На этом маленьком дельце я много приобрел». Чем-чем, а излишней щепетильностью великий мастер не отличался.

Так переписывают историю, так создают «античность»...

Во-вторых, следовало бы почаще проветривать окна в здании Официальной Истории и впускать свежий воздух. Практически во всех без исключений точных науках — от физики и химии до биологии с палеонтологией — идет совершенно естественный и понятный процесс и знамении. Постепенно отказываются от устоявшихся заблуждений, на основе новой информации выдвигая более соответствующие времени теории. История же, к сожалению, иногда напоминает замшелый бастион, наглухо отгородившийся от внешнего мира и происходящих в нем изменений.

А потому все, что хоть малейшим образом не укладывается в окостенелые концепции, отвергается с порога. Посмотрите, как не раз поминавшийся мною Мыщык резвяся и играя расправляется с неудобными ему местами из книги Лызлова...

Лызлов, рассказывая о крымских ханах, упоминает некоего Анди-Гирея. Следует комментарий Мыщыка: «В специальной литературе крымский хан под таким или близким именем не отмечен; указанные Лызловым данные относятся к Девлет-Гирею».

Не знаю, чего здесь больше — цинизма или высокомерной тупости (уж позвольте не выбирать выражений). Если перевести указанную фразу на нормальный человеческий язык, она означает следующее: «Поскольку в современной научной литературе о хане Анди-Гирее не содержится никаких упоминаний, Лызлов ошибался, и все им сказанное относится к хану Девлет-Гирею». Именно так, и никак иначе. Прикажете называть это **научным** подходом?

Зато рассказ Лызлова о русской рати, отправившейся по Волге и разгромившей в отсутствие Ахмата его ставку, современные историки попросту... замалчивают. Только мельчайшим шрифтом, в «комментариях к комментариям»

этот рассказ назван «исторической легендой». Спрашивается: почему одна летописная запись, не подтвержденная никакими материальными доказательствами, безоговорочно объявляется «исторической правдой», другая точно такая же — «исторической легендой»? По какому праву историк сам определяет, что считать правдой, что — сказкой?

Да потому, что в противном случае пришлось бы менять концепцию — а за создание либо защиту этой концепции уже получены конкретные материальные блага, да и годы уже не те, чтобы, перечеркнув прошлые достижения, остаться на голом месте и строить научную карьеру заново...

Посему уже не удивляешься, когда в толстенном восьмисотстраничном историческом труде, который должен играть роль справочника и учебного пособия, авторы страницами шпарят (иного слова не подберешь) отрывки из художественных произведений. Забыв предупредить читателя о том, что версия писателя далеко не всегда совпадает с былой реальностью.

Скажем, известный Лабиринт на острове Крит долгое время считался дворцом критских царей, где они обитали, судили и рядили. Эта версия нашла отражение в романах (в том числе и написанном автором этих строк двенадцать лет назад). Однако в последнее время было неопровержимо доказано, что Лабиринт — не место жительства критских владык, а огромная усыпальница. На художественные достоинства написанных согласно прежней, ошибочной концепции романов это может и не повлиять — но вот в исторические труды непременно следует внести поправки.

Иногда их вносят. А иногда — и нет, цепляясь когтями и зубами за «устоявшуюся» точку зрения.

Простой пример. Уже более ста лет назад русские историки (Костомаров, Срезневский, Иловайский) начали сомневаться в личности автора «Повести временных лет», приписывая ее не «скромному иноку» Нестору, а игумену Сильвестру Выдубецкому. В своей книге «Становление Руси» Иловайский обобщил все возражения против авторства Нестора и весьма доказательно отстоял гипотезу авторства Сильвестра. Однако и сто лет спустя из книги в книгу кочует именно Нестор...

Кстати, по сведениям того же Иловайского, «Повести» предшествовал некий «Начальный летописный свод». Но до наших времен он не дошел — как Летописец Затопа Засекина и многие другие апокрифы...

Кое-то, конечно, меняется. Как ни безраздельно царствовала на протяжении сотен лет версия о том, что князей Бориса и Глеба убил их злокозненный брат Святополк, за это преступление и припечатанный навеки прозвищем Окаянный, в некоторых книгах, вышедших в последние годы, отдается должное и другой версии, по которой Бориса и Глеба убил другой их брат, Ярослав Мудрый. Потребовалось шесть-семь лет, чтобы она вошла, пусть на правах гипотезы, в серьезные обзорные труды — но вошла все-таки! По крайней мере, открыто признается, что могут существовать несколько версий исторического события, а это на нашем безрыбье — нешуточный прогресс...

Читатель, возмущившийся предложенной мною гипотезой и с ходу отмечающий ее без особой мотивировки, должен уяснить себе одну простую вещь: подавляющее большинство якобы «несомненных свидетельств»

монгольского нашествия из далеких степей являет собой добросовестное переписывание авторами трудов предшественников. И не более того.

СВИДЕТЕЛИ И ИСТОЧНИКИ.

В начале двадцатого века историк Д. Иловайский в качестве основы для того, чем располагала современная ему историческая наука назвал всего *семь* источников о монголах и Чингизхане. Перечисляю все.

1. Древнекитайские летописи.
2. Персидский летописец Рашид-ад-Дин.
3. Буддийско-монгольская летопись «Алтын-Тобчи».
4. Армянская история монголов инок Магакии XIII века.
5. Европейские путешественники XIII века — Плано Карпини, Аспелин, Рубрук и Марко Поло.
6. Византийские историки Никифор Грегора, Акрополита и Пахимер.
7. Западные летописцы, например, Матвей Парижский.

Что ж, рассмотрим... С брехуном Матвеем мы уже знакомы. О «древности» китайских летописей читатель уже имеет некоторое представление. Что до «европейских путешественников XIII века», мы уже подробно рассмотрели, что собою представляют эти сказочники как «свидетели». «Персидский летописец Рашид-ад-Дин» жил в 1247—1318, очевидцем описанных им событий не является... Есть, правда, еще «Родословная история о татарах» хивинского хана Абульгази, но с ней ситуация темная. Во-первых, означенный Абульгази числил себя прямым потомком Чингисхана — а значит, на объективность рассчитывать нечего, ясно, что ученый хан стремился приукрасить деяния своего «славного предка», насколько мог. Свою книгу он писал в 1698 г., основываясь главным образом на трудах Рашид-ад-дина. Да и история появления книги Абульгази в научном обиходе сомнительна. Обнаружили ее два баловавшихся на досуге естествоиспытательством пленный шведа, капитан Матерн и лейтенант Шмидт, причем обнаружили не в Средней Азии, а в... Иркутске, где оба пребывали на поселении. Их сотоварищ, некий капитан Страленберг там же, в Иркутске, перевел рукопись на...

На какой в точности язык и с которого, доискаться так и не удалось, и это, как выражался Честертон, самая темная сторона дела. Книга впервые вышла в 1726 г. в Голландии, в Лейдене, была объявлена «французским переводом с русского», но, как обстояло дело, установить сегодня трудно. Как бы там ни было, этого подозрительного «найденыша» Иловайский в число серьезных источников отчего-то все же не включил...

«Армянский историк Магакия XIII века» с позиции того, что нам известно сегодня, выглядит тоже весьма подозрительно. Во-первых, его работа впервые всплыла на свет только в 1847 г., когда с нее была снята копия — причем оригинал снова куда-то загадочным образом подевался... Во-вторых, Морозов, изучавший этот ученый труд, резонно писал, что его насторожила крайняя близость языка Магакии к... «народному говору современного времени. Многие его формы, указываемые у Патканова, чужды древнелитературному языку и встречаются только в современных нам наречиях. У него есть слова и выражения,

совсем недопущенные в армянский литературный язык, но услышанные теперь в разных говорах армян».

Помянутый Морозовым Патканов сделал интересный вывод: знаток древнелитературного армянского языка поймет в книге Магакии лишь общий смысл, а чтобы понять «частности и оттенки выражений», следует знать современную армянскую разговорную речь!

Что-то не ладно с такими «источниками»... Что это за «древний» автор, древний книжник, которого невозможно понять, владея древним же литературным языком?! Нечисто дело...

А напоследок — цитаты из означенного Магакии. «Эти первые татары, которые появились в Верхней стране, не походили на людей, вид их был ужаснее всего, что можно выразить. Головы их были громадны, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдающиеся, как у собаки; поясница тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них не было вовсе. При львиной силе они имели голос более пронзительный, чем у орла, и появлялись там, где их вовсе не ожидали. Женщины их носили остроконечные шапки, покрытые парчовою вуалью, намазывали лица румянами и белилами. Они рожали детей, как ехидны, и кормили их, как волчицы. Смертность у них была едва заметна, потому что они жили до 300 лет и хлеба не употребляли в пищу». Положа руку сердце: это хоть немножечко похоже на описание свидетеля? Вообще на книгу историка? Перед нами очередная басня, основанная на слухах...

Кстати, Морозов, придирчиво проверив астрономические явления, описанные в трудах Магакии и его коллег, признавал их полную фантастичность, совершеннейшее несовпадение с реальными датами затмений и появлениями комет...

Вообще для аргументации в пользу скалигеровской хронологии труды армянских историков следует привлекать с величайшей осторожностью. Вот, например, книжник XVI века Аракел Даврижеци, написавший «Книгу историй». С татарским нашествием у него определенные неувязки. Вот он пишет: «В 685 /1236/ году татары захватили Ани и весь мир». А через года спустя у него значится: «В 687 /1238/ году татары захватили Лори и Ани». Позвольте, но ведь они только что захватывали уже не только армянский город Ани, но и весь мир... Что же, в первый раз было понарошку? Второй раз пришлось весь мир завоевывать?

Кстати, описания татарских налетов занимают у Аракела буквально пару строчек. Гораздо больше его волнуют, надо полагать, более масштабные события: землетрясения, война египтян с сирийцами, восшествие на престол новых армянский царей. И вовсе уж много места отводит поношению некоего «татарского хана Харбанды», который в беспредельной свирепости своей всячески притеснял христиан, «завороженный бесовскими шейхами-еретиками», насильно загонял армян в магометанскую веру...

Знаете, что самое пикантное? Другой армянский ученый книжник Степанос Орбелян пишет в своей «Истории области Сюник» что... Харбанда был христианином! Правда, «латынского» толка: его окрестил, назвав Феодосием, приехавший от папы римского епископ, а крестным отцом был некий «франкский князь Сирчаз».

Такие дела. Истину становится просто невозможно отыскать! В какую веру загонял армян Харбанда-Феодосий? Быть может, и не в магометанскую вовсе, а в «римскую»? Достоверно известно лишь, что в ту пору в Армении шла яростная борьба меж сторонниками и противниками унии с Римом.

«Умер католикос Иованнес», пишет Аракел. Но такого католикоса попросту не было! Историк армянской церкви М. Орманян его не упоминает, да и сам Аракел, проводящий подробный перечень в начале своей же книги, никакого Иованнеса не знает! А выводы? В древних хрониках реальность перепутана с вымыслами и всевозможными насущными политическими надобностями эпохи — не говоря уж о том, что «древность» иных хроник под сомнением.

Иные армянские хроникеры сообщают и вовсе уж непристойные с точки зрения скалигеровцев вещи. Киракос Гандзакечи считает, что в войске хана Угедя служили... хазары и гунны! А Каракорум у него — не город, а страна! Кстати, митрополит той самой области Сюник тоже зачисляет в войско Угедя хазар, а венгров отчего-то именует «франками»... Это — Стефан Орбелиани, писавший в конце XII века. Узнали? Ага, это и есть Степанос Орбелян, уверенный, что Харбанда был христианином.

А теперь вплотную займемся «буддийско-монгольской летописью Алтын-Тобчи». То есть той «древней» рукописью, что известна как «Сокровенное сказание монголов». В вышедшем недавно сборнике статей из журнала «Вестник Евразии» Н. О. Рыкин, аспирант Европейского института в Санкт-Петербурге, человек, судя по всему, не замеченный в симпатиях к «новой хронологии», тем не менее сообщает интереснейшие вещи касаясь «Сказания»: «Китайские ученые, занимавшиеся разбором дворцовых архивов после падения в 1368 г. „монгольской“ династии Юань, обнаружили это сочинение в закрытом для постороннего доступа отделении архива и потому назвали его „Юань биши“ („Тайная история [династии] Юань“). Через 15—20 лет решили использовать в качестве своего рода хрестоматии для подготовки переводчиков с монгольского языка ка и перетранскрибировали монгольский текст китайскими иероглифами.

Тогда-то недавно присвоенное китайское название и было переведено на монгольский язык как „Тайная история **МОНГОЛОВ**«. То, что учеными первых лет Мин воспринималось как история легитимной китайской династии Юань, китайскими переводчиками и транскрипторами 1380-х годов было переинтерпретировано как история „монголов» — опасных „северных варваров", присутствие которых на границах угрожало нарождавшейся „собственно китайской" идентичности».

Другими словами, по Рыкину, имела место всего-навсего последовательная смена двух систем классификации. И не более того. То, что было написано о китайских императорах, сочли легендами о «великих монголах». Bravo! Это уже водичка на нашу мельницу: фоменко-валянско-морозовско-калюжно-бушковско-гуцо-каспаровскую! Многовариантность ей-богу, начинает помаленьку пробиваться из-под глыб, судари мои!

Правда, решительно непонятно, на каком основании Рыкин относит первое появление на свет «Сказания» к XIV веку. Дело в том, что пресловутый китайский текст 1382 г. (не говоря уж о монгольском!) до нашей времени не дошел.

Впервые рукописи «Сказания» на китайском всплывают лишь в конце семнадцатого столетия. Тогдашние книжники уверяли, будто сами держали в руках монгольские оригиналы, но никому их не показали отчего-то, и оригиналы незаметно куда-то запропастились...

Первый не легендарный, а вполне исторически достоверный список «Юань биши» (или, как его еще называют, «Юань-чао би-ши»), появился только в 1841 г. Китайский ученый Чжан Му составил сборник редких старинных сочинений — и семью годами позже напечатал книгу, куда вошла часть его материала, в том числе и «Сказание» целиком. Это-то печатное издание и попало позже к Кафарову.

Вот так! Оригиналов, даже китайских, не говоря уж о монгольских, нет вообще. Самые старые копии относятся к первой трети девятнадцатого столетия.

Собственно говоря, «Алтын Тобчи» — не есть «Со кровенное сказание». «Алтын» — лишь один из вариантов «Сказания». Но разница тут невелика: все, сказанное об отсутствии оригиналов, в полной мере относится и к «Алтын Тобчи».

Так на каких основаниях, припомним, «Велесовой книге» решительно отказывают в подлинности? По-моему, за отсутствием оригинала.

В общем, только после Второй мировой войны «Сказание» было переведено на монгольский, получило название «Монголун нигуча тобчийн» (что, как легко догадаться, означает «Тайная история монголов») и торжественно помещено на видное место в музей... Такие дела. Такая вот историческая достоверность.

Между прочим, из текста «Сокровенного сказания» совершенно невозможно понять, куда же ходили походами «монголы» и какие города брали. Поскольку любое название (даже если допустить, что монгольский оригинал все же имелся) сначала транскрибировалось китайцами в соответствии с фонетикой и правилами своего языка, а потом еще и переводилось с китайского. Примечания к читанному мной изданию: Москва, изд-во «Наука, 1975, попросту поражают: это не более чем попытка по примеру нерадивого школьника „подогнать“ известный из конца задачника ответ под собственные расчеты. Произвол царит фантастический. Какое-нибудь ничего не говорящее название вроде „хэй-я“ объявляется „Киевом“. Почему именно „Киевом“, а не „Хивой“, нам не объясняют. Шаман лучше знает.

В этом издании встречаются вовсе уж невероятные пассажи. Скажем, к обычной, ничем не примечательной фразе «Нойон такой-то завоевал с войском такое-то племя» делается комментарий: «Речь идет о завоевании монголами острова Ява»!

Вот так, ни больше и не меньше. Желающие сами могут проверить по названному изданию. В чем тут дело? Да попросту кто-то с кем-то договорился считать, что монголы (прирожденные мореплаватели, ага!) добрались на своих кораблях и до Явы. Доказательств, правда, никаких, вот и приходится притягивать за уши вовсе уж неподходящие для этого фразы, потому что чего получше все равно нет...

Да, кстати, о помянутых Иловайским византийских историках. Кто такой Никифор Грегор, я пока, каюсь, так и не докопался. Выяснил, что «Акрополита» — это Никита Акрополит, и не более того. Зато с Пахимером — полная ясность. Родился оный Пахимер в Никее в 1242 г. Какая жалость, снова не очевидец...

снова писал с чужих слов.

Итак! За время, прошедшее с тех пор, как Иловайский перечислил эти «важнейшие источники» — то есть почти сто лет, — их число не особенно и увеличилось. Проще говоря, не увеличилось вообще. Наоборот, всплыли новые сведения — о том, что «Яса», свод законов, якобы составленный лично Чингисханом, в действительности представляет собой произведение гораздо более позднего времени. Как и пресловутое «Сокровенное сказание монголов». Не может похвастаться особенными достижениями и археология — более того, в ходу до сих пор совершенно дикие «методы датировки» вроде примера с украшениями, который я приводил, когда ученые договорились считать, что наличие украшений указывает на домонгольский период, а их отсутствие — на более поздние века. Наконец, никто так и не смог подтвердить методами точных наук подлинность гумилевских «всплесков пассионарности» (экстрасенсов, контактеров, уфологов и тому подобную публику лично я обхожу за версту).

Вернемся лучше к более интересному вопросу. Как произошло, что возникла и утвердилась легенда о приходе «татар» из центральной Азии? О Каракоруме, расположенном именно в монгольских степях?

Лично мне процесс представляется проходившим примерно так...

По мере того как Север и Юг «Золотой Орды» все дальше удалялись друг от друга, потому что на Севере укреплялось христианство, а на Юге, соответственно, мусульманство, прошлые события на Руси все чаще представлялись в искаженном виде — как «вторжение злых татаровей». Нельзя исключать и того, что потомки Александра Невского умышленно подстегивали этот процесс — гораздо привлекательнее свалить многие кровавые события как раз на «злых татаровей» (подобно тому, как сегодня Октябрьскую революцию иные убогонькие умом объявляют «происками жидомасонов»). Много раз бывали «чистки истории» — когда правители умышленно избавлялись от фактов и документов, рисовавших их предков или предшественников в неудобном свете. Массированный террор Сталина против «старых большевиков» как раз объясняется еще и тем, что эта амбициозная и неуправляемая вольница, слишком много знавшая и помнившая, самым своим физическим существованием противоречила благостной, отглаженной, глянцевої картинке, официальной истории Октября, которую как раз начинали писать. Грабивший банки Камо и Уншлихт с Радеком, раздававшие в 1923 г. винтовки «германским товарищам» прямо во дворе советского посольства в Берлине, никак не вязались с легендами о «победоносном шествии идей марксизма по Европе». И потому их, равно как и дубоподобных командармов, умевших лишь махать шашкой, пришлось «утилизировать».

Книга Лызлова неопровержимо доказывает: к концу XVII века уже верили, что «Батыево нашествие» было налетом «злых татаровей», но сказка о «монгольской империи со столицей в Каракоруме» еще не утвердилась. Вероятнее всего, она расцвела пышным цветом во времена Петра Первого, когда на Руси получили широкое распространение западные теории и труды западных «очевидцев» вроде Марко Поло с его жрущими слонов грифами и официантами-телекинетиками, Карпини с его «магнитной горой». Тогда все окончательно и оформилось. Татищев еще имел возможность пользоваться «неудобными» архивами, но вскоре эти архивы перестали существовать. А книга

Лызлова не переиздавалась двести лет (быть может, тут и нет злого умысла, а есть обыкновенное русское разгильдяйство).

Между прочим, в литературной русской традиции попадаются блестящие примеры неумышленных ошибок. История убийства «в Орде» Михаила Черниговского и его сына Федора под пером книжников «уехала» из 1339 г. в 1245?й, мало того, Федор из сына Михаила превратился в его «ближнего боярина»...

Между прочим, в Хорезме «нашествие монголов» странным образом, как и на Руси, совпало с великой смутой, охватившей всю страну, когда население поднялось против иноплеменных кипчаков, ставших правящей элитой, и даже ближайшие родственники хорезмшаха стали его противниками. Не исключено, что и тамошние летописцы свалили на «диких монголов» свои собственные грехи. Иначе как прикажете объяснять такой, к примеру, казус? Город Мерв поначалу называется в числе мест, уничтоженных «монголами» дочиста. Однако всего через пару лет там, согласно хроникам, вспыхивает восстание против «монголов», а еще через год «разрушенный до основания» Мерв выставляет против «монголов»... десятитысячное войско...

Как ни удивительно, у нас отыскался-таки один-единственный современник событий — а я уж разочаровался откопать такового...

Речь идет о человеке с длиннейшим, на арабский лад, именем Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахман ан-Насави, написавшем книгу «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны». Свидетель надежный — долго был личным секретарем самого султана Джалал ад-Дина, последнего хорезмшаха. Чего он не видел сам, то происходило при его жизни, всегда были свидетели, которых вскоре можно было расспросить...

Чтение увлекательное. Вообще-то ан-Насави в начале книги выводит Чингиз-хана из Китая (ас-Сина), «говорят, окруженного высокой стеной». Но уже на следующей странице зачисляет племя Чингиза в тюркские племена. Ан-Насави не знает такого слова — «монголы»... Не знает, хоть тресни! Везде у него татары, татары, и только татары!

Между прочим, племя Чингиза, по ан-Насави, до того, как вторгнуться в Хорезм, каждый год уходило на зимние пастбища... в Индию! Причем эта «Индия» не обобщенное название «далекой страны», а именно та Индия, что и нам сегодня под этим именем известна, «...тогда они переходили воды Ганга вблизи Кашмира, останавливаясь на зимовку в прибрежной местности с ее прекрасными долинами и возвышенностями, подобных которым нет в других краях».

Отсюда, между прочим, следует, что «середина ас-Сина», откуда, по ан-Насави, каждую зиму уходили в Кашмир татары, вовсе не середина современного нам Китая. Меж центром нынешнего Китая и Кашмиром — могучие горные хребты, высшая точка которых, гора Гунгашань, достигает семи с половиной километров в высоту от уровня моря. Не самые подходящие места для ежегодной откочевки со стадами...

Войны хорезмшахов с татарами описаны пространно и подробно. Вот только эти войны носят чуточку иной характер, не тот, какой нам предъявляют современные историки.

Прежде всего, нашествие татар, конечно, стало проблемой, но уж никак не носило характер «всеобщего опустошения» и мгновенного упадка державы. Простой пример...

1941 год. Немцы под Москвой. В это самое время Сталин, сняв с московского направления все, что только возможно, отправляет своих генералов немедленно захватить Турцию. Реально ли это? Ни в малейшей степени. Апрель 1945-го. Гитлер, снимая с Восточного и Западного Фронта все, что только возможно, бросает эти силы на захват Швейцарии.

Бред? Ну, разумеется.

Точно так же Александр I осенью 1812 года ни за что не отправил бы все наличные войска захватывать Перию.

Во всех перечисленных случаях страны (Россия, СССР, Третий рейх) находились в столь отчаянном положении, что для них самоубийством было бы отвлекать хотя бы полк на решение каких-то других задач.

А хотите знать, что делает султан Джелал ад-Дин, когда татары, как нам сегодня толкуют историки, «захватили и опустошают» его Хорезм?

Ни за что не догадаетесь! Султан собирает все наличное войско и идет завоевывать... Грузию!!!

Ну да, в то самое время, когда Хорезм якобы заполонен бесчисленными «монголо-татарскими» ордами, которые сравнивают с землей крупные города и режут людей тысячами...

Кстати, Грузию султан довольно быстро завоевал, разбив тамошнее войско, пограбил досыта и возвратился домой, нисколько не торопясь... Каково?

Отсюда можно сделать только один вывод: татарская угроза вовсе не была для Хорезма таким уж концом света, как это сегодня представляют «традиционалисты». Да, татары представляли определенную угрозу, да, с ними следовало держать ухо востро, но положение вовсе не было таким уж критическим. Султан Джелал ад-Дин воюет с татарами, но не менее часто и ожесточенно он схватывается и с другими соседями, а также тратит массу времени на политические интриги, в том числе и борьбу с ближайшими родственниками. И, главное, из книги ан-Насави легко сделать вывод: падение Хорезма и самого султана Джелал ад-Дина произошло не столько из-за зловердных татар, сколько из-за внутренних противоречий в государстве. Те или иные части Хорезмской державы то и дело бунтовали против «центральной власти», водили шашни с теми самими татарами. Сам Джелал ад-Дин то, как уже говорилось, идет грабить Грузию, то, забыв о татарах, вмешивается в династические распри индийских княжеств, устраивает военную экспедицию в Ирак, берет штурмом Герат — где укрепился его родной брат-противник! — сражается в Азербайджане с мятежниками... Одним словом, на татар он выбирается лишь время от времени, когда нет более важных дел. По всему выходит, как я уже говорил, что не «татары сокрушили Хорезм», а погубила державу общая неразбериха и войны всех против всех. В конце концов, дошло до того, что султан скрывался где-то в полном одиночестве, и не татары его достали, а заколол какой-то полудикий курд из захолустья...

Между прочим, из книги ан-Насави вовсе не следует, что великий город Хорезм дотла разрушен татарами! Наоборот, из некоторых строчек можно сделать

вывод, что татары в Хорезме преспокойно живут...

Между прочим, «диким кочевникам» совершенно нечего было делать в горной Грузии, где скотоводы не найдут ничего для себя полезного. Так что «монгольское нашествие» на Грузию требует столь же тщательного расследования.

И еще. Любой, кто пожелает выступить противником моей гипотезы, обязан, простите за наглость, сделать две неперенных вещи. Во-первых, изучить те же исторические труды, которыми пользовался я, во-вторых, ответить на тридцать каверзных вопросов:

1. Почему в «монгольском войске» не было монголоидов, а Чингисхан и Батый описаны людьми с обликом европейцев?

2. Почему «монгольская» конница ездил на лошадях не монгольской породы?

3. Почему «Слово о погибели русской земли», якобы повествующее о «монгольском нашествии», оказалось оборванным как раз там, где следовало начаться подробностям?

4. Почему «монголы», якобы прирожденные степняки, так уверенно воевали в лесах?

5. Почему «монголы», вопреки обычаям кочевников, вторглись на Русь зимой?

6. Зачем степным кочевникам понадобилось бессмысленное вторжение в горную Грузию?

7. Почему Лыслов, один из образованнейших людей своего времени, ни единым словом не упоминает о Несторе и «Повести временных лет»? А также о «великой монгольской империи», некогда простиравшейся от Пекина до Волги?

8. Почему «монголо-татары» — единственный известный в истории кочевой народ, за считанные годы обучившийся обращению с самой сложной военной техникой того времени, а также взятию городов?

9. Почему многие русские и западные историки настойчиво твердят о принадлежности половцев и татар к европейцам, к славянам, к оседлым народам?

10. Почему действия Батыя почти во всем повторяют действия Всеволода Большое Гнездо?

11. Почему татары, столь благожелательно относившиеся к христианству (и сами в значительном числе христиане), казнили русских князей за «оскорбление языческих обрядов»?

12. Почему Батый передоверил представлять свою персону на важнейшем ордынском мероприятии, выборах великого кагана, одному из множества покоренных им мелких удельных князьков?

13. Почему «ордынские вельможи» сплошь и рядом занимаются исключительно русскими делами?

14. Почему «жадные до добычи татары», озабоченные в первую очередь грабежом, теряли долгие недели на осаду крохотных бедных городков вроде Козельска, но так никогда и не потревожили богатейшие Смоленск с Новгородом?

15. Почему татары, вторгшиеся в Европу, воевали только с теми странами, что поддерживали папу в конфликте меж папой и германским императором?

Почему татары, якобы терпимые ко всем религиям, так нелюбезно встречали посланцев папы?

16. Что заставило татар вместо равнинной Германии, где гораздо удобнее действовать коннице, повернуть в гористую и гораздо более бедную Хорватию?

17. Почему Даниил Галицкий, «воюя против татар», разорял и жег исключительно русские города?

18. Почему Даниил Галицкий за двадцать шесть лет так ни разу и не попытался найти среди русских князей союзников в борьбе с татарами?

19. Почему «ордынские мурзы» сплошь и рядом носили русские, христианские имена?

20. Почему баскаки появились в русских городах только через 19 лет (а то и 21 год) после завоевания Руси?

21. Куда исчезла со смертью Батыя великая империя, якобы простиравшаяся от Волги до китайских морей? Где ее архивы, добыча, дворцы, крепости, потомки многочисленных пленников?

22. Почему во время «Батыева нашествия» не пострадал ни один церковный иерарх — кроме «чужака» — грека?

23. Как объяснить появление двуглавого орла на монетах Джанибека?

24. Чем объяснить удивительную стойкость легенды о «царстве пресвитера Иоанна», державшейся на Западе более двухсот лет?

25. Почему «ярый насаждатель ислама» Узбек письменно просил православного митрополита молиться за него, его родных, его царство?

26. Почему в «орде Мамай» практически не было татар, а подданные Мамай — определенно оседлый народ?

27. Почему на битву с Ахматом Ивана III пришлось прямо-таки выталкивать с превеликими усилиями?

28. Почему титул «царь» несколько сот лет считался татарским?

29. Почему определение «поганные» комментаторы относят только к татарам, хотя видно, что его употребляли и в отношении русских грабителей?

30. Почему «безобидная марионетка» Симеон Бекбулатович после смерти Грозного подвергся столь жестоким преследованиям?

Подыщите другие логичные и убедительные объяснения — что же, как пел Высоцкий, «вот тогда и приходите, вот тогда поговорим...»

Согласно нынешним законам, любой продаваемый товар должен иметь сертификат качества. Применительно к истории это означает: всякий, пытающийся доказать ту или иную гипотезу, обязан опираться не на компилятивные труды, а на источники.

И, право же, не моя вина, что эти первоисточники при вдумчивом их изучении позволяют выдвигать другие гипотезы — еретические, крамольные, непривычные, однако имеющие право на существование...

ЭПИЛОГ — 2004.

Я так и не получил за восемь лет, прошедших со дня выхода первого издания этой книги, ответа ни на один из тридцати вопросов. И не дождался ничего,

мало-мальски походившего бы на аргументированную критику — выплески интеллигентских эмоций не в счет.

Нашелся, правда, некий профессор загадочных академий Бегунов, который попытался оспорить все, что я написал о загадках «татарского нашествия». Но аргумент у него был один, весьма своеобразный: «монголо-татары» существовали, поскольку... у русского народа есть много былин об Авдотье Рязаночке, «хане Батыге» и прочих Тугаринах Змеевичах.

Ну, что тут скажешь? Руководствуясь подобной логикой, следует посылать экспедицию Академии наук для отыскания костей Змея-Горыныча — о нем тоже немало былин написано...

А если серьезно, то за все прошедшие годы уверенность в том, что я оказался на правильном пути, только укрепилась — потому что «новая хронология» набирает силу, как выразился, пусть и по другому поводу, классик, гремя золотыми подковами по черепакам дураков...

Безусловно, за восемь лет устарело кое-что из моих собственных выводов, но я все же решил оставить прежний текст в неприкосновенности, лишь дополнив его результатами новых разысканий. Наши заблуждения — свидетельство нашего же движения вперед...

Одним словом, я не намерен утверждать, что никаких татар-агрессоров в истории Руси не было вовсе. Пожалуй, ни один русский князь все же не годится в претенденты на роль Батыя — как бы я ни уважал труды Фоменко. А я его уважаю по-прежнему и ценю — но примерно половину его работ, не более...

Итак? За последние годы появилось сразу несколько версий тех событий, что скрывались за примитивной маской «монголо-татарского нашествия».

1. Русские были создателями великой Монгольской империи (Фоменко).
2. «Татарами» в действительности были крестоносцы, пришедшие через Татры (Морозов).
3. То же, но с обширными дополнениями (группа Валянского).
4. Под маской «татар» скрывались византийские императоры, отступившие в Никею после захвата Константинополя крестоносцами (Жабинский).

Менее всего мне верится в гипотезу номер один. Более всего — в последнюю. Однако я попытаюсь если не примирить эти версии, то хотя бы отыскать истину, которая, как водится, где-то рядом.

Так вот, сегодня я считаю, что правы все, но каждый прав не во всем. Само наличие как минимум четырех довольно серьезно аргументированных гипотез позволяет нам вновь и вновь убеждаться, что многовариантность — существует!

«Внешний враг» в лице татар на Русь все же вторгся. Но эти татары, я уверен, не имели ничего общего с мирными скотоводами-монголами. Настоящие татары пришли на Русь не из монгольского далека, а буквально «с того берега», из-за Волги, где, очень похоже, обитали уже давно, задолго до пресловутого «исхода из монгольских степей». Ну, а то, что приснопамятное «иго» было не столь уж жутким, как его обычно малюют, давно подмечено до меня. Одним словом, я верю и в татарский набег, и в Батыя, тюрка, степного князя из Заволжья. Во многое верю — кроме тащившихся с другого конца света монголов. Право же, они славный народ — трудолюбивый, честный. Нисколько не заслуживает тех глупостей, что навесили на них скалигеровцы, а вдобавок запутали реальную

историю средневековья самым фантастическим образом. Сейчас этот клубок разматывают сразу многие, с разных сторон. Истина по-прежнему где-то внутри, мы все, вместе взятые, лишь проясняем отдельные темные места, а посему не нужно торопиться...

Первое. Следует раз и навсегда (во всяком случае, на данном этапе) отказаться от попыток, разрушив оккультистскую скалигеровскую хронологию, вбить на ее место свою версию, как гвоздь в доску.

Второе. Со скалигеровской историей что-то неладно, катастрофически неладно. А потому следует не бить окна поодиночке, а формировать убедительные планы, способные обрушить все здание.

А этого ни за что не добьешься, преподнося свою теорию как единственно верный заменитель прежних бредней...

Третье. Нужно расширять круг специалистов, способных с самой неожиданной стороны нанести удар скалигеровщине.

Тем более что схожие с «новой хронологией» процессы замечены и в других науках, в том числе и среди тех, кои маскируются под «точные». Я планирую в следующем году выпустить еще одну, совершенно новую книгу, посвященную несообразностям, накопившимся в археологии, геологии, антропологии. Не обойду вниманием и пресловутую «теорию Дарвина», придуманную двумя любителями, а как же еще прикажете назвать богослова Чарльза Дарвина и военврача Томаса Гексли?

Но это все — в будущем. А пока — не поговорить ли нам о чем-нибудь завлекательном, столетиями волнующем умы?

К примеру, о драгоценных кладах...